

Обер-прокуроры Святейшего синода в XVIII и в первой половине XIX столетия

профессор Фёдор Васильевич Благовидов

Предисловие

Введение

Предисловие

Обширный и сложный вопрос об отношениях государства к господствующей в России православной церкви, за время двух последних столетий, является очень мало разработанным в нашей исторической литературе. Мы не имеем претензии вполне восполнить этот крупный пробел в существующей литературе и не задаемся целью представить в научно обработанном виде двухвековую историю взаимных отношений русской церкви и государства. О такой широкой постановке вопроса не может быть и речи в специальном исследовании, не желающем ограничиться одной общей характеристикой затрагиваемых им исторических явлений. Наша задача несравненно более скромна; она заключается в детальном научном обследовании только одной из сторон такого обширного и сложного вопроса, а именно – отношений обер-прокуроров св. Синода, как представителей государственной власти, к высшему церковному учреждению, поставленному во главе управления русской церковью.

Вопрос об обер-прокурах св. Синода или, точнее, о том положении, в какое они были поставлены верховной властью по отношению к высшему церковному учреждению, а также и самый исторический процесс постепенных изменений в области взаимных отношений обер-прокуроров и правительствующего Синода не только не разработаны, но даже почти совершенно незатронуты в нашей литературе; между тем, едва ли нужно доказывать, что историческое прошлое синодальных обер-прокуроров, характер их деятельности, их отношения к предоставленным им правам и обязанностям, их столкновения

с членами св. Синода представляют для нас несомненный интерес. Значение, какое имели синодальные обер-прокуроры в церковном управлении в продолжение XVIII века, было далеко не похоже на то, каким они получили возможность пользоваться в первой половине XIX столетия; в то время, как большинство обер-прокуроров XVIII века не располагало сильным влиянием на ход дел в церковном управлении, и наиболее властолюбивые из них должны были выдерживать упорную и продолжительную борьбу с св. Синодом из-за своих стремлений к такому влиянию на деятельность высшего церковного учреждения, – борьбу, далеко не всегда оканчивавшуюся благоприятно для обер-прокуроров, в первой половине XIX столетия представители прокуратуры в церковном управлении встали уже в сильно изменившиеся отношения к Синоду. Значительная перемена в положении синодальных обер-прокуроров, сделавшаяся особенно заметной в XIX столетии, произошла, однако же, не вдруг, под влиянием какого-либо одного высочайшего указа, резко изменившего их права и полномочия, а явилась результатом продолжительного процесса постепенных изменений в области взаимных отношений обер-прокуроров и св. Синода, – изменений, совершавшихся под влиянием очень многих, довольно сложных и глубоких причин.

Нам кажется, что труд, специально посвященный изучению почти совершенно еще не разработанного вопроса о синодальных обер-прокурорах, не будет излишним в исторической литературе.

Но, посвящая свой труд специальному изучению вопроса о синодальных обер-прокурорах, автор считает необходимым оговориться, что предлагаемый опыт исторического исследования, как видно из его пояснительного, добавочного подзаголовка, не представляет собой полной истории обер-прокуроров св. Синода в XVIII и первой половине XIX столетия, а затрагивает и стремится выяснить только один из наиболее важных и интересных вопросов истории синодальной прокуратуры – вопрос о юридических и бытовых отношениях обер-прокуроров к св. Синоду, как высшему церковному учреждению.

Литературный обозреватель «Вестника Европы»¹, констатируя в своей рецензии на первое издание моего труда, что рассматриваемая книга трактует о том, как в первое время устанавливалась синодальная прокуратура, как впоследствии она постепенно развивалась и укреплялась, какие бывали столкновения прокуратуры с членами св. Синода и как, наконец, обер-прокурор, во времена гр. Пратасова, сделался всемогущим распорядителем синодских дел, не без основания заметил, что с историей личных отношений и канцелярских разногласий обер-прокуроров и синодальных членов тесно «связывалась история русской церковной жизни, даже история русской церкви, в ее широких отношениях к... положению... православия и в ближайших влияниях на судьбы просвещения, на жизнь общества и народа». Отмечая, что исследование не касается «этого широкого значения истории Синода», рецензент указывает, как на необходимое следствие такой намеренно суженной постановки обширного вопроса, и на нежелательные для автора результаты его научной работы.

Без сомнения, избранная нами постановка вопроса, сильно суживая предмет и задачу исследования, не могла не оказать известного и притом очень значительного влияния на самую ценность результатов предлагаемой научной работы. Но автор должен был по необходимости примириться с подобной мыслью, так как ознакомившись с положением рассматриваемого вопроса в существующей церковно-исторической литературе и изучив многочисленные и разнообразные данные о синодальной прокуратуре, разбросанные в печатных и архивных первоисточниках, пришел к убеждению, что полная и всесторонняя разработка истории синодальной прокуратуры может быть только делом далекого будущего. Подавляющая масса совершенно не разработанного и даже не опубликованного сырого материала, имеющего отношение к разносторонней деятельности обер-прокуроров св. Синода, и почти полное отсутствие в исторической литературе специальных трудов, посвященных выяснению разнообразных вопросов из истории представителей государственных интересов в высшем церковном учреждении, делают

невозможным удовлетворительное выполнение такой сложной и трудной задачи, какой является обстоятельное, детальное научное исследование всех довольно многочисленных вопросов, тесно связанных с историей синодальных обер-прокуроров.

Вполне понятно, что, при подобном положении затронутого вопроса в существующей литературе, специальные исследования, посвященные изучению истории синодальной прокуратуры, должны по необходимости, в интересах самого дела, иметь монографический характер и, ограничивая свои задачи сравнительно узкими рамками, затрагивать какую-либо одну из сторон сложной истории обер-прокурорского института. И только тогда, когда в церковно-исторической литературе появится целый ряд монографических исследований, посвященных изучению и выяснению различных сторон деятельности обер-прокуроров, сделается возможной и полная, всесторонняя разработка истории синодальной прокуратуры.

Вот почему и автор предлагаемого опыта исторического исследования нашел возможным приступить к изучению и выяснению лишь одной из сторон затронутого вопроса и остановился на более важной и интересной из них – на отношениях обер-прокуроров к св. Синоду, как высшему церковному учреждению. Если же в некоторых местах своего труда автор иногда позволял себе, по-видимому, выходить за пределы намеченной темы, то делал это лишь настолько, насколько такие невольные отступления были необходимы для уяснения главного, основного вопроса.

Введение

Громадное значение, какое имела религия в старое, дореформенное время в жизни русского общества, благоговение московских царей перед православной церковью и несомненное уважение, оказываемое ей представителям со стороны верховной власти, обуславливали собой довольно самостоятельное и независимое положение русской церкви в московском государстве. В лице патриарха, сосредоточивавшего в своих руках главное заведование всеми церковными делами, русское духовенство не только

располагало законными правами высшей власти в пределах церковного управления, но и пользовалось значительным влиянием на жизнь самого государства. Но с конца XVII века и в особенности с начала XVIII столетия, когда, с падением исключительно религиозного склада русской жизни, сильно изменились взгляды правительства на положение церкви и отношения к ней верховной власти, и когда начались обширные преобразования всех сторон народной и государственной жизни, должны были последовать значительные перемены и в организации церковного управления.

Удовлетворяя запросам времени, вызванным естественным ходом развития русского народа и государства, и вполне разделяя стремления лучшей, передовой части современного общества, преобразователь России – император Петр I, принадлежавший к той же передовой общественной группе, в своей реформаторской деятельности не оставил не затронутой ни одной из разнообразных сторон нашей государственной жизни². Рассматривая с общегосударственной точки зрения религиозную жизнь своих подданных, он внес известные преобразования и в систему церковного управления.

Государственная идея, настойчиво проводившаяся Петром в его реформаторской деятельности, заставляла преобразователя смотреть на духовных лиц, стоявших во главе церковного управления, не только как на иерархов, выполнявших свою специальную миссию, но и как на людей, обязанных служить государству в сфере церковной жизни. При таких взглядах на церковную власть и церковное управление, существование обособленного, довольно независимого от светской власти и самостоятельного патриаршего управления русской церковью не могло уже быть желательным явлением в глазах преобразователя. Руководствуясь в отношениях к религиозной стороне жизни своих подданных главным образом государственными, политическими соображениями, Петр и поставил себе целью ослабить сильную церковную власть и уничтожить ее самостоятельность, несовместимую с идеями государственного абсолютизма, прочно усвоенными реформатором и заметно отражавшимися на многих сторонах

его преобразовательной деятельности. Идеи государственного абсолютизма в связи с политической точкой зрения на высшую церковную власть и воображаемыми опасностями, какими, по мнению Петра, мог угрожать самодержавному монарху властный правитель церкви, всегда пользовавшийся громадным влиянием на простой, религиозный народ, побудили преобразователя решиться на коренную реформу русского церковного управления и заменить самостоятельного и независимого патриарха новым учреждением, поставленным в непосредственную зависимость от верховной власти и тесно связанным с общей системой государственной администрации.

Подобный взгляд на действительные побуждения, заставившие преобразователя ввести церковное управление в общую систему администрации, с обязательным подчинением церкви воле самодержавного государя, находит для себя подтверждение и в официальном историческом документе, составленном по поручению самого реформатора его единомышленником и истолкователем, Феофаном Прокоповичем³. Мы имеем в виду известный Духовный Регламент, а именно – тот пункт этого важного исторического документа, где правительство довольно откровенно заявило, какие значительные неудобства создавало для него существование самостоятельного и независимого от государственной власти правителя церкви и какими серьезными опасностями оно могло иногда угрожать государственным интересам.

Простой народ, по словам Регламента⁴, настолько неразвит в политическом отношении, что не понимает различия между властью духовной и самодержавной и под сильным впечатлением величайших почестей, оказываемых единоличному⁵ правителю церкви, воображает, что последний – второй государь, равный самодержцу или даже стоящий выше его. Не трудно понять, к каким опасным последствиям может повести такое положение дел, когда возникнут какие-либо недоразумения между самодержавным государем и единоличным правителем церкви, так как сочувствие народа легко может оказаться на стороне духовного, а не мирского

правителя. Тогда ничто не будет гарантировать государство от опасных бунтов и народных волнений; простой народ, фанатично настроенный в пользу церкви и ее представителей, будет воображать, что, вступаясь за интересы духовного владыки, он ведет борьбу против правительства во имя самого Бога и не только не оскверняет своих рук, но даже освящает их кровью сторонников мирского государя.

«Что ж», замечает составитель Регламента⁶, «когда еще и сам пастырь, таковым о себе надмен мнением, спать не похощет? Изреши трудно, коликое отсюду бедствие бывает». В доказательство полной основательности высказанных соображений и действительного существования серьезной опасности, от которой не может считать себя гарантированным государство при старой системе церковного управления, правительство ссылалось на многочисленные примеры из истории различных государств, где, как, например, в Риме, «папа не точию государство Римское полма пресече и себе великую часть похити, но и иные государства едва не до крайнего разорения не единожды потрясе». Несмотря на всю неприменимость таких исторических примеров к положению патриархов русской церкви, Петр, словами Духовного Регламента, находил возможным утверждать, что и у нас имели место «подобные замахы⁷».

Единственным выходом из нежелательного для государя и воображаемого опасного положения, создаваемого существованием независимого и влиятельного правителя церкви, было внесение коллегиальных начал в сферу высшего церковного управления. С организацией церковного управления на коллегиальных началах, преобразователь получал достаточно оснований раз рассчитывать, что президент духовной коллегии не будет уже «высоко помышляти о себе», да и простой народ потеряет всякие основания, под видом религиозной ревности, оказывать сопротивление мирскому правителю, так как увидит, что коллегиальное церковное правительство установлено верховной властью и, следовательно, наравне со всеми другими государственными

учреждениями находится в одинаковой зависимости от воли самодержавного монарха.

К политическим соображениям Петра, видевшего большие неудобства и даже значительные опасности для государственных интересов в сосредоточении высшей церковной власти в руках одного лица, Регламент присоединял еще и стремление преобразователя уничтожить те многочисленные и разнообразные беспорядки, какие он замечал в духовном ведомстве при господстве старых начал в области церковного управления⁸. Средство к устранению всевозможных беспорядков в разнообразных отраслях государственной жизни было уже найдено реформатором; оно заключалось в последовательном проведении в государственное устройство коллегиальных начал, способных, по мысли преобразователя, уничтожить не только личный произвол, царивший в прежнее время в различных ведомствах, но и беспорядочное, хаотическое состояние старой администрации. Применение найденного и уже испытанного средства к духовному ведомству и обуславливало собой организацию церковного управления на новых коллегиальных началах, в форме духовной коллегии или святейшего Синода.

Но если с введением коллегиальных начал в сферу церковного управления и с заменой древнего патриаршества св. Синодом Петр имел основания считать государство вполне обеспеченным от нежелательных и опасных явлений, побудивших его решиться на крупную церковную реформу, то его стремление к подчинению церковного управления интересам государства не могло еще найти себе полного удовлетворения в произведенной реформе, так как все члены вновь организованной коллегии или св. Синода оказались принадлежащими исключительно только к одному духовному сословию. Между тем, по первоначальному плану реформатора, как можно думать на основании подлинного рукописного экземпляра Духовного Регламента, проектировалось организовать высшее коллегиальное учреждение, поставленное во главе церковного управления, не только из представителей одного духовного сословия, но и из

лиц «мирового чина». Предполагалось составить «коллегиум из таковых лиц, которым отнюдь невозможно тайно всем слатися, сиесть, аще будут лица разного чина и звания: епископы, архимандриты, игумены и от властей белого священства, и что еще к тому опасению угоднейше, аще и от мирского чина присовокуплены будут к духовным честные и благоразумные особы⁹». Очевидно, что намерение правительства – ввести в высшее церковное учреждение, в качестве равноправных членов, мирской, светский элемент – не осталось без достаточно сильных возражений со стороны духовенства, рассматривающего, вместе с сенаторами, и исправлявшего Регламент, уже прочитанный и исправленный самим государем¹⁰, и Петр должен был отказаться от своего первоначального плана.

Поставив во главе церковного управления св. Синод, состоявший из одних духовных особ¹¹ и организованный по типу различных государственных учреждений, уже ранее реформированных Петром, преобразователь, однако же, не мог оставить в бесконтрольном распоряжении нового учреждения порученных ему обширных и важных дел.

Как ни велики были в глазах реформатора преимущества коллегиальной формы правления пред старой системой администрации, все же одни они признавались Петром недостаточными для доведения организации государственного управления до полного и желательного совершенства.

«Велико было доверие Петра к коллегиальной форме», справедливо заметил проф. Градовский в своем исследовании «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры»¹², но еще больше было недоверие его к членам коллегий». Не говоря уже о строгом надзоре за деятельностью членов вновь открытых коллегий, порученном высочайшим указом от 2 июня 1718 года генерал-майору Ягужинскому¹³, не был оставлен без контроля и самый Сенат, который, по идее преобразователя, сосредоточивал в своих руках высшее заведование всем государством. «Сенат», по словам Петровского, специально занимавшегося исследованием вопроса об этом высшем государственном учреждении в

царствование Петра¹⁴, «не всегда удовлетворял государя своей деятельностью. Петру нередко приходилось упрекать Сенат в старых приказных привычках: нерешительности, невнимании к его указам, в исполнении дела только на бумаге, в медленности, в недостаточном понуждении к исполнению сенаторских указов со стороны подчиненных мест и лиц... К этому старому недугу присоединилось еще и другое старое же зло – взяточничество и казнокрадство..., к которому, к сожалению, причастен был и Сенат». При таком личном составе высшего коллегиального правительственного учреждения, располагавшего правом окончательного решения всех государственных дел, Петр чувствовал настоятельную необходимость в учреждении особого, специального надзора за деятельностью Сената, так как он был убежден, что простой переменой наличного персонала Сената невозможно совершенно уничтожить замечаемых в нем многочисленных беспорядков. контроль же над высшим правительственным учреждением, организованным на коллегиальных началах, настойчиво проводимых реформатором во все сферы государственной жизни, преобразователь нашел в личном начале, установившем известную связь между коллегиальными учреждениями и верховной властью.

В первое время в положение контролера над деятельностью высшего коллегиального учреждения был поставлен особый генерал-ревизор, обязанный присутствовать на заседаниях Сената, вести протоколы, наблюдать за точным и своевременным исполнением указов во всем государстве, побуждать самый Сенат к наказанию виновных в несвоевременном исполнении правительственных распоряжений и доносить государю о случаях незаконного отношения сенаторов к виновным¹⁵. Первый опыт правильно организованного личного надзора над высшим коллегиальным учреждением оказался довольно неудачным, но ничтожные практические результаты деятельности генерал-ревизора не разубедили Петра в целесообразности соединения в одно целое личного и коллегиального начал, а только заставили его

произвести перемены в организации надзора за деятельностью Сената.

13-го февраля 1720 года в положение генерал-ревизора был поставлен обер-секретарь Сената, получивший право наблюдать за правильностью и законностью действий сенаторов и непосредственно доносить государю о всех, хотя бы самых малейших, случаях нарушения Сенатом высочайших указов, определявших характер его правительственной деятельности¹⁶.

Не трудно представить себе, в какое неестественное и двусмысленное положение был поставлен Петром новый орган надзора за деятельностью высшего государственного учреждения. Наделенный значительными полномочиями, дававшими ему право наблюдать за ходом сенатских дел, протестовать против незаконных действий сенаторов и лично доносить о них представителю самодержавной власти, обер-секретарь в то же время, по самому характеру своей должности, оставался лицом, несвободным от подчиненных отношений к Сенату. Неудивительно, что обер-секретарь, находившийся в известной зависимости от Сената и, следовательно, имевший некоторые основания опасаться восстанавливать его против себя, в скором же времени успел доказать Петру всю непрактичность и бесполезность его новой меры. Мысль о совмещении прокуратуры с обязанностями секретаря была оставлена преобразователем, как крайне неудачная в практическом отношении, и роль надзирателей за высшим государственным учреждением передана лицам, не находившимся уже в непосредственной зависимости от Сената.

Прокурорские обязанности, так неудачно возложенные на обер-секретаря, временно были поручены штаб-офицерам гвардии, выполнявшим в Сенате свою новую должность ежемесячно и поочередно¹⁷. Но, без сомнения, трудно было ожидать каких-либо полезных практических результатов и от временных поручений обязанностей контролеров и надзирателей различным лицам, совершенно незнакомым с сенатскими делами и, по недостатку времени, не имевшим даже возможности основательно ознакомиться с ними.

Целый ряд практически неудачных опытов применения личного начала к коллегиальному устройству высшего государственного учреждения в 1722 году закончился, наконец, введением более прочного и совершенного института прокуратуры, когда надзор за деятельностью Сената был поручен особому генерал-прокурору, наделенному довольно широкими полномочиями. По идее, положенной в основу организации прокуратуры, Петр, создавая новую должность генерал-прокурора и, наделяя его значительными правами, не задавался целью понизить значение Сената и отнять у своего любимого учреждения часть предоставленной ему власти, так как мы не имеем никаких оснований утверждать, что преобразователь, вызывая к жизни новое систематическое учреждение прокуратуры, построенное на старых личных началах, хотел тем самым принести свое же собственное коллегиальное устройство России в жертву прежнему личному управлению. Он думал не об искажении своего высшего государственного учреждения, а об его улучшении, и стремился не к превращению Сената в безжизненное коллегиальное учреждение, лишенное самостоятельности и подчиненное представителю личного управления, а к оживлению самой деятельности Сената. Являясь личным органом, находившимся в непосредственных отношениях с верховной властью, генерал-прокурор, по мысли реформатора, должен был доставлять государю легкую возможность всегда иметь самые достоверные сведения о том, как высшее коллегиальное учреждение выполняет порученное ему дело управления государством; воплощая в себе личное начало, высший представитель прокуратуры должен был играть роль не на какого-либо совершенно особого, отдельного института, действующего подавляющим образом на самостоятельность Сената, а только лишь своеобразного дополнения к коллегиально организованному Сенату. Своеобразное же дополнение в коллегиальной организации управления было сделано преобразователем с той целью, чтобы введением в высшее государственное учреждение органа личного управления

уничтожить разнообразные несовершенства и недостатки, замеченные в деятельности Сената.

Такой взгляд на цели и задачи, преследовавшиеся Петром при введении прокуратуры в коллегиальную систему государственного управления, и на то назначение, какое должен был выполнять в Сенате генерал-прокурор, вполне подтверждается высочайшими указами от 27 апреля 1722 года «о должности Сената»¹⁸ и генерал-прокурора¹⁹. Сделанный непосредственным начальником сенатской канцелярии²⁰ генерал-прокурор, в силу высочайшей инструкции от 27 апреля 1722 года, должен был внимательно наблюдать за ходом сенатского делопроизводства, следить за предписываемой регламентами и законами быстротой в рассматривании и решении дел и заботиться о том, чтобы правильность и законность в деятельности Сената не ограничивались только пределами одной канцелярии, а и проникали бы в самую жизнь²¹. Названный «оком» представителя верховной власти²², генерал-прокурор был обязан «накрепко» смотреть, чтобы Сенат в своей правительственной деятельности всегда руководствовался существующими законами и ни в чем не отступал от действительного смысла высочайших указов. В случаях неправильного понимания Сенатом действующих законов, он должен был разъяснить ему их настоящий смысл и значение и требовать изменения незаконного постановления; при непослушании же сенаторов генерал-прокурор располагал правом заявить свой протест, приостановить дальнейшее производство начатого дела и немедленно донести государю о происшедшем²³. Не ограничиваясь простой, простой и пассивной ролью «государева ока», т. е. лишенного собственной инициативы наблюдателя за правильностью канцелярского делопроизводства и законностью деятельности Сената, генерал-прокурор, сделанный «стряпчим о делах государственных»²⁴, в силу данной ему высочайшей инструкции, имел возможность предлагать Сенату обсуждение таких вопросов, на которые, по его мнению, не существовало достаточно ясных ответов в действующем законодательстве²⁵ правда, генерал-прокурор не имел права принимать живое и

непосредственное участие в обсуждении и решении возбуждаемых им законодательных вопросов, но, по самому положению своему, он был прямо обязан заботиться о направлении законодательной деятельности Сената в интересах государства, как их понимал сам же генерал-прокурор.

Наученный неудачным опытом вручения надзора за деятельностью высшего государственного учреждения его собственному обер-секретарю, находившемуся, по самому характеру подобной должности, в значительной зависимости от Сената, Петр поставил генерал-прокурора в совершенно самостоятельное положение, подчинив его суду одной только верховной власти²⁶. Но, наделяя генерал-прокурора довольно обширными правами и, в интересах порученного ему дела, совершенно освобождая его от влияния высшего государственного учреждения, преобразователь не имел никакого намерения принести коллегиальные начала, положенные в основу организации Сената, в жертву личному началу, воплощенному в должности генерал-прокурора; это не трудно видеть из того же 9-го пункта именного указа о должности генерал-прокурора, где, за отсутствием государя, в случае какого-либо тяжелого преступления генерала-прокурора, Сенату предоставлялось право арестовать своего прокурора и произвести расследование дела об его преступлении, не подвергая, однако же, виновного никаким наказаниям и пыткам, а сами обязанности прокурорского надзора поручить другому лицу. По первоначальному же плану организации прокуратуры, преобразователь имел намерение наделить Сенат правом выбора генерал-прокурора и представления его на высочайшее утверждение не только в таких исключительных случаях, но даже и при обыкновенном, нормальном положении дел²⁷. Правда, последнее намерение Петра не было осуществлено в практической жизни, так как Сенат, насколько известно, не пользовался таким важным правом, и генерал-прокуроры избиралась и назначались самим государем, но, во всяком случае, самый факт подобного распоряжения говорит за то, что реформатор был слишком далек от мысли о сильном развитии

единоличной власти генерал-прокуроров в ущерб правам коллегиально организованного Сената.

Знакомство с организацией прокуратуры в сфере гражданского управления имеет для нас очень важное значение, так как реформы, произведенные Петром в области церковной администрации, не стояли каким-либо особняком от общегосударственных преобразований, а находились с ними в самой тесной и неразрывной органической связи, и хотя были вызваны не столько одинаковыми побуждениями, сколько особыми политическими соображениями преобразователя, но оказались основанными на одних и тех же началах.

В своем манифесте о церковной реформе, состоявшей в замене патриаршего управления синодальным²⁸, Петр заявил, что, заботясь об улучшении государственного и общественного устройства и видя многочисленные недостатки в церковной администрации, он чувствует себя обязанным произвести такие же преобразования и улучшения в области духовного управления, какие уже произведены им в сфере гражданской и военной жизни. Самым же лучшим и верным средством к устранению многочисленных беспорядков, замечаемых преобразователем в духовном ведомстве, манифест признавал организацию церковного управления на тех самых коллегиальных началах, которые, по мнению реформатора, с таким успехом уже были применены к различным отраслям общегосударственного управления.

Под влиянием подобных соображений преобразователь своим манифестом и поставил во главе церковного управления духовную коллегию, поручив ей заведование всеми делами в русской церкви на основании специально написанного для нее Регламента и обязав своих подданных относиться к новому учреждению и повиноваться его распоряжениям также, как они были обязаны повиноваться распоряжениям остальных коллегий²⁹. В Регламенте или «Уставе Духовной Коллегии», обнародованном вместе с манифестом, новый орган высшего церковного управления вполне ясно и определенно был приравнен к Петровским коллегиям, заведовавшим различными отраслями государственной жизни³⁰.

Но в первом же заседании духовной коллегии ее члены признали крайне неудобным и несправедливым то второстепенное положение, в какое первоначально хотел поставить Петр высший орган церковной власти в общей системе государственного управления, приравняв его к остальным коллегиям, и стали убедительно доказывать, что «Духовное Соборное Правительство», как прямой преемник полномочий патриарха, ни откуда ни получавшего указов, должно стоять наряду не с простыми коллегиями, подчиненными Сенату, а с самым высшим государственным учреждением³¹. Преобразователь не оставил без внимания заявления членов духовной коллегии и их недовольства предоставленной высшему органу церковного управления ролью второстепенного государственного учреждения. В своей резолюции на первый доклад вновь организованного учреждения Петр, позволяя духовной коллегии называться святейшим правительствующим Синодом, определил характер отношений Синода к различным государственным учреждениям, выделив его из ряда коллегий и предписав ему относиться к последним не как к равным себе органам власти, а так, как относится к ним Сенат, с самим же Сенатом сноситься простыми ведениями, на правах равного высшего государственного учреждения³².

Автор документальной статьи о святейшем Синоде, составленной на основании необнародованных материалов, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции³³ стремится доказать, что, несмотря на изменение первоначального положения Синода в ряду других органов государственного управления, высшее церковное учреждение и после высочайшей резолюции 14 февраля 1721 года, поставившей его выше коллегий и приравнявшей к Сенату, в действительности не располагало правами, превышавшими полномочия простых коллегий. «Равенство Синода с Сенатом», говорит он³⁴, «было только кажущееся; оно являлось лишь внешним титулом, без сущности полномочий». Сенат во время Петра, по его словам³⁵, был полномочным органом по управлению делами государства, был тем же, чем впоследствии

явились Верховный Тайный Совет и Кабинет. Это был высший и главный центр, где начиналось дело строения государства и управления. При существовании же такого органа государственного управления преобразователю, по мнению автора, не представлялось никакой необходимости создавать рядом с ним другой, по сущности полномочий совершенно ему равный, хотя бы только для заведования одними церковными делами. В то время духовная область, замечает он, не составляла какого-нибудь особенного организма, существующего отдельно от государства. Церковь существовала в государстве и служила ему наравне с другими элементами, входившими в его состав. Кроме того, духовная область не имела строго очерченных границ, в которых была бы замкнута ее жизнь, так как церковь не чуждалась и мирских, светских интересов, и Сенат, по необходимости, должен был входить со своей властью в эту духовную область, где имело место множество дел и интересов число (чисто?) государственных. Следовательно, заключает автор цитируемой статьи, если бы преобразователь, создавая для управления духовными делами новый орган, наделил его полномочиями высшего, самовластно и независимо действующего органа, каким был Сенат, то он допустил бы в одну область двоих равносильных правителей, что погубило бы самое дело. Таким образом, для блага самого государства преобразователю невозможно было наделить Синод такой властью, какой он наделил Сенат.

Но сам же автор отмеченной статьи, разбираясь в многочисленных и разнохарактерных материалах, имеющих отношение к вопросу о взаимных отношениях Синода и Сената, чувствует себя вынужденным признаться, что в то время, как одни источники побуждают его утверждать, что Синод по своим полномочиям стоял не выше коллегий и находился, если не в прямом гласном подчинении у Сената, то в косвенной зависимости от него, как органа главенствующего во всем государстве и нередко входившего со своею властью и в область синодальную, то другие документы прямо противоречат высказываемому им мнению. Последнего рода источники

несомненно указывают на то, что в духовных делах Синод располагал такой же силой и пользовался такой же честью, какие Сенат имел в делах гражданских, т. е. в сфере светского управления, и что, следовательно, по своим полномочиям, Синод обладал равенством с Сенатом, был органом, не подчиненным никому другому, кроме воли одного представителя верховной власти³⁶.

И действительно, мысль о полном равенстве двух высших государственных учреждений³⁷ в отведенной им сфере деятельности, не совсем еще определенно высказанная в высочайшей резолюции от 14 февраля 1721 года, где Синоду предписывалось сноситься с Сенатом простыми ведениями, а в коллегии обращаться с указами, была в скором времени вполне ясно и точно выражена самим Петром; «понеже», писал он 12 апреля 1722 года³⁸, «Синод в духовном деле равную власть имеет, как Сенат в гражданском, того ради респект и послушание равное отдавать надлежит и за преступление наказание». Как орган высшего церковного управления, располагавший в своей сфере равными с Сенатом полномочиями, Синод, также как и Сенат, был наделен преобразователем правом инициативы в составлении новых законов³⁹. Правда, он не мог самостоятельно опубликовать свои новые законы, без предварительного рассмотрения и утверждения их со стороны верховной власти⁴⁰, но в такое же положение по отношению к самодержавной власти был поставлен и Сенат, что признает и автор рассматриваемой статьи.

Доказательства существенного различия в полномочиях Синода и Сената он видит, однако же, в неодинаковых способах представления на обсуждение верховной власти сенатских и синодских законодательных проектов. «Сенат стоял в ближайших отношениях к государю», аргументирует автор⁴¹, «государь весьма часто присутствовал в Сенате. Совсем иное было положение Синода. Все его , «докладные пункты» не миновали Сената; они подавались государю большею частью через Сенат и обсуждались монархом совместно с Сенатом, без участия Синода... Из документов видно, что государь только

один раз обсуждал синодские докладные пункты вместе с самим Синодом». Такие факты очевидного предпочтения Сената перед Синодом и большего доверия к первому со стороны верховной власти и заставляют автора находить несомненной не совсем верную мысль, что государь только Сенат считал высшим органом государственного управления и признавал его единственным помощником в своих законодательных работах⁴².

Бликие отношения и большее доверие государя к Сенату и факты почти постоянного участия последнего в обсуждении докладных пунктов или законодательных проектов Синода не подлежат никакому сомнению, но они еще далеко не подтверждают безошибочности выводов автора и не могут убедить нас, что Петр исключительно только один Сенат признавал своим помощником в законодательных работах. Явное предпочтение преобразователем Сената пред Синодом, выражавшееся в частых случаях личного присутствия государя на сенатских заседаниях, обуславливалось, как нам кажется, не тем, что Петр только один Сенат считал высшим государственным учреждением и своим помощником в законодательной деятельности, а тем, что общегосударственные дела, находившиеся в ведении Сената, без сомнения, несравненно больше интересовали преобразователя, чем узко-специальные церковные дела, порученные высшему органу духовного управления.

Сравнительно большее доверие, каким предпочтительно перед Синодом пользовался Сенат в глазах представителя верховной власти, могло находиться в значительной зависимости от характера отношений Петра ко всему вообще духовенству, как сословию, далеко не вполне расположенному к его реформам и даже находившемуся в глухой оппозиции к ним.

Наконец, многочисленные случаи участия Сената в обсуждении законодательных проектов Синода, представлявшихся на высочайшее усмотрение, и почти полное отсутствие фактов противоположного характера всего проще и естественнее объясняются самым свойством и характером дел, непосредственно входивших в круг ведомства Синода и Сената.

Жизнь русской церкви, не чуждой и мирских интересов, хотя и находилась в ведении своего собственного высшего специального органа управления, но в то же время во многих отношениях стояла в самой тесной и неразрывной связи с общим течением государственной жизни, порученным заведованию другого высшего государственного учреждения – Сената. Неудивительно, что, при существовании подобных условий, почти каждая общая законодательная мера, проектировавшаяся Синодом, обязательно затрагивала и интересы гражданского ведомства, находившегося в ведении Сената, а при таком положении дел участие Сената в предварительном обсуждении законодательных синодальных проектов должно было признаваться государем не только полезным, но, в некоторых случаях, и положительно необходимым.

Между тем, аналогичное же участие Синода в предварительном обсуждении сенатских законодательных проектов, в большинстве случаев, было бы совершенно неуместным и бесполезным, так как громадная масса сенатских дел не имела ничего общего с интересами церкви, и Синод оказался бы совершенно некомпетентным и бесполезным в обсуждении подобных дел. Конечно, иногда и в практике сенатского управления могли возникать такие вопросы, которые были небезразличны для интересов церкви и так или иначе затрагивали некоторые стороны общественной и государственной жизни, входившие уже в сферу компетенции св. Синода. Но в таких, сравнительно редких, случаях и Сенат обязан был предварительно сноситься с Синодом и уже только после совместного обсуждения подобных законопроектов мог представлять их на утверждение верховной власти, или же, за отсутствием государя, публиковать их в виде обязательных законов. Когда Синод в одном из своих «докладных пунктов» обратил внимание государя на полезность совместного обсуждения некоторых вопросов со стороны Сената и Синода, то Петр, поставив и то и другое высшее государственное учреждение в одинаковые отношения к верховной власти,

признал вполне законным и обязательным проектированный Синодом порядок обсуждения и решения подобных дел⁴³.

Мы довольно подробно рассмотрели взгляды автора отмеченной документальной статьи о св. Синоде, так как то или другое определение положения, в какое поставил преобразователь высший орган церковной власти в общей системе государственного управления, далеко небезразлично для нашей цели. Правда, существует не мало несомненных документальных данных, которые говорят, что вновь организованное высшее учреждение, по своим полномочиям приравненное к Сенату, в практической жизни не всегда и не во всем стояло на одинаковой высоте с ним. Сенат, привыкнув в прежнее время довольно полновластно распоряжаться всеми государственными делами, не исключая и церковных, как бы намеренно не желал понять действительного значения реформы Петра в церковном управлении и часто пользовался всевозможными благоприятными случаями, чтобы так или иначе поставить Синод ниже себя. Но всем подобного рода фактам уже невозможно придавать особенно важного значения; они, в большинстве случаев, говорят только о незаконных стремлениях Сената, нередко встречавшего энергичный отпор со стороны Синода, ревниво оберегавшего свои обширные права самостоятельного и независимого высшего церковного учреждения, никому не подчиненного, кроме одной верховной власти. Для нашей же цели имеет значение правильное, обоснованное на достаточном количестве документальных данных, определение того юридического положения, какое было отведено Синоду представителем верховной власти в общей системе государственного управления.

Поставив во главе духовного ведомства св. Синод, наделенный такими же обширными правами и полномочиями в отведенной ему сфере деятельности, какими располагал приветствующий Сенат, и организованный на одинаковых с ним коллегиальных началах, Петр должен был и относиться к высшему церковному учреждению также, как он относился к Сенату. Говоря о преобразованиях, произведенных Петром в высшем государственном управлении, мы уже имели случай

заметить, что, как ни велики были в глазах реформатора преимущества коллегиальной формы правления перед старой системой администрации, основанной на личном начале, все же одни они не признавались вполне достаточной гарантией от возможных злоупотреблений новой администрации. Глубоко доверяя коллегиальной форме правления и ставя ее несравненно выше системы администрации, основанной на личном начале, преобразователь в то же время, как это ни странно кажется с первого взгляда, сильно не доверял самым членам коллегиальных учреждений. Личный состав коллегиально организованного Сената и характер деятельности его членов, часто заявлявших себя неопытностью, небрежностью в исполнении своих обязанностей или даже позволявших себе прямое нарушение законов и злоупотребление своим положением, поддерживали и усиливали в преобразователе недоверие к членам высшего государственного учреждения. Выход из затруднительного положения, созданного глубоким убеждением в громадных преимуществах коллегиальной системы управления и признанием несомненного факта существования различных недостатков в государственной и общественной жизни, являвшихся практическим результатом функционирования подобной системы, Петр, как нам уже известно, думал найти в привнесении личного начала в коллегиально организованный Сенат и в своеобразном сочетании двух различных начал. Личное начало и было введено реформатором в коллегиальный Сенат в форме института прокуратуры, неразрывно связанного с высшим государственным учреждением.

Часть Первая

Глава I. Назначение обер-прокурора в св. Синод

Отмеченные нами явления имели место и в истории отношений верховной власти к другому высшему учреждению, поставленному во главе управления русской церковью. Как в гражданском управлении коллегиальные начала, положенные в основу организации Сената, не уничтожали собой возможности различных нежелательных явлений, которые и заставили преобразователя организовать постоянный надзор и контроль за деятельностью Сената, так и в области церковной жизни, с учреждением св. Синода, государство, по мысли реформатора, далеко еще не могло считать себя вполне обеспеченным от нежелательного характера деятельности нового органа церковного управления. Мы уже говорили, что насколько было велико доверие Петра к коллегиальной форме правления, настолько же, если еще не более, было велико его недоверие к самим членам коллегий. Несомненно, что такое же недоверие существовало у государя и по отношению к членам высшего церковного учреждения⁴⁴ – недоверие, по всей вероятности, даже более сильное, чем к членам Сената: последние, хотя и злоупотребляли своим положением, позволяя себе, напр., взяточничество, но, во всяком случае, в глазах Петра никогда не стояли на стороне лиц, несочувственно отпросившихся к его реформаторской деятельности, тогда как все члены Синода принадлежали к духовному сословию, а духовенство, по мнению преобразователя, далеко несочувственно относилось к нему и даже находилось в скрытой оппозиции к его реформам.

Наряду с одинаковыми причинами и побуждениями, заставлявшими реформатора относиться к деятельности высшего церковного учреждения с таким же недоверием, с каким он относился к деятельности Сената, свободного от постоянного правительственного надзора, характер отношений Петра к новому органу церковного управления находился в сильной зависимости и от тех идей государственного абсолютизма, о которых мы уже говорили, как об одной из главных причин, побудивших правительство заменить древнее

патриаршество св. Синодом. Отказавшись от своего первоначального намерения ввести в наличный состав высшего церковного учреждения, чуждый духовенству, светский, мирской элемент, преобразователь, в то же время, не мог оставить вновь организованное церковное управление в бесконтрольном распоряжении одних представителей духовного сословия. Правда, он смотрел на членов св. Синода не только с церковной, но и с государственной точки зрения и рассматривал их, как лиц, состоящих на службе не одной церкви, а и самому государю; назначая в состав членов высшего церковного учреждения различных духовных лиц, реформатор обязывал их давать торжественную клятву исповедовать «крайнего Судию Духовные Коллегии быти Самого Всероссийского Монарха» и «стараться споспешествовать всему, что к Его Царского Величества верной службе и пользе во всяких случаях касаться может, о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке... не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися»⁴⁵. Но, без сомнения, в глазах Петра одни торжественные клятвы членов св. Синода не могли служить достаточно прочной гарантией, желательного для интересов государства, характера правительственной деятельности высшего церковного учреждения.

При таких отношениях верховной власти к св. Синоду, последний, также как и Сенат, не мог быть предоставлен самому себе в порученной ему сфере правительственной деятельности; преобразователь, не имевший возможности всегда лично присутствовать на заседаниях Синода и далеко не во всем доверявший его членам, чувствовал настоятельную необходимость в учреждении постоянного надзора и правильно организованного контроля за деятельностью нового высшего органа церковного управления. Организация такого постоянного надзора являлась тем более необходимой, по мнению практичного Петра, что в ведение св. Синода, с соизволения государственной власти, были переданы самые интересные для реформатора экономические дела духовного ведомства. Создавать какое-либо новое учреждение для целей подобного надзора, или же производить радикальные изменения в самой

организации Синода не представляло никакой необходимости; идея прокуратуры для коллегиальных учреждений была уже готова и даже получила практическое применение в правительствующем Сенате, где личное начало, в лице генерал-прокурора, должно было соединяться с правильностью и независимостью коллегиального устройства, не подавляя его, а лишь только устанавливая желательную для преобразователя связь между верховной властью и Сенатом. Идея прокуратуры в той форме, в какой она уже применялась к Сенату в лице его генерал-прокурора, и была целиком перенесена Петром в область церковного управления.

В применении к св. Синоду институт прокурорского надзора за деятельностью высших учреждений выразился в новой должности синодального обер-прокурора, наделенного теми же самыми правами и полномочиями, какими пользовался генерал-прокурор правительствующего Сената, и поставленного в такие же отношения к верховной власти и к порученному его надзору церковному учреждению, в каких находился сенатский генерал-прокурор. Высочайшим указом от 11 мая 1722 года Петр, не разрушая и даже не желая ослаблять новых начал, положенных в основу организации высшего церковного управления, ввел в св. Синод специальный орган правительственного надзора, в лице синодального обер-прокурора, поставленного в ближайшие отношения к верховной власти⁴⁶.

Вручая контроль за деятельностью Синода новому органу прокуратуры, преобразователь даже не нашел нужным вырабатывать для него особой инструкции и признал вполне достаточной для определения его прав и обязанностей уже готовую инструкцию генерал-прокурора, почему избранный государем 11 мая 1722 года⁴⁷, первый синодальный обер-прокурор, полковник Иван Васильевич Болтин, и получил в свое руководство почти дословную копию с генерал-прокурорского наказа, с простой заменой названий самой должности и высшего государственного учреждения⁴⁸. Даже названия низших органов надзора, подчиненных генерал-прокурору Сената, в обер-прокурорской инструкции остались те же самые, что и в генерал-прокурорской, хотя в синодальном ведомстве они и

были известны под другими именами. В исторической литературе⁴⁹ уже была высказана правдоподобная догадка, что последняя, довольно странная, особенность обер-прокурорского наказа обуславливалась невнимательным отношением дьяка или подьячего Сената к порученному ему делу составления инструкции. Получив приказание составить новую инструкцию сообразно с генерал-прокурорской, какой-нибудь сенатский дьяк, по всей вероятности, не совсем правильно понял подобное приказание и списал инструкцию почти слово в слово с данного ему наказа генерал-прокурора, не потрудившись даже применить ее к особому положению синодального обер-прокурора и назвать в ней, вместо чиновников, подчиненных генерал-прокурору, низшие органы надзора, существовавшие в духовном ведомстве.

По-видимому, подобное предположение не устраняет всех недоразумений, вызываемых существованием в обер-прокурорской инструкции некоторых пунктов, совершенно неприменимых к представителю прокуратуры в синодальном ведомстве⁵⁰. Действительно, трудно допустить, чтобы сенатский дьяк, получивший приказание написать инструкцию синодальному обер-прокурору, «применяясь» к инструкции генерал-прокурора, не понимал смысла и значения употребительного канцелярского выражения «применяясь» и отождествлял составление канцелярских бумаг применительно к какому-либо образцу с простым копированием готовых документов; не менее странным представляется и то, что сенаторы и сенатские чиновники, подписавшие, за отсутствием государя, подлинную обер-прокурорскую инструкцию, не заметили в ней присутствия нескольких пунктов, имевших отношение к сенатскому генерал-прокурору, а не к обер-прокурору св. Синода. Но необходимо заметить, что обер-прокурорская инструкция не представляла собой буквальной копии с генерал-прокурорского наказа, и составитель инструкции, переписывая генерал-прокурорский наказ, сделал в нем главные, необходимые изменения, применяясь к особому положению представителя прокуратуры в синодальном ведомстве, т. е. заменил слова: генерал-прокурор и Сенат

словами: обер-прокурор и Синод, а во-вторых, нет ничего невероятного, что Сенат, обремененный, во время отсутствия государя, массой всевозможных государственных дел, отнесся без должного внимания к возложенной на него обязанности составления инструкции синодальному обер-прокурору.

4 июля 1722 года⁵¹ в заседании св. Синода было заслушано сенатское ведение, где сообщалось, что 11 мая того же года государь, присутствуя в Сенате, определил учредить в правительствующем Синоде особую должность обер-прокурора и назначил для отправления новых прокурорских обязанностей полковника Ивана Васильевича Болтина, приказав дать ему в руководство такую же инструкцию, какой должен был руководиться в своей деятельности генерал-прокурор. Сообщая о высочайшем повелении, Сенат в то же время доводил до сведения Синода, что полковник Болтин уже заслушал указ о своем назначении, получил инструкцию, подписанную, за отсутствием государя, сенаторами, и приведен к установленной присяге⁵².

В многочисленных и разнообразных документах и делах, хранящихся в синодальном архиве, не встречается ни малейшего указания и намек на то, как отнесся Синод, в лице своих членов, к известию о новой и в высшей степени важной для него правительственной мере. Из цитированного дела, имеющего прямое отношение к определению Болтина синодальным обер-прокурором, видно, что св. Синод на сенатское ведение ответил простым постановлением о вступлении в должность назначенного государем обер-прокурора и обратился к Сенату с просьбой прислать в Синод копии с присяги, принятой Болтиным, и с данной ему инструкции⁵³. Можно только предполагать, на основании некоторых не прямых, но косвенных данных, что члены Синода не видели большой и серьезной опасности для самостоятельности и независимости высшего церковного учреждения от введения в его организацию новой должности обер-прокурора. По крайней мере, когда в высочайшем манифесте об учреждении духовной коллегии высший орган церковного управления был приравнен к простым коллегиям,

подчиненным правительствующему Сенату, св. Синод, как нам уже известно, в первом же заседании признал крайне неудобным и несправедливым то второстепенное, несамостоятельное положение, в какое хотел первоначально поставить его Петр в общей системе государственного управления, и настолько успешно и убедительно доказывал необходимость приравнять духовную коллегию к высшему государственному учреждению – Сенату, ни от кого не зависевшему, кроме одной верховной власти, что преобразователь должен был уступить доводам членов вновь организованного церковного учреждения. Между тем, известие о назначении обер-прокурора, наделенного довольно широкими правами и полномочиями⁵⁴, по-видимому, не вызвало в членах Синода никаких серьезных и сильных опасений, так как они, выслушав сенатское ведение, тотчас же сделали согласное с ним постановление и только предложили Сенату прислать им копию с обер-прокурорской инструкции.

Права и обязанности обер-прокурора

Права и полномочия, какими верховная власть наделила назначенного в св. Синод представителя и защитника государственных интересов в церковном управлении, были, действительно, очень немаловажны и довольно обширны, но по идее преобразователя, они нисколько не возвышали обер-прокурора над самым учреждением, а тем более не должны были доставлять ему возможность действовать подавляющим образом на самостоятельность и независимость св. Синода. Поставленный государем в положении его уполномоченного⁵⁵, никому неподсудного, кроме одной верховной власти⁵⁶, обер-прокурор должен был «накрепко смотреть»⁵⁷ за разнообразной деятельностью св. Синода. Инструкция вменяла ему в обязанность постоянно присутствовать на заседаниях Синода и внимательно наблюдать, чтобы высшее церковное учреждение строго соотносилось в своей деятельности с высочайшими указами и регламентами и ни в каком случае не позволяло бы себе излишней медленности в ведении и решении дел. Но так как действительные интересы закона далеко не всегда могли удовлетворяться одной формальной, канцелярской правильностью синодального делопроизводства, то инструкция поручала обер-прокурору, не ограничивая свой надзор только пределами канцелярии, строго смотреть и затем, чтобы все распоряжения и указы Синода, по возможности, немедленно рассылались по подчиненным инстанциям и в точности исполнялись ими, для чего и предписывала ему отмечать в особом журнале день издания каждого указа и время его исполнения, или же, в случае неисполнения синодального распоряжения, объяснять причины, обуславливавшие собой подобную неисправность⁵⁸.

Отступления членов Синода от точного исполнения действовавших законов, а тем более явное отсутствие беспристрастия в решении каких-либо дел, позволяли обер-прокурору, как строгому блюстителю законности, вмешиваться в самую деятельность высшего церковного учреждения. В таких

случаях, обер-прокурор, в силу данного ему наказа, был обязан немедленно разъяснить Синоду, в чем его члены поступают несогласно с действительными требованиями закона, и «предложить» высшему органу церковного управления произвести известные изменения в своем постановлении⁵⁹. Нежелание синодальных членов отступить от раз принятого решения и подчиниться указаниям обер-прокурора давало последнему право опротестовать постановление Синода, приостановить дальнейшее движение самого дела и обо всем случившемся немедленно довести государю, если того требовали спешность и важность дела, или же доложить о своем столкновении с Синодом при ближайшем, удобном случае.

Как высший орган прокурорского надзора, поставленный во главе целого института прокуратуры, обер-прокурор не только должен был наблюдать за деятельностью фискалов и прокуроров, но и располагал правом, предлагая их доношения на обсуждении св. Синода, побуждать последний не оставлять без должного внимания сообщений различных органов прокурорского и инквизиторского надзора⁶⁰. Вместе с низшими представителями надзора в церковном ведомстве инструкция ставила в подчиненные отношения к обер-прокурору и самые органы синодального делопроизводства, поручая его управлению канцелярию св. Синода⁶¹.

Являясь «директором» синодальной канцелярии, имея под своим начальством прокуроров, наблюдая за инквизиторами и располагая широкими полномочиями не только контролировать деятельность высшего церковного учреждения, но, при случае, и оказывать известное влияние на членов Синода, побуждая их строго исполнять требования закона или даже изменять свои неправильные постановления, обер-прокурор был наделен еще одним довольно важным правом. Инструкция не ставила синодального обер-прокурора в положение простого, совершенно пассивного наблюдателя за правильным и законным ходом дел в высшем церковном учреждении; правда, предписывая обер-прокурору постоянно присутствовать в заседаниях св. Синода и «накрепко смотреть» за его

правительственной деятельностью, верховная власть не уполномочивала прокуратуру принимать непосредственное участие в самом обсуждении и решении синодальных дел, но в то же время инструкция вменяла в обязанность обер-прокурору, по собственной инициативе, предлагать на рассмотрение и решение Синода такие вопросы, на которые не существовало достаточно ясных и определенных ответов в действовавшем законодательстве.

Необходимо, однако, заметить, что, по данному вопросу, в исторической литературе встречаются и мнения, будто бы «первоначально по инструкции обер-прокурор в Синоде имел значение только наблюдателя»⁶². Подобный взгляд на роль, отводимую инструкцией синодальному обер-прокурору в высшем церковном управлении, не совсем подтверждается самым обер-прокурорским наказом, где верховная власть называет своего представителя в св. Синоде «оком» государя и «стряпчим о делах государственных»⁶³ и находится в некотором противоречии с 10-м пунктом той же инструкции; «о которых делах указами ясно не изъяснено», читаем здесь о правах и обязанностях обер-прокурора, «о тех предлагать Синоду, чтобы учинили на те дела ясные указы... И ежели в пополнение сей инструкции что усмотрит, о том доносить же». Название синодального обер-прокурора «стряпчим о делах государственных», при всей своей неопределенности⁶⁴, в связи с прямым и естественным смыслом 10-го пункта рассматриваемой инструкции позволяет нам утверждать, что верховная власть, назначая в св. Синод свое «око» вменяла ему в обязанность оберегать интересы государства в делах высшего церковного учреждения и, по собственной инициативе, проводить в синодальном ведомстве, конечно через посредство самих же членов св. Синода, различные мероприятия, вызывавшиеся нуждами и пользой государства. Если обер-прокурор находил, что интересы государства так или иначе могли пострадать от неясности узаконений, касавшихся различных дел, подлежащих ведению св. Синода, то, в силу данной ему инструкции, имел право предложить высшему церковному учреждению выработать и издать новые

постановления, более ясные и определенные и, без сомнения, более желательные с точки зрения самой прокуратуры.

Но, создавая, в лице синодального обер-прокурора, специальный орган правительственного надзора за интересами государства в сфере церковного управления, ставя его в непосредственные отношения к верховной власти и наделяя довольно обширными правами и полномочиями, преобразователь не имел намерения подчинить прокуратуре высшее церковное учреждение и отнять у Синода самую возможность пользоваться в будущем времени предоставленной ему относительной свободой и самостоятельностью действий. Учреждая новую должность обер-прокурора, Петр не ставил последнего в положение начальника над св. Синодом, а лишь только вводил его в высший орган церковного управления. в качестве своеобразного дополнения к коллегиальной организации Синода. Право протеста против постановлений духовной коллегии и возможность известного влияния на ее деятельность, предоставленные инструкцией представителю государственных интересов в высшем церковном управлении, были даны преобразователем синодальному обер-прокурору исключительно только с той целью, чтобы иметь в его лице надежное средство для успешной борьбы со злоупотреблениями и энергичное орудие для оживления самой деятельности св. Синода.

Такой взгляд на положение, созданное реформатором для новой должности синодального обер-прокурора, непосредственно вытекает из анализа высочайшей инструкции, характеризующей отношения главного органа прокуратуры к верховной власти и к высшему церковному учреждению. Наделяя обер-прокурора очень важным правом останавливать, по своему усмотрению⁶⁵, приведение в исполнение постановлений св. Синода, признаваемых прокуратурой не согласными с требованиями законов, и уполномочивая его доносить лично самому государю о всех тех случаях, когда члены св. Синода. после обер-прокурорских предложений, «не послушают» его разъяснений и будут оставаться при своем

мнении⁶⁶, Петр в то же время заботился и об интересах духовной коллегии и явно стремился к тому, чтобы гарантировать ее деятельность от подавляющего влияния представителя прокурорского надзора. По словам инструкции⁶⁷, обер-прокурор в своих доношениях, подаваемых на высочайшее имя, обязан наблюдать крайнюю осторожность и осмотрительность. чтобы кому-нибудь не причинить незаслуженного бесчестия, и должен иметь в виду, что за всякий небеспристрастный и несправедливый донос, вызванный какими-либо мотивами личного характера, он сам понесет заслуженное наказание.

Доставляя духовной коллегии известные гарантии от нежелательного, подавляющего влияния на ее деятельность со стороны наделенного довольно широкими полномочиями обер-прокурора, инструкция даже давала возможность высшему церковному учреждению, в некоторых исключительных случаях, относиться к представителю прокуратуры в церковном управлении, как к своему подчиненному.

Если во время отсутствия императора Синод замечал, что назначенный верховной властью обер-прокурор совершил какое-либо важное и тяжелое преступление, требовавшее немедленного расследования дела и наказания виновного, то имел право, собственной властью, арестовать «око государя» и начать судебное следствие, обер-прокурорские же обязанности поручить, по своему выбору, другому лицу. И только самое наказание обвиняемого прокурора инструкция оставляла за одной верховной властью⁶⁸. Без сомнения, рассматриваемый пункт обер-прокурорского наказа не включает в себе прямых и непосредственных указаний на нормальные отношения двух различных начал, соединенных преобразователем в высшем органе церковного управления, но нам кажется, что он имеет немаловажное значение для правильного понимания того положения, в какое Петр хотел поставить своего обер-прокурора в св. Синоде. Заботясь о государственных интересах, реформатор думал найти в личном начале верное и надежное средство для успешной борьбы с недостаточно энергичной и не всегда строго законной деятельностью членов вновь

организованного учреждения и с этого целью наделил своего обер-прокурора значительными правами и полномочиями; но, не имея намерения подавлять самостоятельности высшего церковного учреждения сильным развитием власти обер-прокурора, он стремился сделать рискованной и опасной возможность злоупотреблений со стороны прокуратуры предоставленными ей полномочиями.

Чтобы составить себе вполне ясное представление о том положении, какое, по мысли верховной власти⁶⁹, обер-прокурор должен был занимать в св. Синоде, необходимо иметь в виду, что преобразователь, реформируя всю систему государственного и церковного управления и вводя в новые коллегиальные учреждения старые начала, стремился соединить в одно целое коллегиальное и личное начало и слить их в одно прочное учреждение, «где», по словам проф. Градовского⁷⁰, «правильность и независимость коллегиального устройства была бы соединена с быстротой и гибкостью единоличного состава», где единоличная власть входила бы, однако, в коллегии, как их своеобразное дополнение, предназначенное для того, чтобы усиливать в них быстроту действий, а не уменьшать независимость обсуждения различных вопросов. «Не для раздора», справедливо утверждает цитируемый автор⁷¹, «не для бесконечной борьбы, а для совокупной деятельности на пользу государства ввел Петр личное начало в коллегии, причем первое осталось только суррогатом последнего... Преобразователь не создал из личного начала ничего отдельного, самостоятельного и везде смотрел на него, как на необходимую часть коллегии, как на один из ее органов, которым она действует и говорит. Личное начало ничего не решало, нигде не действовало – вся государственная деятельность во всей ее совокупности была предоставлена учреждениям. Но каждое из этих начал должно было осуществлять часть Петровских идей».

В таких же взаимных отношениях должны были находиться, по мысли законодателя, выраженной в рассматриваемой инструкции, св. Синод и его обер-прокурор. Все церковное управление было поручено ведению св. Синода; члены Синода

должны были обсуждать и решать всевозможные дела, возникавшие в духовном ведомстве, вполне самостоятельно и совершенно независимо от какого-либо постороннего влияния, сообразуясь исключительно только с требованиями одних «регламентов и указов»⁷². Если же обер-прокурору вменялось в обязанность иногда вмешиваться и в самую деятельность высшего церковного учреждения и даже останавливать своими протестами приведение в исполнение его постановлений⁷³, то делалось это с целью, не имевшею ничего общего с намерением стеснить свободу и независимость синодальных членов в обсуждении различных вопросов церковного управления. Здесь имелись в виду исключительно только одни интересы закона, для охранения которых обер-прокурор и был наделен довольно важным правом делать предложения Синоду об изменении его постановлений, оказавшихся в каком-либо отношении не согласными с требованиями действующих законов.

Еще менее стеснительно для свободы и независимости высшего церковного учреждения было предоставленное прокуратуре право делать св. Синоду настойчивые предложения, чтобы синодальные «дела не на столе только вершились, но самым действием по указам исполнялись»⁷⁴. Сам св. Синод, в первое время своего существования, не имел достаточно средств следить за точным и своевременным исполнением собственных указов и распоряжений и не мог не чувствовать значительных неудобств от недостатка подобных средств. С учреждением института прокуратуры, наблюдение за точным и своевременным исполнением постановлений высшего церковного учреждения было сделано специальной обязанностью синодального обер-прокурора. Очевидно, что, в данном случае, предоставленное прокуратуре право побуждать Синод принимать необходимые меры к действительному и быстрому исполнению его собственных распоряжений не только не могло быть стеснительно для церковного учреждения, но и вполне совпадало с его интересами.

Наконец, и самое важное в практическом отношении право обер-прокурора вступать в непосредственные сношения с

верховой властью по делам св. Синода⁷⁵, по намерениям законодателя, не должно было являться в руках прокуратуры средством к тому, чтобы оказывать какое либо нежелательное давление на свободу и независимость синодальных членов, так как инструкция предписывала обер-прокурору в своих доношениях, подаваемых на высочайшее имя, «поступать осторожно и рассмотнительно, дабы напрасно кому бесчестья не учинить», угрожая, в противном случае, нежелательными последствиями самому докладчику⁷⁶.

Несмотря на все меры, предпринятые преобразователем для идеального, с его точки зрения, соединения двух различных начал в коллегиальных учреждениях, поставленных во главе государственного и церковного управления, Петр оказался не в состоянии обеспечить государству существование вполне определенных, прочных и устойчивых взаимных отношений между коллегиями и институтом прокуратуры. Одних инструкций и указов реформатора, имевших в виду уравновесить их взаимные отношения, оказалось далеко недостаточно, чтобы сделать невозможным возникновение стремлений прокуратуры и коллегиальных учреждений, не согласных с видами и намерениями законодателя и вызывавшихся, с одной стороны, желаниями прокуратуры приобрести более значительное влияние на ход управления, а с другой – и не менее сильным желанием самих учреждений уменьшить, ослабить значение прокурорского надзора в деле управления. Решить важный жизненный вопрос – какие отношения, при таких условиях, должны были с течением времени действительно установиться между представителями двух различных начал, соединенных преобразователем в высших государственных учреждениях, – могла уже только одна история.

Отмеченные нами общие причины, обуславливающие собой непрочность к недолговечность уравновешенных отношений, какие стремился установить Петр между членами коллегий и прокуратурой, имели место в жизни всех высших, центральных учреждений: Сената, различных коллегий и св. Синода. Но в св. Синоде к ним присоединилась еще одна довольно важная причина, не оставшаяся без значительного неблагоприятного

влияния на характер нормальных отношений между членами высшего церковного учреждения и его обер-прокурорами. Мы имеем в виду особое, специальное положение синодального обер-прокурора, как органа правительственного надзора за государственными интересами в сфере церковного управления. Хотя, по идее организатора прокурорского института, синодальный обер-прокурор и должен был помогать Синоду в его правительственной деятельности, но, как «стряпчий о делах государственных», он обязан был пользоваться всеми находившимися в его распоряжении средствами, чтобы отстаивать интересы государства в области тех многочисленных и разнообразных дел, которые верховная власть поручила ведению высшего церковного учреждения. При тесной связи церковной жизни с жизнью общегосударственной, высший орган церковного управления заведовал массой таких дел, где интересы государства не только косвенно, но даже и прямо, непосредственно и притом довольно чувствительным образом могли затрагиваться теми или другими распоряжениями Синода. Особенно сильно было заинтересовано государство в управлении обширными земельными владениями и громадными богатствами церкви; правительство всегда стремилось ограничивать права духовенства на бесконтрольное пользование церковными имуществами и обнаруживало желание извлекать из них возможно большую пользу, употребляя получаемые от них материальные средства на удовлетворение различных государственных нужд. Между тем, члены высшего церковного учреждения, хотя и принуждены были признавать за государством известные права на пользование церковным достоянием, но не могли не иметь собственных взглядов на назначение церковных имуществ и не могли не стремиться к тому, чтобы материальные средства, доставляемые ими, тратились прежде всего на удовлетворение различных церковных потребностей. Это различие во взглядах и отношениях членов Синода и его обер-прокурора к интересам церкви и государства, тесно переплетавшимся в разнообразных делах, подлежавших ведению св. Синода, едва ли не более всех других причин мешало дружной совместной работе

представителей двух различных начал, соединенных преобразователем в высшем органе церковного управления.

И действительно, в самом непродолжительном времени после учреждения института прокуратуры в св. Синоде, довольно резко проявилось существенное различие в отношениях обер-прокурора и синодальных членов к наиболее интересным для государства экономическим делам, находившимся в ведении высшего церковного учреждения.

Первый обер-прокурор И. В. Болтин

Уже первый синодальный обер-прокурор, Иван Васильевич Болтин, пользуясь одним из наиболее важных прав, даваемых инструкцией, – правом протеста против тех постановлений Синода, которые казались ему не вполне согласными с требованиями закона, в скором же времени после вступления в новую должность, довольно чувствительным образом затронул самые жизненные интересы членов высшего церковного учреждения. Еще задолго до учреждения должности обер-прокурора, а именно 29 ноября 1721 года, в св. Синоде состоялось постановление по вопросу о выдаче его членам высочайше определенного жалованья. Несмотря на то, что размеры содержания синодальных членов были определены именным высочайшим указом от 18 января 1721 года⁷⁷, в первое время после открытия Синод, как видно из документов его архива⁷⁸ не имел возможности выдавать постоянного жалования своему наличному персоналу. 10 марта 1721 года один из синодальных ассессоров, иеромонах Варлаам Овсянников, принужден был обратиться к Синоду с просьбой выдать ему что-нибудь на пропитание, так как, по его объяснению, он не получил никакого вознаграждения за свой службу, и Синод мог дать ему только заимообразно небольшую сумму из свободного наличного капитала. Через несколько дней и по такой же просьбе была выдана денежная ссуда и другому синодальному ассессору, Кондоиди. Тогда уже Синод написал «ведение» в председательствующий Сенат с просьбой прислать «оклад жалованья» всем синодальным членам и указать специальные источники для получения назначенного содержания. В ответ на посланное ведение Сенат 22 сентября сообщил Синоду, что высочайшим указом президенту назначено жалования 3.000 рублей, вице-президентам по 2.5000 р., советникам по 1.000 р. и ассессорам по 600 рублей, но с тем обязательным условием, чтобы из определенной суммы жалования вычиталось столько же, сколько члены Синода получают за свой епархиальную службу, т. е. архиереи от

епархий и архимандриты от монастырей. Но при объявлении о доходах, получаемых синодальными членами из мест их епархиального служения, только один архиепископ Новгородский Феодосий сообщил, что он имеет годового дохода из своего архиерейского дома 313 рублей, 20 алтын, 5 денег⁷⁹, а так как все синодальные члены в первое время сильно нуждались в денежных средствах, то Синод, основываясь на высочайшем указе, устанавливавшем определенный оклад вознаграждения за службу в новом церковном учреждении, и постановил 29 ноября 1721 года выдать из наличных сумм полное жалованье за весь 1721-й год, «для новозаводства», как мотивировал он свое определение, «и ради нынешнего из Санкт-Петербурга в Москву отъезду и будущего оттоле возвращения»...

Хотя постановление Синода о выдаче жалования за 1721 год и состоялось еще в то время, когда не существовало самой должности обер-прокурора, Болтин, как представитель интересов государства, нашел неудобным оставить без всяких последствий, казавшийся ему не вполне законным, поступок синодальных членов и в июле 1723 года обратился в Синод с «предложением», в высшей степени неприятным для его наличного состава; признавая днем открытия высшего органа церковного управления 14-е февраля 1721 года, он заявил свой протест против давно уже совершившегося факта получения синодальными членами полного жалованья за весь 1721 год и потребовал от них возвращения излишних сумм.

Но св. Синод, признававший за своими членами законное, заслуженное право на полученное жалование, нашел в своем распоряжении достаточно средств, чтобы вступить за собственные интересы и не исполнить крайне неприятных требований Болтина: таким средством в руках высшего церковного учреждения явилась возможность непосредственного обращения к самой верховной власти, от имени которой обер-прокурор и заявил свое требование, так сильно затронувшее жизненные интересы членов св. Синода. В своей «ремонстрации», вызванной обер-прокурорским протестом, Синод решительно утверждал, что ему ничего не

следует возвращать из полученного жалования⁸⁰, и стремился самым убедительным образом доказать законность своего постановления и, следовательно, неправильность, неуместность притязаний Болтина. По словам синодального заявления, некоторые из членов св. Синода еще задолго до 1721 года уже много потрудились на пользу церковного ведомства, принимая живое и деятельное участие в составлении Духовного Регламента, окончательно рассмотренного и даже утвержденного государем в 1720 году⁸¹; другие же синодальные члены, хотя и не принимали участия в составлении Регламента, но за то были призваны к новой деятельности в том же 1720 году и, находясь в Москве, должны были в декабре этого года переправляться в С.-Петербург, что, без сомнения, потребовало от них значительных издержек и таких трудов, «каковы б в синодском сиденье были»⁸²; самый высочайший указ о своем назначении члены синода выслушали в Сенате еще до 14 февраля 1721 года⁸³ и уже 9 февраля рассуждали об одном духовном деле на Александровском подворье⁸⁴. Доказывая незаконность притязаний обер-прокурора на жалование, взятое за январь и первую половину февраля 1721 года, св. Синод в то же время не оставил без объяснений и того довольно важного обстоятельства, что, при своем постановлении о выдаче вознаграждения за 1721 год, он не принял во внимание доходов, получаемых его членами от епархий и монастырей; по словам «ремонстрации», доходы от епархий и монастырей не были включены в размеры высочайше определенного жалования на том основании, что они являлись вполне законным вознаграждением за особые труды по управлению епархиями и монастырями, так как члены Синода не освобождены от возложенных на них епархиальных обязанностей и должны вести двойной труд, участвуя в заседаниях высшего церковного учреждения и вместе с тем не оставляя своих прежних забот о вверенных их попечению епархиях и монастырях, почему Синод и признает справедливым и безусловно необходимым не включать епархиальных доходов в счет правительственного жалования⁸⁵.

Цитируемый документ не включает в себе ни малейших указаний на то, как отнеслась верховная власть к конфликту, происшедшему между св. Синодом и представителем государственных интересов в церковном управлении⁸⁶, но, на основании знакомства с многочисленными аналогичными делами синодального архива, можно с уверенностью предполагать, что протест обер-прокурора остался без должных практических последствий и вызвал со стороны Синода только одно письменное объяснение тех мотивов, которые побудили его сделать постановление, опротестованное прокурорским надзором. Такое предположение непосредственно вызывается самым фактом молчания рассматриваемого документа о судьбе обер-прокурорского требования после «ремонстрации» св. Синода, так как в том случае, если бы протест Болтина встретил открытое сочувствие и поддержку со стороны государя, синодальное дело «о выдаче членам и прочим чинам Синода жалованья на 1721 и следующие годы» не могло бы не упомянуть о результатах обер-прокурорского протеста.

Рассмотренное дело синодального архива является довольно типичным для определения характера отношений прокуратуры и синодальных членов к наиболее интересным для государства экономическим делам, находившимся в ведении высшего органа церковного управления. Не менее типичным должно быть признано данное дело и для характеристики бытовых отношений первых представителей прокуратуры к высшему церковному учреждению. Юридически наделенные довольно значительными правами и полномочиями, первые обер-прокуроры, как видно, фактически не всегда имели возможность эксплуатировать их по своему желанию, так как иногда разнообразные предложения и протесты прокуратуры, затрагивавшие существенные интересы Синода или даже отдельных его членов, вызывали энергичное противодействие св. Синода и оставались без всяких практических результатов.

За несколько месяцев до своего неудачного и безуспешного протеста против синодального определения о получении полного жалованья за 1721 год⁸⁷ обер-прокурор обратил внимание св. Синода на состоявшееся постановление⁸⁸ о

заимообразной выдаче денег одному из его членов, архиепископу псковскому Феофану. Основываясь на высочайшем указе, запрещающем давать займы казенные деньги, и указывая на продолжительный срок уплаты долга и возможность неожиданной смерти должника, Болтин предложил Синоду немедленно же возвратить в казну все деньги, выданные его преосвященству⁸⁹.

В первое время, под влиянием обоснования обер-прокурорского протеста на высочайшем запрещении давать займы казенные деньги, Синод постановил⁹⁰ немедленно взыскать долг со своего члена, не дожидаясь наступления прежде определенного срока, но когда архиепископ Феофан решительно заявил, что не только не имеет никакой возможности так скоро выплатить занятой им крупной денежной суммы, но и поставлен в печальную необходимость делать новые долги, о чем уже он и довел до сведения государя, то Синод резко изменил свое отношение к требованию Болтина и поставил дело таким образом, что его протест остался без последствий. Представив⁹¹ в Императорский Кабинет, бывший при Петре личной канцелярией самого государя, особый доклад о предложении обер-прокурора и несостоятельности должника, св. Синод, к тому времени уже успевший испытать на себе неприятные последствия прокурорского надзора и вставший в оппозиционные отношения к Болтину из-за известного вопроса о возвращении излишнего жалования за 1721 год, отменил свое прежнее постановление и определил приостановить взыскание денег до получения высочайшей резолюции. Но так как такой резолюции не последовало за все время пребывания в должности первого представителя прокуратуры в церковном управлении⁹², то св. Синод и не считал себя обязанным исполнить требование обер-прокурора, хотя Болтин несколько раз возобновлял его.

Оказываясь фактически бессильным настаивать на исполнении своих предложений, формально основанных на требовании действовавших законов, но не совпадавших с взглядами и интересами синодальных членов, обер-прокурор не всегда даже, в таких случаях, должен был считаться с правом

Синода обращаться за разрешением недоразумений непосредственно к самой верховной власти. Иногда предложения Болтина оставались без исполнения просто потому, что не рассматривались св. Синодом и не вызывали с его стороны никакого определения.

Одним из своих постановлений, опубликованных по духовному ведомству, Синод определил, чтобы все подчиненные ему учреждения в своих доношениях высшему органу церковного управления не ограничивались только простым изложением известного дела, а обязательно бы выписывали «приличные указы» и высказывали свое собственное, в достаточной степени мотивированное, мнение по возбужденному вопросу. Между тем, 12 ноября 1724 года московская духовная дикастерия прислала в Синод доношение по делу, возбужденному стряпчим Санной Волчковым, и приложила к нему только одну простую копию с челобитной Волčkова и с допроса беглого ученика математической школы Паисия, не сделав никаких выписок из действующих законов и не высказав своего мнения по данному вопросу. Синод, постановивший не только не подавать подобных доношений, но и не принимать их, как видно, уже не относился с особенной строгостью к нарушавшим его определение и, оставив без должных последствий неправильный поступок московской консистории, принял ее донесение, чем, конечно, нарушил свой собственный указ. Обер-прокурор, обратив внимание Синода на явное нарушение его собственного постановления, предложил оштрафовать московскую дикастерию и послать особое лицо для взыскания наложенного штрафа, чтобы и другие церковные учреждения опасались поступать своевольно и не исполнять синодальных определений. Но предложение Болтина, косвенным образом обвинявшего в незаконном поступке и самый высший орган церковного управления, должно было испытать очень печальную судьбу; оно не повело за собой никаких неприятных последствий для провинившейся дикастерии по той чрезвычайно простой причине, что совсем и не рассматривалось св. Синодом⁹³.

Встречая открытое или пассивное противодействие своим предложениям со стороны членов св. Синода, Болтин не пользовался должным авторитетом даже и среди простых синодальных чиновников, поставленных инструкцией под дирекцию обер-прокурора⁹⁴. Можно думать, что, при существовавших в то время отношениях прокуратуры к членам высшего церковного учреждения, некоторые чиновники синодального ведомства имели достаточные основания рассчитывать, в известных случаях, на заступничество Синода, почему иногда и держали себя довольно независимо по отношению к своему обер-прокурору.

31 января 1724 года Болтин приказал секретарю синодальной канцелярии Тишину лично сообщить каждому члену св. Синода о настоятельной необходимости прислать прокуратуре точные сведения о своих доходах, получаемых из епархий и монастырей, чтобы, согласно с высочайшим указом, зачислять их в определенный оклад правительственного жалования, назначенного синодальным членам; распорядившись отобрать нужные сведения у заседавших в высшем церковном учреждении архиереев и архимандритов, обер-прокурор приказал Тишину в тот же день явиться к нему на квартиру с письменным докладом по данному делу. Но секретарь позволил себе критически отнестись к распоряжению Болтина и, побывав только у некоторых членов Синода, рассудил, что ему нет никакой необходимости являться с докладом в обер-прокурорский дом, так как данное ему поручение, без сомнения, дело канцелярское, а не домашнее. Оскорбленный обер-прокурор хотел было должным образом наказать строптивного, непочтительного чиновника, поручив обер-секретарю арестовать Тишина и отослать его в синодальную канцелярию под караул. Хотя обер-секретарь и исполнил поручение своего начальника, но отослал виновного в Синод при шпаге, и здесь арестованный, несмотря на все требования дежурного капрала, обнаружил решительное нежелание расстаться со своим оружием, заявив, что простой капрал не имеет права снимать с него шпаги.

Увидев свое бессилие собственной властью расправиться с непослушным секретарем и поставить его в должные отношения к себе, обер-прокурор предложил Синоду обсудить поступки Тишина и, заявив, что, при существовании таких чиновников, он не имеет никакой возможности успешно выполнять высочайше порученное ему дело, потребовал у Синода «сатисфакции о непослушании и противности» канцелярского чиновника⁹⁵.

Для нас представляет значительный интерес самые объяснения, данные Тишиным по поводу происшедшего инцидента; они могут служить прекрасной иллюстрацией к тем фактическим отношениям, какие существовали в первое время между обер-прокурором и синодальными служащими, подчиненными, по смыслу инструкции, обер-прокурорской власти. Призванный к допросу, провинившийся секретарь объяснил св. Синоду, что приказание обер-прокурора отобрать сведения у синодальных членов о получаемых ими доходах было исполнено, несмотря на то, что выполнение подобных поручений не входит в круг секретарских обязанностей; правда, он доложил Болтину о полученных сведениях уже на другой день и притом в помещении канцелярии, но являться с своим докладом в обер-прокурорский дом он и не считал себя обязанным, так как «то дело канцелярское, а не домовное, и никакого в том пред обер-прокурором непослушания не было». Самый арест был произведен обер-секретарем незаконно, по простому письму обер-прокурора, без доклада св. Синоду; своей шпаги арестованный секретарь не отдал дежурному капралу на том основании, что если бы даже он и действительно совершил какое-нибудь преступление, то его шпагу следовало бы снять по синодальному определению, или хотя бы и по обер-прокурорскому приказу, но во всяком случае не простому солдату, а офицеру, так как он, Тишин, подобно сенатским секретарям, имеет майорский ранг и не может отдать своей шпаги простому капралу без всякого указа и «без высших командиров». Никакого непослушания и никаких дерзостей перед обер-прокурором он никогда не позволял себе и не намерен позволять, если же Болтин требует сатисфакции, то и обвиняемый, со своей стороны, просит у Синода

беспристрастного рассмотрения дела, потому что самое поручение незаконно было возложено на него обер-прокурором. В доказательство своих прав не исполнять некоторых распоряжений обер-прокурора, Тишин ссылаясь на Адмиралтейский Регламент, утверждая, что, по данному регламенту, обер-секретарь и секретари должны быть послушны прокурору только в тех случаях, когда последний приказывает им или произвести известные выписки, или показать какие-либо дела; для всевозможных же сообщений членам Синода или различным присутственным местам, по мнению Тишина, обоснованному на 46 главе Генерального Регламента, существуют низшие служители. Оправдывая свой поступок и обвиняя в превышении власти самого обер-прокурора, Тишин стремился в своем объяснении затронуть и интересы св. Синода, представляя свой арест, произведенный без синодального определения, одному обер-прокурорскому приказу, как несомненное проявление пренебрежения Болтина к законным правам высшего церковного учреждения⁹⁶.

К сожалению, архивный документ не включает в себе прямых и положительных указаний на то, чем кончилось интересное дело, вызванное своевольным поступком синодального секретаря, и как отнесся Синод к требованию своего обер-прокурора и объяснению Тишина; он только оставляет место весьма вероятному предположению, что отсутствие решения в рассмотренном «деле» обуславливалось тем, что его совсем не существовало и в действительности. Нет ничего невероятного, что высшее церковное учреждение, находившееся уже в довольно обостренных отношениях с представителем прокуратуры, не чувствовало особенного желания удовлетворять требование обер-прокурора, но так как сделать это открыто, в форме определенного постановления, оправдывавшего действия синодального секретаря, было во многих отношениях неудобно, то оно и оставило без всякого решения начавшееся дело. Такие явления нередко имели место в практике синодального делопроизводства, и в архиве св. Синода находится не мало документов, где можно видеть, как иногда какой-либо обер-прокурор вносил свое предложение на

обсуждение Синода, настойчиво возобновлял его в нескольких заседаниях и, несмотря на все свои усилия, достигал только того, что решение возбужденного их вопроса, под различными предложениями, откладывалось до будущего собрания, и таким образом, обер-прокурорское предложение оставлялось без соответствующего синодального постановления. По крайней мере, Тишин, оказавший неповиновение обер-прокурору, и после своего резкого объяснения, которое, конечно, должно было еще сильнее оскорбить Болтина, по-прежнему продолжал исполнять должность синодального секретаря, и через несколько времени мы видим, что обер-прокурор уже по другому делу предлагал Синоду оштрафовать секретаря Тишина и взыскать с него пошлины за то, что он незаконно принял на рассмотрение иск крестьянина Бочагова⁹⁷.

Но не будем злоупотреблять предположениями, хотя бы они и представлялись очень вероятными; рассмотренный документ включает в себе достаточное количество и положительных. фактических данных, имеющих важное значение для уяснения и правильного понимания того положения, какое первоначально занимал в св. Синоде представитель обер-прокурорской власти, бывший «оком» государя и «стряпчим о делах государственных» в сфере церковного управления. Уже один характер отношений второстепенного синодального чиновника к приказаниям Болтина и все объяснение, данное Тишиным св. Синоду, достаточно ясно иллюстрируют фактическое положение обер-прокурора в высшем церковном учреждении. Как видно, обер-прокурор не имел даже возможности собственными средствами наказать провинившегося секретаря, хотя последний, в силу инструкции, и был подчинен его власти; такое явление, без сомнения, обуславливалось тем обстоятельством, что виновный чиновник состоял в то же время в непосредственном ведении самого св. Синода, почему Болтин и был поставлен в неприятную необходимость обратиться к нему с известным требованием «сатисфакции». Не менее характерно и отношение Синода к «требованию» обер-прокурора; Синод, видимо, не придавал должного значения показаниям Болтина о непослушании и «противности» подчиненного ему секретаря и

не спешил удовлетворить оскорбленное самолюбие обер-прокурора; напротив, он начал формальное судебное следствие с неизбежным допросом и объяснениями обвиняемого и тем самым как бы поставил в положение подсудимого и самого обвинителя – обер-прокурора Болтина.

Незначительность и слабость фактического влияния обер-прокурора на высшее церковное учреждение, обуславливавшие собой возможность таких явлений, как открытое неповиновение синодальных чиновников своему законному начальнику, не могли не отразиться и на положении, непосредственно подчиненных Болтину, низших органов прокуратуры, поставленных верховной властью в такие же отношения к второстепенным синодальным учреждениям, какие были установлены инструкцией между самим обер-прокурором и св. Синодом. В 1723 году синодальный обер-прокурор получил доношение от Раевского, исполнявшего обязанности прокурора в монастырском приказе; в своем доношении Раевский сообщал Болтину, что в октябре 1723 года он принужден был сделать московской духовной дикастерии предложение о пересмотре двух неправильно решенных дел, но члены московского синодального учреждения не признали за ним права обращаться к дикастерии с подобными предложениями и решительно отказались от исполнения требований прокурорской власти. Прокурор продолжал энергично настаивать на своем требовании, но когда, после двух безрезультатных письменных предложений, он лично явился в дикастерию, то председательствовавший в ней синодальный советник, архиепископ Леонид, выслушав его желание, открыто заявил перед всем собранием членов, «чтобы впредь он, Раевский прокурор, и дикастерию не приходил»⁹⁸...

Получив донесение Раевского и лично убедившись, на основании представленных им экстрактов из дел, решенных дикастерией, в действительном нарушении требований закона московским синодальным органом, Болтин сделал вполне правильное, логичное заключение, что в столкновении Раевского с преосвященным Леонидом нарушены права и затронута честь его, обер-прокурора, и предложил св. Синоду

произвести расследование данного дела, чтобы «прокурорскому чину напрасного уничтожения не было». Вместе с тем, Болтин обратил внимание Синода на то, что и другое учреждение – московская синодальная канцелярия нарушает его обер-прокурорские права, так как самостоятельно награждает чинами своих служащих и назначает новых чиновников.

Хотя Синод и исполнил предложение обер-прокурора, определив произвести тщательное и справедливое расследование дела, но члены московской духовной дикастерии, позволившие себе, в довольно резкой форме, нарушить права и полномочия обер-прокурорской власти, не были признаны виновными, так как следствие установило, что во время столкновения с Раевским они не имели от Синода никакого указа, который бы обязывал их принимать прокурорские предложения о перерешении дел, уже рассмотренных дикастерией⁹⁹. Из цитируемого документа не видно, как отнесся св. Синод к нарушению обер-прокурорских прав со стороны московской синодальной канцелярии; можно только догадываться, что он нашел возможным ограничиваться одним запросом, сделанным канцелярии, и рассмотрением полученных от нее оправдательных объяснений, так как, по словам обвинявшегося учреждения, самовольное распоряжение служащими, вызываясь крайней и безотлагательной необходимостью в увеличении чиновничьего персонала, в то же время нисколько не противоречило и той инструкции, какая была дана ему самим же св. Синодом¹⁰⁰.

Несмотря на то, что Болтин, в доказательство неправильности самостоятельных распоряжений канцелярии, игнорировавшей обер-прокурорские права, ссылаясь на 4-й пункт¹⁰¹ данной ему инструкции, где обер-прокурору повелевалось держать в своей дирекции синодальную канцелярию и ее слушателей и выводил из него заключение, что и находящиеся в ведении св. Синода канцелярии и конторы должны быть «послушны» ему, обер-прокурору¹⁰², Синод далеко не охотно предоставлял обер-прокурору фактическую возможность распоряжаться по собственному усмотрению канцелярскими чиновниками. Мы уже видели, как он отнесся в

требованию обер-прокурора наказать синодального секретаря, не признававшего авторитета за прокурорской властью и не считавшего себя обязанным в точности исполнять все приказания Болтина; знаем также, что практиковавшийся в московской духовной канцелярии порядок назначения и награждения служащих, нарушавший, по мнению Болтина, права и полномочия обер-прокурора, нисколько не противоречил инструкции, данной канцелярии св. Синодом. Но высший орган церковного управления не ограничивался только одними косвенными мерами, препятствовавшими развитию обер-прокурорского влияния на синодальных чиновников; он обнаруживал явные стремления поставить в непосредственную, ближайшую фактическую зависимость от себя всех служащих по духовному ведомству, не исключая и лиц, находившихся на службе у самого обер-прокурора, так что Болтин принужден был доказывать перед Синодом даже законность своего права представлять к наградам тех канцелярских чиновников, которые состояли в его собственной конторе.

Предлагая высшему органу церковного управления наградить или повысить чином копииста Матвеева, обер-прокурор доказывал законность подобного предложения ссылками на 50-ю главу Генерального Регламента и 110-ю главу Регламента адмиралтейской коллегии; в первой из них в общих выражениях говорилось о необходимости поощрять наградами лучших служителей, а во второй – вменялось «командирам» в неперемнную обязанность представлять к наградам наиболее достойных подчиненных. Правда, св. Синод исполнил предложение Болтина и повысил в чине копииста Матвеева, постановив определить его подканцеляристом в ту же контору обер-прокурорских дел, но, в данном случае, для нас имеет очень важное значение не самый факт исполнения обер-прокурорского предложения, а тот путь, каким Синод нашел нужным придти к своему решению, удовлетворившему желание Болтина. Члены св. Синода не ограничились одной обер-прокурорской рекомендацией представленного к награде копииста, но признали необходимым отобрать еще сведения об его достоинствах от своих синодальных чиновников:

протоколиста, актуариуса, регистратора и канцеляристов. И только уже после того, как все синодальные служащие на предложенный им вопрос: достоин ли копиист Матвеев производства в подканцеляристы – дали свой благоприятный ответ: «достоин, если св. Синод соизволит», предложение обер-прокурора было исполнено¹⁰³.

Такая постановка дела награждения канцелярских чиновников, состоявших под дирекцией обер-прокурора, находилась в прямой зависимости от основного взгляда св. Синода на служебное положение всего чиновничьего персонала, несшего канцелярские обязанности в различных учреждениях духовного ведомства. Хотя инструкция и поручила обер-прокурору «иметь в своей дирекции канцелярию синодскую и служителей оной», что позволяло Болтину делать заключение, что и все другие канцелярии и конторы духовного ведомства должны быть «послушны» ему, но директорство обер-прокурора не заменяло собой и не уничтожало власти самого св. Синода над своей собственной канцелярией и ее служебным персоналом. И с учреждением института прокуратуры все чиновники, служившие в духовном ведомстве, по-прежнему находились в ведении и распоряжении св. Синода, как высшего органа церковного управления. И теперь назначение чиновников¹⁰⁴, их повышения по службе, определение наград и наказаний и увольнения от службы зависели от Синода, а не от обер-прокурорской власти. «директорство» же обер-прокурора состояло только в том, что он обязан был руководить служебной деятельностью подчиненных ему чиновников и мог предлагать св. Синоду сделать о них то или другое распоряжение, причем, однако, исполнение обер-прокурорских предложений зависело уже от усмотрения самого св. Синода.

Только в тех случаях, когда канцелярские чиновники позволяли себе явное нарушение требований закона и неаккуратным исполнением своих обязанностей сильно тормозили успешный ход синодального делопроизводства, Болтин получал возможность фактически пользоваться обер-прокурорскими правами, но и то не путем непосредственного воздействия на состоявших «в его дирекции синодских

служителей», а через посредство того же высшего органа церковного управления. Из предложения, данного Болтиным св. Синоду 2 декабря 1724 года¹⁰⁵, видно, что чиновники синодальной канцелярии позволяли себе довольно открыто манкировать своими служебными обязанностями и обнаруживали значительную неисправность и крайнюю медленность в ведении порученных им дел; обер-прокурор давал им соответствующие указания, но его собственные меры, как нужно думать на основании рассматриваемого документа, оказывались бессильными установить в канцелярии правильное отправление делопроизводства. так как синодальные служащие отговаривались «многоделием» и, по-видимому, не придавали должного значения обер-прокурорским замечаниям. Между тем, по мнению Болтина, действительные причины неисправности синодальной канцелярии заключались не в многочисленности и разнообразии поручаемых ей дел, а в непозволительной неаккуратности самих канцелярских чиновников; последние, по его словам, являлись в присутственное место не в часы, определенные Регламентом, а чрезвычайно поздно, их же ближайшие начальники: секретари и обер-секретарь и сами не отличались особенным рвением к службе, да мало наблюдали и за своими подчиненными. Неудивительно, что, при существовании подобных порядков или, вернее, беспорядков, дела в синодальной канцелярии оказались чрезвычайно запущенными; многие предложения самого обер-прокурора, а также ведения, сообщенные из Сената, остались не представленными на рассмотрение Синода, не было произведено обязательной записи различных указов, почему-либо не исполненных подчиненными лицами и присутственными местами, оказался не отосланным требуемый Сенатом реестр сообщенных ему ведений. В виду такого нежелательного отношения канцелярских чиновников к своим служебным обязанностям, обер-прокурор и принужден был обратиться за содействием к св. Синоду и предложил ему приказать обер-секретарю и секретарям, чтобы они внимательнее наблюдали за своими подчиненными и, ежедневно приезжая в канцелярию в

узаконенные часы, сами бы во всем поступали сообразно с требованиями Регламента.

Хотя предложение Болтина было в точности исполнено покровительствующим Синодом, постановившим даже ввести на будущее время правильные записи секретарских приездов и отъездов, но, без сомнения, подобный факт ничего не говорит о влиянии обер-прокурорской власти на высший орган церковного управления, так как самое предложение Болтина, вызываясь явным неисполнением требований закона со стороны синодальных чиновников, в то же время нисколько не нарушало интересов св. Синода. Напротив, беспорядочное ведение канцелярского делопроизводства не могло не отражаться неблагоприятным образом и на интересах высшего церковного учреждения. почему оно так охотно и исполнило предложение своего обер-прокурора. Замечательно, что, когда Болтин, в видах скорейшего окончания накопившихся дел, предложил самому Синоду иметь ежедневные заседания до тех пор, пока не будет разрешена вся масса залежавшихся прошений и доношений, давно уже ожидавших синодской резолюции, высший орган церковного управления нашел невозможным осуществить мысль обер-прокурора и отклонил его предложение, ссылаясь на различные обстоятельства, упущенные из внимания Болтиным¹⁰⁶.

В ряду разнообразных причин, обуславливавших собой незначительность обер-прокурорского влияния на высшее церковное учреждение, самое важное и видное место принадлежало, существовавшему в первое время, крайне неопределенному характеру отношений к верховной власти назначенного в св. Синод специального органа правительственного надзора за интересами государства в сфере церковного управления. По идее преобразователя, положенной в основу организации института прокуратуры, в лице синодального обер-прокурора должна была устанавливаться новая и более желательная для государства связь между самодержавной властью и высшим церковным учреждением; подобная же связь, по мысли инструкции, должна была поддерживаться постоянными наблюдениями за

деятельностью Синода со стороны представителя государственных интересов и его непосредственными сообщениями верховной власти о всех случаях неправильного, незаконного отношения синодальных членов к возложенным на них обязанностям, по-видимому, можно было бы ожидать. что реформатор, называвший обер-прокурора «государевым оком и стряпчим о делах государственных» и видевший в нем живой и личный орган, устанавливавший желательную для государства¹⁰⁷ связь между монархом и высшим церковным учреждением, сделает из него главного посредника в своих сношениях с св. Синодом.

В действительности, однако же, ничего подобного не случилось, так как инструкция, данная обер-прокурору, только в зародыше заключала в себе мысль о представителе государственных интересов в церковном управлении, как о посреднике в сношениях верховной власти со св. Синодом, но совершенно не развивала, не регламентировала ее. Характеристическая черта Петровской эпохи, не обнаруживавшей особенной склонности к точной регламентации, а, по большей части, высказывавшей лишь главную, существенную мысль, намечавшей самые основания для известного правительственного мероприятия и затем спокойно предоставлявшей времени выяснять все неопределенное, довольно заметно отразилась и в обер-прокурорской инструкции, особенно в тех ее пунктах, где она затрагивала очень важный вопрос об отношениях к верховной власти представителей двух различных начал в церковном управлении. Предоставляя обер-прокурору право делать непосредственно самому государю ежемесячные или еженедельные доношения о некоторых делах, рассматривавшихся и решавшихся в св. Синоде¹⁰⁸, инструкция имела в виду только одни исключительные случаи, а не нормальную деятельность церковного учреждения. Она предусматривала возможность нарушения синодальными членами действительных требований закона и вероятные факты неподчинения указаниям прокурорского надзора¹⁰⁹, допускала также необходимость внесения различных дополнений и

поправок в действующее законодательство по предложениям обер-прокурора¹¹⁰; в таких, сравнительно редких, случаях верховная власть дозволяла обращаться к ней за помощью и содействием, чтобы доставить прокуратуре фактическую возможность, опираясь непосредственно на высочайшую волю, оказывать должное влияние на членов Синода. Но обычный порядок сношений с верховной властью высшего церковного учреждения и его обер-прокурора, вызывавшийся нормальным положением дел в синодальном ведомстве, не был регламентирован правительством ни в Духовном Регламенте, ни в обер-прокурорской инструкции.

Отсутствие точной правительственной регламентации в таком важном вопросе обуславливало собой возможность непосредственных сношений с верховной властью самих членов высшего органа церковного управления, что, без сомнения, должно было сильно отражаться на положении обер-прокурора в св. Синоде, а в некоторых случаях даже делать совершенно фиктивными все его значительные права и полномочия. На основании архивных материалов не трудно убедиться, что, и с учреждением института прокуратуры, разнообразные постановления Синода, требовавшие высочайшей санкции, или же вызывавшиеся какими-либо обстоятельствами прошения его членов, нуждавшихся в решении известных вопросов верховной властью, подавались на рассмотрение государя, без всякого посредничества обер-прокурора, самими членами высшего церковного учреждения.

Когда Болтин заявил свой протест по поводу получения синодальным персоналом полного жалования за весь 1721 год и потребовал возвращения излишних денежных сумм, то Синод, признав несправедливым требование обер-прокурора, постановил представить на рассмотрение верховной власти подробное и основательно мотивированное объяснение своего прежнего определения о выдаче жалования¹¹¹. И не один раз проходило обращение св. Синоду непосредственно к самому государю по такому сложному и запутанному вопросу, каким был в первое время вопрос о жаловании членам высшего церковного учреждения. Считая несправедливым

правительственное распоряжение об обязательном включении в общую сумму казенного вознаграждения частных доходов, получаемых синодальными членами из епархий и монастырей, Синод подавал на высочайшее имя прошение об изменении неприятного для него постановления¹¹² – 24 мая 1724 года он вновь обратился к государю со всепокорнейшим прошением о прекращении установленного вычета из жалованья своим членам; указывая на накопившиеся недоимки за духовным ведомством, как на единственную причину, вызвавшую правительственное распоряжение об удержании жалования высшему органу церковного управления, и утверждал, что он имеет полную возможность оправдать себя в глазах государя, Синод просил Петра, по случаю коронации императрицы, переменить свой гнев на милость и издать указ о восстановлении старых порядков в получении вознаграждения¹¹³. – Удовлетворенная верховной властью, просьба св. Синода вызвала вопрос о специальных средствах, необходимых для выдачи полного жалования, и мы видим, что с докладом по данному вопросу являлся к государю один из наиболее влиятельных синодальных членов, Феофан Прокопович¹¹⁴.

Непосредственно обращаясь к государю со своими постановлениями, доношениями и прошениями, требовавшими высочайшего рассмотрения, св. Синод, в громадном большинстве случаев, обходился без всякого посредничества прокуратуры и при получении именных императорских указов. Архивные документы сообщают нам только об одном факте, когда Болтин имел возможность поставить себя в положение посредника между верховной властью и св. Синодом при получении последним высочайших указов¹¹⁵. 5 февраля 1723 года Синод выслушал приказание государя арестовать одного из своих членов, асессора Варлаама Овчинникова, и на другой день постановил содержать его под арестом в своей канцелярии, о чем, в форме всеподданнейшего доношения, и довел до сведения Петра. Но в скором времени, под влиянием жалоб и просьб арестованного, уже переведенного из синодальной канцелярии в другое помещение, где с ним

обращались очень строго и сурово, Синод горячо вступился за своего бывшего ассессора, решительно заявив, что не признает никакой вины за пострадавшим Овсянниковым, так как безусловно убежден в лживости всех показаний доносчика на оклеветанного Варлаама. Заявление синодальных членов не оказало, однако же, должного влияния на отношения верховной власти к обвиняемому ассессору; в ее глазах он по-прежнему оставался виновным и заслуживающим примерного наказания, заступничество же Синода могло только возбудить подозрения в отсутствии беспристрастного отношения высшего органа церковного управления к своим собственным служащим. Существование последнего условия делало совершенно уместным и даже необходимым ближайшее участие обер-прокурора, как охранителя интересов закона, в синодальном решении вопроса о дальнейшей участи подсудимого Варлаама, и 11 декабря 1723 года Петр предоставил уже Болтину объявить св. Синоду высочайший указ о лишении священства и монашества игумена Овсянникова.

Обычный же, нормальный порядок получения св. Синодом высочайших указов не нуждался ни в каком посредничестве существовавшей в нем обер-прокурорской власти, так как Петр обыкновенно поручал объявлять свои указы в св. Синоде кому-либо из его же членов: или Феодосию Яновскому¹¹⁶, или Феофану Прокоповичу¹¹⁷, или тому и другому вместе¹¹⁸, или же, наконец, одному из них с каким-либо другим синодальным членом¹¹⁹. Едва ли следует доказывать, что фактическое отстранение обер-прокурора от всякой активной роли в сношениях Синода с верховной властью и особенная близость к государю некоторых синодальных членов, часто имевших возможность получать непосредственно от него самого разнообразные высочайшие указы, должны были во многих случаях сводить к нулю все действительное влияние обер-прокурорской власти на высший орган церковного управления.

Непосредственные сношения Синода с государем, во многих случаях лишая обер-прокурора самой возможности оказывать, в интересах государства, какое бы то ни было влияние на церковное учреждение, не могли не отражаться

крайне неблагоприятным образом и на практических результатах тех протестов прокуратуры против различных синодальных постановлений, которые, по-видимому, давали ей довольно важное и могущественное средство для развития сильного влияния на св. Синод. Нужно иметь в виду, что первый синодальный обер-прокурор Болтин был только простым драгунским полковником¹²⁰ и, сам по себе, являлся очень незначительной и маловлиятельной личностью, так как не пользовался никакой особенной близостью к источнику своих полномочий. Неудивительно, что, при наличии подобных неблагоприятных условий, обер-прокурорские протесты, так или иначе затрагивавшие интересы духовного ведомства, нередко должны были испытать печальную участь, и св. Синод, пользуясь правом непосредственных сношений с верховной властью и отсутствием сильной фактической, действительной поддержки у Болтина со стороны государя, легко мог оправдывать свои постановления, вызывавшие протесты прокуратуры, и таким образом парализовать обер-прокурорское влияние на ход дел в церковном управлении. Нам уже известно, какими практическими результатами сопровождались протесты Болтина по поводу получения синодальными членами полного жалованья за 1721 год и по случаю выдачи денег Феофану Прокоповичу; возможность непосредственного обращения высшего органа церковного управления к самому государю и фактическое бессилие обер-прокурора, обуславливавшееся отсутствием прочной и постоянной поддержки со стороны верховной власти, позволяли синоду не придавать большего значения протестам Болтина и не исполнять его требований.

Фактическое бессилие обер-прокурорской власти, юридически наделенной довольно значительными правами и полномочиями, обуславливаясь разнообразными причинами, между прочим находилось в известной связи с тем, более чем незавидным, материальным положением, в какое были поставлены верховной властью первые представители прокуратуры в синодальном управлении. В то время, как даже подчиненные обер-прокурору канцелярские чиновники получали вполне определенное и довольно значительное жалованье

(обер-секретарь 1,200, а секретари по 440 рублей в год), Болтин в первые годы своей новой службы принужден был довольствоваться старым полковничьим окладом в 300 рублей, из которых еще велено было вычитать четвертую часть положенного жалования. Не получая никакого вознаграждения за синодальную службу и чувствуя крайнюю нужду в денежных средствах, обер-прокурор не имел возможности найти желательный выход из своего тяжелого экономического положения в непосредственном обращении к одной верховной власти, так как поданная им на имя государя челобитная¹²¹ о назначении добавочного жалования осталась без должных последствий; в распоряжении Болтина находилось еще другое средство – помощь и содействие самого св. Синода. Правда, подобное средство, может быть, и представлялось очень неприятным обер-прокурору, но печальная необходимость заставила его обратиться к св. Синоду и уже, конечно, не с «предложением», а с простым, обыкновенным прошением, имеющим место в отношениях низших лиц к высшим.

Такой характер смиренного прошения, без сомнения, носит доношение Болтина, представленное усмотрению св. Синода 16 декабря 1723 года¹²²; «бил челом я Его Императорскому Величеству», писал обер-прокурор, «а вашему святейшеству подал челобитную о своей скудости, о награждении Его Императорского Величества жалованьем против своей братии, как в том челобитье моем показано, – и по тому моему челобитью прошу, чтоб ваше святейшество благоволили сообщить ведение правительствующему Сенату, дабы за вашим предстательством по тому моему челобитью милостивое рассмотрение учинили». Синод, уже испытывавший большие неудовольствия из-за известного нам протеста Болтина по поводу получения синодальными членами полного жалованья за весь 1721 год, как видно, не спешил «предстательствовать» за обделенного обер-прокурора, так как упоминаемая в прошении челобитная была подана еще 4 ноября 1723 года¹²³, и Болтин, не дождавшись никакой резолюции, должен был снова возбудить старый вопрос о прибавочном жаловании. Указывая на приличные размеры добавочного вознаграждения своим

сверстникам, одновременно с ним назначенным на гражданскую службу, и на крайнюю недостаточность одного полковничьего оклада, он просил «для его скудости, Его Императорского Величества милостию наградить». И только после представления второго прошения Синод, наконец, принял участие в незавидном экономическом положении Болтина и постановил сообщить правительствующему Сенату свое мнение о необходимости назначить обер-прокурору добавочное жалованье за его службу по духовному ведомству. Но так как постановление Синода, вследствие медленности сенатского делопроизводства, долгое время не сопровождалось никакими практическими результатами, благоприятными для обер-прокурорских интересов, то Болтин 9 сентября 1724 года еще раз обратился к высшему органу церковного управления с всепокорнейшим прошением выдать ему, по крайней мере, какое-либо вознаграждение из особых неокладных доходов, находившихся в исключительном ведении одного св. Синода. «На 1724 год», писал в своем прошении Болтин¹²⁴, «жалованья и доньше ничего не получил; а и на прошлый год жалованье, хотя я ранг полковничий и обер-прокурорской имею, за вычетом четвертой части, получил только 225 рублей. К тому же необходимую и крайнюю в строении по Его Императорского Величества указу на Васильевском острове двора имею нужду и исправиться в том строении не вем чем, отчего опасен лишения своих (хотя и малое число имею) деревнишек, дабы в крайнюю нищету не приитить». Выставив на вид свое безвыходное материальное положение, обер-прокурор указал Синоду на возможность, и без предварительного соглашения с Сенатом, наградить его известной суммой денег из наличных неокладных доходов и «всепокорнейше просил», чтобы поданное им заявление не было оставлено без внимания.

Просьба Болтина была уважена Синодом, но подобное обстоятельство не могло, конечно, уничтожить тяжелой экономической зависимости обер-прокурорской власти от высшего церковного учреждения, так как синодальное постановление о выдаче обер-прокурору 300 рублей в награду за всю его уже довольно продолжительную службу¹²⁵ имело

характер только временной, случайной меры и нисколько не избавляло необеспеченного в материальном отношении обер-прокурора от необходимости в недалеком будущем вновь обращаться за содействием и помощью к тому же св. Синоду. И, действительно, мы видим, что через несколько месяцев после получения денежного вознаграждения нужда снова заставила Болтина поставить себя в нежелательные отношения к высшему органу церковного управления¹²⁶. 19 февраля 1725 года обер-прокурор, еще не получивший казенного жалования за прошедший 1724 год, подал в правительствующий Синод новое прошение, где обращал его внимание на возможность одной комбинации, способной временно вывести Болтина из затруднительного материального положения. Но Синод на просьбу обер-прокурора выдать ему, в зачет заслуженного жалования, какую-либо сумму денег из наличной синодальной казны отвечал решительным отказом, сославшись на то, что все чиновники должны получать свое жалование из штатс-конторы.

Не трудно представить себе, как должно было отражаться такое необеспеченное материальное положение обер-прокурора на характере его отношений к высшему церковному учреждению. Ничтожные размеры и своеобразные условия получения жалования создавали для Болтина тяжелую необходимость довольно часто обращаться к Синоду или за благосклонным содействием, или прямо за материальной помощью и заставляли его постоянно чувствовать себя в сильной экономической зависимости от церковного учреждения; наличность же подобных условий нередко не могла не парализовать самого желания прокуратуры настойчиво отстаивать государственные интересы в сфере церковного управления, так как обер-прокурор, при всех своих правах и полномочиях, предоставленных ему инструкцией, в некоторых случаях, невольно должен был считаться с опасностью восстановить против себя членов св. Синода.

По-видимому, с констатируемым нами фактическим бессилием обер-прокурора, обуславливавшимся, главным образом, отсутствием у Болтина надежной и могущественной поддержки со стороны верховной власти, довольно плохо

мирится та настойчивость, какую имел возможность проявить обер-прокурор в своих требованиях немедленного взыскания долга с одного из наиболее влиятельных синодальных членов, Феофана Прокоповича¹²⁷. Конечно, было бы трудно допустить, чтобы представитель прокуратуры, лишенный всякой фактической поддержки со стороны государя, мог так настойчиво и энергично требовать от св. Синода немедленного исполнения своего предложения о взыскании казенных денег с архиепископа Феофана, аккуратно возобновляя неприятные для Синода требования через определенный срок; не следует забывать, что должник, которого так упорно преследовал Болтин своими обер-прокурорскими предположениями, был лицом очень влиятельным и пользовавшимся особенным расположением государя, почему невольно и является предположение, что обер-прокурор, в своих столкновениях с Феофаном Прокоповичем, также должен был опираться на сильное содействие и покровительство верховной власти или, по крайней мере, иметь достаточные основания рассчитывать на возможность такого содействия. Но недоразумения, невольно возникающие при мысли о чрезвычайной настойчивости, проявленной обер-прокурором в деле взыскания долга с наиболее влиятельного синодального члена, легко разъясняются тем обстоятельством, что, в данном случае, Болтин действовал не один, а в союзе с другим, не менее сильным членом Синода, Феодосием Яновским, находившимся во враждебных отношениях с Феофаном.

Насколько, действительно, сам по себе, был невлиятелен и бессилён синодальный обер-прокурор, юридически наделенный значительными правами и полномочиями, но фактически не всегда имевший возможность пользоваться ими, вследствие отсутствия необходимой близости к источнику своих полномочий, всего яснее доказывается печальными результатами столкновения Болтина с вице-президентом Синода, архиепископом Феофаном.

По распоряжению Феодосия Яновского и Болтина, желавших подвести Феофана Прокоповича под какую-либо ответственность и таким путем ослабить его влияние или даже

совершенно отстранить соперника Яновского от участия в церковном управлении, псковский провинциал-инквизитор, иеромонах Савватий, произвел ревизию местного печерского монастыря и в начале 1725 года сделал донос обер-прокурору о найденных при ревизии беспорядках, соединенных с растратой монастырского имущества¹²⁸. Так как наблюдение за целостью монастырских имуществ было одной из прямых обязанностей прокуратуры, то Болтин воспользовался присланным доносом и формально возбудил в Синоде дело о злоупотреблениях, имевших место в епархии псковского архиепископа Феофана. Но со смертью Петра и со вступлением на престол императрицы Екатерины I, положение Феодосия, успевшего своей притязательностью и заносчивостью восстановить против себя очень многих сильных и влиятельных лиц, сделалось в высшей степени непрочным и ненадежным, положение же Феофана, оказавшего громадную услугу новой императрице, напротив, упрочилось еще более прежнего; неудивительно, что и столкновение обер-прокурора с влиятельным членом Синода повело за собой крайне неблагоприятные последствия для первого из них. Феофан сумел поставить дело таким образом, что Синод поручил ему самому исследование доноса, представленного Болтину провинциал-инквизитором Савватием; без сомнения, уже такая постановка дела, являвшаяся результатом бессилия обер-прокурора, должна была в значительной степени уменьшить опасность, угрожавшую Прокоповичу, но одна она, при существовании в Синоде таких врагов, как Феодосий и его сторонник, Болтин, оказалась еще не в состоянии гарантировать псковского архиепископа от всевозможных неприятных случайностей начавшегося судебного следствия.

Крайняя бестактность Феодосия Яновского¹²⁹ доставила Феофану легкий и удобный случай совершенно освободиться от своих опасных врагов, и 22 апреля 1725 года Феофан Прокопович, от имени синодальных членов, донес Екатерине о непозволительных поступках Феодосия, представив его политически неблагонадежным лицом. Екатерина, имевшая уже достаточно оснований быть сильно недовольной Яновским, 27

апреля приказала арестовать обвиняемого архиепископа, а так как обер-прокурорская инструкция, вменявшая представителю прокурорского надзора в неперемennую обязанность «верно поступать»¹³⁰ по своей должности, возлагала на прокуратуру долг каждого верноподданного делать своевременные донесения о политических преступниках и угрожала, в противном случае, наказанием самому обер-прокурору, то вместе с Феодосием, по распоряжению государыни, был взят в крепость и его сторонник, Болтин¹³¹. Привлеченный к допросу, бывший синодальный обер-прокурор должен был тяжело поплатиться за свое столкновение с сильным и влиятельным членом высшего церковного учреждения. Одновременно с обнародованием высочайшего указа о наказании осужденного Феодосия, – указа, составленного Феофаном Прокоповичем¹³² и подписанного Екатериной 11 мая 1725 года¹³³, состоялось и решение участи Ивана Васильевича Болтива; обвиненный в упущениях по своей должности, выразившихся в том, что он не доносил о предосудительных и незаконных поступках Яновского, и уличенный в пристрастном отношении к Феодосию, обнаруженном на допросах, бывший обер-прокурор оказался приговоренным к ссылке в Сибирь, с правом получения какого-либо служебного назначения. Но в скором же времени враги Болтина успели открыть в его прошлой обер-прокурорской деятельности еще новые упущения, и первый представитель прокуратуры в высшем церковном учреждении был лишен всяких прав на занятие каких бы то ни было правительственных должностей¹³⁴. Через два года правительство признало, однако же, Болтина заслуживающим прощения и назначило его на должность вице-губернатора Сибири¹³⁵.

А. П. Баскаков. Реорганизация св. Синода и назначение Баскакова членом второго синодального апартамента

11-е мая 1725 года, когда верховная власть окончательно решила участь Болтина, было в то же время и днем высочайшего назначения нового синодального обер-прокурора, лейб-гвардии капитана, Алексея Петровича Баскакова¹³⁶. Правительствующий Сенат сообщил высшему органу церковного управления о состоявшемся назначении, и Синод 18 мая 1725 года постановил разослать указы о вступлении в должность преемника Болтина¹³⁷.

Баскаков, еще задолго до своего определения в новую должность, уже исполнял правительственные поручения по духовному ведомству и имел случаи приходить в непосредственные соприкосновения с самим св. Синодом. «Святейший Синод!», писал император Петр 29 мая 1724 года. «Деньги, собираемые за штраф с раскольников без указа Нашего ни на какие расходы не держите. А из вышереченных денег отпускайте на дела капитану Баскакову, по его письмам, сколько он потребует»¹³⁸. В тот же день Баскаков получил высочайшее предписание заведовать распределением монастырских доходов на жалование начальствующим, на церковные потребности, на поддержку монастырей, на больных со служащими им монахами, на малолетних и был уполномочен государем отвести для госпиталей и сиротских домов Вознесенский, Чудов и Новодевичий монастыри, а для школ приспособить тот из монастырей, который будет указан св. Синодом¹³⁹. Синод постановил отдать для образовательных целей Николаевский Перервинский монастырь¹⁴⁰, но, прежде чем его определение было приведено в исполнение, Баскаков словесно объявил ему высочайший указ о назначении для подобной цели другого монастыря, уже избранного самим Петром¹⁴¹. – Сличая полученные из некоторых монастырей ведомости со сведениями, присланными из Сената, Баскаков легко пришел к заключению, что между ними существует

громадное различие, вредно отражающееся на интересах государственного казначейства, почему, через московскую синодальную канцелярию, и просил св. Синод сделать распоряжение, чтобы деньги и хлеб собирались с монастырских вотчин в размерах, определенных в сенатских ведомостях¹⁴². После запроса, посланного Баскакову, и рассмотрения полученного от него ответа, Синод увидел необходимость сделать постановление, согласное с доношением будущего обер-прокурора, и предписал камер-конторе, через прежних комиссаров, немедленно же доставить в Чудов и Вознесенский монастыри хлеб, недобранный с их вотчин за 1724 год, а затем и совсем не вступаться в сборы разнообразных доходов с указанных монастырей¹⁴³.

Преследуя казенные интересы, Баскаков составил определенные правила относительно содержания Чудова монастыря и в них довольно чувствительно затронул интересы монастырского начальства¹⁴⁴. Чудовский архимандрит, состоявший в то время синодальным членом, нашел невозможным принять в обязательное руководство полученные правила и представил их, вместе с своими замечаниями¹⁴⁵, на рассмотрение св. Синода; последний, очевидно, разделял отношение своего члена к требованиям Баскакова и также не желал практического применения выработанных им новых правил, так как постановил – на ближайшей же конференции предложить Сенату составить более удобные законоположения о содержании как Чудова, так и других монастырей¹⁴⁶.

Таким образом, еще до вступления в новую должность синодального обер-прокурора, Баскаков имел уже случай практически, путем непосредственного опыта, несколько ознакомиться с наиболее интересными для государства экономическими делами, находившимися в ведении св. Синода, и с характером отношений к подобным делам высшего церковного учреждения. Некоторая опытность, хотя бы и не особенно значительная, давала возможность новому обер-прокурору сообразоваться в своей деятельности, в своих отношениях к св. Синоду с действительными, реальными стремлениями его членов, не всегда благоприятными для тех

государственных интересов, охранение которых в сфере церковного управления составляло специальную обязанность прокуратуры. Но одно предварительное знакомство с некоторыми отраслями церковного управления, могло избавить Баскакова и только от некоторых нетактичных шагов по отношению к св. Синоду; оказать же какое-либо существенное, заметное влияние на фактическое положение синодального обер-прокурора в высшем органе церковного управления оно было совершенно бессильным.

Чтобы яснее представлять себе характер не юридических, а действительных, бытовых отношений обер-прокуроров к св. Синоду, необходимо помнить, что обер-прокурорская власть, введенная преобразователем в высший орган церковного управления, являлась не только своеобразным дополнением к коллегиальному учреждению, предназначенным к оживлению его правительственной деятельности, но и охранительницей государственных интересов в области церковного управления. Как специальные органы правительственного надзора за государственными интересами в церковном управлении, обер-прокуроры должны были стремиться в своей деятельности к целям, которые далеко не всегда могли совпадать с интересами церкви, как их понимали члены св. Синода. Различие в основных взглядах Синода и его обер-прокуроров на церковные и государственные интересы и оказывало громадное влияние на характер их действительных, бытовых взаимных отношений.

Одним из наиболее важных факторов, обуславливавших собой ничтожное значение Болтина в церковном управлении, являлся, как мы видели, крайне неопределенный характер отношений обер-прокурора и Синода к верховной власти, дававший возможность высшему церковному учреждению в непосредственном обращении к государю находить достаточно средств для того, чтобы в известных случаях, когда обер-прокурорская власть обнаруживала стремления воспользоваться своими правами и полномочиями в ущерб интересам Синода, совершенно парализовать влияние прокуратуры на церковное управление. Неопределенность отношений Синода к верховной власти, являвшаяся

результатом отсутствия точной правительственной регламентации по данному вопросу, в скором же времени после назначения Баскакова синодальным обер-прокурором, была устранена высочайшим указом императрицы Екатерины I; но новое правительственное распоряжение не только не отнимало у св. Синода возможности пользоваться известными выгодам и преимуществами непосредственных обращений к государыне, а даже, напротив, узаконило такой порядок сношений с верховной властью.

1 июля 1725 года сенатский обер-секретарь, пригласив в свою канцелярию синодального секретаря Тишина, словесно объявил ему высочайший указ императрицы Екатерины, чтобы св. Синод докладывал в Кабинет Ее Величества о положении своих дел; по словам сенатского обер-секретаря, Синод должен был рапортовать в императорский Кабинет о количестве, содержании, времени слушания и характере решений рассматриваемых дел¹⁴⁷. Так как с содержанием высочайшего указа высший орган церковного управления был ознакомлен довольно оригинальным способом, то он нашел нужным предварительно переговорить о новом правительственном распоряжении с тайным кабинет-секретарем Макаровым, заведовавшим делами императорского Кабинета; Макаров подтвердил действительное существование подобного указа, читанного в покровительствующем Сенате, и, заявив, что и сенатские рапорты присылаются в Кабинет, предложил и Синоду еженедельно доставлять к нему свои доклады для объявления их ее Императорскому Величеству, после чего состоялось уже формальное определение представлять синодальные рапорты непосредственно в Кабинет императрицы¹⁴⁸.

С появлением Верховного Тайного Совета, Синод, поставленный, вместе с Сенатом, в подчиненные отношения к новому высшему государственному учреждению, лишился возможности непосредственных сношений с верховной властью, так как, получая указы из Тайного Совета, он должен был подавать в него и свои «доношения» о разнообразных делах, требовавших высочайшей резолюции. Конечно, лишение

Синода возможности непосредственных сношений с верховной властью, не могло не отразиться неблагоприятным образом на самостоятельности и независимости высшего церковного учреждения, но синодальный обер-прокурор не получал никаких выгод и не приобретал никаких преимуществ от унижения Синода и сильного стеснения его деятельности властью Тайного Совета; новый орган высшего государственного управления одинаково отстранял от непосредственных сношений с верховной властью как св. Синод, так и самого обер-прокурора, и последний, в случаях столкновения с синодальными членами и безрезультатности своих протестов, должен был обращаться за содействием к тому же Верховному Тайному Совету.

Правда, с учреждением Верховного Совета приходится иногда видеть Баскакова и в новой роли, очень важной в деле развития фактического влияния обер-прокурорской власти на церковное управление; мы имеем в виду роль посредника между св. Синодом и высшей правительственной инстанцией, в какой иногда получал возможность выступать синодальный обер-прокурор, представляя на рассмотрение Тайного Совета некоторые доклады Синода и передавая последнему распоряжения, указы Верховного Совета. 9 июня 1727 года обер-прокурор Баскаков явился в Верховный Тайный Совет с докладом от Синода об отрешении от должности обер-секретаря Палехина¹⁴⁹ и, выслушав состоявшееся здесь решение по данному вопросу, в ближайшем заседании объявил Синоду об участии бывшего обер-секретаря и о временном поручении его обязанностей простым секретарям¹⁵⁰. – 26 сентября 1726 года Верховный Совет распорядился призвать к себе Алексея Баскакова и приказал ему передать Синоду указ о сочинении проекта реорганизации высшего органа церковного управления и о немедленном доставлении его в Тайный Совет¹⁵¹. – 8 мая 1727 года то же высшее государственное учреждение постановило объявить Синоду о необходимости прекратить чтение по церквям печатных листов о государственном наследстве и на следующий день поручило обер-прокурору Баскакову передать состоявшееся определение св. Синоду¹⁵².

Но такие факты посредничества между св. Синодом и высшей правительственной инстанцией были только редкими, случайными явлениями, обычный же, нормальный порядок сношений Синода с верховной властью через Тайный Совет не давал никакого места посредничеству обер-прокурора. Уничтожение Совета и появление нового высшего государственного учреждения – Кабинета также не оказали заметного влияния на установившийся порядок сношений Синода и его обер-прокурора с верховной властью.

Фактически поставленный в своих отношениях к самодержавной власти в условия, крайне неблагоприятные для развития обер-прокурорского влияния на церковное учреждение, Баскаков, подобно своему предшественнику – Болтину, находился еще и в известной зависимости от Синода в материальном, финансовом отношении. Хотя он и не испытывал такого затруднительного положения, как Болтин, и имел право, по рангу генерал-майора, на более высокое жалование, но отсутствие определенного правительственного оклада за исполнение обязанностей обер-прокурорской службы ставило Баскакова в неприятную необходимость обращаться к Синоду с просьбами о назначении и выдаче заслуженного жалования. В 1726 году штатс-канцелярия сообщила св. Синоду о просьбе обер-прокурора Баскакова определить и выдать ему вознаграждение за всю его уже довольно продолжительную служебную деятельность и заметила, что она, с своей стороны, находит возможным назначить просителю, по рангу генерал-майора, за 7 месяцев и 7 дней, прошедших со времени его вступления в должность, 637 руб. 79¾ коп. Синод, рассмотрев сообщение штатс-канцелярии и согласившись с ее мнением о размерах вознаграждения нового обер-прокурора, постановил выдать просителю назначенное жалование¹⁵³.

Как не существовало определенного правительственного оклада для синодального обер-прокурора, так не было и строго определенного порядка во времени получения обер-прокурором заслуженного жалования; в этом последнем отношении представитель прокуратуры находился уже в полнейшей зависимости от высшего церковного учреждения, так как выдача

жалованья¹⁵⁴ могла быть произведена не иначе, как в силу особого постановления св. Синода, который, в данном случае, относился к своему обер-прокурору совершенно также, как и ко всем другим чиновникам, состоявшим при нем для разнообразных потребностей синодального управления. «Святейший Правительствующий Синод», читаем в его протоколе от 16 мая 1830 года¹⁵⁵, «приказали обретающемуся при Их Святейшестве обер-прокурору господину Баскакову» выдать из коллегии экономии заслуженное жалование за январскую треть 1730 года в количестве 352 р. 70 коп., с обязательным вычетом на нужды лазарета по одной копейке с рубля. И не следует думать, что подобный порядок выдачи обер-прокурорского жалования был только простой и пустой формальностью, безразличной для фактического положения прокуратуры в высшем церковном учреждении; напротив, существование такого порядка довольно чувствительно отзывалось на интересах обер-прокурора и нередко вынуждало его обращаться к Синоду с прошениями ускорить выдачу заслуженного, но по чему-либо задерживаемого жалования.

Принимая самое ничтожное и незаметное участие в сношениях св. Синода с верховной властью и находясь в известной экономической зависимости от него, Баскаков в то же время представлял из себя такую же маловлиятельную личность, не пользовавшуюся особенным значением в высших правительственных сферах, какой был и его предшественник, Болтин.

Одинаковые условия, в каких приходилось действовать первым представителям прокуратуры в церковном управлении, создавали и одинаковый характер фактических отношений синодальных обер-прокуроров к высшему церковному учреждению. Баскаков, юридически располагавший правом протестовать против постановлений Синода, признаваемых им не согласными с требованиями законов, и не позволять синодальным членам приводить в исполнение опротестованные определения, довольно часто должен был убеждаться в фактическом бессилии обер-прокурорской власти, не имевшей

возможности настоять на обязательном исполнении своих требований.

6 мая 1729 года св. Синод определил приписать к одной из существующих церквей участок земли, когда-то также принадлежавший давно уже исчезнувшей церкви, но незадолго пред тем отданный казенным приказом местному землевладельцу, получившему ее за высшую цену, объявленную на публичных торгах. Синод постановил владеть спорной землей церковному причту или же, с его согласия, пользоваться данным участком другому претенденту на церковную землю, под условием непрямого выполнения им принимаемых на себя обязательств; публичные же торги, позволившие казенному приказу установить высшую цену за оброчное владение землей, были признаны незаконными и недействительными. Баскаков увидел в синодальном определении нарушение интересов казны и, пользуясь предоставленным ему правом протеста, заявил, что Синод поступил «не по силе указов»; по его словам, публичный торг на церковную землю был объявлен казенным приказом вполне правильно и законно, между тем как синодальное постановление, предоставившее владение земельным участком из-за пятидесятирублевого оброка одному заинтересованному лицу и отстранившее от публичного торга всех других претендентов, находилось в прямом противоречии с высочайшими указами. Синод, руководящийся в своих отношениях к вопросу о спорном участке церковной земли не интересами государственной казны, а интересами собственного ведомства, оставил без всяких последствий протест обер-прокурора и вновь постановил, согласно со своим прежним определением, отдать землю во владение местному церковному причту¹⁵⁶.

Интересно, что в своем последнем постановлении св. Синод нашел нужным совершенно не упоминать о протесте и предложении обер-прокурора, но секретари синодальной канцелярии, составляя, на основании состоявшегося определения, указ для казенного приказа, по каким-то соображениям, внесли в него и предложение Баскакова. Синод

узнал о таком поступке своих секретарей уже после того, как указ был отправлен по назначению, и архиепископ Леонид, стоявший в близких отношениях к казенному приказу, обратил его внимание на то, что в присланном указе, «в противность законам, написано излишество». Сличив указ со своим определением и убедившись, что в него внесено не упомянутое в постановлении обер-прокурорское предложение, Синод определил уничтожить старый указ и написать новый, без всяких упоминаний о предложении Баскакова, так как оно, по его словам, «недействительно», канцелярских же секретарей, за их самовольный поступок, привлечь к допросу и законной ответственности.

Не придавая большего значения протестам Баскакова и в некоторых случаях оставляя их без всяких последствий, Синод находил возможным не исполнять и обер-прокурорских предложений, если последние в каком-либо отношении оказывались небезразличными для его интересов. 16 ноября 1725 года Баскаков, исполнявший в то время свои служебные обязанности за пределами С.-Петербурга, послал в св. Синод предложение об обязательном аккуратном ведении специального обер-прокурорского журнала, успевшего прекратить свое существование за время отсутствия самого обер-прокурора. Баскаков писал, что, по сообщению экзекутора Лукина, в синодальной канцелярии уже давно не производится никаких записей в особом обер-прокурорском журнале, и что экзекутор до самого последнего времени не имеет еще от Синода специальной инструкции; отсутствие обер-прокурорского журнала, по словам Баскакова, лишало возможности синодального экзекутора записывать разнообразные справки, требуемые от него правительствующим Сенатом, так как и канцелярские служители, приставленные к ведению журнала, были определены к другим делам и не заменены новыми канцеляристами. В видах устранения нежелательных последствий замеченных беспорядков, обер-прокурор и предложил св. Синоду или определить к временно прекратившему свое существование журналу прежних канцелярских служителей, или назначить новых чиновников и

обязательно производить необходимые записи в обер-прокурорском журнале, эскуатора же снабдить особой инструкцией, чтобы «в делах ее Императорского Величества остановки и помешательства не было»¹⁵⁷.

Аккуратное ведение особого, специального обер-прокурорского журнала являлось, конечно, в руках представителя прокурорского надзора одним из важных средств для действительного контролирования деятельности высшего церковного учреждения. Правда, св. Синод, мотивируя свой отказ от исполнения обер-прокурорского предложения, утверждал, что общий «журнал всем входящим в него доношениям и прочему по обыкновению» ведется в регистратуре, где производятся также и записи указов¹⁵⁸, так что, справившись с протоколами, всегда возможно получить все необходимые сведения, но нет достаточных оснований думать, что ведение специального обер-прокурорского журнала действительно являлось только излишней канцелярской обузой, бесполезной даже для самой прокуратуры, как представлял дело св. Синод¹⁵⁹. Несомненно, что существование, узаконенного инструкцией, специального обер-прокурорского журнала, в который тщательно должны были записываться все дела, подлежащие рассмотрению и решению Синода¹⁶⁰, в значительной степени облегчало прокуратуре выполнение возложенной на нее обязанности «смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по Регламентам и указам отправлял»¹⁶¹. Неудивительно, что Баскаков, получивший донесение о прекращении установленных инструкцией записей в своем обер-прокурорском журнале, пожелал восстановить старые узаконенные порядки, дававшие ему возможность, без больших затруднений, контролировать деятельность св. Синода и за время своих отлучек из Петербурга. Но Синод, рассмотрев предложение Баскакова, не только не нашел нужным привести его в исполнение, а и в довольно резкой форме поставил на вид обер-прокурору крайнюю неуместность его требования. Высший орган церковного управления приказал своей канцелярии

сообщить Баскакову, что экзекутор не нуждается ни в какой инструкции и совершенно напрасно написал обер-прокурору, без предварительного доклада св. Синоду, о воображаемых беспорядках, так как специальный обер-прокурорский журнал не ведется по той простой причине, что и не существует особых обер-прокурорских действий.

Особенный интерес представляет для нас то обстоятельство, что в своем ответе, посланном Баскакову, Синод не ограничился только простым указанием на временное отсутствие обер-прокурорских действий, обуславливавшееся пребыванием Баскакова за пределами Петербурга, как на достаточно уважительную причину несуществования самого журнала, а и заявил довольно решительным образом, что, даже при наличном присутствии представителя прокуратуры нет никакой нужды в особом обер-прокурорском журнале¹⁶².

Резкое различие между юридическим и фактическим положением обер-прокурора в высшем церковном учреждении не могло не оказать известного влияния и на характер отношений к Баскакову подчиненных Синоду второстепенных учреждений духовного ведомства. Действительное влияние обер-прокурорской власти на церковное управление было еще так слабо и ничтожно, что некоторые предложения обер-прокурора оставались без исполнения не только самим св. Синодом, но и низшими органами синодального управления. Еще Болтин был вынужден обратить внимание Синода на то, что московская синодальная канцелярия не вполне понимала свои обязанности по отношению к обер-прокурору; ссылаясь на один из пунктов высочайшей инструкции, где обер-прокурору повелевалось иметь в своей рекции канцелярию Синода и ее служителей, он выводил из него заключение, что и подчиненные высшему церковному учреждению канцелярия и конторы должны быть послушны ему, Болтину¹⁶³. Но, как видно, Синод не нашел нужным внушить своей московской канцелярии правильного понимания ее служебных обязанностей по отношению к обер-прокурору. По крайней мере, когда преемник Болтина, Баскаков, получивший предписание обревизовать московские соборы и монастыри, обратился в местную

синодальную канцелярию с предложением оказать ему необходимое содействие в предстоявших работах и разослать по монастырям и соборам «послушные указы» о беспрепятственном предоставлении в распоряжение обер-прокурора нужных сведений, московская синодальная канцелярия не отнеслась к предложению Баскакова, как к чему-либо обязательному для себя; она нашла необходимым предварительно осведомиться о том, как смотрит на намерения обер-прокурора и как относится к его требованию св. Синод, и, заявив, что без синодального указа не смеет исполнить предложения Баскакова, просила высший орган церковного управления дать ей надлежащие инструкции¹⁶⁴.

Характеризуя фактическое положение обер-прокурора в сфере его отношений к св. Синоду и подчиненным последнему низшим административным учреждениям, цитируемый документ, в то же время, позволяет нам составить довольно определенное представление и о тех взглядах на обер-прокурорскую власть и ее значение в церковном управлении, какие тогда имели место не только в непосредственно зависевших от Синода правительственных органах, но и во всем вообще синодальном ведомстве, не исключая даже и низших, отдельных его представителей из среды простого, невлиятельного епархиального духовенства и монашества. Авторитет синодального обер-прокурора в мире современного Баскакову духовенства и монашества был еще настолько незначителен, что обер-прокурор не имел достаточных оснований рассчитывать на беспрепятственное выполнение возложенного на него поручения и принужден был предварительно заручиться содействием московской синодальной канцелярии, предложив ей особыми указами обязать настоятелей соборов и монастырей повиноваться ему, Баскакову, при производстве переписи разниц и церковной утвари в московских соборах и монастырях. И св. Синод также допускал полнейшую возможность таких явлений, как неповиновение личным обер-прокурорским распоряжениям простых протоиереев и архимандритов, так как нашел необходимым послать в надлежащие места специальные указы,

чтобы «подчиненные Синоду были послушны обер-прокурору Баскакову в переписке ризниц и церковной утвари»¹⁶⁵.

Только в тех случаях, когда представитель прокуратуры пользовался своими полномочиями правительственного контролера над деятельностью разнообразных органов церковного управления, не только не нарушая интересов св. Синода, но даже оказывая ему известное содействие в уничтожении нежелательных беспорядков и злоупотреблений, обер-прокурорская власть встречала сочувственное отношение к своим предложениям со стороны высшего церковного учреждения. Баскаков, ознакомившись с деятельностью синодального казенного приказа, заведовавшего, между прочим, раздачей в оброчное пользование находившихся в Москве и во всей бывшей патриаршей области церковных земель, увидел значительную беспорядочность приказного делопроизводства, обуславливавшую собой чрезвычайно легкую возможность различных злоупотреблений местных чиновников; казенный приказ не сообщал в св. Синод никаких сведений ни о количестве отданных в оброк церковных земель, ни о месте их нахождения, ни о размерах земельных участков и назначенной за них оброчной платы и не уведомлял его ни о получении оброка, ни об употреблении в расход собранных денег. Обер-прокурор нашел, что подобные порядки или, вернее, беспорядки «не без сумнительства», и предложил высшему органу церковного управления, вытребовав необходимые сведения из казенного приказа, воспретить на будущее время такую раздачу оброчных церковных земель без ведома св. Синода. Так как бесконтрольное хозяйничанье казенного приказа оброчными церковными землями, действительно, очень легко могло давать место различным злоупотреблениям, от которых должны были страдать интересы не одного только государственного казначейства, но и самого синодального ведомства, то св. Синод, не видевший ничего неприятного и стеснительного для себя в предложении Баскакова, и постановил поступить вполне согласно с желанием и указаниями своего обер-прокурора¹⁶⁶.

3 июня 1726 года Баскаков, получивший известие, что архимандрит казанского Спас-Преображенского монастыря, Салникеев, самовольно распродал некоторые церковные вещи, предложил св. Синоду послать казанскому преосвященному указ о производстве немедленной ревизии местного Спасо-Преображенского монастыря, поручив ему освидетельствовать по прежней описи все монастырское имущество и, в случае действительного исчезновения каких-либо церковных принадлежностей, надлежащим образом допросить Салникеева, для чего и препроводить в Казань подозреваемого архимандрита, находившегося в то время в Москве. Предложение назначить судебное следствие по делу о расхищении монастырских драгоценностей, в данном случае, вполне совпадало с интересами самого св. Синода, не менее обер-прокурора оберегавшего церковную собственность от незаконных растрат, почему Синод придал должное значение сообщению обер-прокурора и постановил исполнить желание Баскакова¹⁶⁷.

3 июня 1728 года московская духовная дикастерия донесла св. Синоду, что она не имеет никакой возможности справиться со всеми своими многочисленными и разнообразными делами при наличном существовании единственного секретаря, и просила определять на должность второго секретаря или канцеляриста Зыкова, или регистратора Яковлева. Один из синодальных членов, архиепископ ростовский Георгий, написал на доношении духовной дикастерии: «велеть быть Зыкову», а другой – Игнатий, митрополит коломенский, еще добавил, что на освободившееся место Зыкова назначается Яковлев. Баскаков обратил внимание Синода на одно обстоятельство, совершенно упущенное из внимания при определении второго секретаря московской дикастерии, а именно на то, что Зыков не представил еще счетных списков прихода и расхода по своей настоящей должности, почему обер-прокурор и высказал «опасение» в возможности нежелательных последствий от такого не вполне законного способа назначения чиновников на новые должности; по его мнению, намеченного кандидата можно произвести в секретари только по окончании

необходимой проверки находившихся в распоряжении Зыкова прихода-расходных книг и, конечно, при том неременном условии, если, после произведенного учета, он окажется стоящим вне всяких подозрений. Трудно было не согласиться со справедливостью замечаний Баскакова, и весьма вероятная возможность злоупотреблений в непроверенных действиях синодального чиновника, некоторое время находившегося «у прихода и расхода» денежных сумм, побудила св. Синод постановить: немедленно же и самым тщательным образом «счесть» Зыкова по приходу-расходным книгам, за все время его пребывания у прихода и расхода, и, если по тому счету Зыков будет призван бесподозрительным, назначить его в секретари дикастерии¹⁶⁸.

Определяя характер отношений Баскакова, как «ока государя и стряпчего о делах государственных», к святейшему Синоду, как высшему церковному учреждению, необходимо еще заметить, что обер-прокурор иногда имел возможность видеть точное и немедленное исполнение своих предложений даже и при таких условиях, если ему приходилось затрагивать некоторые вопросы, не совсем безразличные для интересов синодальных членов. Но такие, сравнительно редкие, случаи нисколько не противоречат вашим представлениям о характере фактических отношений первых обер-прокуроров к св. Синоду, так как самая возможность подобных фактов обуславливалась не тем, что высшее церковное учреждение добровольно признавало себя обязанным исполнять предложения своего обер-прокурора, а другими, совершенно посторонними и чисто внешними причинами. Баскакову иногда приходилось делать Синоду известные предложения не лично от себя самого, а от высшего государственного учреждения, каким был в то время Верховный Тайный Совет, или даже от какого-либо всеильного фаворита, и, в таких исключительных случаях, обер-прокурор, по большей части, не встречал никакого противодействия передаваемым предложениям со стороны высшего органа церковного управления.

В предложении от 31 мая 1727 года Баскаков писал св. Синоду, что Верховный Тайный Совет, призвав к себе его, обер-

прокурора, приказал составить особые отчетные ведомости о различных денежных суммах и денных вещах, поступавших в распоряжение св. Синода за все время его существования; в ведомостях, по распоряжению Верховного Совета, требовалось сообщить точные сведения о размерах собранного с раскольников двойного оклада, с указанием расходов и потребностей, на какие были истрачены полученные суммы, о количестве денег и вещей, оставшихся после умерших архиереев, архимандритов и других духовных лиц и поступивших в распоряжение Синода, о сумме разнообразных штрафов и, наконец, о том, кому из синодальных членов были розданы платье и другие вещи, сохранившиеся после московских патриархов. Так как далеко не все сведения, необходимые для составления подобных ведомостей, могли быть найдены Баскаковым в канцелярии Синода, и большая часть их сохранилась в документах московских синодальных учреждений, то обер-прокурор и предложил высшему органу церковного управления предписать московской синодальной канцелярии немедленно же произвести все необходимые справки и собранные сведения представить в св. Синод¹⁶⁹.

Едва ли возможно допустить, чтобы предложение Баскакова – составить для Верховного Тайного Совета подробные и точные ведомости о расходовании различных денежных сумм и употреблении в личное пользование разнообразных ценных вещей, находившихся в распоряжении Синода, нисколько не нарушало его интересов; напротив, мы, по всей вероятности, не ошибемся, если предположим, что привлечение к отчетности в таком важном деле, как получение и расходование денег, должно было показаться высшему органу церковного управления очень неприятным и совсем уже нежелательным явлением. Между тем, св. Синод тотчас же сделал соответствующее предписание своей московской канцелярии и даже постановил тот же день (31 мая) составить требуемые ведомости на основании имеющихся под руками сведений и представить их в Верховный Тайный Совет¹⁷⁰.

Понятно, что в данном и в аналогичных с ним случаях не могло иметь никакого места личное влияние обер-прокурора на

решения и определения св. Синода, так как Синод чувствовал себя вынужденным исполнять не предложения Баскакова, а волю и желания Тайного Совета, сосредотачивавшего в своих руках высшее управление всеми государственными делами. Конечно, и простое посредничество Баскакова между могущественным Верховным Советом и церковным учреждением легко могло бы повести за собой развитие сильного фактического влияния обер-прокурора на правительственную деятельность св. Синода, если бы подобное посредничество представляло собой постоянное, нормальное явление, делавшее невозможными непосредственные сношения Синода с верховной властью через тот же Тайный Совет. Но в действительности, как мы уже знаем, Баскакову сравнительно очень редко приходилось выступать в св. Синоде в такой выгодной роли, и обер-прокурорская власть не извлекла никаких выгод из случайных поручений высшего государственного учреждения.

Такое же значение для обер-прокурорской власти имели и те единичные случаи, когда различные временщики и фавориты избирали Баскакова орудием для передачи своих распоряжений св. Синоду. Обер-прокурор сообщал высшему церковному учреждению желание какого-либо сильного лица, передавшего ему свое распоряжение под видом именного высочайшего указа, и Синоду, по необходимости, приходилось удовлетворять влиятельных временщиков. 3 июля 1728 года Баскаков доложил св. Синоду именной высочайший указ, сообщенный обер-прокурору, через протоколиста иностранной коллегии, графом Остерманом, предписавшим в самом непродолжительном времени вызвать в Москву архимандрита Троицко-Сергиева монастыря, Варлаама; распоряжение Остермана, располагавшего в то время громадным влиянием на государственные дела, было бесспорно и в точности исполнено высшим органом церковного управления¹⁷¹. – В том же 1728 году князь Долгоруков, также под видом именного высочайшего указа, уведомил Баскакова о необходимости оправить в Николаевский Радовицкий монастырь рязанской епархии умалишенного полковника Селиванова, и Синод, по

предложению обер-прокурора, постановил послать настоятелю монастыря послушной указ о принятии «под начал» безумного полковника¹⁷².

Но необходимо заметить, что даже и в таких редких, исключительных случаях, когда Баскаков, услужливо выполнявший разнообразные поручения сильных временщиков, являлся посредником между церковным учреждением и Верховным Тайным Советом или же отдельными влиятельными личностями, св. Синод иногда находил еще возможным рассматривать предложения обер-прокурора с точки зрения их целесообразности, несмотря на то, что в данных случаях обер-прокурорская власть передавала ему посторонние распоряжения под видом именных высочайших указов. 15 октября 1728 года высший орган церковного управления слушал словесное заявление Баскакова, что князь Долгорукий объявил ему высочайший указ о назначении на место протопопа Успенского собора священника Преображенского полка, Максимова, и Синод только после предварительного, обстоятельного обсуждения обер-прокурорского сообщения, («довольно рассуждая», как сказано в документе) определил назначить Максимова протопопом Успенского собора¹⁷³. – В своем предложении от 13 сентября 1727 года Баскаков сообщил св. Синоду, что обер-секретарь Маслов объявил ему от имени Верховного Тайного Совета, чтобы в С. Петербурге и в ближайших к столице завоеванных городах и уездах надзор за благочинием всего местного духовенства был поручен митрополиту коломенскому, Игнатию. Предложение обер-прокурора, хотя и было вызвано приказанием Верховного Совета, не встретило, однако же, со стороны церковного учреждения покорной готовности немедленно привести в исполнение не совсем приятное для него распоряжение верховников, позволявших себе вмешиваться в совершенно чуждую им сферу церковного управления. Синод, после продолжительных рассуждений, постановил не исполнять предложение Баскакова, а потребовать еще предварительно письменный указ по предмету сообщения обер-прокурора, с таким распоряжением, чтобы на митрополита Игнатия были

возложены не только наблюдение за благочинием духовенства, но и остальные обязанности епархиального управления¹⁷⁴.

Насколько, действительно, ничтожное значение имели, в деле развития фактического влияния обер-прокурора на высшее церковное учреждение, случайные единичные факты посредничества Баскакова между верховной властью¹⁷⁵ и св. Синодом, доказывает самая возможность получения «оком» государя распоряжений, «указов» не только от Верховного Тайного Совета и пр. Сената¹⁷⁶, но и от самого св. Синода. Такие проявления своеобразных отношений между высшим церковным учреждением и органом прокуратуры, хотя и редко, во все же встречаются в документах синодального архива.

Высочайшим повелением императрицы Екатерины было приказано возвратить по принадлежности все церковные и монастырские вещи, произвольно отобранные в архиерейский дом бывшим новгородским архиепископом, Феодосием Яновским. Для обсуждения более удобных способов исполнения императорского распоряжения состоялось общее «собрание» Сената с Синодом, и высшие государственные учреждения постановили послать «указ» синодальному обер-прокурору Баскакову, с предписанием выполнить во всей точности высочайшее повеление и, по окончании поручения, представить соответствующий рапорт в Кабинет ее Величества¹⁷⁷. Правда, в данном случае мы имеем дело с отношением обер-прокурора не к одному св. Синоду, а к конференции двух высших государственных учреждений, но, при юридическом равенстве полномочий Сената и Синода, и подобный указ является довольно характерным для правильного понимания фактического положения представителя синодальной прокуратуры. – В нашем распоряжении находится, однако, и другой, более важный документ, позволяющий видеть, как высший орган церковного управления, в форме указа, сообщил Баскакову свое постановление, вызванное одним нежелательным обер-прокурорским предложением. Когда Баскаков сделал св. Синоду известное предложение о правильном ведении обер-прокурорского журнала и о необходимости составления особой инструкции для

синодального экзекутора, то высшее церковное учреждение, после наведенных справок по возбужденным Баскаковым вопросам, определило послать своему обер-прокурору точную копию с произведенной справки «при указе», в котором и распорядилось написать, что экзекутор не требует особой инструкции, и что нет никакой нужды в специальном обер-прокурорском журнале¹⁷⁸.

Одновременное существование таких противоположных и, по-видимому, взаимно исключаящих друг друга явлений, как право обер-прокурора делать предложения высшему церковному учреждению и фактическая возможность получения им указов от того же учреждения, имело место в изучаемой нами истории прокуратуры не только в одном синодальном ведомстве, но и в области взаимных отношений Сената и генерал-прокурора. И здесь генерал-прокурор делал предложения правительствующему Сенату, но в то же время иногда и сам получал от него указы¹⁷⁹.

Верховная власть, наделив синодального обер-прокурора довольно значительными правами и полномочиями, как уже было замечено выше, не стремилась поставить прокуратуру в такое положение, при котором бы она могла пользоваться своими правами в ущерб относительной самостоятельности и независимости высшего церковного учреждения. Но так как в сферу деятельности св. Синода, кроме специально церковных или духовных дел, как они называются в официальных документах того времени¹⁸⁰, входили еще многочисленные и разнообразные дела, существенным образом затрагивавшие экономические и другие интересы государства, то правительство, в скором же времени после учреждения института прокуратуры, пришло к убеждению в недостаточности одной новой меры для приведения всей системы церковного управления в желательное для государства состояние. По словам высочайшего указа императрицы Екатерины I от 15 июля 1726 года¹⁸¹, преобразователь, отменивший патриаршество, заботясь об исправлении «чина духовного», учредил «Духовную Коллегию (т. е. Духовное Соборное Правительство), чтобы по Регламенту всякие духовные дела во

Всероссийской Церкви управлять». Но когда, по докладным пунктам, в ведение и распоряжение вновь учрежденного Духовного Соборания были переданы и многие другие дела, соединенные с управлением вотчинами, со сборами в них разнообразных доходов и со всевозможными «расправами», св. Синод оказался сильно отягощенным своими сложными обязанностями, «от чего и в управлении духовных дел учинилось помешательство». Тогда государь, по выражению официального правительственного документа, «соизволил воспрять было намерение» снова ограничить деятельность Синода исключительно только одними духовными делами, чтобы «церковное правление и учение во славу имени Божия в наилутчае происходило», и лишь преждевременная смерть реформатора замедлила практическое осуществление его планов.

Хотя в указе императрицы Екатерины и выставлялись главными причинами намерения преобразователя «помешательство в управлении духовных дел», являвшееся следствием отягощения Синода сложными обязанностями, и желание привести церковное управление в лучшее состояние, но общий характер отношений практического Петра к церкви и церковному управлению заставляет предполагать, что, в данном случае, правительство не столько заботилось о действительных интересах церкви, сколько стремилось к тому, чтобы поставить в желательное для себя положение управление наиболее интересными для государства экономическими делами церкви. Государство было сильно заинтересовано в тех многочисленных делах, соединенных с управлением церковными вотчинами, сборами с них разнообразных доходов и всевозможными «расправами», которые были переданы в непосредственное ведение и распоряжение св. Синода, и Петр, очевидно, не удовлетворился одним назначением в Синод специального органа правительственного надзора за интересами государства в сфере церковного управления. Он желал устранить членов высшего церковного учреждения от непосредственного заведования экономическими делами церкви и организовать

управление подобными делами на новых началах, поставив его в ближайшую зависимость от государства. Не успев привести в исполнение свои преобразовательные планы во всем их объеме, Петр, однако же, положил начало освобождению св. Синода от непосредственного заведования некоторыми интересными для государства экономическими церковными делами. Так, мы уже знаем, что он поручил важные в экономическом отношении дела «об учреждении монастырей»¹⁸², о распределении монастырских доходов¹⁸³ и штрафных денег, собиравшихся с раскольников¹⁸⁴, ведению светского доверенного лица, капитана Баскакова.

Императрица Екатерина I, заявившая по своем вступлении на престол, что она будет продолжать недоконченное преобразователем, действительно продолжала и начатое Петром ограничение прав св. Синода на непосредственное заведование разнообразными экономическими делами русской церкви. После увольнения Болтина от обер-прокурорской должности, Екатерина назначила на освободившееся место синодального органа правительственного надзора за интересами государства в сфере церковного управления того самого гвардейского капитана Баскакова, который уже при ее предшественнике успел зарекомендовать себя в глазах правительства умелым ведением порученных ему церковно-экономических дел. Вместе с назначением нового обер-прокурора императрица официально признала за ним и ближайшие права на участие в управлении монастырскими делами, приказав Баскакову, и в новом положении синодального обер-прокурора, «отправлять порученные... от Его Императорского Величества о учреждении монастырей дела»¹⁸⁵.

Но поручение ближайшему ведению синодальной прокуратуры значительной части экономических дел, связанных с «учреждением монастырей», не могло удовлетворить Екатерининское правительство, стремившееся осуществить более широкие планы преобразователя, и 15-го июля 1726 года Екатерина издала указ о реформировании синодального управления, выразившемся в разделении св. Синода на два отдельных апартамента¹⁸⁶. Первый апартамент, состоявший из

шести членов-архиереев, в силу высочайшего указа императрицы Екатерины, должен был заведовать духовными делами всероссийской церкви и наблюдать за благочинием духовенства и печатанием церковных книг, второй же апартамент был обязан управлять судом, расправой и экономией по делам духовного ведомства, по примеру бывшего Патриаршего Разряда и других патриарших приказов. Выделив в ведение второго апартамента все дела духовного ведомства, так или иначе затрагивавшие наиболее существенные интересы государства, правительство нашло нужным совершенно устранить от участия в нем представителей духовного сословия и пополнило его наличный, состав исключительно только одними светскими чиновниками, отведя среди них первое место обер-прокурору Баскакову.

Ограничение деятельности св. Синода или, точнее, его первого апартамента «единым правлением в духовных делах», не соединялось, однако же, с предоставлением синодальным членам полной, безусловной свободы и самостоятельности даже и в решении узко-специальных «духовных» дел, так как тем же высочайшим указом предписывалось первому апартаменту «о которых духовных делах решение учинить будет не можно, о том доносить государыне в Верховном Тайном Совете, представляя свои мнения». Второй апартамент, состоявший исключительно из одних светских лиц, обязан был, в силу высочайшего указа, сообщать «Синоду», т. е. его первому апартаменту, «о тех делах, которые подлежат к духовному рассуждению», а о светских делах должен уже был доносить, Высокому Сенату»¹⁸⁷.

Предполагая назначить членом вновь организованного второго апартамента синодального обер-прокурора Баскакова, как человека, близко знакомого, по своему служебному положению, с характером самых дел, поручаемых новому апартаменту, Екатерина в первое время признавала, по-видимому, неудобным совмещение обязанностей синодальной прокуратуры с деятельностью члена вновь возникавшего учреждения, и 24 июня 1726 года, т. е. за несколько дней до издания известного нам указа о реорганизации синодального

управления, приказала определить в св. Синод, вместо обер-прокурора Баскакова, простого прокурора и назначить на эту новую должность Раевского¹⁸⁸, исправлявшего прокурорские обязанности в монастырском приказе; бывшему же обер-прокурору высочайшим распоряжением было поручено, вместе с другими светскими чиновниками, заведование делами во втором апартаменте реорганизованного Синода¹⁸⁹. 14 июля императорский указ из Верховного Совета поступил в Сенат, который, в свой очередь, переслал его в св. Синод¹⁹⁰, и по-видимому, правительственное назначение Раевского простым прокурором¹⁹¹ в св. Синод, значительно понижавшее положение прокуратуры в высшем церковном учреждении, должно было вполне совладать с его интересами. Между тем, св. Синод отнесся к уничтожению обер-прокурорской власти далеко неблагоприятно. В новом высочайшем распоряжении Синод, по всей вероятности, увидел явное стремление Верховного Тайного Совета унижить его честь и достоинство, так как простые прокуроры имели место не в высших государственных учреждениях, а в обыкновенных коллегиях, стоявших в подчиненных отношениях к Сенату. Только при таком предположении и возможно объяснить то, довольно странное обстоятельство, что присланный при сенатском ведении императорский указ остался без должного исполнения. св. Синод ограничился лишь тем, что выслушал высочайшее повеление и затем распорядился сделать на нем следующую надпись: «подано и слушано 8 дня августа 1726 года; записав в книгу, отдать по поvyтью». В протоколе выслушанный указ не был внесен и никакого синодального определения по нему не последовало; высочайший указ быть сдан в синодальный архив, с отметкой на обложке дела: «не решено»¹⁹². Баскаков же, назначенный, вместе с другими светскими чиновниками, во второй апартамент преобразованного Синода, продолжал еще долгое время исполнять и обер-прокурорские обязанности.

Такое отношение высшего церковного учреждения к высочайшему распоряжению или, вернее, к распоряжению верховников не представляет собой исключительного явления; св. Синод, ревниво оберегавший предоставленные ему права и

полномочия, создававшие Синоду такое же положение в области церковного управления, какое занимал пр. Сенат в сфере гражданского управления, иногда находил возможным оставлять без исполнения не одни только обер-прокурорские предложения, но и высочайшие повеления, если в каком-либо отношении признавал их нежелательными для себя. Когда, с возникновением Тайного Совета и преобразованием Синода, верховная власть нашла неудобным соединять с названием последнего учреждения титул «правительствующего»¹⁹³ и даже прямо предписала, именным высочайшим указом, чтобы «титловать его – святейший Синод, а «правительствующий» не писать»¹⁹⁴, Синод, как можно думать на основании существующих документов, и после такого распоряжения по-прежнему называл себя не только «святейшим», но и «правительствующим»¹⁹⁵.

Назначение Баскакова членом второго апартамента, в скором времени (26 сентября 1726 года) переименованного в коллегия экономии синодального правления¹⁹⁶, не изменило характера отношений обер-прокурора к св. Синоду, а только в значительной степени уяснило круг его ближайших дел и важнейших обязанностей. Как первый член второго апартамента и президент коллегии экономии¹⁹⁷, Баскаков, несомненно, приобрел более значительное влияние на ход и направление хозяйственных и некоторых других дел в синодальном ведомстве, но это довольно важное обстоятельство не оказало, однако же, существенного влияния на изменение его положения, как синодального обер-прокурора, в высшем церковном учреждении.

Правда, в архивных документах, имеющих отношение к служебной деятельности Баскакова после реорганизации св. Синода, встречаются некоторые данные, которые, по-видимому, заставляют думать, что обер-прокурор, в прежнее время (в лице Болтина) принужденный требовать у Синода «сатисфакции о непослушании и противности» канцелярского чиновника и не имевший возможности наказать его собственной властью, теперь уже мог иногда самостоятельно и властно распоряжаться чиновничьим персоналом, служившим в канцелярии св. Синода.

Так, мы видим, что в 1728 году Баскаков, вполне самостоятельно, без синодального определения, приказал бить «батогами нещадно» подьячего Буйнакова «за его дурачество», выразившееся в составлении одного грязного и циничного письма, которое «за безмерным срамословием удобно только для секретного прочтения», и распорядился исключить его из канцелярских служителей за различные неисправности по службе¹⁹⁸. Но нужно заметить, что, в данном случае, обер-прокурор имел дело с виновником, уже ранее (25 сентября 1727 года) исключенным из числа служителей синодальной канцелярии («за скаредные писательства») по распоряжению самого св. Синода, как можно видеть из другого документа¹⁹⁹, хотя и неизвестно, каким образом Буйнаков снова оказался канцелярским служителем. Обыкновенный же, нормальный порядок увольнений от службы и назначений канцелярских чиновников, состоявших «под дирекцией» обер-прокурора, и теперь оставался в прежнем положении, так как Баскаков только предлагал Синоду сделать те или другие изменения в наличном составе чиновничьего персонала, действительные же распоряжения о назначениях, перемещениях и увольнении канцелярских служащих зависели уже от самого высшего церковного учреждения²⁰⁰, которое могло не согласиться с представлением обер-прокурора и не исполнить его предложение.

Не всегда исполняя обер-прокурорские предложения, синодальные члены иногда даже находили возможным не придавать значения и протестам Баскакова²⁰¹, что, при обязанности прокуратуры «накрепко смотреть» за деятельностью св. Синода и не позволять ему приводить в исполнение свои распоряжения, не согласные с требованиями существующих указов, легко могло подвести под ответственность и самого Баскакова.

Как президент коллегии экономии, хотя и состоявшей под ведением св. Синода, но в то же время обязанной действовать и по указаниям пр. Сената, синодальный обер-прокурор должен был следить за законностью собирания всевозможных окладов, установленных правительством по духовному ведомству.

Между прочим, именным высочайшим указом Петра I от 3 июня 1714 года был установлен особый сбор пошлинных и лазаретных денег с так называемых венечных памятей, в размере 24 копеек с первобрачных, 36 коп. с полторобрачных, 50 коп. с второбрачных и 60 коп. с троебрачных²⁰². Но многие лица, заведовавшие отпуском венечных памятей, позволяли себе брать венечные пошлины и лазаретные деньги «не уравнительно и с немалым излишеством»; св. Синод, узнав о существовании злоупотреблений, «причинявших тяготу напрасную маломощным людям», 24 апреля 1730 года предписал строго руководствоваться при собирании пошлин с венечных памятей одной определенной нормой, постановив брать с первых браков по 30 копеек, с полторных по 42 коп., со вторых браков по 56 коп. и с третьих – по 66 копеек²⁰³.

Сенат, сильно интересовавшийся экономическими делами синодального ведомства и не упускавший благоприятных случаев для вмешательства в подобные дела, узнав о новом постановлении св. Синода, позволившего себе увеличить на несколько копеек размеры пошлин с венечных памятей, 10 июня 1730 года опубликовал во всеобщее сведение свой указ о восстановлении в прежней силе высочайшего распоряжения Петра. Правительствующему Сенату – писал он²⁰⁴ – сделалось известным, что в Москве и в других епархиях «сверх указу» берут с венечных памятей «многия излишния деньги», отчего сильно страдают экономические интересы небогатого крестьянского населения. В видах уничтожения «немалой тягости, чинимой крестьянам сбором излишних денег» с венечных памятей, Сенат и определил, чтобы во всех епархиях, при собирании пошлин с венечных памятей, руководились исключительно только одним распоряжением Петра Великого. Вместе с тем, Сенат распорядился, чтобы все «лазаретные деньги сполна» поступали в коллегию экономии, обязанную рапортовать ему о правильном и аккуратном поступлении установленных сборов, угрожая в противном случае, если «тех денег сполна высылать не будут, или те деньги держать станут на другие какие расходы», брать «штрафы немалые» с архиерейских приказных людей и взыскивать издержанные на

другие расходы денежные суммы из их собственного имущества²⁰⁵.

Разосланный по губерниям. сенатский указ в нескольких экземплярах был доставлен и в св. Синод, вместе с особым ведением, в котором Сенат настаивал на необходимости распространить новое распоряжение по епархиям.

Высший орган церковного управления, по всей вероятности очень недовольный вмешательством Сената в специальную область церковного хозяйства, ссылаясь на именные императорские указы, предписывавшие Сенату издавать какие-либо распоряжения, затрагивавшие и интересы «синодской команды», после совместного обсуждения дела с св. Синодом и не позволявшие ни Синоду, ни Сенату «чинить новые генеральные распоряжения» без собственноручной подписи государя, довольно решительно заметил, что по присланному сенатскому определению «св. Синоду действия производить и в епархии указов посылать невозможно». Вместе с тем, Синод постановил потребовать от Сената, чтобы по разосланным им в губернии печатным указам «действ светским командирам не производить, дабы духовным управителям напрасного от них отягощения более не происходило», и определил, до окончательного разъяснения и решения затронутого вопроса на конференции Сената с Синодом, полученные сенатские указы в епархии не рассылать и никакого по ним действия не чинить. Постановление св. Синода, разославшего по всем епархиям свои собственные указы, совершенно несогласные с распоряжением пр. Сената²⁰⁶, по-видимому, не встретило никакого протеста со стороны Баскакова, имевшего право, в качестве синодального обер-прокурора, остановить приведение в исполнение каждого определения высшего церковного учреждения, признаваемого им неправильным и незаконным²⁰⁷. А так как синодальный обер-прокурор в то же время состоял еще и президентом коллегии экономии, обязанной действовать по указаниям Сената, то очень вероятно, что последний, оставшийся крайне недовольным образом действий св. Синода, перенес свое неудовольствие и на его обер-прокурора.

Автор цитированной нами документальной статьи о св. Синоде, составленной на основании неопубликованных материалов, хранящихся в московском архиве министерства юстиции, считает столкновение Синода с Сенатом из-за рассылки указов о сборе денег с венечных памятней единственной и ближайшей причиной последовавшего в скором времени увольнения Баскакова от обер-прокурорской должности, утверждая, что Сенат увидел в отношении Баскакова к распоряжению синодальных членов незаконное бездействие обер-прокурорской власти и устранил его от должности²⁰⁸. К сожалению, подлинный документ, имеющий отношение к увольнению Баскакова от обер-прокурорской должности, – собственноручный указ императрицы Анны Иоанновны – включает в себе довольно неопределенное указание на действительные причины увольнения синодального обер-прокурора, называя такой причиной «оплошку» Баскакова против прокурорской должности; «Алексея Баскакова за оплошку против должности прокурорской вычесть у него из жалования за четверть года и от обер-прокуроров отставить», писала императрица Анна Иоанновна в своем указе от 2 декабря 1730 года, объявленном св. Синоду из пр. Сената²⁰⁹. Без сомнения, такое неопределенное выражение, как «оплошка против должности прокурорской», мало уясняет действительную вину Баскакова, которой нашел возможным воспользоваться Сенат, чтобы устранить его от исполнения обязанностей специального органа правительственного надзора за интересами государства в сфере церковного управления. Неопределенность выражения высочайшего указа, при отсутствии других документальных данных, и заставляет нас ограничиваться, при объяснении ближайших причин увольнения Баскакова, только одними, более или менее вероятными, догадками и предположениями. Интересно, что в документах синодального архива приведенный указ императрицы Анны Иоанновны находится в деле о бывшем воронежском епископе Льве, обвинявшемся в преступлении политического характера, лишенном по суду сана и сосланном в ссылку в 1730 году, т. е. почти в одно время с отставкой Баскакова²¹⁰. Последнее

обстоятельство позволяет предполагать, что Сенат, недовольный действиями обер-прокурора в известном столкновении с Синодом, мог воспользоваться и данным делом, чтобы обвинить Баскакова в «оплошке против прокурорской должности» и испросить у государыни высочайший указ об увольнении синодального обер-прокурора.

Св. Синод не имел особенных побуждений отстаивать своего обер-прокурора и, получив сенатское ведение с высочайшим указом императрицы Анны, постановил (4 декабря)²¹¹ привести в исполнение правительственное распоряжение об отрешении Баскакова от обер-прокурорской должности.

Глава II. Временное прекращение существования обер-прокурорского института в синодальном ведомстве. Н. С. Кречетников.

Увольнение Баскакова от должности синодального обер-прокурора на некоторое время совершенно освободило высшее церковное учреждение от всякого контроля со стороны прокуратуры, так как, состоявшееся 14 июля 1726 года, высочайшее распоряжение о назначении вместо обер-прокурора Баскакова, простого прокурора Раевского не было приведено в исполнение св. Синодом²¹².

Институт прокурорского надзора за высшими государственными учреждениями, обязанный своим происхождением преобразовательным идеям Петра, при его ближайших преемниках уже, видимо, не пользовался никаким сочувствием правительства. Главный представитель прокуратуры, Ягужинский, назначенный преобразователем генерал-прокурором Сената, с появлением Верховного Тайного Совета, отстранившего «око государя» от непосредственных сношений с источником его полномочий, утратил всякую возможность действительного, фактического влияния на ход государственного управления и даже, как позволяет думать один исторический документ, не мог исполнять своих генерал-прокурорских обязанностей. По крайней мере, в высочайшем манифесте от 2 октября 1730 года²¹³ императрица Анна Иоанновна констатировала, как несомненный факт, уничтожение генерал-прокурорской должности по смерти Петра, хотя ей и были неизвестны виновники такой печальной участи сенатского генерал-прокурора.

Уничтожение Верховного Тайного Совета, как известно, было соединено с восстановлением Сената в том первоначальном значении, какое ему принадлежало в общей системе государственного управления при жизни его основателя – Петра²¹⁴. По-видимому, можно было бы ожидать, что

восстановленный в первоначальном виде правительствующий Сенат будет соединять в себе вместе с коллегиальными началами, положенными в основу его организации, и введенное в него личное начало, воплощенное в должности генерал-прокурора. Но на первом же заседании обновленный Сенат признал нежелательным восстановление института прокуратуры и нашел более удобным совершенно освободить себя от генерал-прокурорского и обер-прокурорского контроля²¹⁵.

Очевидно, что и верховная власть, в лице императрицы Анны Иоанновны, если и не вполне разделяла воззрения сенаторов на значение прокурорского надзора в деле упорядочения деятельности коллегиальных учреждений, то, по крайней мере, находила возможным мириться с ними, так как позволила Сенату оставаться без представителей прокуратуры. – Неизвестно, кто оказал на императрицу влияние, неблагоприятное для интересов Сената, внушив ей мысль преобразователя о необходимости прокуратуры в коллегиальных учреждениях, но в своем манифесте от 2 октября 1730 года²¹⁶ Анна Иоанновна уже открыто призвала уничтожение генерал-прокурорской должности одной из главных причин существования различных беспорядков в государственном управлении и, до назначения в правительствующий Сенат особого генерал-прокурора, поручила исполнение его должности одному из сенаторов, генералу Ягужинскому.

Высказанное императрицей обещание назначить в Сенат особого генерал-прокурора оказало, однако, самое ничтожное влияние на положение прокуратуры в высших органах государственного управления; намерение верховной власти осталось без исполнения, и даже исправлявший генерал-прокурорскую должность, Ягужинский, в скором времени после учреждения императорского Кабинета²¹⁷, заменившего собой уничтоженный Верховный Тайный Совет, был удален в почетную ссылку. Как человека беспокойного и небезопасного для Остермана, вновь унизившего Сенат созданием Императорского Кабинета, Ягужинского постарались лишить всякой возможности оказывать какое бы то ни было влияние на государственные

дела и с этой целью в конце 1731 года отправили его посланником в Берлин. Должность сенатского генерал-прокурора, временно порученная Ягужинскому, с его удалением осталась уже совершенно незанятой, но верховная власть не спешила восстановить институт прокуратуры в том первоначальном виде, какой он имел при жизни своего организатора, и только 28 апреля 1740 года Сенат получил, наконец, генерал-прокурора в лице князя Трубецкого²¹⁸.

Неудивительно, что, при таком отношении к главному представителю прокурорского надзора верховной власти или, вернее, тех лиц, которые управляли государством в царствование Анны Иоанновны, и св. Синод имел возможность довольно долгое время оставаться без специального органа правительственного контроля. Назначение Трубецкого на должность сенатского генерал-прокурора должно было повести за собой необходимые улучшения в сильно расстроенном деле прокурорского надзора за различными государственными учреждениями. И действительно, мы видим, что новый генерал-прокурор задумал восстановить умправший институт прокуратуры и даже внести в него некоторые улучшения и дополнения, способные придать ему большую стройность и жизненность. 31 октября 1740 года Трубецкой подал на высочайшее имя особый доклад о современном положении прокурорского надзора и о необходимости принятия некоторых мер для уничтожения разнообразных недостатков в организации правительственного контроля над деятельностью государственных учреждений. Проектируя придать большую стройность и законченность системе прокурорского надзора, поставив во главе ее генерал-прокурора и подчинив его власти всех остальных органов контроля, не исключая и синодального обер-прокурора, Трубецкой не стеснялся даже искажать исторические факты, утверждая в своем докладе, что граф Ягужинский, назначенный именным императорским указом Петра генерал-прокурором Сената, вместе с низшими представителями прокуратуры получил себе в помощники и обер-прокурора св. Синода, и что самый выбор всех органов правительственного контроля, а следовательно и синодального

обер-прокурора, был предоставлен ему же, Ягужинскому²¹⁹. Так как, по словам доклада²²⁰, в Синоде и Сенате не существовало обер-прокуроров, а в коллегиях и других присутственных местах – простых прокуроров, за исключением лишь нескольких лиц, совершенно неспособных к порученному им делу, то Трубецкой предложил на высочайшее утверждение избранных им кандидатов на должности обер-прокуроров и простых прокуроров в различных государственных учреждениях. В числе представленных кандидатов находился и обер-прокурор св. Синода.

3 ноября 1740 года доклад генерал-прокурора был утвержден регентом Бироном, и Синод, долгое время остававшийся без специального органа правительственного надзора, вновь получил от государственной власти своего обер-прокурора, в лице выбранного Трубецким генерал-провиантмейстера, Никиты .Семеновича Кречетникова²²¹. Поступившее в Сенат для исполнения, правительственное распоряжение постепенно уже начинало осуществляться в действительной жизни; находившиеся в Москве и других городах новые прокуроры успели приехать в Петербург, а некоторые из них даже приняли и установленную присягу; в числе вызванных в Петербург находился и синодальный обер-прокурор Кречетников. Но в то время, когда Кречетникову оставалось только явиться в св. Синод и вступить в исполнение своих прокурорских обязанностей, произошел важный государственный переворот. Последовало низвержение регента Бирона и назначение правительницей государства принцессы Анны Леопольдовны. Личные перемены в высшем государственном управлении немедленно же отразились и на положении представителей прокуратуры; за подписью правительницы появился указ, отменявший утвержденный Бироном проект Трубецкого о реорганизации прокурорского надзора.

Крайне неопределенное положение, в каком оказались, вследствие неожиданного распоряжения нового правительства, все кандидаты на вакантные прокурорские должности, вызвало в Сенате некоторые недоразумения, и верховная власть 29

декабря 1740 года уполномочила Сенат определить на старые места тех лиц из назначенных на прокурорские должности, которые не пожелают дольше оставаться в таком неопределенном положении²²². Не пожелавших числиться на несуществующей службе и оставаться не у дел оказалось очень немало: в числе их был и синодальный обер-прокурор Кречетников. В феврале 1741 года он обратился в Императорский Кабинет с прошением об освобождении от обер-прокурорской должности и назначении на какую-либо другую службу. «Минувшего ноября 3-го дня, писал Кречетников²²³, «по всемилостивейшему именному указу пожалован я в святейший Синод в обер-прокуроры, в ранг генерал-майора, по силе которого Вашего Императорского Величества указа велено от меня комиссию принять и явиться в С.-Петербург, почему и прибыл; а ныне, по прибытии моем в С.-Петербург, во определенное место и никуда не определен». Ссылаясь на именной императорский указ от 29 декабря 1740 года, Кречетников просил Кабинет определить его к «статским делам, или куда повелено будет».

Прежде чем окончательно уволить от фиктивных должностей Кречетникова и других прокуроров, Императорский Кабинет, несочувственно относившийся к проекту Трубецкого о восстановлении института прокуратуры, нашел нужным возбудить принципиальный вопрос о том, существует ли действительная потребность в учреждении каких-либо чиновников, вместо отказывающихся от службы прокуроров? Сенат, приглашенный Кабинетом обсудить возбужденный вопрос и представить о нем собственное мнение, поспешил высказаться в пользу предоставления прокурорских прав и обязанностей старшим членам самих же коллегиальных учреждений, заметив, между прочим, что в св. Синоде обер-прокурорскую должность может исправлять кто-либо «из первых духовных персон»²²⁴.

Чтобы понять, каким образом Сенат мог высказать такую мысль, находившуюся, по-видимому, в полном противоречии с постоянными стремлениями государственной власти подчинить своему надзору и влиянию разнообразные стороны церковного

управления, необходимо иметь в виду взгляд того же Сената на законную сферу деятельности св. Синода и действительное положение церковного управления в изучаемое время. Сенат находит возможным предоставить исправление обер-прокурорской должности в св. Синоде кому-либо «из первых духовных персон» только потому, что ограничивал законную область деятельности Синода почти исключительно одними «духовными» делами, так как коллегия экономии «с прочими местами, где ведались сборы и светские дела», с 1738 года была окончательно «отрешена» от Синода и передана в ведение пр. Сената.

К сожалению, совершенно неизвестно, как отнесся Императорский Кабинет к сенатскому проекту о поручении прокурорских обязанностей старшим членам самих государственных учреждений; существуют только основания утверждать, что большинство остававшихся не у дел представителей прокуратуры, в том числе и Кречетников, в скором же времени были уволены от номинальных должностей. В июле 1741 года Кабинет определил Кречетникова президентом ревизион-коллегии, и св. Синод вновь остался без обер-прокурорской власти.

С вступлением на престол дочери Петра, императрицы Елизаветы, русское правительство решительно высказалось за восстановление в первоначальном виде наиболее важных государственных учреждений преобразователя, испытавших немало перемен за время господства Верховного Тайного Совета и Кабинета. Именным указом от 12 декабря 1741 года²²⁵ Елизавета Петровна, вместе с реорганизацией правительствующего Сената в духе своего отца, возобновила и институт прокуратуры в том самом виде, в каком он существовал при жизни реформатора. В коллегиальных учреждениях снова получили свое прежнее место представители прокурорского надзора. И хотя в именном указе о восстановлении Сената и прокуратуры упоминались только светские коллегии, канцелярии и конторы, как учреждения, нуждавшиеся в особых органах правительственного контроля,

но в скором времени и в св. Синоде была возобновлена обер-прокурорская должность.

Восстановление обер-прокурорской власти в св. Синоде вызывалось также и теми переменами, какие вновь начали происходить в изучаемое время в организации управления церковными имениями. Если с устранением Синода от заведования наиболее интересными для государства экономическими делами духовного ведомства и передачей в полное распоряжение, сделавшейся центральным учреждением по управлению церковными имуществами, правительство не видело особенной нужды в существовании синодальной прокуратуры, и Сенат находил даже возможным поручить исполнение обер-прокурорских обязанностей ему либо из самих же синодальных членов, то теперь, под влиянием жалоб духовных властей и ходатайств св. Синода, снова выступал на очередь вопрос о возвращении старым порядкам в управлении церковными вотчинами. 26 июня 1741 года св. Синод представил государыне всеподданнейший доклад о печальных последствиях произведенной реформы в управлении церковными имениями; «многие епархиальные архиереи и разных монастырей архимандриты», писал он в своем докладе, «жаловались, что посланные из коллегии экономии управители всякие доходы, съестные и хлебные припасы и в вотчинных селах скот и прочее все от них отняли и заопределенных вотчин крестьяне никаких архиерейских домовых и монастырских работ не исправляют, от чего де оные монастыри приходят в оскудение». Такое положение дел и позволило Синоду обратиться к государыне со всеподданнейшей просьбой, «чтобы всемилостивейше повелело было заопределенные архиерейских домов и монастырей вотчины в те архиерейские дома и монастыри возвратить по-прежнему». Так как ходатайство св. Синода не осталось без последствий и высочайшей резолюцией, положенной на всеподданнейшем докладе, было предписано «оним заопределенным вотчинам до дальнейшего впредь рассмотрения и определения быть по-прежнему в ведомстве у (духовных) властей и доходы платить в коллегию экономии», то правительство не могло уже теперь не

озаботиться и восстановлением контроля за деятельностью «духовных властей».

Князь Трубецкой, утвержденный генерал-прокурором Сената и воспользовавшийся наступившими благоприятными обстоятельствами, чтобы осуществить в практической жизни свой старый проект о подчинении сенатскому генерал-прокурору всех остальных органов правительственного надзора, признал необходимым, в виду происшедших перемен в управлении церковными имениями, восстановить прокуратуру и в синодальном ведомстве. Представляя на утверждение верховной власти избранных им кандидатов для замещения свободных прокурорских вакансий, Трубецкой присвоил себе и право выбора обер-прокурора св. Синода²²⁶, вследствие чего 31 декабря 1741 года²²⁷ и оказался назначенным синодальным обер-прокурором князь Яков Петрович Шаховский.

Мы уже знаем, что институт прокуратуры, введенный в систему синодального управления, был обязан своим происхождением той же государственной идее Петра, которая обуславливала собой и самую организацию русского церковного управления на новых коллегиальных началах. Усвоенная преобразователем государственная точка зрения на религиозную жизнь своих подданных создавала вполне определенную правительственную политику и по отношению к церковному управлению, – политику, делавшую невозможным дальнейшее существование прежней обособленности церкви от государства. В глазах Петра, последовательно и настойчиво проводившего государственную идею во всей своей реформаторской деятельности, не оставившей незатронутой ни одной из разнообразных сторон народной жизни, духовные лица, стоявшие во главе церковного управления, были органами правительственной власти, обязанными служить государству в сфере своей специальной деятельности. Практическим результатом таких взглядов преобразователя и явилась коренная реформа церковного управления, состоявшая в том, что правительство поручило его, вместо самостоятельной и независимой власти патриарха, коллегиальному учреждению, тесно связанному с общей системой государственной

администрации и поставленному в непосредственную зависимость от верховной власти.

По-видимому, с появлением нового высшего органа церковного управления, главная, основная идея Петра об обязательном подчинении церкви государству, в лице его представителя – самодержавного монарха, нашла себе полное применение в практической жизни; члены духовной коллегии или св. Синода, при вступлении в отправление предписываемых им правительством специальных обязанностей, должны были, вместе с присягой на верность служения церкви, не только давать такую же клятву и на верность служения государству, обещая ставить на первом плане в своей деятельности интересы государя, но и обязаны были «исповедовать крайнего Судию Духовные... Коллегии... Самого Всероссийского Монарха»²²⁸, т. е. признавать за верховной, неограниченной властью то же самое значение в церковной жизни, какое она имела в сфере государственного, гражданского управления. Подчинение церкви государству, достигнутое с учреждением св. Синода, далеко, однако же, еще не вполне обеспечивало преобразователю действительное и постоянное соблюдение государственных интересов со стороны высшего органа церковного управления, так как его наличный состав пополнялся исключительно только одними представителями духовного сословия, и Петр имел достаточные основания сомневаться в искреннем сочувствии членов Синода своей государственной идее, не совпадавшей со взглядами духовенства. Рассчитывать на добровольное и совершенно беспристрастное выполнение новым церковным учреждением разнообразных обязанностей по отношению к государству, интересы которого нередко могли диаметрально расходиться с нуждами и потребностями церкви, было бы, без сомнения, бесполезно и неразумно, и преобразователь нашел необходимым установить строгий правительственный надзор за интересами государства в обширной области синодального управления. Средство для постоянного наблюдения за характером деятельности св. Синода, имевшей ближайшее отношение к интересам государства, и было найдено

реформатором в институте прокуратуры, введенном в высшее церковное учреждение.

Синодальные обер-прокуроры вполне усвоили себе государственную идею Петра и всегда руководились ею в своих отношениях деятельности высшего органа церковного управления. Члены же св. Синода, хотя и были поставлены правительством в положение, обязывавшее их во всем сообразоваться с видами государственной власти, в действительности никогда не могли совершенно отрешиться от более близких к ним интересов церкви и духовенства, нередко оказывавшихся далеко не солидарными с интересами государства. Наличие подобных условий оказывала несомненное влияние на характер взаимных отношений обер-прокуроров и св. Синода. При отсутствии солидарности в некоторых основных взглядах и стремлениях представителей церкви и государства, обер-прокуроры должны были довольно часто вызывать своим исключительным и односторонним служением государственным интересам сильное неудовольствие в членах св. Синода и встречать с их стороны пассивное или даже открытое противодействие многим из своих предложений, отвечавшим тем или другим государственным целям.

Возможность же таких отношений к представителям прокуратуры со стороны синодальных членов, обязанных, по мысли преобразователя, служить государству и в своей специальной церковной области, обуславливалась тем положением, в какое обер-прокуроры были поставлены реформатором в Синоде, и фактическими отношениями самой верховной власти к представителям прокуратуры и высшему церковному учреждению.

При анализе обер-прокурорской инструкции мы имели случай заметить, что, вводя институт прокуратуры в преобразованное церковное управление, Петр не ставил свое «око» в положение начальника над св. Синодом и был далек от мысли подчинить обер-прокурору коллегиально организованное учреждение и отнять у Синода самую возможность пользоваться в будущем времени предоставленной ему

относительной свободой и самостоятельностью действий. Правда, преобразователь наделил синодального обер-прокурора настолько значительными правами и полномочиями, что, располагая ими, представитель государственных интересов, при известных условиях, легко мог, выполняя свою специальную миссию, занять довольно влиятельное положение в высшем церковном учреждении, но таких условий, неблагоприятных для интересов св. Синода, обер-прокуроры и не встретили в первое время своего существования.

Верховная власть, наделившая синодального обер-прокурора довольно значительными правами и полномочиями, предоставлявшими ему, по-видимому, полную возможность, путем контролирования и косвенного участия в церковном управлении, оказывать известное влияние на св. Синод, а через него и на всю церковную жизнь, в действительности, как видели, поставила синодальную прокуратуру в условия, не совсем благоприятные для представителей обер-прокурорского надзора. Уже при жизни самого организатора прокурорского института, синодальный обер-прокурор должен был чувствовать себя лишенным фактической близости к источнику своих полномочий; отсутствие же такой близости, при непосредственных сношениях с государем синодальных членов, сильно парализовало влияние «стряпчего о делах государственных» на ход дел в церковном управлении, так как, в случаях серьезных столкновений с Синодом, обер-прокурор не только не мог опираться на могущественную поддержку верховной власти, но и не был совершенно гарантирован от неприятных и нежелательных последствий нарушения интересов св. Синода.

Со смертью преобразователя, отношения верховной власти к представителям прокуратуры в высших учреждениях сделались еще менее благоприятными для развития сильного фактического влияния обер-прокурорской власти на церковное управление. Правда, с разделением св. Синода на два апартамента, когда практически более точно выяснились важнейшие обязанности синодальной прокуратуры и определился круг ее ближайших дел, обер-прокурор приобрел и

возможность более сильного влияния на экономическое церковное управление, так как правительство назначало его первенствующим членом второго апартамента, преобразованного впоследствии в коллегия экономии, сосредоточившую в своих руках заведование всеми наиболее интересными для государства делами духовного ведомства. Но в таком положении синодальная прокуратура, как известно, оставалась очень недолгое время. Учреждение Верховного Тайного Совета, а затем Императорского Кабинета, захвативших в свои руки все управление государством и унизивших первоначальное значение Сената и Синода, не прошло бледно и для института прокуратуры. Не говоря уже о том, что появление новых всесильных государственных учреждений еще более отдаляло синодального обер-прокурора от непосредственного источника его полномочий, подчинение Сената и Синода Тайному Совету и Кабинету, в известной степени, уменьшало для верховной власти необходимость контролирования деятельности высших органов гражданского и церковного управления посредством специальных орудий прокурорского надзора. При таком же положении новых государственных учреждений, представители прокуратуры не могли рассчитывать и на то незначительное внимание верховной власти к своей деятельности, каким они пользовались при жизни Петра. Явилась даже мысль о совершенной бесполезности особого, специального прокурорского надзора, и верховная власть находила возможным продолжительное время оставлять Синод без всякого контроля со стороны прокуратуры.

Вступление на престол императрицы Елизаветы, возвратившейся к Петровской системе государственного управления, снова сделало необходимым существование особых, специальных представителей государственного надзора в различных правительственных учреждениях, результатом чего и явилось назначение Шаховского обер-прокурором св. Синода.

Глава III. Кн. Я. П. Шаховский

Генерал-прокурор Трубецкой, присвоивший себе право выбора синодального обер-прокурора, сумел поставить его в такое положение, что сам Шаховский считал сенатского генерал-прокурора своим «командиром»²²⁹ и беспрекословно исполнял все его распоряжения. Представив императрице, вместе с другими своими подчиненными, вновь назначенного синодального обер-прокурора, Трубецкой приказал²³⁰ Шаховскому на следующий же день явиться в св. Синод и вступить в отправление порученных ему обязанностей. После первого заседания в Синоде, Шаховский счел своим долгом доложить обо всем виденном сенатскому генерал-прокурору, но получил от него приказание представить о том письменный «рапорт»²³¹. Когда обнаруженное в Синоде отсутствие обер-прокурорской инструкции заставило Шаховского обратиться к генерал-прокурору с соответствующим рапортом, то Трубецкой, посылая синодальному обер-прокурору копию с известной Петровской инструкции, позволил себе внести в нее одно существенное изменение. Вместо непосредственных сношений с верховной властью, синодальный обер-прокурор, в силу измененной инструкции, должен уже был доносить обо всех делах, требовавших высочайшей резолюции, не самой императрице, а генерал-прокурору. Ему же Шаховский был обязан представлять в двух экземплярах и еженедельные доклады о делах, поступавших на рассмотрение св. Синода и решавшихся им; один экземпляр предназначался, для сведения, генерал-прокурору, а другой – через него же подавался на рассмотрение государыни²³².

По-видимому, произвольный поступок Трубецкого, лишившего синодального обер-прокурора громадных преимуществ, соединенных с правом непосредственного обращения к верховной власти по обязанностям своей службы, не мог не отразиться самым неблагоприятным образом на фактическом положении представителя прокуратуры в высшем церковном учреждении. В действительности, однако же,

установленные Трубецким подчиненные отношения к генерал-прокурору, ослаблявшие возможность влияния обер-прокурора на членов св. Синода, нисколько не помешали Шаховскому не только делать постоянные попытки широко пользоваться разнообразными правами и полномочиями, предоставленными обер-прокурорской властью инструкцией преобразователя и выработанными предшествовавшей практикой, но и настойчиво стремиться к подчинению сильному влиянию прокуратуры высшего церковного учреждения.

Причины, объясняющие такое не совсем понятное явление, заключались как в личных качествах и способностях Шаховского, так и в том, что властолюбивый и энергичный обер-прокурор, в скором же времени после своего вступления в новую должность, сумел приобрести благосклонность и большое доверие государыни²³³.

Богатейший материал для характеристики личности нового синодального обер-прокурора заключают в себе обширные автобиографические «Записки» самого Шаховского, так как автор их, сообщая подробные сведения о важнейших событиях из своей частной жизни и разнообразной служебной деятельности, является, по-видимому, в высшей степени правдивым повествователем и нередко даже не замечает, что его рассказы далеко не на всех читателей могут производить благоприятное для автора впечатление. Сообщение биографических сведений о синодальных обер-прокурорах, конечно, не может входить в наши планы, но для нашей цели имеет довольно важное значение знакомство с самой личностью Шаховского, так как оно помогает уяснению и правильному пониманию характера отношений обер-прокурорской власти к св. Синоду в изучаемое время.

Почти все исследователи, касавшиеся в своих трудах жизни и деятельности Шаховского, единодушно признают его деятельной, энергичной и честной личностью, счастливо выделявшейся из ряда современных ей государственных дельцов редкой правдивостью и неподкупностью. Автор предисловия к 1 и 2 изданию «Записок князя Шаховского» отмечает, как несомненный факт, что Шаховский «с верностью и

исправностью» исполнял возлагаемые на него высочайшие поручения, всегда имея в виду долг службы и присяги, и «с неутолимым усердием всегда и везде радел о пользе общественной». Семевский, делая третье издание Записок Шаховского и присоединяя к ним, извлеченные из государственных архивов, подлинные бумаги князя, замечает, что официальные документы, как нельзя лучше, дорисовывают энергическую, честную личность государственного дельца XVIII века и подтверждают вполне, до мельчайших подробностей, все, что сказано им в Записках²³⁴. Соловьев в своей «Истории России»²³⁵ называет Шаховского человеком, известным деятельностью, правдивостью и неподкупностью.

Но, отличаясь несомненными достоинствами – редкой по своему времени честностью и незаурядной энергией в исполнении возлагаемых на него разнообразных обязанностей государственной службы, Шаховский, в то же время, обладал и другими, менее привлекательными, но очень выгодными для него качествами. Несмотря на свою «правдивость» и честность в исполнении всевозможных служебных обязанностей, он в свои отношения к сильным и влиятельным лицам всегда вносил значительную дозу обыкновенного житейского, практического такта и умел пользоваться обстоятельствами, чтобы приобретать расположение и доверие лиц, стоявших во главе государственного управления. Еще в должности начальника полиции Шаховский сумел заслужить особенное расположение всеильного регента Бирона; падение герцога, угрожавшее серьезными опасностями и его любимцу, не повлекло, однако же, за собой особенно печальных последствий для Шаховского. так как в скором времени он успел найти нового покровителя, в лице сильного кабинет-министра гр. Головкина, предоставившего ему видную должность сенатора. Государственный переворот, возведший на царский престол Елизавету Петровну, хотя и вызвал арест кабинет-министра Головкина и увольнение из Сената самого Шаховского, но также не помешал последнему в самом непродолжительном времени снискать расположение нового влиятельного лица – генерал-прокурора Трубецкого. Состоявшееся, по представлению

Трубецкого, назначение Шаховского обер-прокурором св. Синода доставило ему возможность заслужить и доверие самой императрицы; императрица Елизавета начала довольно часто призывать его к себе по делам церковного управления и непосредственно через обер-прокурора передавать Синоду свои распоряжения, позволяя и ему, в свой очередь, лично докладывать верховной власти о тех или иных мерах, необходимых для достижения известных целей²³⁶. После же одного наиболее крупного столкновения прокуратуры с членами св. Синода, упрашивающими императрицу освободить их от неудобного обер-прокурора, Елизавета, в доказательство полного доверия к обвинявшемуся Шаховскому, приказала лично ему самому принимать от нее все указы и словесные распоряжения по синодальному ведомству и поручила обер-прокурору, без всякого посредничества, делать ей доклады по делам св. Синода²³⁷. С того времени – замечает Шаховский в своих автобиографических, «Записках»²³⁸ – императрица стала оказывать мне милостивое расположение и доверие, и редкая неделя проходила без того, чтобы я не имел счастья являться к государыне для принятия от нее различных повелений и распоряжений, касавшихся церковных дел и св. Синода, и для личных докладов и объяснений по обязанностям своей службы.

Как образцовый чиновник своего времени, привыкший усердно исполнять разнообразные поручения правительства, Шаховский, сделавшись синодальным обер-прокурором, обязанным, по самому характеру подобной должности, главным образом наблюдать за интересами государства в сфере церковного управления, при всей своей «праздности и честности» мог смотреть на многие дела, находившиеся в ведении св. Синода, преимущественно или даже исключительно со своей односторонней государственной точки зрения, что нередко должно было вести за собой нежелательные последствия, нарушавшие интересы духовного ведомства.

Наличность же таких условий, как расположение, доверие государыни и действительное, фактическое, а не номинальное посредничество между верховной властью и высшим церковным учреждением, предоставляла новому обер-

прокурору полную возможность в широких размерах пользоваться для практического осуществления своих взглядов и стремлений не только не совсем точно определенными юридическими правами прокуратуры, но и разнообразными преимуществами своего положения, не опасаясь неприятных последствий нарушения интересов св. Синода. Вполне понятное стремление Шаховского оправдать оказываемое ему доверие и постоянно поддерживать его характером своей деятельности побуждало обер-прокурора, как блюстителя государственных интересов в духовном ведомстве, принимать самое близкое участие во всех отраслях синодального управления, несмотря на то, что подобное участие, выражавшееся в форме строгого контроля, частых протестов и неприятных для Синода предложений, и должно было восстановить против него высший орган церковного управления. Но Шаховский, в скором же времени после вступления в новую должность вполне усвоивший себе государственную идею Петра в ее применении к церковной жизни, имел достаточно оснований рассчитывать, что вызванное его деятельностью сильное недовольство в среде членов св. Синода не будет представлять для него такой серьезной опасности, как потеря расположения и доверия верховной власти, почему он и не стеснялся затрагивать самые существенные интересы церковного ведомства. По собственному признанию откровенного обер-прокурора²³⁹, «ревностное устремление, с честолюбием смешанное, понуждало его... стараться, чтоб как наискорее оказаться в порученной ему должности исправным и тем заслужить лучший в публике кредит, а от монархии большую доверенность».

Как понимал Шаховский «исправное» исполнение своей должности, способное, по его мнению, доставить обер-прокурору расположение и доверие государыни, можно видеть не только из многочисленных «предложений» Шаховского св. Синоду, но также и из его мемуаров, где он довольно подробно описывает свой синодальную службу, начиная с самого первого дня вступления в новую должность. Знакомство с данными, заключающимися в собственных Записках Шаховского, имеет

для нас очень важное значение, так как автор мемуаров сообщает в высшей степени интересные и ценные сведения о современном ему состоянии синодального управления, о целях и задачах, какие он считал необходимым преследовать в своей деятельности, и о тех средствах и приемах, какие употреблялись обер-прокурором для достижения намеченных целей.

Хотя Шаховский, при своем вступлении в новую обер-прокурорскую должность, и имел самые смутные представления о характере синодального управления, как можно думать на основании его же собственных слов²⁴⁰, но знакомство с сенатским делопроизводством²⁴¹ и отношениями генерал-прокурора к сенаторам²⁴² дало ему возможность, при первом же появлении в Синоде, заметить многочисленные и разнообразные недостатки и упущения в местном канцелярском делопроизводстве, лишавшие представителя прокуратуры важных средств для действительного контролирования деятельности церковного учреждения.

Почтительно встреченный, при своем появлении в св. Синоде, чиновниками синодальной канцелярии²⁴³, обер-прокурор, по-видимому, радушно был принят и самими членами Синода, «ласково» приветствовавшим его, как своего «сотоварища», и поздравлявшим его с вступлением в новую должность²⁴⁴, хотя в нужно заметить, что сам Шаховский, как бывший сенатор, рассчитывавший на более высокий и почетный пост, в первое время и был не вполне доволен своим новым положением. Прерванное, по случаю прихода и представления Шаховского, слушание рассматривавшегося дела продолжалось и после окончания приветствий и поздравлений, а новый обер-прокурор, заметив, что на приготовленном для него столе находились только чернильница и несколько листов чистой бумаги, тотчас же приказал обер-секретарю представить ему Духовный Регламент, обер-прокурорскую инструкцию и все последующие указы, а также реестры нерешенных Синодом дел о колодниках и казенных денежных суммах²⁴⁵. Но обер-секретарь мог доставить Шаховскому только один духовный Регламент, об указах же и реестре нерешенных дел заявил, что,

хотя они и существуют в синодальной канцелярии, но находятся в беспорядочном состоянии, почему и просил дать ему срок в несколько дней, чтобы привести в надлежащий порядок требуемые документы. Относительно же документов, специально касавшихся обер-прокурорской должности, обер-секретарь доложил, что ни инструкций, ни каких-либо других бумаг, имеющих отношение к деятельности обер-прокуроров, в св. Синоде невозможно отыскать, потому что от них не сохранилось ни одной строки; в объяснение такого неожиданного для Шаховского сообщения, обер-секретарь ссылаясь на бывшие пожары и различные «приключения», результатом которых явилась утрата многих дел синодальной канцелярии, и на то, что синодальные документы содержатся в самом первобытном, патриархальном порядке, без всяких описей, в ящиках и сундуках, так как учрежденного для их хранения архива в действительности не существует.

Не удовлетворившись полученным объяснением, настойчивый обер-прокурор, заявив, что примет, с своей стороны, все меры к упорядочению канцелярского делопроизводства, дал письменный приказ синодальному экзекутору, чтобы последний отобрал подписи от секретарей, архивариуса и канцеляристов об имеющихся у них обер-прокурорских делах и, составил реестр найденным документам, на следующий день представил бы их ему при своем рапорте. По словам самого Шаховского²⁴⁶, в первый же день своего вступления в новую должность он обнаружил явное стремление заставить весь чиновный персонал синодальной канцелярии почувствовать над собой не номинальную, а действительную власть внимательного и энергичного начальника; обер-прокурор посетил все помещения, где находились секретари и различные канцеляристы, внимательно осмотрел порученные им дела и приказал исправить и уничтожить замеченные недостатки.

Распоряжение, отданное экзекутору, не привело, однако, ни к каким положительным результатам; чрез два дня обер-прокурор получил при рапорте подписи от секретарей и прочих канцелярских чиновников, что в их распоряжении нет ни инструкции, ни указов, ни каких бы то ни было дел, касающихся

обер-прокурорской должности. Не найдя в св. Синоде никаких документов о своих правах и обязанностях²⁴⁷, Шаховский обратился за указаниями к генерал-прокурору Трубецкому и получил от него копию с обер-прокурорской инструкции²⁴⁸. Ознакомившись, на основании полученной инструкции, с своими правами и полномочиями, обер-прокурор пришел к заключению, что для выполнения возложенных на него обязанностей ему необходимо предварительно изучить специальные церковные законы, которыми руководились в своей деятельности члены св. Синода, безотчетно управлявшие, по мнению Шаховского, епархиями и монастырями и произвольно распоряжавшиеся казенными денежными средствами²⁴⁹. Та же обер-прокурорская инструкция, ознакомившая Шаховского с его новыми обязанностями, должна была еще сильнее укрепить в нем мысль о необходимости обеспечить за собой фактическую возможность действительного контролирования правительственной деятельности Синода. И мы видим, что энергичному и настойчивому обер-прокурору удалось в значительной степени упорядочить канцелярское делопроизводство, учредить правильно организованный архив для хранения синодальных документов, завести обязательные реестры всех дел, подлежащих рассмотрению Синода, и заставить канцелярию составлять экстракты из дел, остающихся без рассмотрения и исполнения, чтобы, на основании подобных экстрактов, всегда иметь возможность своевременно побуждать высшее церковное учреждение к решению тех или других вопросов.

Введение новых порядков, по словам Шаховского, наглядно убедило его в существовании многочисленных и разнообразных упущений и недостатков в синодальном управлении и заставило признать настоятельную необходимость в неизбежных столкновениях с членами св. Синода. Тогда – замечает обер-прокурор²⁵⁰ – «познал я, что должно мне необходимо вступать в большие споры и несогласия с членами святейшего Синода, к чему я поучаться и приготавливаться всеприлежно тщиться начал».

Но, при первых же недоразумениях с синодальными членами, Шаховский должен был сознаться, что «присутствующие в Синоде духовные особы превосходят его разумом и красноречивым о своих делах толкованием»²⁵¹, почему он и нашел необходимым некоторое время избегать открытых и серьезных столкновений с св. Синодом, а предварительно поставил себе целью заpastись нужными сведениями и основательно изучить все, что могло дать ему надежные средства успешно действовать на членов церковного учреждения путем убеждений и доказательств. Подобная политика со стороны тактичного обер-прокурора была тем более уместна в первое время после его вступления в новую должность, что св. Синод пользовался большим расположением императрицы, так как один из его членов, духовник Елизаветы, имел при дворе значительное влияние, а фаворит государыни, граф Алексей Разумовский, находился в самых лучших отношениях с синодальными членами, и, при случае, всегда оказывал им свое сильное покровительство.

Выработав определенную программу действий, Шаховский начал внимательно наблюдать за текущими делами, обыкновенно не возбуждавшими больших недоразумений и споров, тщательно изучал их, но в то же время сдерживал себя и заботился о том, чтобы каким-либо неосторожным поступком не вызвать против себя неудовольствий со стороны св. Синода²⁵². Такой характер деятельности обер-прокурора производил самое приятное впечатление на наличный персонал высшего церковного учреждения, и члены Синода стали везде хвалить Шаховского, а так как некоторые из них пользовались большим доверием и расположением при дворе Елизаветы Петровны, то их похвалы и рекомендации оказали сильное влияние на государыню, и императрица начала обнаруживать явное расположение к синодальному обер-прокурору.

Ознакомившись в достаточной степени с церковным управлением и заслужив доверие и расположение верховной власти, обер-прокурор почувствовал под собой твердую почву и нашел возможным изменить характер своих отношений к св. Синоду. Теперь уже он перестал ограничиваться в своей

деятельности скромной ролью простого наблюдателя за правильностью и законностью решения текущих дел, поступавших на рассмотрение высшего церковного учреждения, а начал вмешиваться во все отрасли синодального управления и церковной жизни, везде находя какие-либо недостатки или злоупотребления и настойчиво требуя от Синода исправления недостатков и введения различных улучшений.

Узнав, что в синодальной области и в других епархиях очень часто приветствовалось посвящение в дьяконы и священники церковных причетников, совершенно не обучавшихся в заведенных для них школах и в высшей степени невежественными в понимании христианской религии, Шаховский предложил²⁵³ св. Синоду послать в епархии строжайшие указы, чтобы от кандидатов на священнослужительские вакансии обязательно требовалось не одно только простое умение читать и петь по богослужебным церковным книгам, но и здравое понимание догматов веры, для чего обер-прокурор и рекомендовал обязать духовенство «в самую тонкость» изучать катехизис, толкование евангельских заповедей и другие православные книги, поручив в то же время местному начальству внимательно наблюдать за действительным исполнением распоряжения и рапортовать о результатах своих наблюдений св. Синоду²⁵⁴. – Заметив, что в некоторых приходских церквях существовал обычай, за несколько дней перед местными храмовыми праздниками, выставлять иконы на улицах и площадях, где собирались толпы гуляющего народа, и поручать причетникам, находившимся при иконах, громким голосом просить у публики подаяния денег и свеч, Шаховский предложил правительствующему Синоду позаботиться об искоренении таких «непристойных» явлений церковной жизни. Вместе с тем, обер-прокурор обратил внимание высшего органа церковного управления и на другой нежелательный и некрасивый обычай духовенства ходить во время праздников с крестом и образами не только к своим прихожанам, но и к жителям других приходов, а в особенности к знатым лицам, причем горожанам. По словам Шаховского, очень часто приходилось еще наблюдать, как по несколько

человек священно-церковнослужителей разъезжало со святыми иконами на одних извозчицких роспусках «с непристойным священническому чину благочинием»²⁵⁵. – Основываясь на существовании именного высочайшего указа, устанавливавшего обязательное штрафование лиц, своими разговорами нарушавших тишину в храмах во время богослужения, и убедившись, что духовные власти нисколько не заботятся об исполнении императорского указа, так как «в церквях во время службы Божией приходящие молебщики вместо того, чтоб молиться с благоговением, производят многие о разных светских делах разговоры», Шаховский предложил²⁵⁶ Синоду сообщать правительствующему Сенату о необходимости нового распоряжения, подтверждающего силу и обязательность забытого указа²⁵⁷. – Просматривая доношения, присланные в св. Синод из различных епархий, обер-прокурор заметил, что в то время, как при некоторых приходских церквях существует более чем достаточное число священно-церковно-служителей, при других храмах или совершенно не имеется никакого причта, или же состоит неполный комплект духовенства, почему и предложил Синоду принять меры к устранению указанных недостатков²⁵⁸.

Внимательно наблюдая за деятельностью духовенства и предлагая св. Синоду принимать строгие и решительные меры к уничтожению многих нежелательных явлений в церковной жизни, Шаховский очень часто находил необходимым обращать внимание высшего органа церковного управления на его собственное отношение к высочайшим распоряжениям и настаивать на немедленном исполнении различных и, указов. Еще Петр I, заботясь о подъеме религиозного развития, духовенства и мирян, определил составить особые религиозно-нравственные книги; между тем, и в начале царствования Елизаветы распоряжение Петра не было приведено в исполнение. Обер-прокурор признал себя обязанным предложить св. Синоду приказать, кому следует, «вышеупомянутые книжицы без продолжения сочинить» и разослать их по всем православным церквям²⁵⁹. – В силу указа того же императора, обратившего внимание на такие

неприглядные явления жизни духовенства, как «торг» и вымогательство платы за совершение богослужения, св. Синод должен был, вместе с правительствующим Сенатом, установить более желательный характер взаимных отношений духовенства и прихожан, при котором бы священники не имели прав брать особой платы за исполнение своих обязанностей, за исключением только одних добровольных подарков, да и то через несколько недель после совершения какого-либо богослужебного акта. Но так как Синод по данному вопросу, возбужденному верховной властью, не постановил никакого определения, то обер-прокурор и предложил принять, наконец, нужные меры для осуществления в практической жизни мысли преобразователя²⁶⁰. – Именным императорским указом Екатерины I синодальные члены устранялись от управления своими епархиями, а вместо них предписывалось поручать действительное заведование местными делами особым викариям, обязанным отдавать отчет в своей деятельности епархиальным архиереям. Но правительственное распоряжение о назначении викариев в епархии синодальных членов высшим органом церковного управления было оставлено без исполнения, результатом чего явились различные упущения в епархиальном управлении. Шаховский, указав Синоду на нежелательные последствия непосредственного заведования его членов дедами своих епархий, предложил постановить определение, согласное с императорским указом²⁶¹. – Указами Петра от 1721 и 1724 годов св. Синоду было предписано установить определенный порядок продажи церковных восковых свеч, но на практике существовал свой собственный своеобразный порядок, безусловно вредный для интересов церквей, так как продажей восковых свеч, вместо церковных старост, занимались различные частные лица, почему обер-прокурор и предложил Синоду «учинить благопристойное определение»²⁶². – Духовный Регламент и именной императорский указ от 31 января 1724 года устанавливали обязательную денежную отчетность первоклассных монастырей и епархиальных архиереев перед высшим органом церковного управления, между тем как в действительности св. Синод не

получал от них никаких отчетов; Шаховский, указывая Синоду на свою обязанность внимательно наблюдать, чтобы ни одно правительственное распоряжение не оставлялось без исполнения, настаивал на необходимости особого синодального постановления, отвечавшего требованиям Регламента и верховной власти²⁶³.

Знакомясь с многочисленными и разнохарактерными предложениями Шаховского, затрагивавшего в своей деятельности все разнообразные стороны церковной жизни, можно, по-видимому, придти к заключению, что обер-прокурорская власть, в его лице, успела уже приобрести сильное влияние на высшее церковное учреждение. Такое заключение будет, однако же, преждевременным и далеко не верным. Правда, не может подлежать никакому сомнению, что властолюбивый и энергичный Шаховский, поставленный в благоприятные условия, располагавший правом непосредственных сношений с верховной властью и пользовавшийся особым доверием императрицы, имел, даже и в рассматриваемую нами первую половину своего управления обер-прокурорскими делами, несравненно большее значение в церковной жизни, чем его предшественники – Баскаков и Болтин, но, при всей своей энергии и при всех усилиях, опираясь на преимущества своего положения, оказывать действительное, фактическое влияние на членов высшего церковного учреждения, обер-прокурор довольно часто должен был приходиться к неприятному сознанию, что св. Синод не придает особенно важного значения его правам и полномочиям и не считает себя обязанным исполнять его многочисленные предложения, если почему-либо находит их неудобными для интересов церкви и духовного ведомства.

Узнав, что, при посвящении грузинским архиереем Иосифом дьякона и священника в вотчину генерал-прокурора Трубецкого, со ставленников, под различными предлогами, незаконно были получены денежные взятки, Шаховский предложил²⁶⁴ Синоду расследовать дело и принять надлежащие меры для предупреждения подобных явлений на будущее время²⁶⁵. Но Синод, как видно из другого обер-прокурорского предложения,

не считал себя обязанным исполнять требование Шаховского, и последний, через несколько месяцев²⁶⁶, принужден был обратиться к нему с новым, письменным предложением. Так как – писал обер-прокурор²⁶⁷ – многократно словесно предлагалось Вашему Святейшеству постановить определенное решение по делу о незаконных взятках со ставленников и, в предупреждение таких нежелательных поступков, разослать по епархиям наистрожайшие указы, что, однако же, осталось без всякого исполнения, то я, по должности своей, предлагаю безотлагательно сделать, наконец, необходимые распоряжения.

Особенно часто Шаховскому приходилось убеждаться в фактическом бессилии своей власти в тех случаях, когда он, как представитель государственных интересов, обнаруживал явное стремление принести в жертву им ближайшие, личные, непосредственные интересы самих членов церковного учреждения. В одном из писем к императрице Елизавете Петровне²⁶⁸ синодальный обер-прокурор довольно определено характеризовал отношения св. Синода к тем из своих предложений, которые так или иначе, но близко затрагивали интересы его наличного персонала. Уверяя императрицу в своем ревностном и беспристрастном исполнении обер-прокурорских обязанностей, Шаховский писал ей, что он принимает всевозможные меры к решению дел, остающихся в Синоде без надлежащего исполнения, и этой целью часто делает высшему органу церковного управления и письменные, и словесные предложения. Но так как члены коллегиального учреждения, в качестве епархиальных архиереев и начальников различных монастырей, по закону, должны подавать свои отчеты в св. Синод и затем сами же, в роли синодальных членов, обязаны рассматривать их и определять решения по делам, возникающим в их епархиях и монастырях, то неудивительно, что многие дела, затрагивающие интересы наличного персонала высшего органа церковного управления, сознательно и намеренно «весьма не скоро в надлежащее действо производятся», несмотря на все напоминания и побуждения обер-прокурорской власти. Указывая императрице на такие ненормальные, нежелательные отношения Синода к

возложенным на него обязанностям и представляя на рассмотрение государыни экстракт из некоторых, оставленных без решения, дел, Шаховский откровенно признавался в своем письме в полнейшем бессилии обер-прокурорской власти; «чтоб означенные дела в Синоде в надлежащее состояние привести», писал он²⁶⁹, «возможности моей нет». Такое бессилие обер-прокурора установить желательный порядок в рассматривании и решении синодальных дел обуславливалось тем, что ему довольно часто приходилось встречать явное противодействие своим стремлением со стороны членов св. Синода: в Синоде, по его словам²⁷⁰, «скорее старания к учинению ему разными образы в том препятствия, нежели к надлежащему означенных дел исполнению, употреблялись». Обвиняя членов Синода в небеспристрастном отношении к своим интересам, Шаховский высказывал надежду, что императрица, под влиянием частых и докучливых просьб с его стороны, окажет обер-прокурору необходимую помощь и содействие и тем самым доставит ему фактическую возможность ревностно и добросовестно исполнять свою службу²⁷¹.

Разнообразные недоразумения и столкновения, имевшие место во взаимных отношениях обер-прокурорской власти, стремившейся усилить свое влияние на церковное учреждение. и членов св. Синода, обнаруживавших плохо скрываемое нежелание подчиняться развивавшемуся влиянию прокуратуры, должны были приобрести наиболее острый, интенсивный характер на почве материальных интересов духовного ведомства и самого наличного синодального персонала, сильно страдавших от деятельности Шаховского.

Нам уже известно, что св. Синод, реорганизованный в период господства Верховного Тайного Совета, был разделен правительством на два отдельных апартамента; второй апартамент в скором же времени был переименован в коллегии экономии синодального правления и получил в свое заведование все хозяйственные, финансовые дела церковного ведомства. Деятельность коллегии экономии, первоначально находившейся в подчиненных отношениях к св. Синоду, не удовлетворяла правительство, так как сопровождалась

накоплением громадных недоимок на духовном ведомстве, вследствие чего высочайшим указом от 15 апреля 1738 года²⁷² специальный орган управления всеми синодальными хозяйственными, финансовыми делами и был поставлен в исключительную зависимость от правительствующего Сената. Высшее церковное учреждение, окончательно устраненное, в силу нового правительственного распоряжения, от заведования церковными имуществами и обязанное получать жалование всем своим служащим из коллегии экономии, совершенно освобожденной из-под его влияния, не могло легко примириться с потерей своих прежних важных прав самостоятельно распоряжаться доходами и расходами синодального ведомства. Воспользовавшись первым же удобным случаем – жалобами епархиальных архиереев и монастырских властей на действия чиновников коллегии экономии, св. Синод²⁷³ обратился к верховной власти со всеподданейшим докладом о возвращении церковных вотчин в управление духовных властей. Правительство сделало уступку Синоду, но с тем обязательным условием, чтобы доходы, собиравшиеся с церковных вотчин, «ежегодно исправно и бездоимочно» доставлялись духовными властями в ту же коллегию экономии²⁷⁴.

Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны, обнаруживавшей значительное расположение в духовенство и св. Синоду, дало возможность последнему вновь возбудить вопрос о возвращении к старым порядкам в системе управления церковными имуществами. И хотя первая просьба Синода, жаловавшегося на громадные неудобства, испытываемые им от заведования финансами коллегией экономии, была оставлена верховной властью без надлежащего исполнения²⁷⁵, но высший орган церковного управления не хотел расстаться с мыслью подействовать на императрицу в благоприятном для себя направлении, и члены Синода. по выражению Шаховского²⁷⁶, начал докучать ей своими просьбами передать в их ведомство и управление все дела, находившиеся в распоряжении коллегии экономии.

Настойчивые просьбы оказали, наконец, свое влияние на государыню, и Елизавета Петровна обнадеедила высшее

церковное учреждение обещанием уничтожить коллегия экономии и передать все ее дела в непосредственное распоряжение самого св. Синода. Но, не решаясь привести в исполнение выпрошенное у нее обещание, без предварительного обсуждения такого важного вопроса со сведущими и незаинтересованными людьми, императрица нашла нужным обратиться за советом к Шаховскому, предоставив ему высказать свой собственный взгляд, насколько, по его мнению, целесообразны предполагаемые преобразования с точки зрения государственных интересов.

По-видимому, государственные интересы, как их понимали представители прокуратуры, должны были бы требовать сохранения установившихся порядков в управлении церковными имениями. Но так как освобождение коллегия экономия из-под власти Сената не отдавало ее в бесконтрольное распоряжение Синода, а по-прежнему ставило хозяйственное управление синодального ведомства под ближайшее наблюдение обер-прокурорской власти и в тоже время соединялось с освобождением самого обер-прокурора от нежелательных отношений к Сенату и его генерал-прокурору, то члены св. Синода, по всей вероятности совершенно неожиданно для себя, встретили в лице Шаховского не опасного противника своим стремлениям, а надежного и влиятельного союзника. синодальный обер-прокурор успокоил колебавшуюся государыню, уже сильно сомневавшуюся в практичности и полезности обещанного правительственного распоряжения, и убедил ее, что представляется полнейшая возможность и исполнить данное обещание и в то же время, при новой постановке дела управления церковными имуществами, увеличить самые размеры доходов, поступавших с них в государственную казну²⁷⁷.

Так как верховная власть всего более интересовалась в деле управления церковными имениями размерами доходов, поступавших с них в государственное казначейство, то последнее соображение Шаховского, находившего возможным воспользоваться проектировавшейся реформой в интересах государства и увеличить доходы казны с церковных вотчин,

окончательно решило судьбу коллегии экономии, и на следующий же день Елизавета Петровна, призвав к себе некоторых синодальных членов, объявила им, что она передает в ведение Синода управление всеми делами коллегии экономии, но только предварительно требует от них соответствующего письменного доклада с обстоятельным объяснением тех оснований, на каких они намереваются организовать управление церковными имуществами.

Св. Синод не имел возможности воспользоваться благоприятно сложившимися обстоятельствами, чтобы вполне самостоятельно, без всякого участия представителя прокуратуры, выработать, отвечавшие своим специальным интересам, новые основания для заведования доходами и расходами духовного ведомства, так как императрица поручила синодальным членам представить ей письменный доклад, «согласясь с обер-прокурором»²⁷⁸. Исполняя высочайшую волю, синодальные члены сообщили Шаховскому желание государыни, и обер-прокурор, поспешивший заявить о своих советах императрице, успел вызвать к себе доверие св. Синода и был уполномочен им составить письменный доклад для представления верховной власти.

Указывая на необходимость уничтожения особой коллегии экономии, Шаховский, хотя и просил в своем докладе передать все синодальные, архиерейские и монастырские вотчины в полное распоряжение самого высшего органа церковного управления, но вместе с тем, от имени св. Синода, обещал императрице, что доходы с церковных имуществ будут употребляться на нужды духовного ведомства только в известных, строго определенных размерах, необходимых для удовлетворения действительно существующих потребностей, все же излишние, остающиеся суммы будут бережно сохраняться и поступать в ведение государыни. Прочитанный синодальным членам и вызвавший с их стороны незначительные замечания относительно некоторых выражений, письменный доклад был представлен обер-прокурором на рассмотрение Елизаветы Петровны и получил от нее высочайшее утверждение.

Без сомнения, принятое св. Синодом, в силу доклада составленного Шаховским, обязательство сохранять остатки своих доходов и отдавать в них отчет перед верховной властью, являлось необходимым условием получения согласия императрицы на уничтожение коллегия экономии, почему Шаховский и имел возможность внести его в представленный доклад. Между тем, подобное обязательство ставило экономическое, финансовое управление духовного ведомства под сильнейший контроль обер-прокурора, как представителя государственных интересов, и создавало для него множество удобных поводов к вмешательству в деятельность высшего органа церковного управления.

И действительно, уже в самом непродолжительном времени после издания именного указа об уничтожение коллегии экономии²⁷⁹, обер-прокурор заметил стремление Синода уклоняться от точного исполнения своих обещаний, высказанных в известном докладе. По его словам, синодальные члены, при организации управления переданными в их распоряжение церковными вотчинами, действовали «в ином разуме, несходно с опробованным докладом»²⁸⁰, почему Шаховский и увидел себя обязанным сделать Синоду несколько словесных замечаний о характере его хозяйственной, экономической деятельности; но так как словесные замечания обер-прокурора не сопровождались никакими практическими результатами, то Шаховский обратился к св. Синоду с особым письменным предложением и представил на его рассмотрение свой обширный проект реорганизации управления церковными имуществами.

Обращая внимание высшего церковного учреждения на то, что, со времени передачи в его распоряжение всех синодальных, архиерейских и монастырских вотчин, заботы Синода о необходимых улучшениях в системе церковного хозяйства выразились только в простой замене бывшей коллегии экономии канцелярией синодального экономического правления, заимствовавшей от своей предшественницы все старые порядки, обер-прокурор констатировал крайне неравномерное, сильно устаревшее распределение денежных и

хлебных сборов с синодальных и епархиальных деревень и проектировал произвести новую раскладку податей с крепостных крестьян духовного ведомства. Заботясь об увеличении доходности церковных имуществ, Шаховский предлагал произвести некоторые изменения и в наличном составе канцелярии синодального экономического правления, назначив в нее двоих новых светских чиновников, основательно знакомых со сложной системой вотчинного хозяйства и не занимающих никаких других посторонних должностей, а также и особого прокурора, который бы имел возможность ближайшим образом следить за характером экономической деятельности канцелярии. Стремясь к увеличению доходов, получавшихся с вотчин синодального ведомства, путем производства новой раскладки податей и посредством введения в наличный состав канцелярии экономического правления представителя прокурорского надзора и новых сведущих, опытных чиновников, Шаховский в то же время проектировал принять некоторые меры и для поднятия самой экономической производительности церковных вотчин; с этой целью он предлагал св. Синоду назначить в канцелярию экономического правления особых светских и духовных экономов, специально, практически изучивших сельское хозяйство, и поручить им заботы о поднятии благосостояния и производительности церковных вотчин²⁸¹.

Желание обер-прокурора ввести в коллегия синодального экономического правления светский элемент и даже особого представителя прокурорского надзора не могло, конечно, встретить сочувствия со стороны высшего органа церковного управления, почему и осталось без исполнения, но другие проекты Шаховского, имевшие целью упорядочить плохо организованную систему управления сложным хозяйством синодального ведомства, поднять экономическое благосостояние в церковных вотчинах и увеличить, путем новой раскладки податей, общую доходность имуществ, легло могли быть признаны совпадавшими и с интересами самого св. Синода.

Предложение обер-прокурора внимательно и всесторонне ознакомиться с современным состоянием церковных вотчин, с промыслами и занятиями живущих в них крестьян, с размерами обложения крепостного населения, чтобы, на основании полученных сведений, иметь возможность установить новые нормы податей и повинностей, новое распределение налогов между крестьянским населением различных синодальных, архиерейских и монастырских вотчин, было, по-видимому, с удовольствием встречено св. Синодом, и последний немедленно же определил послать указы, чтобы о всех селах и деревнях духовного ведомства были доставлены объяснительные ведомости с требуемыми сведениями, необходимыми для изменения устаревшего обложения²⁸².

Но в скором времени Шаховский узнал из достоверных источников, что требуемые ведомости намеренно не присылаются в Синод исполнительными органами, и убедившись, что высшее церковное учреждение не принимает никаких мер к практическому осуществлению своего собственного распоряжения, стал употреблять всевозможные средства, чтобы побудить св. Синод не отступать от принятого решения. «И хотя я», замечает обер-прокурор²⁸³, «о том ее величеству объяснительно представлял и по ее же благоволению и наставлению многие старания и домогательства употреблял, но не возмог сделать к тому полезного успеха». Такое довольно странное и на первый взгляд непонятое явление, по всей вероятности, находилось в зависимости от того, что Синод увидел в объяснительных ведомостях об экономическом состоянии различных церковных вотчин важное средство, которым прокуратура могла воспользоваться в интересах государственной казны, а не духовного ведомства; по крайней мере, Шаховский в своих мемуарах приписывает подобные опасения многим из лиц духовного ведомства, замечая, что «по большей части владельцы деревень себе получать, а не в казну умножать доходы желали»²⁸⁴. Только при таком предположении и делается понятным упорное пассивное противодействие св.

Синода и подчиненных ему органов церковной администрации настойчивым предложениям и побуждениям обер-прокурора.

То же предположение помогает нам уяснить причины, обуславливавшие собой происшедшее в скором времени на почве материальных интересов крупное столкновение Шаховского с высшим церковным учреждением. Очень вероятно, что безуспешность, безрезультатность всех попыток обер-прокурора настоять на практическом осуществлении своего предложения не осталась без известного влияния на его личные отношения к членам св. Синода; к побуждениям чисто личного характера присоединялось еще и убеждение, вынесенное из ближайшего знакомства с синодальным экономическим управлением, – убеждение в несомненном стремлении высшего церковного учреждения руководиться в своей экономической деятельности и в распоряжении материальными, денежными средствами, исключительно только интересами одного духовного ведомства, а не государственной казны. Под влиянием подобных причин, представитель государственных интересов, в то время, по его собственным словам²⁸⁵, уже вполне уверенный «в своем у ее императорского величества кредите, без коего и с наилучшими искусстваами от происков злоковарных поражаемы бывают», решился дать почувствовать синодальным членам возможность неприятных практических последствий от столкновений с обер-прокурорской властью и с этой целью не побоялся самым чувствительным образом затронуть их материальные интересы.

Располагая важным правом останавливать своим протестом приведение в исполнение синодальных постановлений, признаваемых прокуратурой несогласными с действующими законами и правительственными распоряжениями, Шаховский воспользовался для своих дел одним старым Петровским указом, имевшим отношение в выдаче жалования членам св. Синода. Ссылалась на известный нам указ императора Петра I, устанавливавший обязательный вычет из размеров казенного жалования синодальным членам содержания, получаемого ими от своих епархий и монастырей, обер-прокурор заявил Синоду, что игнорирование подобного

правительственного распоряжения является незаконным, так как царствующая государыня объявила все указы Петра своими собственными указами, т. е. признала за ними обязательную силу действующих законов. Практиковавшуюся же высшим органом церковного управления выдачу своим членам полного казенного жалованья Шаховский, как официальный, строгий блюститель законности, имел возможность признать непозволительной еще и на том основании, что незадолго до своей смерти Петр собственноручно написал на одном из представленных ему дел: «доколе от епархий и монастырей о приходах и расходах счетов не подадут (члены Синода), жалование им брать – запретить».

Указывая на несомненное несоответствие существовавших, порядков в получении жалования правительственным распоряжениям, обер-прокурор первоначально неофициально заявил членам св. Синода, что они незаконно получают лишнее жалование, и посоветовал им обратиться к верховной власти с просьбой о высочайшем определении размеров следуемого им вознаграждения. Замечания и советы Шаховского сильно не понравились синодальным членам, и когда последние, не обращая внимания на словесные заявления обер-прокурора, через несколько времени распорядились составить обычное определение о выдаче жалования, Шаховский обратился к св. Синоду с официальным, письменным предложением и заявил его членам, чтобы они не брали своего жалования без предварительного разрешения верховной власти, угрожая, в противном случае, опротестовать их определение и донести о случившемся императрице. Но влияние представителя прокуратуры на высшее церковное учреждение было еще настолько незначительно, что члены св. Синода не придали значения даже и таким энергичным заявлениям обер-прокурора и, после продолжительных споров с Шаховским, подписали свое определение и обнаружили намерение привести его исполнение. Настойчивый обер-прокурор воспользовался, однако, своими юридическими правами и, опротестовав синодальное определение, не допустил его до исполнения²⁸⁶.

Без сомнения, высший орган церковного управления, так независимо державший себя по отношению к обер-прокурору, имел достаточные основания рассчитывать на поддержку и покровительство сильных людей, располагавших значительным влиянием на императрицу. И действительно, мы видим, что члены Синода, немедленно же после протеста обер прокурора, обратились за содействием к своим влиятельным друзьям и покровителям и через них начали жаловаться государыне на Шаховского, обвиняя его в небеспристрастности и незаконном отношении к предоставленным ему полномочиям²⁸⁷. Столкновение обер-прокурора с св. Синодом начинало принимать довольно обостренный характер, не совсем безопасный для самого Шаховского, и он поспешил ослабить возможность неблагоприятных последствий от многочисленных жалоб синодальных членов, лично явившись к императрице и предупредив ее о происшедшем инциденте и о весьма вероятном формальном обжаловании его действий со стороны св. Синода.

Не ограничившись частными жалобами на несправедливые действия обер-прокурора, Синод в скором времени нашел случай подать письменное прошение о беспрепятственной выдаче заслуженного жалования и непосредственно самой государыне, формально обвинив Шаховского перед верховной властью в незаконном протесте против правильного синодального определения. Но императрица, заблаговременно предупрежденная предусмотрительным обер-прокурором, получив прошение и донос св. Синода, исполнила желание Шаховского и предварительно потребовала от него также формальных, письменных объяснений по поводу поступивших жалоб. Обер-прокурор, предвидевший неизбежность нелегкой и небезопасной борьбы с высшим церковным учреждением, благоразумно заготовил уже ранее экстракт из всех законоположений и указов Петра, имевших отношение к вопросу о получении жалования синодальными членами, и, тотчас же представив его на рассмотрение государыни, просил ее сопоставить поданный доклад с теми основаниями, которыми

Синод доказывал законность своих прав на получение задержанного вознаграждения.

Экстракт из распоряжений Петра оказал на императрицу действие, благоприятное для Шаховского, и хотя Елизавета Петровна в своем указе, данном на имя Синода, приказала: «обер-прокурору, князю Шаховскому синодальным членам жалование выдать и впредь выдавать без задержания», но в то же время признала вполне законным поведение обер-прокурора, вызвавшее жалобы св. Синода; указ предписывал строго руководиться правительственными распоряжениями Петра при выдаче жалования синодальным членам и обязательно принимать во внимание их епархиальные и монастырские доходы, хотя вместе с тем и предоставлял высшему органу церковного управления право обратиться к верховной власти с особым ходатайством об отмене стеснительных правил²⁸⁸.

Синод не находил нужным воспользоваться предоставленным ему правом: оставив, и после получения специального императорского указа, без всякого определенного решения вопрос о размерах жалования, он, очевидно, надеялся достичь своих целей и без подачи особых прошений на высочайшее имя, но обер-прокурор употреблял все зависевшие от него меры, чтобы не дать возможности синодальным членам самостоятельно распоряжаться денежными суммами духовного ведомства²⁸⁹.

Хотя первое крупное столкновение обер-прокурора с св. Синодом и закончилось неблагоприятно для последнего, но победа прокуратуры над высшим церковным учреждением не прошла безнаказанно и для Шаховского. Синод, сильно вооруженный против своего обер-прокурора, решил отплатить ему той же монетой; он располагал достаточными средствами для приведения в исполнение своего плана, так как обер-прокурор получал жалование не из государственного казначейства, а из доходов синодального ведомства, находившихся в распоряжении церковного учреждения. В ближайший же срок, когда, по установившемуся порядку, членам св. Синода следовало подписать обычное определение

о выдаче обер-прокурору заслуженного вознаграждения, Шаховский должен был выслушать от них неожиданное и неприятное заявление, что они не имеют точного указа о производстве обер-прокурорского жалования из доходов духовного ведомства, почему и не считают себя обязанными составлять подобные определения. Рассчитывая на покровительство государыни, Шаховский с полной уверенностью заметил членам св. Синода, что если они не намерены написать своего определения о выдаче жалования, то он постарается обойтись и без их постановления, так как твердо убежден, что императрица, возложившая на него обер-прокурорские обязанности, не оставит своего служащего без законного вознаграждения. Обер-прокурор даже рассчитывал, что поступок Синода доставит ему удобный случай и прекрасный повод, убедив государыню в ненависти синодальных членов к представителю прокурорского надзора, испросить у нее для себя более высокий оклад жалования²⁹⁰, почему он немедленно же и написал императрице о происшедшем инциденте со всевозможными объяснениями, благоприятными для его личных интересов.

Но расчеты Шаховского далеко не оправдались в действительности, и он был в достаточной степени и довольно чувствительно наказан за свою излишнюю самоуверенность. Прошло больше двух месяцев с того времени, как лишенный Синодом жалованья обер-прокурор послал Елизавете свое первое письмо, а между тем, ни Синод, ни обер-прокурор не получили от верховной власти никакого распоряжения о беспрепятственной выдаче задержанного вознаграждения. Не дождавшись никакой резолюции на свой первый доклад, Шаховский лично явился к государыне и подал второе прошение, но прошло еще более четырех месяцев томительного ожидания, а его неопределенное и тяжелое положение нисколько не изменялось.

Такие неожиданные для обер-прокурора и на первый взгляд не совсем понятные результаты происшедшего столкновения обуславливались существованием у членов высшего церковного учреждения сильных покровителей, пользовавшихся

своим значительным влиянием на императрицу в интересах св. Синода²⁹¹. Убедившись, что, благодаря некоторым влиятельным личностям и, в особенности, первому фавориту того времени, графу Алексею Разумовскому, Синод успел привлечь на свой сторону расположение государыни и восстановить ее против него, обер-прокурора, Шаховский решился действовать теми же окольными путями; желая ослабить влияние синодальных членов на графа Разумовского, он употребил всевозможные средства, чтобы представить себя в его глазах невинно пострадавшим и вызвать сочувствие своему тяжелому материальному положению.

По-видимому, обер-прокурору несколько удалось расположить Разумовского в свою пользу, и граф не ограничился только одним обещанием походатайствовать за него перед императрицей; по крайней мере, когда через несколько времени Шаховскому представился удобный случай, по поводу замеченных государыней неисправностей в богослужебных книгах, выставить в очень некрасивом виде деятельность синодальных членов, Елизавета довольно благосклонно заметила обер-прокурору, что она виновата перед ним, так как все забывает сделать распоряжение относительно его жалования²⁹². Впрочем, Шаховскому уже в достаточной степени пострадавшему из-за своего столкновения с св. Синодом, и после милостивого обещания императрицы еще около двух месяцев пришлось каждый день ожидать обещанной высочайшей резолюции, пока, наконец, в Синоде не был получен указ о беспрепятственной выдаче задержанного обер-прокурорского жалованья из сумм духовного ведомства.

Получив предписание верховной власти, синодальные члены поспешили беспрекословно исполнить его и даже начали уверять обер-прокурора, что они не давали ему своего определения о выдаче жалованья не под влиянием каких-либо враждебных отношений к Шаховскому, а из простого и вполне извинительного опасения нарушить требования законов, так как в их распоряжении не существовало точного указа о производстве обер-прокурорского вознаграждения из синодальных доходов. Очевидно, что выраженное с указе

неудовольствие императрицы по поводу поступка Синода было принято его членами за несомненный признак вновь приобретенного обер-прокурором расположения верховной власти, почему синодальные члены и нашли благоразумным несколько изменить характер своих отношений к Шаховскому.

Неприятные практические последствия крупных столкновений обер-прокурора со св. Синодом, по-видимому, не оказали никакого заметного влияния на характер отношений представителя прокуратуры к высшему церковному учреждению. По всей вероятности, временно пострадавший, властолюбивый и энергичный обер-прокурор, успевший изучить непостоянный характер императрицы, легко поддававшейся самым разнообразным и даже прямо противоположным влияниям, увидел благоприятные признаки возвращения расположения и доверия верховной власти в высочайшем указе о беспрепятственной выдаче задержанного жалованья и, в особенности, в том неудовольствии, какое было выражено указом по адресу высшего органа церковного управления; Шаховский легко мог истолковать данный факт в смысле косвенного одобрения своей деятельности со стороны верховной власти и, во всяком случае, легко мог придти к убеждению в полной возможности держаться прежней политики по отношению к членам Синода. По крайней мере, опасность вновь восстановить против себя св. Синод со всеми его влиятельными друзьями и покровителями нисколько не помешала обер-прокурору в скором же времени принять самое живое и близкое участие в одном очень некрасивом деле, сильно компрометировавшем русское духовенство, энергично настаивать на его беспристрастном расследовании и решительно воспрепятствовать Синоду уничтожить начавшееся дело.

Один, довольно хорошо известный синодальным членам, архимандрит, уличенный на месте в грубом, фактическом нарушении седьмой заповеди, вместе с участницей преступления был привезен монастырскими крестьянами в св. Синод. Согрешивший архимандрит, в присутствии обер-прокурора, чистосердечно сознался перед членами Синода²⁹³ в

своем преступлении и, после обычных просьб о прощении и помиловании, был посажен под караул. Между тем, быстро распространившиеся среди общества слухи о соблазнительном происшествии в духовном, монашеском мире заставили высший орган церковного управления придти к убеждению в настоятельной необходимости каким бы то ни было образом, замять начавшееся дело или даже совершенно уничтожить его, чтобы тем самым ослабить неблагоприятное для церкви впечатление, произведенное на общество безнравственным поступком архимандрита. С этой целью один из синодальных членов, находившийся в довольно хороших личных отношениях с Шаховским, явился на дом к обер-прокурору и конфиденциально обратился к нему с просьбой не препятствовать Синоду уничтожить соблазнительное дело о провинившемся монахе. Но Шаховский, находившийся в обостренных отношениях с высшим церковным учреждением и совершенно чуждый соображений его членов, решительно отклонил от себя подобную просьбу и заявил, что широкая огласка соблазнительного дела требует от св. Синода самого строгого отношения к подсудимому и примерного наказания виновного, чтобы общество не имело никаких оснований обвинять высший орган церковного управления в укрывательстве позорных преступлений, имеющих место в духовном мире, и не могло заподозрить Синод в стремлении оказывать незаслуженное покровительство своим людям.

Потеряв надежду на возможность уничтожения начавшегося дела о безнравственном поступке архимандрита, св. Синод решился обратиться к другому средству, чтобы лишить общественное мнение права пользоваться данным делом, как прекрасным поводом, для нежелательных нареканий на духовенство; средство это состояло в том, что подсудимому, по словам Шаховского, было внушено совершенно изменить свои первоначальные показания и, отрицая самый факт совершения преступления, представить себя несчастной жертвой, невинно опороченной крестьянами. Получив такие инструкции, содержащийся под караулом монах заявил обер-прокурору, что он желает дат еще новые показания во своему делу, почему и

испрашивает позволение быть допущенным в собрание св. Синода. Приведенный в Синод, обвинявшийся архимандрит, довольно неожиданно для Шаховского, самым решительным образом начал отрицать действительность факта, в котором сам же сознался при первом допросе, утверждая, что первоначальные ложные показания он давал в совершенно бессознательном состоянии, вызванном незаслуженным позором, поруганием, издевательством над его личностью и величайшим страхом за свою последующую судьбу.

Члены св. Синода обнаружили явное желание воспользоваться новыми данными, чтобы официально признать архимандрита невинно опороченным в приписываемом ему преступлении и таким образом снять с духовенства позорную тень, брошенную на него безнравственным поступком монаха. Но обер-прокурор, глубоко убежденный, что изменения в показаниях подсудимого произошли под влиянием причин, не имевших ничего общего с тем, на что ссылался обвиняемый, категорически заявил о своем полнейшем недоверии к последним оправданиям архимандрита, так как его первоначальное безусловно искреннее признание и чистосердечное раскаяние не оставили никакого сомнения в действительности факта преступления.

Убедившись в настойчивом стремлении Шаховского достигнуть формального расследования дела и примерного наказания подсудимого, Синод обратился к своей обычной тактике по отношению к обер-прокурору, какой он довольно нередко и далеко небезуспешно пользовался в тех случаях, когда стремления прокуратуры резко расходились с желаниями высшего органа церковного управления. Члены св. Синода, под различными предлогами, начали задерживать производство судебного следствия и откладывать окончательное решение дела, а между тем, через посредство своих друзей и покровителей, постепенно внушали императрице, что крестьяне напрасно оклеветали архимандрита. и что обер-прокурор, обнаруживающий излишнюю строгость по возникшему делу, преувеличивает его значение и нежелательным разглашением предполагаемого преступления приносит громадный вред

русский церкви и духовенству. «Оным разглашением», жаловались члены св. Синода²⁹⁴, «теперь все народное посмеяние всему их сану происходит, так что, когда из оных кто по улице едет, то нарочно пальцами указывают и в слух говорят с поношением, почитая их быть такими же».

Жалобы и внушения Синода оказали свое действие на государыню, и Елизавета, согласно с его желанием, приказала наказать крестьян, заставших монаха на месте преступления, и самую участницу преступления, как лиц, оклеветавших невинного архимандрита, а подсудимого распорядилась перевести в другой монастырь, без всякого наказания. Шаховский же через генерал-прокурора получил от императрицы строгий выговор за распространение среди общества слухов о деле, компрометировавшем духовенство, так как по ее словам, следует жестоко наказывать тех, «кто тайности из Синода выносит».

Но явное нерасположение государыни, восстановленной против Шаховского членами св. Синода, не изменило характера отношений обер-прокурора к высшему церковному учреждению; глубоко убежденный в виновности архимандрита и прекрасно знавший непостоянство императрицы, Шаховский терпеливо выжидал благоприятного случая, чтобы оправдать себя в глазах Елизаветы и представить в настоящем свете неправильно решенное дело. Удачно воспользовавшись первым удобным случаем, когда императрица, по поводу замеченного ей в одной из церквей непозволительного изображения ангелов, выразила свое неудовольствие на св. Синод, обер-прокурор заявил государыне, что его многочисленные предложения, направленные к уничтожению разнообразных недостатков в церковной жизни, оставляются без всякого исполнения и сопровождаются только одним результатом – сильным неудовольствием и враждебными отношениями к нему со стороны синодальных членов, которые нередко, путем замаскированного обмана, вынуждают у самой верховной власти согласие на совершенно незаконные и крайне пристрастные распоряжения, что еще так недавно имело место при неожиданном оправдании несомненно виновного

архимандрита. Шаховскому вполне удалось убедить Елизавету, что она сделалась жертвой обмана, и что наказания заслуживали не обвинители-крестьяне, а обвинявшийся архимандрит. Под влиянием происшедшего объяснения, императрица высказала перед своими приближенными сожаление по поводу несправедливо решенного дела и отозвалась с похвалой о справедливости и беспристрастии обер-прокурора, что, конечно, не осталось не сообщенным синодальным членам.

Св. Синод, с величайшим неудовольствием узнавший о возвращении доверия государыни к такому неудобному и тяжелому для него обер-прокурору, каким являлся настойчивый Шаховский, всегда и во всем ставивший на первом плане государственные интересы и не редко приносивший в жертву им интересы церковного ведомства, решился обратиться к последнему средству, чтобы избавиться, наконец, от нежелательного представителя прокурорского надзора. Явившись к императрице, синодальные члены на коленях, со слезами, умоляли ее избавить их от невыносимого обер-прокурора, жаловались государыне, что нет никакой возможности выслушивать в собрании Синода докучливые, дерзкие, оскорбительные письменные и словесные предложения Шаховского, нередко сопровождающиеся неприличными спорами, и убеждали Елизавету в необходимости уволить Шаховского от должности синодального обер-прокурора, прося ее, в случае несогласия на предлагаемую меру, освободить их самих от присутствия в св. Синоде²⁹⁵.

По-видимому, сильное и решительное средство, каким воспользовались синодальные члены в борьбе с своим обер-прокурором, произвело на императрицу благоприятное для них впечатление, так как Елизавета обещала определить в Синод нового представителя прокуратуры, и генерал-прокурор Трубецкой нашел нужным «дружески» посоветовать Шаховскому не являться более на службу, а ждать нового назначения. Но обер-прокурор, как видно, имел достаточные основания предполагать, что императрица распорядилась представить кандидата на его место только под первым сильным

впечатлением, произведенным на нее жалобами и просьбами синодальных членов, и, не считая распоряжения Елизаветы окончательным и бесповоротным, не находил никакой необходимости следовать совету Трубецкого. Напротив, явившись на следующий же день в синодальную канцелярию, Шаховский намеренно приказал приготовить к слушанию наиболее неприятные для синодальных членов дела, имевшие ближайшее отношение к их епархиям и уже долгое время напрасно ожидавшие своего решения; члены св. Синода, рассчитывавшие увидеть резвую перемену в обер-прокуроре, которому неминуемо угрожала неприятная перспектива быть уволенным от занимаемой должности, с величайшим удивлением должны были выслушать настойчивое предложение Шаховского обязательно решить постоянно откладываемые дела, – предложение, сопровождавшееся даже обещанием, в случае неисполнения предъявленного требования прокуратуры, немедленно донести верховной власти о произвольных действиях высшего органа церковного управления.

Предложение и угроза обер-прокурора не оказали, однако, никакого влияния на судьбу нерешенных дел, так как высшее церковное учреждение, уверенное в предстоящей отставке Шаховского, преспокойно отложило их «до будущего полного собрания»; это был один из самых излюбленных приемов, какими довольно часто пользовался Синод в тех случаях, когда государственная власть, в лице обер-прокурора, так или иначе затрагивала интересы церкви, как их понимали ее официальные представители – члены высшего органа церковного управления, или даже личные интересы самих синодальных членов, и когда св. Синод, не имея формальных оснований отклонить предложения прокуратуры, находил возможным парализовать нежелательное государственное влияние на церковную жизнь посредством пассивного противодействия обер-прокурорским предложениям. Члены св. Синода даже довольно зло иронизировали над своим обер-прокурором, заметив ему, что должно быть, он очень спокойно спал прошедшую ночь, если теперь вдруг принялся за такие хлопотливые дела²⁹⁶.

Частые случаи уклонений св. Синода от исполнения обер-прокурорских предложений и его последнее постановление дали право Шаховскому лично явиться к императрице и выставить в самом непривлекательном свете деятельность синодальных членов и их отношение к государственным интересам. По словам Шаховского, множество важных дел, касавшихся синодального персонала и требовавших немедленного обсуждения и решения, намеренно, умышленно откладывались до будущих полных собраний, с единственной целью отсрочить на неопределенное время разбор какого-либо неприятного дела или даже совершенно не обсуждать некоторых вопросов, возбуждавшихся прокуратурой; все же замечания и напоминания о необходимости ускорить решение постоянно откладывавшихся дел только усиливали в членах Синода ненависть к обер-прокурору и побуждали их создавать всевозможные затруднения успешной деятельности прокуратуры.

Шаховский не ошибся в своих расчетах на возможность возвращения прежнего доверия верховной власти; Елизавета, под влиянием происшедшего объяснения, видимо, резко изменила свои взгляды на действительные причины, вызвавшие жалобы Синода на неудобного для него обер-прокурора и пришла к убеждению, что Шаховский тем только и заслужил нерасположение и ненависть синодальных членов, что всегда ревниво оберегал государственные интересы и внимательно, беспристрастно следил за законностью правительственной деятельности церковного учреждения. По крайней мере, когда генерал-прокурор, по просьбе самого Шаховского, напомнил императрице об ее намерении перевести синодального обер-прокурора в какое-либо другое учреждение и предложил назначить его на должность президента одной из коллегий, Елизавета решительно заявила, что Шаховский нужен ей в св. Синоде, и что она совсем не намерена уволить его от обер-прокурорской службы, так как достаточно уже убедилась в его добросовестном отношении к своим обязанностям²⁹⁷.

Полное доверие верховной власти, вновь приобретенное Шаховским, не только не удаленным от должности по жалобе и

просьбе синодальных членов, но даже получившим возможность почти каждую неделю являться к государыне с докладами по различным церковным делам²⁹⁸, заставило Синод, в первое время после неудачных результатов открытой борьбы с обер-прокурором, более тактично и осторожно держать себя по отношению к Шаховскому, избегать резких столкновений с ним, не обнаруживать явного нерасположения к его деятельности, а парализовать усиливавшееся влияние прокуратуры на церковное управление другими, более безопасными средствами. «Их святейшества», замечает Шаховский в своих Записках²⁹⁹, «видя в моих предприятиях успехи, никаких явных неудовольствий долго не оказывали, а всегда под добрыми покрывалами умалить мой кредит старались».

Решительная победа, одержанная обер-прокурором в упорной борьбе с членами высшего церковного учреждения, употреблявшими всевозможные средства, чтобы лишить его доверия императрицы и даже совершенно избавиться от постоянного нежелательного вмешательства в церковное управление слишком ревностного защитника государственных интересов, не могла остаться без всякого влияния на характер отношений Шаховского к св. Синоду. Если уже и ранее, когда невольно приходилось считаться с серьезной опасностью восстановить против себя государыню характером своей деятельности, неприятной членам Синода и их влиятельным покровителям, обер-прокурор не боялся вмешиваться во все сферы управления, везде преследуя государственные цели и вступая в упорную борьбу с церковными интересами синодальных членов, то теперь, считая окончательно упроченным свое положение в св. Синоде, Шаховский еще смелее начал пользоваться преимуществами своего упроченного положения, затрагивая многочисленными предложениями самые разнообразные стороны церковной жизни и стремясь частыми протестами не позволять Синоду приводить в исполнение различные постановления, несогласные с государственными интересами и желаниями прокуратуры. Но стремление Шаховского оказывать

действительное, фактическое влияние на церковное управление, по-прежнему, вызывало сильное и далеко небезуспешное противодействие со стороны св. Синода.

Многочисленные документы, имеющие отношение к деятельности Шаховского в последние годы его пребывания в должности обер-прокурора, позволяют нам составить вполне определенные представления о той роли, какую настойчиво стремилась выполнять и какую действительно выполняла в синодальном управлении и во всей вообще церковной жизни обер-прокурорская власть, по-видимому, поставленная в условия, благоприятные для ее фактического развития.

Мы знаем, что первые обер-прокуроры, несмотря на значительные юридические права, предоставленные им известной инструкцией, поставившей синодальную канцелярию со всеми ее чиновниками «под дирекцию» обер-прокурора, в действительности, на практике располагали очень незначительным влиянием на синодальных служащих, так что Болтин должен был доказывать перед св. Синодом даже – законность своего права представлять к наградам чиновников собственной обер-прокурорской конторы. При Шаховском канцелярия Синода получила, в лице властного обер-прокурора, фактического директора и влиятельного начальника, который в значительной степени упорядочил ее делопроизводство, внимательно следил за деятельностью канцелярских чиновников и беспрепятственно пользовался правом поощрять их наградами за усердную службу и наказывать за недобросовестное отношение к своим служебным обязанностям, хотя и необходимо заметить, что подобные проявления начальнических отношений к синодальному чиновничьему персоналу со стороны обер-прокурорской власти по-прежнему требовали для себя посредничества высшего церковного учреждения. Шаховский только предлагал Синоду наградить или наказать известных чиновников, действительное же исполнение его предложений зависело уже не от самого обер-прокурора, а от высшего органа церковного управления. Так как предложения Шаховского о необходимости принятия тех или других мер по отношению к различным чиновникам, в

большинстве случаев, очень незначительно затрагивали интересы Синода, то последний обыкновенно поступал согласно с желаниями обер-прокурорской власти, чем и создавал для нее возможность сильного фактического влияния на синодальных служащих.

По силе данной мне инструкции, писал Шаховский в своем предложении от 15 декабря 1746 года³⁰⁰, канцелярия св. Синода со всеми ее служителями состоит в моей дирекции; выходя из такого общего положения и ссылаясь на императорские указы Петра, предоставлявшие командирам право поощрять денежными наградами усердных канцелярских служителей, обер-прокурор и предложил св. Синоду наградить прибавкой жалования некоторых канцелярских чиновников, призванных им достойными такого поощрения за свой усердную службу. Синод исполнил обер-прокурорское предложение³⁰¹. – Заметив, что один из чиновников синодальной канцелярии, Борис Невский, довольно сильно страдал запоем, часто не являлся в канцелярию в установленные часы и неаккуратно исполнял самые служебные поручения, Шаховский предложил св. Синоду отрешить его от должности, как человека безнадёжного, неисправимого и неспособного к службе³⁰².

Но фактическое подчинение канцелярских чиновников власти синодального обер прокурора вызывало обыкновенно сильные протесты со стороны св. Синода в тех случаях, когда Шаховский обнаруживал явное намерение воспользоваться своими правами над состоявшими в его дирекции канцелярскими чиновниками для достижения каких-либо целей, сильно расходившихся с интересами высшего органа церковного управления. Когда на одном из заседаний Синода (7 октября 1752 года) обер-прокурор приказал протоколисту записать в журнал не совсем осторожное заявление новгородского архиепископа Стефана, последний резко заметил, что не следует записывать его заявления в синодальный журнал, так как, для этого необходимо приказание не обер-прокурора, а самих членов св. Синода. Хотя Шаховский и заявил, что он, по самому характеру своей должности обязанный наблюдать за точным исполнением существующих

законов, приказал протоколисту сделать только то, что требуется Регламентом, но новгородский архиепископ снова повторил, что протоколисту следует руководиться при составлении журнала приказаниями св. Синода, так как, при таком неуместном вмешательстве обер-прокурора, синодальным членам «незачем и в канцелярию ездить»³⁰³.

Фактическое подчинение влиянию обер-прокурорской власти чиновничьего персонала синодальной канцелярии имело довольно важное значение для Шаховского, так как доставляло ему легкую возможность действительно контролировать правительственную деятельность высшего церковного учреждения. Но, без сомнения, фактическая возможность действительного контроля одного только синодального делопроизводства не могла удовлетворять Шаховского, задававшегося более широкими планами и стремившегося подчинить такому же действительному, фактическому контролю прокуратуры и деятельность низших органов церковного управления, находившихся в непосредственном ведении св. Синода; инструкция вполне определенно вменяла ему в неперемennую обязанность, не ограничивая свой надзор пределами канцелярии, строго смотреть и за тем, чтобы все распоряжения и указы Синода в точности и, по возможности, немедленно приводились в исполнение различными учреждениями и лицами, подчиненными высшему органу церковного управления. Удовлетворительное же выполнение подобного требования инструкции было возможно лишь при том условии, если бы обер-прокурорская власть располагала собственными специальными средствами, позволявшими непосредственно ей самой следить за деятельностью местных епархиальных начальств и их отношением к распоряжениям центрального учреждения. Между тем, прокуратура не располагала такими специальными орудиями надзора за областной, епархиальной церковной жизнью, и Шаховский решил возбудить в св. Синоде вопрос о необходимости учреждения и предоставления в его распоряжение особых органов надзора за состоянием епархиального церковного управления. Наиболее удобным средством для практического

осуществления своих намерений он признавал восстановление уничтоженного института инквизиторов, рассчитывая, по всей вероятности, подчинить инквизиторов сильному влиянию обер-прокурорской власти.

Чтобы составить себе ясное и отчетливое представление о значении подобной меры в общей системе церковного управления и понять, как должен был отнестись Синод к стремлениям Шаховского, необходимо предварительно сказать несколько слов о том, что представлял из себя отмененный институт инквизиторов. Инквизиторский институт был учрежден св. Синодом в конце 1721 года по образцу фискальства, существовавшего в сфере гражданского управления. Во главе инквизиторского института был поставлен протоинквизитор, непосредственно подчинённый св. Синоду и обязанный «надлежащие по инструкции действия чинить во всем государстве, по примеру обретающегося у гражданских дел обер-фискала»; в его распоряжение были предоставлены провинциал-инквизиторы, обязанные наблюдать за церковным управлением по отдельным епархиям, а провинциал-инквизиторам подчинялись, в свой очередь, простые инквизиторы. Инструкция³⁰⁴, вменяла в обязанность инквизиторам³⁰⁵ наблюдать, «все ли исправляют архиереи по учиненному своему при поставлении обещанию»³⁰⁶ и «во всем ли поступают по правилам, и по Духовному Регламенту и по определениям и установлениям св. Синода»³⁰⁷; вместе с тем, она обязывала инквизиторов «прилежно смотреть» и за деятельностью всех других «духовных персон, как вышних, так и нижних», распространяя право инквизиторского надзора на все стороны епархиальной церковной жизни³⁰⁸. Обо всех замеченных нарушениях установленных порядков инквизиторы должны были немедленно и «без всякого укрывательства» доносить св. Синоду.

С учреждением института прокуратуры, право надзора за инквизиторами, находившимися в ведении Синода, было предоставлено и обер-прокурорской власти. Правда, в обер-прокурорской инструкции нет никаких упоминаний об инквизиторах, но в ее 4-м пункте, буквально списанном с

генерал-прокурорского наказа, говорится о праве и обязанности обер-прокурора наблюдать за фискалами, которым в церковном управлении, как известно, соответствовали инквизиторы³⁰⁹. Синодальный обер-прокурор должен был принимать доношения инквизиторов, предлагать их св. Синоду и «инстиговать», а также следить за деятельностью инквизиторов и немедленно доносить высшему органу церковного управления о неправильных и незаконных действиях инквизиторов³¹⁰. Но, подчинившись надзору прокуратуры, инквизиторы по-прежнему состояли в непосредственном ведении и распоряжении самого св. Синода, который по своему усмотрению избирал и назначал различных протоинквизиторов и провинциал-инквизиторов, производил нужные изменения и дополнения в инквизиторской инструкции³¹¹ и, наконец, 15 марта 1727 года совершенно отменил инквизиторство, поручив обязанности надзора за епархиальной жизнью особым «заказчикам» из духовных властей и поповским старостам, непосредственно подчиненным епархиальным архиереям³¹². С передачей обязанностей надзора за различными сторонами епархиальной жизни духовным властям, подчиненным местным архиереям, прокуратура лишилась довольно важных средств контролирования епархиального управления.

Неудивительно, что Шаховский, настойчиво стремившийся широко пользоваться предоставленными ему правами, не мог мириться с отсутствием, хотя бы и косвенно подчиненных прокуратуре, органов надзора за епархиальным управлением, делавшим для обер-прокурорской власти чрезвычайно затруднительным успешное выполнение известной части ее служебных обязанностей. И мы видим, что Шаховский нередко обращал внимание св. Синода на нежелательные для прокуратуры последствия уничтожения института инквизиторов и настойчиво предлагал ему доставить обер-прокурору фактическую возможность успешно выполнять требования инструкции. Так как 3-й пункт инструкции³¹³, писал Шаховский в одном из своих предложений высшему органу церковного управления³¹⁴, вменяет обер-прокурору в неперенную обязанность следить за протоинквизиторами и инквизиторами и

побуждать Синод придавать должное значение их доношениям, а между тем в настоящее время не существует никаких инквизиторов, и св. Синод, прекратив их существование, никому не поручил и исполнения их обязанностей, то он, обер-прокурор, признает необходимым принять какие-либо меры, чтобы дать возможность прокуратуре надлежащим образом выполнять своя обязанности по отношению к местному епархиальному управлению. Но предложение Шаховского восстановить институт инквизиторов или, по крайней мере, учредить, вместо него, какие-либо другие органы постоянного надзора за деятельностью епархиальных властей и подчиненных Синоду присутственных мест не могло встретить сочувствия со стороны высшего церковного учреждения, увидевшего в подробном предложении желание обер-прокурорской власти подчинить своему контролю всю систему областного церковного управления, порученного епархиальным архиереям и находившегося в высшем заведовании самого св. Синода. Предложение осталось неисполненным. – 4 февраля 1747 года Шаховский вновь обратил внимание св. Синода на громадные неудобства, являвшиеся результатом отсутствия специальных органов надзора за деятельностью епархиальных властей и различных церковных учреждений: по его словам, интересы церковного управления сильно страдали от недостатка строгого надзора за подчиненными Синоду учреждениями, так как во многих епархиях и присутственных местах с необыкновенной медленностью приводились в исполнение синодальные указы, а из некоторых, несмотря даже на дубликаты и трипликаты, невозможно было получить требуемых ведомостей и отчетов, следствием чего являлись неизбежные затруднения и в самом синодальном делопроизводстве. Для наглядного доказательства справедливости своих замечаний относительно крайней беспорядочности областного церковного управления, обер-прокурор представил обширный реестр тех распоряжений и указов Синода, об исполнении которых не было получено установленных рапортов или по требованию которых не было прислано из подчиненных мест нужных ведомостей. Обращая

внимание синодальных членов на существование таких нежелательных явлений в церковном управлении и побуждая их принять необходимые меры для наказания виновных и предупреждения подобных беспорядков на будущее время, Шаховский предложил Синоду выработать, наконец, какое-нибудь определенное постановление по вопросу об инквизиторах, как специальных органах надзора за церковной жизнью, необходимых для успешного выполнения обер-прокурорской властью возложенных на нее обязанностей³¹⁵. Несмотря на то, что в реестре было выписано довольно внушительное число (более 100) не исполненных синодальных указов, обер-прокурорское предложение не оказало должного воздействия на членов св. Синода. и через несколько времени (30 марта 1747 года) Шаховскому пришлось снова и также безуспешно напомнить Синоду свое предложение³¹⁶.

Очевидно, что и во вторую половину управления обер-прокурорскими делами, после известных событий, когда Шаховский, оправдавшись перед императрицей во всех обвинениях синодальных членов и заслужив полное доверие верховной власти, мог считать окончательно упроченным свое положение в св. Синоде, обер-прокурор оказывался бессильным настоять на обязательном исполнении своих предложений, расходившихся с интересами высшего церковного учреждения.

Но, и не получив в свое распоряжение особых, специальных органов надзора за областной церковной жизнью, Шаховский всегда обнаруживал явное стремление прокуратуры контролировать епархиальную церковную жизнь и оказывать да нее известное влияние через св. Синод. Средства для такого надзора за епархиальным управлением могла доставлять прокуратуре, находившаяся в ее распоряжении, синодальная канцелярия; из предложения Шаховского от 4 февраля 1747 года мы видели, что обер-прокурор имел возможность обратить внимание св. Синода на незаконное, непозволительное отношение к его указам и распоряжениям различных церковных учреждений и епархиальных властей, воспользовавшись для своих целей материалами синодальной канцелярии или,

вернее, отсутствием в ней установленных документов, свидетельствовавших об исполнении предписаний Синода подчиненными ему органами церковной администрации. Такое же значение имели в руках обер-прокурорской власти и разнообразные отчеты, ведомости, присылавшиеся в синодальную канцелярию теми учреждениями и лицами, которые заведовали всевозможными отраслями церковного управления.

Шаховский не оставлял без должного внимания подобных отчетов и доношений, пользовался ими, как средством для наблюдения за церковной жизнью, и, находя в них указания на существование в духовном ведомстве тех или других явлений, нежелательных с точки зрения представителя государственных интересов, обращался к Синоду с предложениями устранить замеченные недостатки и принять рекомендуемые им меры для внесения необходимых улучшений в известную область синодального управления.

Просматривая присылавшиеся в Синод из различных епархий ведомости и отчеты о состоянии духовных школ, имевших целью приготовление пастырей церкви, обер-прокурор пришел к убеждению, что постановка данного дела заставляет еще желать очень многого, так как существующие духовные семинарии, при их современном неблагоустроенном состоянии, не отвечают запросам церкви и государства и не могут удовлетворять их действительных нужд; по его словам, во многих, даже давно открытых, семинариях существовало самое ограниченное число воспитанников, обучавшихся только низшим, первоначальным наукам, что заставляло Шаховского сильно сомневаться в благоприятных результатах семинарского образования. Убеждение в неудовлетворительном состоянии духовных семинарий побудило обер-прокурора предложить св. Синоду позаботиться об упорядочении, в намеченном им направлении, такого важного дела, как школьное образование будущих пастырей церкви³¹⁷.

Не ограничиваясь выполнением своих ближайших обязанностей – наблюдением за экономическими интересами государства в области синодального управления, Шаховский,

по-видимому, считал своим долгом внимательно следить за церковной жизнью во всех ее разнообразных проявлениях и обнаруживал явное стремление оказывать на нее известное влияние посредством своих предложений св. Синоду. Но в тех случаях, когда Синод замечал, что предложения Шаховского или не вполне совпадали, или даже совершенно расходились с интересами церкви и духовенства, обер-прокурор обыкновенно встречал сильное, хотя иногда и пассивное, противодействие своим планам, и синодальные члены находили возможным оставлять без исполнения неудобные. обер-прокурорские предложения.

В числе материалов синодальной канцелярии, доставлявших возможность обер-прокурору следить за епархиальной жизнью и предлагать высшему органу церковного управления различные меры для устранения замечаемых в ней недостатков, имели место и случайные тяжёбые, судебные дела, возникавшие в Синоде по жалобам каких-либо частных лиц на действия представителей епархиального церковного управления. Обер-прокурорская власть, в лице Шаховского, начала уже принимать живое участие в жалобах и доносах пострадавших лиц, настаивала на обязательном расследовании возбуждавшихся дел и пользовалась всеми, находившимися в ее распоряжении, средствами, чтобы оказывать известное влияние на самый ход судебного следствия и результаты судебного расследования дела. Но так как и в сфере судебной деятельности св. Синод нередко находил необходимым руководиться не только одними формальными требованиями закона, но и другими соображениями, которым не придавала должного значения прокуратура, то часто и предложения Шаховского расследовать обнаруженные какими-либо жалобами беспорядки и злоупотребления в церковной жизни не оказывали на синодальных членов того влияния, какое было желательно прокуратуре.

В 1746 году на нижегородского преосвященного Димитрия был подан донос певчим местного архиерейского хора, Никитой Румяновским; в своем доносе певчий жаловался на незаслуженные побои, причиненные архиереем ему и его жене,

и обвинял преосвященного в выпиливании иконы, взяточничестве и других предосудительных поступках³¹⁸. Обер-прокурор придал должное значение жалобе Румяновского, считая ее, по всей вероятности, вызванной действительными злоупотреблениями нижегородского архиерея, и предложил св. Синоду произвести надлежащее расследование всех предосудительных поступков преосвященного Димитрия³¹⁹. Цитируемый документ синодального архива позволяет предполагать, что Шаховский, доверяя доносу Румяновского, желал своим предложением побудить высший орган церковного управления отнестись со всей строгостью законов к начавшемуся делу и не оставить без заслуженного наказания обвинявшегося архиерея.

Так как предложение обер-прокурора было объявлено от имени самой императрицы, поручившей Шаховскому передать св. Синоду высочайшее распоряжение о производстве формального судебного следствия над нижегородским епископом, то высшее церковное учреждение должно было исполнить обер-прокурорское предложение и постановило начать судебное следствие по доносу архиерейского певчего. Но, вынужденный исполнить предложение Шаховского, Синод, как можно думать на основании некоторых данных, признавая крайне нежелательными явлениями жалобы, доносы подчиненных лиц на своих архиереев, поставил судебное следствие таким образом, что оно привело к результатам, совершенно не отвечавшим стремлениям обер-прокурорской власти.

Выслушав предложение обер-прокурора, Синод, прежде чем привести его в исполнение, распорядился предварительно сделать выписки «из приличных о доносителях на своих архиереев святых правил», представить обстоятельную справку по самому делу и только тогда обсудить и окончательно решить вопрос о производстве судебного следствия над обвиняемым архиереем³²⁰. Произведенная в синодальной канцелярии выписка из святоотеческих правил, с их толкованием, была составлена крайне неблагоприятно для «доносителя»³²¹, а по справке о деле оказалось, что, по словам самого

нижегородского епископа, «его преосвященство того плута Румяновского и жены его безвинно никогда не бивал, а наказаны де они были по следственным в консистории делам за правильные разные вины по силе церковных и гражданских прав беспристрастно, без чего обойтись было невозможно, разоренья же никакого никогда ему не чинил и денежных взяток себе ни единые полушки с него не брал, и что во всем оклеветал его плут ложно и напрасно»³²², так как, если он, действительно, и выпилил середину в иконе похвалы Пресвятой Богородицы, вставив на ее место другой образ, то сделал это исключительно только в видах лучшего украшения храма.

Сделанные по распоряжению Синода выписка из святоотеческих правил и справка о начавшемся деле вполне определяли характер отношений высшего церковного учреждения к доносу «плута» Румяновского на своего епархиального архиерея; нет ничего невероятного, что и специально назначенная Синодом для расследования данного дела духовная персона» не могла отрешиться от подобных же взглядов при производстве самого следствия, результатом чего и явилось полное оправдание нижегородского преосвященного. 26 августа 1747 года св. Синод, в форме всеподданейшего доклада, представил в Кабинет императрицы свои заключения по делу, возбужденному доносом Румяновского; в своем всеподданейшем докладе св. Синод написал, что виновным оказался сам же доносчик, признанный заслуживающим «надлежащего по св. правилам наказания», обвиненный же им преосвященный Димитрий в действительности не только не запятнал себя никакими предосудительными поступками, но даже «похвалы весьма достоин»³²³.

Видно, что предложения Шаховского, хотя бы и переданные от лица самой императрицы, оказывались еще далеко недостаточными, чтобы заставить Синод подчиняться влиянию прокуратуры в решении некоторых судебных дел, затрагивавших честь и авторитет церковной иерархии. Мы уже знаем, как отнесся Синод к монастырским крестьянам, обличившим архимандрита в безнравственном поступке, сильно скомпрометировавшем русское монашество; очень вероятно,

что и в данном случае оправдание нижегородского архиерея и осуждение пострадавшего певчего находились в известной зависимости от неблагоприятных отношений Синода к «доносителям», порочившим различными жалобами свое духовное начальство. И можно думать, что неблагоприятное отношение высшего органа церковного управления к лицам, осмеливавшимся жаловаться на свое епархиальное начальство, не представляло собой какого-либо исключительного явления; по крайней мере, Шаховский, передавая св. Синоду полученную от императрицы новую жалобу на того же преосвященного Димитрия, поданную священником нижегородского архангельского собора Иваном Васильевым, и предлагая рассмотреть ее сообразно со существующими законами, сообщил Синоду и особое повеление государыни, «чтобы оный проситель и отец его обижены не были»³²⁴.

Несмотря на то, что обер-прокурорская власть, стремившаяся оказывать действительное влияние на ход дел в церковном управлении, не ограничивалась только одними предложениями об обязательном производстве установленных судебных следствий по поводу различных жалоб на непозволительные действия духовных лиц, но и внимательно следила за самой постановкой судебного процесса, вооружалась против незаконных отступлений от установленных приемов при расследовании дел, рекомендовала обязательно руководиться указаниями прокуратуры, угрожая, в противном случае, опротестовать решение Синода, высший орган церковного управления иногда находил возможным, не придавать большего значения ни контролю, ни угрозам представителя прокурорского надзора. Интересы церкви, как их понимало духовенство, нередко побуждали св. Синод смотреть на некоторые явления церковной жизни с точки зрения, совершенно не совпадавшей со взглядами обер-прокурора, и в таких случаях Шаховский обыкновенно встречался с энергичным противодействием Синода, располагавшего еще достаточными средствами, чтобы парализовать влияние прокуратуры на церковное управление.

Когда возникло небезызвестное³²⁵ дело, вызванное столкновением вятского архиерея Варлаама с местным воеводой Писаревым, и св. Синод обнаружил явное намерение оправдать преосвященного, поссорившегося с воеводой, обер-прокурор несколько раз обращал внимание высшего церковного учреждения на многие нарушения формальных требований закона при производстве судебного следствия, настойчиво предлагал ему сообразоваться с указаниями прокуратуры и даже протестовал против различных постановлений Синода, имевших отношение к данному делу, но оказался бессильным повлиять на характер судебного приговора над обвинявшимся архиереем.

Дело о вятском преосвященном Варлааме началось по прошению пострадавшего воеводы, жаловавшегося, что, когда однажды на него напали архиерейские служки и школьники, и он, задержав двоих нападавших, стал допрашивать их в своей канцелярии, к нему явился архиерей и здесь, в канцелярии, позволил себе не только браниться «скаредной бранью», но даже ударил его, воеводу. Св. Синод определил взять от Варлаама объяснение по поводу обвинения, возводимого на него воеводой Писаревым. Хотя в представленном объяснении вятский архиерей и не отрицал самого факта удара «по ланите» жаловавшегося воеводы, но считал подобный поступок вполне справедливым, вызванным достаточно уважительными причинами, и, утверждая, что Писарев совершенно неверно представил обстоятельства дела («ложно клеветозадействовал»), просил, со своей стороны, «о обидах и о нанесенном бесчестии надлежащей сатисфакции». Синод определил проверить объяснение Варлаама посредством допроса архимандрита вятского Трифонова монастыря и троих архиерейских служителей, присутствовавших в провинциальной канцелярии при ссоре преосвященного с воеводой и также обвинявшихся Писаревым «в показуемых на его преосвященство худых поступках»³²⁶. Понятно, что от лиц, непосредственно заинтересованных в оправдании Варлаама, трудно было ожидать беспристрастных показаний; вероятность получения, при такой неправильной постановке судебного

следствия, пристрастных свидетельских показаний, неспособных удовлетворить интересам правосудия, и побудила обер-прокурора обратить внимание св. Синода на допущенное им нарушение требований закона³²⁷. Но предложение Шаховского не оказало должного действия на церковное учреждение, и Синод, заявив, что он не располагает никакими другими средствами для расследования дела, снова определил допросить вятского архимандрита³²⁸. И несмотря на то, что синодальное постановление было опротестовано обер-прокурором, предложившим Синоду принять рекомендованные им меры для законного решения данного дела³²⁹, столкновение преосвященного с воеводой осталось безнаказанным, и Варлаам вновь явился в свою вятскую епархию.

Очевидно, что настойчивое стремление Синода немедленно оправдать вятского архиерея, обуславливалось достаточно уважительными причинами, побуждавшими высшее церковное учреждение не придавать должного значения предложениям и протестам представителя прокуратуры. Такие причины, действительно, существовали, но они заключались не в самых обстоятельствах столкновения преосвященного Варлаама с воеводой Писаревым, а в общем характере отношений светских властей к духовенству того времени. В св. Синод нередко поступали жалобы духовенства на непозволительное обращение с ним светского начальства, и высший орган церковного управления настойчиво требовал от Сената удовлетворения по различным случаям насилия светских властей над духовными лицами; очень вероятно, что, защищая интересы духовенства, нередко сильно страдавшего от насилия светских чиновников, Синод смотрел и на ссору вятского архиерея с местным воеводой с исключительной точки зрения защитника своих подчиненных от покушений на их честь и достоинство со стороны светских властей, почему и должен был придти в столкновение с обер-прокурором, руководствующимся в своих отношениях к возникшему делу одними формальными требованиями существующих государственных законов.

Резкое различие взглядов и стремлений Шаховского и синодальных членов, делавшее неизбежными столкновения обер-прокурора с св. Синодом в самых разнообразных сферах церковного управления, особенно сильно должно было давать чувствовать себя в такой области церковной жизни, где на первый план выступали материальные интересы духовенства и государства. Уже в первую половину своего управления обер-прокурорскими делами Шаховский, не останавливаясь перед серьезной опасностью восстановить против себя сильный Синод, обнаруживал настойчивое стремление подчинить строгому контролю его экономическую деятельность и лишить возможности синодальное ведомство распоряжаться по собственному усмотрению денежными средствами, собиравшимися с церковных имуществ. Теперь же, когда обер-прокурор имел достаточные основания считать свое положение в св. Синоде окончательно упроченным, Шаховский мог еще более энергично вмешиваться в экономическую деятельность высшего церковного учреждения и смелее пользоваться своим правом протеста против распоряжений Синода, казавшихся ему не согласными с государственными интересами.

Уничтожая коллегия экономии и передавая управление церковными имуществами в ведение св. Синода, Елизавета не предоставляла духовенству права произвольно распоряжаться получаемыми с них доходами; возвращаясь к старым порядкам, существовавшим при Петре, правительство желало, чтобы духовенство употребляло на собственные нужды и потребности только известную часть материальных средств, доставляемых церковными имуществами, отдавая все остальное в распоряжение государства, для удовлетворения различных общественных нужд и преимущественно для устройства и содержания благотворительных заведений. Внимательно следя за экономической деятельностью св. Синода, обер-прокурор, понимавший довольно односторонне свое назначение и, при своих исключительных заботах о государственных интересах, не придававший должного значения необходимости удовлетворения многих настоятельных нужд и потребностей духовного ведомства, пришел к убеждению, что Синод не

всегда строго исполняет существующие законы, стесняющие его свободу действий в распоряжении денежными суммами духовного ведомства.

Убедившись, что св. Синод довольно часто выдает значительные денежные суммы на различные постройки и починки в архиерейских домах и монастырях, без надлежащего рассмотрения их доходов и расходов, и даже не требует от архиереев и монастырей никакой отчетности в употреблении выданных денег «без похищения и лакомства», Шаховский 12 февраля 1748 года обратился к нему с письменным предложением, имевшим в виду положить конец безотчетному расходованию денежных средств на потребности духовного ведомства. Хотя, писал Шаховский, св. Синоду неоднократно указывалось на необходимость требовать от богатых монастырей и епархиальных архиереев установления ведомости о приходах и расходах, но до самого последнего времени не принято никаких мер для исполнения законного желания прокуратуры, почему он, обер-прокурор, и считает своим долгом предложить высшему органу церковного управления послать во все места строжайшие указы о немедленном доставлении упомянутых ведомостей и, без внимательного рассмотрения установленных отчетов, ни в каком случае не удовлетворять просьб архиереев и монастырей о выдаче денег на различные починки и постройки³³⁰.

Синод выслушал неприятное для интересов духовенства предложение Шаховского и, не имея возможности открыто не исполнить формально-законного требования представителя прокуратуры, постановил отложить его обсуждение «до полного собрания»; обер-прокурорское предложение должно было долгое время дожидаться полного собрания синодальных членов, пока, наконец, 15 июня 1748 года св. Синод не определил послать указы в различные епархии и монастыри, но не о немедленном доставлении прихода-расходных ведомостей, как требовала прокуратура, а только о присылке в канцелярию счетов денег, выданных из казны на необходимые постройки и починки. Обсуждение вопроса о доходах и расходах «знатнейших» монастырей и епархиальных архиереев вновь

было отложено до следующего полного собрания. В то же время Синод определил разрешить костромскому Богоявленскому монастырю, получившему еще в 1743 году из бывшей коллегии экономии 513 рублей 67 коп. и не представившему ни отчета в их употреблении, ни ведомостей о своих доходах и расходах, употребить на починку монастырских зданий из платежей, подлежащих поступлению в экономическую канцелярию за два года, 1,398 рублей 76 копеек и окладной хлеб. Подобное синодальное постановление, совершенно игнорировавшее заявление прокуратуры, явилось своеобразным и красноречивым ответом высшего церковного учреждения на предложение Шаховского, и обер-прокурор³³¹ снова напомнил Синоду о незаконности выдачи денег монастырям без обстоятельного рассмотрения их доходов, расходов и действительных нужд, заявив, что если и его вторичное предложение не будет принято и исполнено, то он, обер-прокурор, протестует против неправильного синодального определения и останавливает выдачу денег. Члены св. Синода, выслушав Шаховского, «после многих споров» постановили доложить его предложение в полном собрании, т. е. обнаружили несомненное нежелание удовлетворить требование обер-прокурора, почему последний увидел себя вынужденным опротестовать синодальное постановление о выдаче денег костромскому Богоявленскому монастырю и обратиться за помощью и содействием к самой верховной власти³³².

Св Синод, доносил Шаховский императрице Елизавете Петровне³³³, получив в свое ведение коллегию экономии со всеми ее доходами, вместо того, чтобы, в силу существующих законов, заботиться об увеличении материальных средств, доставляемых церковными имуществами на содержание отставных офицеров, раненных солдат и воспитательных домов, незаконно истратил, крупные казенные суммы на богатые монастыри и архиерейские дома: по словам обер-прокурора, высший орган церковного управления, несмотря на все его словесные напоминания и письменные предложения, не требовал от монастырей и епархиальных архиереев установленных ежегодных прихода-расходных ведомостей и не

только не заботился о сохранении различных остаточных сумм, но даже выдал на постройки и починки в монастырях и архиерейских домах более 40,000 рублей «из прежде окладных в казну собираемых денег».

Но и непосредственное обращение обер-прокурора к верховной власти оказалось бессильным изменить характер отношений Синода к неприятным, и неудобным для него предложениям Шаховского; через несколько времени после протеста прокуратуры против выдачи денег одному из костромских монастырей, Синод вновь постановил, без рассмотрения прихода-расходных ведомостей, предоставить крутицкому архиерейскому дому окладной хлеб, а ставропигиальному Петровскому монастырю выдать на постройки определенную денежную сумму, что, в свою очередь, вызвало новые протесты обер-прокурорской власти и новые предложения, заслушанные высшим церковным учреждением и, по обыкновению, оставленные без исполнения³³⁴. – 22 мая 1749 года обер-прокурор, напомнив Синоду о своем письменном предложении обязать епархиальных архиереев и богатые монастыри аккуратно доставлять установленные прихода-расходные ведомости, заметил, что данное предложение уже дважды было заслушано высшим органом церковного управления, но не вызвало с его стороны никакого постановления³³⁵. – 11 октября 1749 года Синод определил выдать белгородскому преосвященному Иосифу 1,600 рублей; так как и последнее синодальное распоряжение о выдаче казенных денег на церковные потребности белгородской епархии было сделано по простому прошению местного архиерея, без формальной проверки действительных размеров нужды в епархии преосвященного Иосифа, то Шаховский опять опротестовал синодальное определение³³⁶.

По-видимому, приведенные факты из области экономической деятельности св. Синода, вызывавшие разнообразные предложения и протесты прокуратуры, говорят не в пользу высшего церковного учреждения. Но мы слишком далеки от мысли обвинять св. Синод в незаконном пользовании и безотчетном распоряжении материальными средствами

духовного ведомства. Чтобы правильно понимать, чем в действительности вызывались протесты прокуратуры против многих синодальных распоряжений экономического характера, необходимо иметь в виду, что Шаховский, обещавший императрице, с передачей коллегии экономии в ведение св. Синода, увеличить доходы с церковных имений, «кои в казну ее величеству для государственных расходов собирать следует», заботился главным образом только о том, чтобы на средства, собиравшиеся с духовного ведомства, доставить возможность правительству удовлетворить как можно более различных государственных нужд и потребностей. Синод же, хотя и примирялся с необходимостью отдавать на государственные нужды значительную часть церковных сборов, все же в своей экономической деятельности ставил на первом плане вполне естественные и законные заботы об удовлетворении многочисленных потребностей собственного ведомства. Неудивительно, что и ходатайства епархиальных преосвященных о предоставлении в их распоряжение денежных сумм для необходимых построек и починок в различных монастырях и архиерейских домах встречали сочувственное отношение к себе со стороны св. Синода. А так как при исполнении подобных просьб и ходатайств не всегда точно соблюдались все предписанные законом формальности, показывавшие действительные размеры нужды в известных монастырях и архиерейских домах, то Шаховский имел достаточно поводов протестовать против распоряжений Синода, шедших в разрез со стремлениями прокуратуры, извлекавшей возможно большую пользу для государственных интересов из материальных средств, доставляемых церковными имениями.

Внимательно наблюдая за отношением св. Синода к материальным средствам духовного ведомства и широко пользуясь своим правом протеста против постановлений высшего органа церковного управления, нежелательных с точки зрения государственных интересов, обер-прокурор не мог не придти в столкновение с ним и по поводу неисполнения существовавших законов об обязательном доставлении в определенные места всех денег и ценных вещей, оставшихся

после смерти высших духовных лиц. Несомненно, что и в данном случае интересы духовного ведомства и представителя прокуратуры далеко не совпадали между собой, и св. Синод, подававший императрице специальный доклад об изменении назначения имуществ умправших архиереев и архимандритов, в интересах духовного ведомства, имел достаточно побуждений не придавать должного значения частым словесным напominаниям обер-прокурора об обязательном исполнении существовавших законов. Безрезультатность словесных замечаний заставила Шаховского обратиться к Синоду с особым письменным предложением; из присланных в синодальную канцелярию доношений, писал обер-прокурор в своем предложении от 25 января 1748 года³³⁷, видно, что в некоторых епархиях и монастырях, после смерти различных духовных лиц, осталось значительное количество денег и ценных вещей, а так как оставшиеся деньги и пожитки, несмотря на явные требования действующих законов, не присылаются из епархий и монастырей, и Синод не принимает никаких понудительных мер для исполнения правительственных распоряжений, то он, обер-прокурор, и предлагает сделать постановление о немедленном доставлении из епархий и монастырей всех денег и вещей, оставшихся после умерших архиереев и архимандритов. Синод, верный своей политике пассивного противодействия обер-прокурорскому влиянию на церковное управление, выслушал предложение Шаховского и определил обсудить его в будущем собрании, что, по обыкновению, и осталось неисполненным³³⁸.

Между тем, представив в следующем году³³⁹ особый доклад императрице о необходимости нового назначения движимых имуществ, оставшихся после смерти различных духовных лиц, Синод не только не употреблял никаких мер к тому, чтобы заставлять местные власти высылать из епархий и монастырей деньги и вещи умерших архиереев и архимандритов, но даже позволял себе делать распоряжения, прямо противоположные предложению прокуратуры; 20 октября 1749 года он формально разрешил одному из своих членов, коломенскому епископу Гавриилу, оставить в архиерейском

доме пожитки и деньги, принадлежавшие умершему предшественнику Гавриила по архиерейской кафедре.

Приведенные факты не оставляют места сомнению, что и в данном случае представитель обер-прокурорской власти, при всех своих личных способностях, энергии и настойчивости, оказывался еще фактически бессильным настаивать на обязательном исполнении своих предложений; но если право обер-прокурора делать предложения св. Синоду не обеспечивало Шаховскому возможности действительного, фактического влияния на ход дел в синодальном управлении, то, по крайней мере, в его лице, обер-прокурорская власть получила возможность широко пользоваться своим правом протеста против постановлений высшего церковного учреждения, признаваемых прокуратурой несогласными с требованиями законов. И мы видим, что определение Синода, распорядившегося деньгами и вещами умершего коломенского архиерея несогласно с требованиями существовавших законов и желаниями прокуратуры, не могло быть приведено в исполнение, так как вызвало формальный протест Шаховского³⁴⁰.

Можно думать, что обер-прокурор должен был довольно часто пользоваться своим законным правом протеста против различных синодальных постановлений, так как высший орган церковного управления не только не исполнял неприятные для него обер-прокурорские предложения, постоянно, откладывая их обсуждение до следующих полных собраний, но и нередко позволял себе делать распоряжения, прямо противоположные заявлениям и желаниям прокуратуры. Интересно, что подобные синодальные определения, совершенно несогласные с обер-прокурорскими предложениями, иногда даже, посредством довольно своеобразных приемов, скрывались от представителя прокурорского надзора и только с течением времени, независимо от желания Синода, делались известными Шаховскому.

4 февраля 1747 года обер-прокурор предложил св. Синоду обязательно требовать отчеты о производившихся по церквям установленных сборах, имевших различное специальное

назначение; так как один из них должен был доставлять средства на содержание госпиталей, то Шаховский, ближайшим образом заинтересованный в аккуратном поступлении собиравшихся денег, не мог мириться с полной безотчетностью производившихся по церквям денежных сборов. Синод же, руководящийся в своей деятельности интересами духовного ведомства, хотя и не уклонялся от обязанности отдавать на государственные потребности часть церковных сборов, но в то же время признавал вполне законным пользоваться ими и для удовлетворения различных нужд собственного ведомства. Выслушав предложение Шаховского и обсудив его должным образом, члены св. Синода составили обычный журнал, но не заверили его своими подписями; между тем, синодальный протоколист Беляев доложил обер-прокурору о данном журнале, как о подписанном³⁴¹.

Через несколько времени, просматривая документы синодальной канцелярии, Шаховский, к крайнему удивлению, нашел среди них определение св. Синода, диаметрально противоположное своему предложению: в найденном определении Синод распорядился, чтобы деньги, собиравшиеся от продажи свеч на содержание госпиталей, употреблялись на покупку и починку церковной утвари, а остаточные суммы, неизрасходованные на церковные потребности, тратились бы на нищих и бедняков, неспособных прокормить себя собственным трудом. Всякая отчетность о суммах, получавшихся посредством установленных сборов, была признана совершенно излишней и все предоставлено личному усмотрению местных архиереев – на том основании, что церковные сборы на госпитали, как мотивировал Синод свое определение, везде обыкновенно давали очень незначительные денежные суммы. И несмотря на то, что данное определение, половина листа которого оказалась оторванной и подклеенной, было подписано не всеми членами св. Синода, не было занесено ни в какой реестр и не объявлено обер-прокурору, на основании такого постановления были разосланы соответствующие указы по всем епархиям. Шаховский, узнав о действиях св. Синода и его канцелярии, 13 июня 1749 года

потребовал разъяснения обнаруженного факта от синодальных чиновников: обер-секретаря, секретарей, протоколистов, регистраторов, но они не дали ему желательных объяснений, сославшись на давность времени, забывчивость и доверие к членам Синода³⁴².

Являясь неизбежным следствием резкого различия во взглядах прокуратуры и синодальных членов на назначение материальных средств, собираемых по духовному ведомству, уклонение св. Синода от исполнения неприятных предложений Шаховского и настойчивое, систематическое стремление прокуратуры посредством частых протестов против нежелательных синодальных постановлений отнять у высшего церковного учреждения самую возможность действовать несогласно с интересами государства, не могли не иметь места и в таком важном вопросе, каким был в то время довольно сложный и все еще не разрешенный вопрос о размерах жалованья членам св. Синода.

Нам уже известно, что Шаховский, еще в первые годы управления обер-прокурорскими делами, своим протестом против определения Синода не позволил его членам получить из казны заслуженное жалованье. Хотя при императрице Анне Иоанновне и был составлен штат высшего церковного учреждения, с указанием размеров жалованья его членам, но он не был опробован, не получил высочайшего утверждения ни при Анне Иоанновне, ни при новой государыне, Елизавете Петровне. Когда синодальные члены начали рассуждать о выдаче жалованья за майскую треть 1745 года «по не опробованному штату», обер-прокурор словесно заявил им о незаконности такого порядка получения казенного вознаграждения, а так как обер-прокурорское заявление не оказало на них никакого действия, и они скрепили протокол о выдаче полного жалованья, положенного по штату, не утвержденному верховной властью, то Шаховский обратился к Синоду с письменным предложением; в своем предложении³⁴³ обер-прокурор предупреждал синодальных членов, чтобы они так произвольно «чинить не дерзали», и настаивал на том, что Синод обязан прежде испросить высочайшую апробацию своему штату, а до

того времени должен получать жалованье по указу Петра Великого, с установленным вычетом епархиальных и монастырских доходов. Но так как и письменное предложение обер-прокурора было оставлено без исполнения высшим органом церковного управления, то Шаховский опротестовал синодальное определение о выдаче жалованья, и члены Синода довольно продолжительное время оставались безо всякого вознаграждения, пока, наконец, в силу высочайшего распоряжения от 6 апреля 1748 года, не приобрели права на получение задержанного жалованья по указу Петра, т. е. с обязательным включением в размеры положенного жалованья епархиальных и монастырских доходов³⁴⁴.

Получив высочайший указ, члены св. Синода, собравшись в своей канцелярии в отсутствие обер-прокурора, собственноручно сделали, необоснованные ни на каких документальных данных, краткие сообщения об одних только денежных доходах и, не выслушав выписки из существовавших законоположений, имевших отношение в затронутому вопросу, составили определение о выдаче жалования.

Состоявшееся в отсутствие обер-прокурора, синодальное определение заставило Шаховского обратиться к Синоду с письменным предложением о необходимости изменения данного постановления; указывая на то, что члены св. Синода, не определив с необходимой точностью, кому, в каких размерах и на каком основании следует получить казенное жалованье, «непорядочно... и несходно с указами решение учинили», обер-прокурор предложил, чтобы Синод изменил неправильно составленный протокол, положив в основу своего определения о выдаче жалованья точные и обстоятельные ведомости ее только об одних денежных, но и о хлебных доходах. Члены Синода, выслушав обер-прокурорское предложение и заявив, что никакие указы никогда не обязывали их при объявлении своих доходов сообщать о хлебе и других хозяйственных припасах, получаемых из архиерейских и монастырских вотчин³⁴⁵, постановили... обсудить его в следующем полном собрании³⁴⁶.

Убедившись в безрезультатности своего предложения, Шаховский воспользовался правом протеста против определений церковного учреждения, признаваемых обер-прокурорской властью несогласными с требованиями законов, остановил выдачу жалования синодальным членам и, через посредство графа Разумовского, донес обо всем случившемся императрице. В своем письме к Разумовскому³⁴⁷ Шаховский просил влиятельного графа, как известного заступника и защитника всех вернослужащих, представить государыне составленный им доклад о недоразумениях между прокуратурой и св. Синодом, защитить его перед императрицей, в случае весьма вероятных жалоб синодальных членов, и испросить у нее позволение документально доказать свой невинность и беспристрастие в происшедшем столкновении с высшим органом церковного управления. Во всеподданнейшем докладе, представленном государыне 21 июня 1748 года³⁴⁸, обер-прокурор, выяснив императрице все законные побуждения, заставившие остановить выдачу жалования синодальным членам, просил оказать ему содействие и покровительство, так как, без такого покровительства, он признавал себя бессильным успешно бороться за государственные интересы «против шестерых, да еще таковых персон, которые по своим делам просители и сами судьи есть».

Но и обер-прокурорский протест, на продолжительное время лишивший членов Синода возможности получать заслуженное жалование, не мог заставить высшее церковное учреждение исполнить предложение Шаховского, так как требование прокуратуры точно определять все денежные и хлебные доходи, находившиеся в распоряжении синодальных членов, резко расходилось с их материальными интересами. Синод, через посредство различных влиятельных лиц, обратился к государыне с жалобой на неполучение законного вознаграждения из-за споров с обер-прокурором, и 12 декабря 1749 года, по докладу духовника императрицы, протоиерея Дубянского, Елизавета, наконец, приказала: «жалованье выдать, до будущего утверждения штата, за прошлые и за 1749

год по указу Петра Великого, удержав в казне, вместо епархиальных доходов, четвертую часть жалованья»³⁴⁹.

Синод поспешил воспользоваться благоприятным для себя высочайшим указом и распорядился выдать из казны задержанное вознаграждение. Постановление о получении жалованья состоялось в отсутствие Шаховского, и деньги были выданы из казны без уведомления обер-прокурора, почему он во всеподданнейшем доношении от 13 января 1750 года вновь опротестовал синодальное определение³⁵⁰.

В объяснение своего распоряжения о выдаче жалованья, состоявшегося в отсутствие Шаховского, члены св. Синода написали, что они в тот день, когда было решено привести в исполнение высочайший указ, намерено прибыли в собрание только после троекратного приглашения обер-прокурора и привели в исполнение свое определение лишь тогда, когда уже оно, по принятому порядку, было отослано в обер-прокурору, которого, однако, как доложил и экзекутор, нигде не могли отыскать ни в тот, ни в следующий день. Оправдывая свое определение, Синод решительно заявил, что теперь не может быть никаких недоразумений вопросу о получении казенного вознаграждения, так как все споры обер-прокурора с синодальными членами о размерах их жалования навсегда прекращены высочайшим указом от 12 декабря 1749 года. Исходя из подобных соображений, Синод определил, немедленно же, «не ожидая обер-прокурорского смотра», выдать казенное жалованье и тем из своих членов, которые в то время находились в Москве; в силу состоявшегося синодального определения, выдача жалования, действительно, была произведена³⁵¹, несмотря на то, что Шаховский сделал московской синодальной конторе предложение не исполнять опротестованное определение св. Синода³⁵².

Рассмотренные факты из области взаимных отношений обер-прокурора и св. Синода, имевшие место в такой сфере церковной жизни, где на первый план выступали наиболее важные и жизненные материальные интересы членов высшего учреждения духовного ведомства, несомненно, заключают в себе не мало данных, в высшей степени ценных для

правильного понимания того значения, каким фактически, на практике располагал представитель прокуратуры в церковном управлении за вторую половину пребывания Шаховского в должности синодального обер-прокурора. На основании приведенных фактов не трудно убедиться, что даже и приобретенная обер-прокурором фактическая возможность не только пользоваться своим юридическим правом непосредственного обращения к верховной власти в случаях неправильных действий Синода, но и выполнять важную роль посредника между верховной властью и высшим церковным учреждением не произвела существенных, радикальных перемен в отношениях последнего к своему обер-прокурору. Конечно, невозможно отрицать, не становясь в противоречие с несомненными фактами, что энергичный и властолюбивый Шаховский, располагая доверием государыни и часто пользуясь правом непосредственного обращения к верховной власти по делам св. Синода, в известной степени, возвысил значение прокуратуры в высшем церковном учреждении и усилил ее влияние на церковное управление, но члены св. Синода, как мы видели, находили еще в своем распоряжении достаточно средств, чтобы успешно противодействовать нежелательному для них влиянию на ход дел в церковном управлении слишком ревностного защитника государственных интересов.

Шаховский добросовестно выполнял трудные и сложные обязанности «ока государыни и стряпчего о делах государственных», зорко следил за деятельностью высшего органа церковного управления, постоянно обращал его внимание на явления церковной жизни и собственные распоряжения Синода, нежелательные с точки зрения государственных интересов и несогласные с существовавшими законами³⁵³, настойчиво требовал обязательного исполнения своих многочисленных предложений, широко пользовался правом протеста против разнообразных синодальных постановлений, не совпадавших с предложениями прокуратуры, но Синод не менее настойчиво продолжал руководиться в своей деятельности собственными видами и соображениями, нередко довольно резко расходившимися с интересами государственной

власти, употреблять всевозможные средства, чтобы парализовать постепенно возрастающее влияние обер-прокурора на церковное управление, постоянно откладывая на неопределенное время рассмотрение неудобных предложений Шаховского и даже иногда находил возможным приводить в исполнение свои определения, несмотря на протесты прокуратуры.

Причины, делавшие возможным для высшего органа церковного управления такие отношения к обер-прокурору и обуславливавшие собой значительное несоответствие между стремлениями Шаховского, по-видимому располагавшего всеми необходимыми средствами для развития сильного фактического влияния прокуратуры на церковную жизнь, и его действительным значением в синодальном управлении, заключалась в характере тех отношений, какие существовали в царствование Елизаветы между верховной властью и св. Синодом. Хотя Шаховский, благодаря своим личным качествам заслуживший доверие и расположение государыни, и приобрел важное право обращаться непосредственно к самой верховной власти по делам духовного ведомства и, докладывая императрице о деятельности св. Синода, в то же время довольно часто передавал последнему и разнообразные высочайшие повеления, но, при всем том, синодальный обер-прокурор, в лице Шаховского, ни в каком случае не мог еще считать себя единственным и обязательным посредником в сношениях высшего церковного учреждения с верховной властью.

Не говоря уже о первых годах управления обер-прокурорскими делами, когда еще Шаховский не успел приобрести большого расположения и доверия императрицы, даже и во вторую половину своей синодальной службы обер-прокурор не располагал исключительной привилегией непосредственных сношений с верховной властью по делам церковного управления; правда, как мы видели, он довольно широко пользовался на практике позволением государыни обращаться к ней по обязанностям своей службы, представлял императрице различные доклады по духовному ведомству,

жаловался Елизавете на действия синодальных членов, нарушавших государственные интересы, передавал св. Синоду всевозможные распоряжения верховной власти и даже делал ему выговоры от имени государыни³⁵⁴, но в то же время императрица и непосредственно, через самих синодальных членов, принимала и выслушивала доклады высшего органа церковного управления и, через тех же членов, передавала ему свои резолюции и указы³⁵⁵. Особенно часто пользовалась Елизавета в своих сношениях со св. Синодом посредничеством одного из его членов, протоиерея Дубянского.

В самых отношениях императрицы к обер-прокурору и синодальным членам, как представителям далеко неодинаковых, а иногда даже и прямо противоположных интересов государства и церкви, мы напрасно стали бы искать односторонней, строго выдержанной и исключительно благоприятной для Шаховского правительственной программы. Елизавета, легко совмещавшая в себе различные и, по-видимому, непримиримые крайности, отличавшаяся большой набожностью и, вместе с тем, бывшая страстной любительницей всевозможных увеселений, поражавшая своих современников скудостью полученного образования, не любившая ни читать, ни писать и, в то же время, основавшая первый русский университет, умевшая выбирать для заведования разнообразными отраслями государственного управления опытных и умных людей и иногда по целым месяцам не дававшая им возможности являться к ней с необходимыми докладами, оказывала большое расположение и доверие Шаховскому, ревниво оберегавшему государственные интересы в церковном управлении, но, одновременно с тем, относилась с большим уважением и к русскому духовенству, преследовавшему, в лице членов св. Синода, свои специально церковные интересы в управлении духовным ведомством. Отличаясь значительным беспристрастием и довольно спокойным отношением к всевозможным столкновениям и интригам окружавших ее лиц, заведовавших различными отраслями управления, императрица умела сохранять на службе самые непримиримые элементы, если только находила

их полезными для дела. Оставив Шаховского в должности обер-прокурора, несмотря на униженные просьбы членов св. Синода, на коленях умолявших императрицу избавить их от неудобного представителя прокуратуры, и тем самым упрочив его служебное положение, Елизавета, однако, не доставляла синодальному обер-прокурору фактической возможности всегда успешно пользоваться преимуществами своего положения, так как нередко не оказывала ему необходимого содействия и поддержки в частых столкновениях с высшим церковным учреждением, и даже иногда сдерживала его неумеренную решимость. что, в свою очередь, позволяло Синоду оставлять без исполнения многочисленные предложения Шаховского, а в некоторых случаях не обращать внимания и на его протесты.

Без сомнения, принадлежавшее членам св. Синода право непосредственно обращаться к государыне по делам церковного управления и личное расположение императрицы к духовенству предоставляли в распоряжение высшего церковного учреждения важные средства для успешной борьбы с неблагоприятными для него стремлениями Шаховского и позволяли ему в сильной степени парализовать влияние прокуратуры на положение дел в духовном ведомстве.

Но, как ни успешно было противодействие св. Синода несомненным желаниям прокуратуры подчинить известные стороны церковной жизни сильному влиянию представителя государственных интересов, и как не велико было различие между стремлениями обер-прокурора и его действительным, фактическим влиянием на ход дел в синодальном управлении, все же деятельность Шаховского прошла далеко не бесследно для обер-прокурорской власти и ее значения в высшем церковном учреждении. Не смотря на довольно, нередкие случаи безрезультатности самых настойчивых предложений св. Синоду, находившему в своем распоряжении достаточно средств для пассивного противодействия обер-прокурорскому влиянию, Шаховский, хотя часто и должен был чувствовать себя совершенно бессильным подействовать в желательном направлении на решение того или другого вопроса, возникавшего в церковной жизни, но в то же время иногда имел

возможность, посредством протестов против различных распоряжений синодальных членов, успешно защищать государственные интересы в духовном ведомстве, так как высший орган церковного управления, только в исключительных случаях, решался приводить в исполнение свои постановления, формально опротестованные прокуратурой. Шаховский имел достаточные основания хвалиться³⁵⁶, что из разнообразных сумм, собравшихся по духовному ведомству, он успел сохранить для государственного казначейства 100,000 рублей, не позволив Синоду истратить их на свои потребности, без всякой пользы для государственных интересов³⁵⁷.

Очевидно, что обер-прокурорская власть, в лице Шаховского, в большинстве случаев, стоявшего, с формальной стороны, на строго-законной почве в своих отношениях к св. Синоду, не только номинально контролировала его деятельность и делала разнообразные предложения, оставляемые им без всякого исполнения, но и получила фактическую возможность, если и не всегда, то, по крайней мере, довольно нередко не позволять Синоду нарушать государственные интересы в управлении духовным ведомством, что, без сомнения, должно было в сильной степени отражаться на положении обер-прокурора в высшем церковном учреждении. благодаря деятельности Шаховского, власть прокуратуры в св Синоде приобрела уже характер значительной реальной силы, которая, хотя и не могла еще оказывать положительного влияния на ход дел в церковном управлении, когда ее желания расходились со стремлениями высшего церковного учреждения, но за то, в большинстве случаев, довольно успешно лишала возможности и самих синодальных членов приводить в исполнение свои постановления, несогласные с интересами государства.

Обер-прокурорская деятельность Шаховского, сумевшего, и с передачей коллегии экономии в ведение св. Синода, выполнить данное императрице обещание об увеличении доходов, поступавших в государственную казну с церковных имуществ, не могла не зарекомендовать его в глазах Елизаветинского правительства, как образцового эконома,

ревниво оберегавшего выгоды государственного казначейства. Успевший обнаружить в высшей степени выгодные для правительства незаурядные способности образцового эконома, доставившие государству около 100 тысяч рублей сбережений по духовному ведомству, Шаховский был признан Елизаветой наиболее подходящим лицом для замещения специальной экономической должности генерала-кригс-коммиссара, где бережливому обер-прокурору представлялась возможность с большей пользой для государственных интересов применять к делу свои способности и дарования.

В 1753 году, во время своего пребывания в Москве, куда, вместе с императрицей, прибыл и св. Синод. Елизавета указом от 29 марта уволила Шаховского от обер-прокурорской службы³⁵⁸ и назначила его на новую должность генерала-кригс-коммиссара, по словам самого Шаховского, не было никаких оснований предполагать, чтобы его увольнение от обер-прокурорской службы обуславливалось происками синодальных членов, желавших избавиться от неудобного представителя государственной власти в церковном управлении; напротив, он даже рассматривал свое новое назначение, как награду за добросовестное исполнение обер-прокурорских обязанностей, утверждая, что «то сделано государыней в его пользу и по отменной благонадежности о лучшем исправлении оной должности»³⁵⁹.

А. И. Львов

18 декабря 1753 года³⁶⁰ императрица заместила вакантную должность синодального обер-прокурора статским советником Афанасием Ивановичем Львовым, новый обер-прокурор не изменил характера отношений представителей прокуратуры к высшему органу церковного управления; в основе его отношений к св. Синоду лежали те же стремления, которыми руководился и Шаховский в своей обер-прокурорской деятельности. Он также стремился установить строгий фактический контроль за всей системой синодального управления, начиная с высшего учреждения и кончая подчиненными ему низшими органами церковной администрации, обращался к Синоду с различными предложениями, направленными к защите государственных интересов в сфере церковной жизни, протестовал против синодальных постановлений, не отвечавших видам правительства. Но, не располагая энергией и настойчивостью Шаховского, оказывал менее значительное влияние на ход дел в церковном управлении. Разделяя посредничество между верховной властью и высшим церковным учреждением с самими членами св. Синода и не пользуясь особенным расположением государыни, Львов очень часто не имел никакой возможности видеть желательные практические результаты от своих предложений и протестов, не совпадавших с интересами духовного ведомства.

Мы видели, что Шаховский, настойчиво стремившийся расширить сферу своего влияния на церковную жизнь и подчинить своему ближайшему надзору епархиальное управление, возбуждал в св. Синоде вопрос о восстановлении института инквизиторов и усердно настаивал на необходимости предоставления в распоряжение прокуратуры каких-либо специальных средств для действительного контроля епархиального церковного управления. Львов, разделявший стремления своего предшественника, задумал провести через св. Синод еще более важную меру, которая бы дала

возможность обер-прокурорской власти иметь в своем распоряжении непосредственно ей самой подчиненные органы постоянного надзора за епархиальной церковной жизнью; понятно, что такое намерение прокуратуры не могло уже не вызывать со стороны синодальных членов еще более энергичного противодействия, чем то, какое в свое время встретили настойчивые предложения Шаховского, так как инквизиторы, как известно, находились в ведении самого св. Синода и только косвенно были подчинены обер-прокурорской власти.

2 мая 1754 года обер-прокурор Львов обратился в св. Синод с предложением, имевшим в виду сделать для прокуратуры фактически возможным беспрепятственное выполнение тех обязанностей по отношению к церковному управлению, какие были возложены на нее известной инструкцией 1722 года. Обер-прокурорская инструкция, писал Львов в своем предложении св. Синоду³⁶¹, вменяет в неременную обязанность обер-прокурорской власти внимательно наблюдать за характером правительственной деятельности высшего церковного учреждения; она требует, чтобы все дела, подлежащие синодальному рассмотрению и решению, «истинно ревностно, без потери времени, по регламенту и указам отравлялись», и устанавливает строгую отчетность для всех учреждений и лиц, обязанных доносить о времени исполнения получаемых указов или же, в случае их неисполнения, о причинах, обуславливавших собой такое нежелательное явление, органами правительственного надзора за деятельностью подчиненных Синоду учреждений и лиц инструкция считает особых прокуроров, а между тем, в действительности такие прокуроры нигде не существуют, и их обязанности никем не исполняются; по словам Львова, епархиальные учреждения синодального ведомства не только совершенно свободны от контроля представителей прокурорского надзора, но даже не располагают необходимыми сведениями о правах и обязанностях обер-прокурора. Последнее обстоятельство и побудило Львова прежде всего предложить св. Синоду немедленно разослать во все

учреждения духовного ведомства точные копии с обер-прокурорской инструкции.

Предложение прокуратуры не могло, конечно, вызвать сочувственного отношения к себе со стороны св. Синода, так как проектировавшееся Львовым назначение в епархиальные учреждения особых прокуроров, непосредственно подчиненных обер-прокурорской власти, существенным образом затрагивало интересы высшего органа церковного управления. Самая рассылка во все подчиненные Синоду присутственные места точных копий с обер-прокурорской инструкции, в которой Львов видел указание на обязательность существования прокуроров в епархиальных учреждениях, должна уже была являться косвенным признанием со стороны синодальных членов законных прав прокуратуры на ближайший надзор за епархиальным управлением. А между тем, св. Синод считал наблюдение за епархиальной церковной жизнью, порученной ведению местных архиереев, своего собственной обязанностью и не видел в обер-прокурорской инструкции никаких указаний на обязательное существование представителей прокуратуры в епархиальных учреждениях. Не желая исполнять неудобное предложение Львова, направленное к усилению обер-прокурорского влияния на церковное управление, Синод постановил отложить его обсуждение до следующего полного собрания синодальных членов³⁶². Встретив со стороны высшего церковного учреждения пассивное противодействие своему предложению, обер-прокурор 13 мая во второй раз обратился с ним к св. Синоду. Видя настойчивость Львова, Синод нашел необходимым позаботиться о том, чтобы иметь возможность обставить свой отказ от исполнения неприятного обер-прокурорского предложения достаточно уважительными причинами, и определил произвести предварительно справку: 1) существует ли такой указ, который бы обязывал «распубликовать копиями об обер-прокурорской должности», 2) находятся ли какие-либо указания на необходимость подобной публикации в самой инструкции и 3) были ли при прежних обер-прокурорах примеры рассылки копий во все подчиненные Синоду присутственными места³⁶³?

Хотя Синод и постановил обсудить в следующем собрании результаты произведенных справок, но, видимо, не спешил решением затронутого обер-прокурором вопроса, так как 6 июля 1751 года Львов принужден был вновь обратиться к нему со своим предложением. Выслушав в третий раз заявление представителя обер-прокурорской власти, высший орган церковного управления постановил произвести новую справку, необходимую ему для того, чтобы иметь в своем распоряжении какие-либо формально законные основания для отклонения неудобного предложения прокуратуры. В силу состоявшегося распоряжения, синодальная канцелярия должна была навести надлежащие справки и дать обстоятельные ответы на следующие вопросы: 1) имеется ли указ об обязательном существовании прокуроров в епархиях, 2) какие обязанности по церковному епархиальному управлению возложены на епископов Духовным Регламентом, 3) как и где следует, по Регламенту, искать суда недовольным действиями епархиальных архиереев и 4) наконец, были ли примеры рассылки копий обер-прокурорской инструкции в прежнее время?

Справки, действительно, были произведены и дали результаты, позволившие Синоду на достаточном, юридическом и историческом, основании оставить без исполнения предложение Львова. На первый вопрос канцелярия ответила, что в ее делах, с самого начала существования св. Синода, не значится ни одного указа о назначении прокуроров в епархиальные церковные учреждения; 2-й и 3-й пункты вызвали пространные выписки из духовного Регламента, – выписки, далеко неблагоприятные для стремлений прокуратуры, а на 4-й вопрос канцелярия ответила, что при прежних обер-прокурорах никогда не было примеров рассылки по епархиям копий с обер-прокурорской инструкции, и что в учреждения, подчиненные св. Синоду, всегда посылались только одни указы о вступлении в должность того или другого обер-прокурора³⁶⁴. Располагая такими данными, полученными путем произведенных справок, Синод нашел уже возможным оставить свои обычные приемы постоянного откладывания обсуждения неудобных обер-

прокурорских предложений до будущих полных собраний и прямо отклонил от себя исполнение желания Львова.

Фактическое бессилие обер-прокурорской власти, не имевшей возможности настаивать на обязательном исполнении своих предложений, хотя в рассмотренном столкновении Львова с св. Синодом и обуславливалось тем, что Синод нашел достаточные юридические и исторические основания, доказывавшие необязательность нежелательного предложения прокуратуры, но в тоже время зависело и от других, более общих причин. Мы имеем в виду характер отношений императрицы к членам св. Синода и его обер-прокурору, т. е. те же самые причины, которые позволяли высшему церковному учреждению со значительным успехом парализовать нежелательное влияние прокуратуры на синодальное управление даже при таком обер-прокуроре, каким был Шаховский. И при Львове, также как и ранее, Елизавета не считала синодального обер-прокурора обязательным посредником в своих сношениях с высшим органом церковного управления, а так как Львов в то же время, по-видимому, не пользовался и особым расположением государыни, то обер-прокурор только в редких случаях имел возможность обращаться к св. Синоду с своими предложениями, обоснованными на высочайших повелениях, непосредственно полученных им от верховной власти. По крайней мере, так позволяют думать документальные памятники правительственной деятельности св. Синода, где Львов очень редко выступает в роли посредника между государыней и высшим церковным учреждением.

Интересно, что да-же и в тех редких случаях, когда Львову приходилось выполнять роль посредника между верховной властью и св. Синодом, императрица поручала своему обер-прокурору объявить какой-либо высочайший указ только после того, как данный указ был предварительно сообщен высшему органу церковного управления без всякого посредничества прокуратуры, но, по каким-либо соображениям, оставлялся им без исполнения. По словам письменного обер-прокурорского предложения от 20 апреля 1754 года³⁶⁵, императрица Елизавета

приказала Львову объявить св. Синоду (состоявшему из членов малороссийского происхождения), что, если указ об обязательном назначении «и великороссиян на праздные вакансии в архиереи и архимандриты», устно сообщенный ей самой синодальным членам, остается без должного исполнения, то она вменяет в неперемнную обязанность немедленно же записать в св. Синоде высочайшее повеление «для неотменного исполнения и о всем том ему, обер-прокурору, донести Ее Императорскому Величеству». По справкам, произведенным в синодальной канцелярии, действительно оказалось, что никто из духовных лиц, выслушавших распоряжение государыни, не объявлял его официально св. Синоду, почему Синод, под влиянием нового высочайшего распоряжения, принужден был исполнить обер-прокурорское предложение и постановил записать именной императорский указ «и по нем чинить исполнение неотменно».

Насколько незначительно было фактическое влияние обер-прокурора Львова на ход дел, находившихся в заведовании высшего церковного учреждения, всего нагляднее показывает один любопытный указ императрицы Елизаветы, который позволяет нам утверждать, что в некоторых случаях члены св. Синода находили даже возможным оставлять прокуратуру в совершенном неведении относительно своих постановлений и распоряжений. 8-го октября 1755 года императрица Елизавета Петровна приказала т. с. барону Черкасову «объявить собранию св. Синода, чтобы впредь св. Синод в противность указам никаких дел по домам не делал, но по указу в Синоде, нечего не скрывая от обер-прокурора, как было то до тех пор, по дошедшим до ее Величества сведениям, также чтобы и обер-секретари и прочие канцелярские служители были обер-прокурору послушны, дел не подписывали по домам у синодальных членов и того, что подписывали, не таили бы от обер-прокурора. И если окажут себя от сих пор противными указам и непослушными обер-прокурору, то с ними поступлено будет по жестокости прав государственных без послабления»³⁶⁶.

Не пользуясь значительным влиянием на церковное управление, обер-прокурорская власть, в лице Львова, по-

видимому, далеко нередко должна была разделять свои прямые обязанности представителя и защитника государственных интересов в духовном ведомстве с пр. Сенатом, хотя нужно заметить, что и ранее Сенат не оставлял без внимания некоторых дел, находившихся в ведении св. Синода.

9 февраля 1755 года св. Синод должен был выслушать ведение правительствующего Сената, напомнившего ему о государственной обязанности духовного ведомства определять в монастыри и богадельни всех присылавшихся из военной коллегии и от генералитета отставных служащих, не имевших собственных средств для существования; выслушав Сенатское видевшие, основанное на требовании императорских указов, Синод постановил приказать канцелярии синодального экономического правления в точности исполнять высочайшие распоряжения о размещении по монастырям и богадельням «отставных от воинской и статской службы воинских чинов людей»³⁶⁷. – Сенат, узнав, по доношению главного комиссариата, действовавшего, по всей вероятности, под влиянием генерала-кригс-коммиссара, бывшего синодального обер-прокурора, Шаховского, что св. Синод по своему усмотрению распоряжается имуществами осужденных духовных лиц и раскольников, предназначенными правительством на содержание госпиталей, 24 июля 1756 года постановил сообщить Синоду ведение, чтобы оставшиеся после духовных персон и раскольников движимые и недвижимые имущества, а также и деньги, полученные от продажи их имущества, были немедленно же, в силу высочайшего повеления Петра I, переданы на содержание госпиталей в ведомство главного комиссариата³⁶⁸. – 2 октября того же 1756 года, по поводу доношения военной коллегии, получившей от св. Синода официальный отказ в принятии на монастырское содержание безумного юнкера Ушакова, не имевшего собственных средств для существования, Сенат определил поставить на вид высшему органу церковного управления его законную обязанность взять на свое попечение присланного из коллегии юнкера и «впредь таковых же безумствующих из воинских служителей и бедных... в пристойные монастыри до

исправления ума принимать»³⁶⁹. – 20 декабря 1756 года св. Синод слушал ведение правительствующего Сената, что в Украине «от лакомства попов» сильно распространился незаконный обычай венчания однодворцами своих малолетних сыновей на взрослых девицах³⁷⁰, и что местное духовенство брало за совершение подобных браков большие денежные суммы, чем и приносило значительный вред экономическому благосостоянию однодворцев. Хотя Синод и не совсем доверчиво отнесся в сообщении Сената об отягощении однодворцев высокой и непосильной платой за совершение браков, мотивируя свое недоверие отсутствием жалоб на вымогательство духовенства, но тем не менее он должен был исполнить желание Сената и постановил послать указы к епархиальным преосвященным об обязательном принятии соответствующих мер, необходимых для прекращения и предупреждения на будущее время незаконных браков и вымогательства приходского духовенства³⁷¹.

Несомненно, что все приведенные случаи вмешательства Сената в область синодального управления обуславливались тем, что государственные интересы, охранение которых в сфере церковной жизни составляло прямую и непосредственную обязанность обер-прокурора, не всегда пользовались со стороны св. Синода таким вниманием, какое было желательно светскому правительству. Между тем, прокуратура, специально учрежденная для того, чтобы следить за деятельностью высшего органа церковного управления и не позволять ей принимать направление, вредное для интересов государства, оказывалась еще иногда неспособной вполне удовлетворительно выполнять свое главное назначение, что и побуждало Сенат обращаться к Синоду с различными ведениями по тем или другим вопросам церковно-государственной жизни.

Члены св. Синода, пользуясь правом непосредственных сношений с верховной властью и отсутствием особенного доверия и расположения императрицы к представителю прокуратуры в духовном ведомстве, теперь уже могли несравненно легче, чем при Шаховском, парализовать влияние

обер-прокурора на ход дел в церковном управлении. Не располагая ни таким доверием государыни, каким пользовался Шаховский, ни той редкой энергией и настойчивостью, какие он всегда умел проявлять в исполнении возложенных на него служебных обязанностей, Львов, при наличии подобных неблагоприятных условий, давал еще синодальным членам известные средства для успешной борьбы с обер-прокурорской властью и своей не вполне безупречной деятельностью, доставлявшей Синоду законные основания к протестам против действий обер-прокурора и обжалованию их перед самой верховной властью.

17 марта 1757 года св. Синод слушал доношение своего члена, епископа переяславского Амвросия, жаловавшегося на незаконные действия обер-прокурора Львова и просившего высшее церковное учреждение обратиться к императрице с всеподданнейшим докладом по поводу делаемого им заявления. Упомянув о состоявшемся, по его прошению, синодальном определении, в силу которого он должен был получить известные денежные суммы на необходимые церковные и монастырские починки в своей епархии, Амвросий заявил, что обер-прокурор удерживает у себя законное определение Синода и не допускает его до исполнения; по словам Амвросия, подобное отношение Львова к синодальному постановлению обуславливалось тем, что обер-прокурор, «по своему лакомству», ожидал от него таких же взяток, какие он и прежде брал с его епархиальных монастырей, пользуясь, как средством для вымогательства взяток, возможностью задерживать приведение в исполнение указов о выдаче денег на необходимый ремонт различных зданий в том или другом монастыре. Еще в 1754 году, писал синодальный член, Львов взял с Данилова и Никитского монастырей по 50 рублей, с Волоколамского Иосифова монастыря 100 рублей, да по Воскресенскому монастырю требовал с бывшего наместника Каллистрата 50 рублей за выдачу ему законного жалованья³⁷². В доказательство справедливости своей жалобы Амвросий приложил к доношению и письменные документы,

подтверждавшие факты злоупотребления Львовым обер-прокурорской властью³⁷³.

Выставив на вид незаконный характер деятельности Львова, Амвросий просил св. Синод отобрать у обер-прокурора свое определение и приказать немедленно же привести его в исполнение, а на самого Львова подать императрице всеподданнейший доклад, «чтобы обер-прокурор, в виду его личных интриг и злобы на Амвросия, впредь не мешался бы ни в какие его епархиальные и монастырские дела»³⁷⁴. Синод воспользовался доношением переяславского архиерея и, действительно, подал на своего обер-прокурора всеподданнейший доклад³⁷⁵.

В скором времени (11 июля 1757 года) переяславский архиерей снова обратился к Синоду с жалобой на незаконные действия его обер-прокурора; Амвросий донес, что вотчинные крестьяне Данилова, Никитского и Волоколамского Иосифова монастырей переяславской епархии не платят никаких оброков, не исполняют установленных работ, не повинуются высочайшим указам, присылаемым из св. Синода, и что приказчиком села Балашова тверского уезда пойман бобыл Иван Алексеев с возмутительными письмами от его петербургских товарищей, «плутов» даниловских и никитских крестьян, возбуждавших своих земляков к неповиновению монастырскому начальству. Из писем, по словам Амвросия, видно, что монастырские крестьяне, вопреки высочайшему указу, намерены подать прошение императрице, и что подстрекает их к такому незаконному поступку синодальный обер-прокурор. Представляя на рассмотрение отобранные письма, переяславский преосвященный в то же время настоятельно просил Синод, чтобы обер-прокурор, «вследствие оказавшихся подозрений» и по случаю отлучки из Петербурга самого Амвросия, не был допускаем ни до каких дел по его епархии, и чтобы от Львова не принимались ни словесные, ни письменные предложения³⁷⁶. Св. Синод не оставил без внимания доношения своего члена и подал на высочайшее имя соответствующий доклад.

Архивные документальные данные ничего не говорят об отношении императрицы Елизаветы к представленным синодальным докладам, но они, по крайней мере, позволяют предполагать, без особенного риска принять простую хронологическую последовательность за причинную связь, что небезупречный характер деятельности Львова доставил Синоду возможность лишить обер-прокурора доверия верховной власти, так как в начале следующего года государыня нашла нужным уволить Львова от должности и приказала Сенату выбрать кандидатов для назначения нового синодального обер-прокурора.

12 января 1758 года Синод, узнав, что правительствующий Сенат, получивший от императрицы приказание выбрать 4 достойных кандидатов для замещения обер-прокурорской должности, исполнил высочайшее повеление и представил Елизавете намеченных кандидатов, и сам решил принять участие в выборе своего обер-прокурора и с этой целью обратился к государыне со всеподданнейшим докладом. «Во исполнение именного повеления по определению, на место обер-прокурора Львова, обер-прокурором же из представленных Вашему Величеству от Сената 4-х кандидатов», писалось в докладе, «Синод, согласно избрав, за способнейшего и достойного признает обретающегося при Сенате советника Александра Яковлева, который, как Синод ведает, состояния доброго и в делах искусный»³⁷⁷. Но стремление Синода воспользоваться благоприятным случаем, чтобы приобрести влияние на самый выбор представителя прокуратуры, не дало желательных результатов, и, вместо удовлетворения всеподданнейшего доклада, Синод получил из правительствующего Сената ведение, что 17 апреля 1758 года Ее Императорское Величество, уволив Львова, пожаловала обер-прокурором лейб-гвардии отставного премьер-майора, Алексея Семеновича Козловского³⁷⁸.

Кн. А. С. Козловский

Назначение на место уволенного Львова нового синодального обер-прокурора не могло оказать какого-либо заметного влияния на фактическое положение прокуратуры в св. Синоде; отношения императрицы Елизаветы к представителю прокуратуры в церковном управлении и к самому св. Синоду, дававшие возможность последнему успешно противодействовать постоянному стремлению обер-прокуроров широко пользоваться своими юридическими правами в интересах государства, и при князе Козловском сохраняли тот же самый характер, каким они отличались при его предшественнике – Львове.

Новый обер-прокурор, также как и его предшественник – Львов, не располагал сильным фактическим влиянием на ход дел в церковном управлении. Хотя он и не уклонялся от своих прямых обязанностей по отношению к церковному управлению, внимательно следил за точным исполнением существовавших законов в синодальном ведомстве и, замечая нарушения различных правительственных распоряжений, делал предложения Синоду об обязательном соблюдении тех или других высочайших указов, но св. Синод обыкновенно следовал указаниям Козловского только в тех случаях, когда предложения прокуратуры не находились в очень резком противоречии с интересами духовного ведомства.

14 июля 1759 года обер-прокурор Козловский в своем предложении обратил внимание св. Синода на неправильные действия смоленского епископа Гедеона, присвоившего себе, на основании синодального указа, не принадлежащие архиереям права расследования и решения тяжёбных дел, возникавших между духовными и светскими лицами. Из доношения смоленского преосвященного по делу «о бое» местного игумена Исаии Залескевича отставным полковником Алексеем Арсеньевым обер-прокурор усмотрел, что епископ Гедеон вступил в производство начавшегося дела, считая вполне законным синодальный указ 1729 года, предписывавший ему

решать подобные дела в духовном приказе. Между тем, высочайшим повелением императора Петра I, написанным на докладных пунктах св. Синода 1721 года, было вполне ясно и точно определено, что все жалобы духовных лиц на светских должны обязательно разбираться не в синодальных учреждениях, а в светском суде. На основании подобного высочайшего повеления Козловский и предложил св. Синоду отменить свой указ 1729 года и предписать смоленскому архиерею передать дело игумена Исаии в светский суд и на будущее время никогда не вступаться в производство подобных дел, а только посылать в гражданский суд своих депутатов, чтобы пострадавшие духовные лица получали в светских судах «достойную сатисфакцию». Для того же, чтобы предотвратить самую возможность аналогичных явлений не только в смоленской, но и в других епархиях, обер-прокурор предложил послать соответствующие указы ко всем епархиальным архиереям³⁷⁹.

Конечно, установленный правительством порядок расследования судебных дел, возбуждавшихся различными духовными особами против светских лиц, был не совсем удобен и желателен для церковного ведомства, но, во всяком случае, он не находился в резком и непримиримом противоречии с его интересами, так как позволял епархиальным архиереям посылать в гражданские суды своих депутатов для наблюдения за беспристрастным решением дел, в случае неполучения «достойной сатисфакции», приносить жалобы на действия светского суда св. Синоду. Неудивительно, что, при таких условиях, Синод и нашел возможным исполнить обоснованное на высочайшем повелении предложение Козловского и 16 сентября 1759 года постановил предписать всем епархиальным преосвященным не вступать в производство дел, возникавших по жалобам духовных персон на светских лиц, а отсылать их в светский суд и, через своих депутатов, «накрепко... наблюдать и стараться, дабы оные дела в светской команде надлежащим порядком... производились и решались, и обидимые духовные священно и церковно-служители достойное удовольствие и сатисфакцию получали по сущей справедливости без всякого

медления и волокиты»; в случае же небеспристрастного отношения «светской команды» к духовным лицам, высший орган церковного управления вменял в обязанность епархиальному начальству подавать в св. Синод жалобы на действия гражданского суда³⁸⁰.

Удовлетворительно выполняя свои специальные обязанности в тех случаях, когда обер-прокурорские предложения не очень сильно затрагивали интересы духовного ведомства и не находились с ними в непримиримом противоречии, Козловский, как можно думать на основании существующих материалов, далеко не всегда имел возможность оказывать желательное для правительства влияние на св. Синод и не позволять ему уклоняться от исполнения некоторых распоряжений светской власти, что по-прежнему вызывало иногда вмешательство Сената или генерал-прокурора в некоторые дела, находившиеся в ведении св. Синода.

В силу высочайших указов, как все епархиальные архиереи и монастыри, так и сам св. Синод обязаны были, в узаконенные сроки, присылать в ревизион-коллегию отчеты «об остаточных наличных деньгах»; между тем, высший орган церковного управления не только не побуждал епархиальные и монастырские начальства доставлять в ревизион-коллегию нужные сведения, но и сам не исполнял правительственных распоряжений. 9 февраля 1759 года правительствующий Сенат постановил сообщить Синоду, чтобы во все епархии и монастыри были отправлены указы об обязательном доставлении в ревизион-коллегию установленных счетов находившихся в их распоряжении остаточных денежных сумм, так как, по существовавшим законам, Синод ежегодно должен был отсылать в ревизион-коллегию счета и ведомости об остаточных деньгах архиерейских домов (кроме новгородского) и монастырей³⁸¹. Очевидно, что, несмотря на присутствие в Синоде специального представителя государственных интересов, обязанного не позволять высшему церковному учреждению уклоняться от точного исполнения действующих законов, св. Синод имел полнейшую возможность руководиться

в своей деятельности собственными соображениями, не отвечавшими видам правительства.

Когда в 1760 году императрица назначила генерал-прокурором Сената бывшего синодального обер-прокурора, князя Шаховского, стремление Синода руководиться в своей деятельности специальными церковными интересами, не встречавшее должного фактического противодействия со стороны Козловского, иногда побуждало нового генерал-прокурора выполнять обязанности «ока государева и стряпчего о делах государственных» и по отношению к высшему церковному учреждению. На конференции Сената с Синодом, состоявшейся 6 октября 1760 года, генерал-прокурор Шаховский заявил, что еще в 1757 году императрица Елизавета приказала обсудить и решить вопрос о монастырских и архиерейских доходах, между тем как только 24 июля 1760 года по данному вопросу состоялось общее собрание государственных учреждений, не пришедших, однако, ни к каким определенным заключениям. В виду такого непозволительного отношения Синода и Сената к именному высочайшему указу. в течение трех лет остававшемуся без всякого исполнения, генерал-прокурор и предложил конференции поспешить решением возбужденного вопроса³⁸².

1 сентября 1760 года Шаховский обратил внимание синодального обер-прокурора Козловского на не согласное с требованиями законов отношение св. Синода к делу, начавшемуся по доносу черниговского архимандрита Иова Малеевского, протопопа Димитрия Стефановского, дьякона Стефана Шаршановского и протопопова сына Федора Григоровича, обвинявших местного епархиального архиерея в том, что он отправлял с своим келейником для продажи в Петербург и Москву различные запрещенные напитки и провозил в Москву деньги через посредство своей матери и других родственников. В первое время данное дело рассматривалось в самом св. Синоде, но затем, в 1757 году, по высочайшему указу, в Чернигове была учреждена особая комиссия, в которую, как писал Шаховский на основании поданных ему челобитных и доношений, оказались

назначенными лица, находившиеся под влиянием местного архиерея, почему показания и доказательства дьякона Шаршановского (наиболее храброго и настойчивого обвинителя) совсем не были приняты комиссией и не вызвали с ее стороны законного расследования справедливости представленных обвинений. Явное пристрастие, обнаруженное членами черниговской комиссии при расследовании порученного ей дела, заставило дьякона приехать в Петербург и обжаловать ее незаконные действия пред св. Синодом, но Синод, несмотря на многочисленные прошения Шаршановского, оставил его без всякого ответа; последние же челобитные дьякона, несколько раз подававшиеся в 1760 году, не только остались не рассмотренными, но даже и не были приняты от него. Такой образ действий высшего органа церковного управления, очевидно руководствовавшегося в своих отношениях к возникшему делу особыми, специальными соображениями, расходившимися с формальными требованиями законов, и не желавшего обвинять епархиального архиерея по доносам и жалобам подчиненного ему духовенства, не вызывал, однако же, никаких протестов со стороны Козловского, как представителя государственных интересов и официального блюстителя законности, что и побудило Шаховского обратиться к синодальному обер-прокурору с поручением предложить Синоду челобитные и доношения дьякона Шаршановского для надлежащего рассмотрения³⁸³.

Козловский, хотя и исполнил желание генерал-прокурора, предложив св. Синоду рассмотреть и решить, согласно с церковными канонами и высочайшими указами, дело, возбужденное против черниговского архиерея, но в то же время заявил, что дьякон Щаршановский жалуется и на него, обер-прокурора, будто бы он не принимал подававшихся челобитных «за посяжками»; неожиданное обвинение дьякона заставило прокуратуру предложить на рассмотрение Синода и клевету Шаршановского. Извещая Шаховского об исполнении его желания, Козловский, вместе с тем, сообщил генерал-прокурору, что, в виду несправедливого обвинения дьяконом самого обер-прокурора, он опасается присутствовать при

разборе данного дела и находит неудобным следить за его производством.

Цитируемый документ обер-прокурорской канцелярии не оставляет места сомнению, что присутствие в св. Синоде специального блюстителя законности еще не обеспечивало государственной власти желательного характера правительственной деятельности высшего церковного учреждения, так как Козловский не располагал сильным влиянием на церковное управление, и св. Синод нашел возможность руководиться в своих отношениях к возникшему делу собственными соображениями, не отвечавшими требованиям высочайших указов.

Причины, обуславливавшие собой констатируемый нами характер отношений обер-прокурорской власти к св. Синоду, заключались как в личности самого Козловского, не располагавшего теми выдающимися способностями, какие были необходимы для того, чтобы, при всех неблагоприятных условиях, успешно пользоваться предоставленными прокуратуре правами, так и в чисто внешних обстоятельствах, несколько не зависевших от наличного представителя государственных интересов в духовном ведомстве. Мы имеем в виду отношение императрицы Елизаветы к св. Синоду, сохранившее и при Козловском тот же самый характер, каким оно отличалось при его предшественнике – Львове, так как и теперь высший орган церковного управления, в большинстве случаев, обходился без всякого посредничества обер-прокурора в своих сношениях с верховной властью³⁸⁴.

Отношения верховной власти к св. Синоду в его обер-прокурору, имевшие громадное влияние на фактическое положение прокуратуры в высшем церковном учреждении не только при Козловском, но и в продолжение всего Елизаветинского царствования, как мы видели, оказывались далеко неблагоприятными для стремлений синодальных обер-прокуроров всегда руководиться в своей деятельности государственной идеей Петра в ее применении к церковной жизни. Но такой характер отношений Елизаветы к св. Синоду и его обер-прокурору обуславливался не тем, что императрица не

разделяла Петровской государственной идеи, а другими причинами, лежавшими в личном характере Елизаветы Петровны и ее расположении к духовенству.

Вступив на престол, императрица Елизавета в своем именном указе от 12 декабря 1741 года³⁸⁵ с сожалением заявила о нежелательных переменах, происшедших в государственном управлении по смерти преобразователя, и предписала «наикрепчайше содержать все указы и регламенты Петра» и по ним всегда и во всем «неотменно поступать» в различных правительственных учреждениях, не исключая и духовной коллегии или св. Синода. Высочайший указ, обязывавший все правительственные учреждения, в том числе и высший орган церковного управления, руководиться в своей деятельности законами реформатора, и восстановление в св. Синоде института прокуратуры, учрежденного преобразователем с известной специальной целью надзора за государственными интересами в сфере церковного управления, делают несомненным, что Елизавета вполне разделяла государственную идею Петра. По-видимому, обер-прокуроры, являвшиеся специальными орудиями правительственного надзора за синодальным управлением и всегда руководящиеся в своей деятельности государственной идеей Петра, разделяемой и самой государыней, должны были бы встречать со стороны верховной власти не только должное сочувствие, но и постоянную реальную, сильную поддержку своим стремлениям оказывать на церковное учреждение действительное, фактическое влияние, требуемое интересами государства. Но, если и при жизни самого организатора института прокуратуры, не отличавшегося особенным расположением к духовенству и даже уверенного в существовании среди духовного мира скрытой, глухой оппозиции его реформам, обер-прокурорская власть не имела фактической возможности широко пользоваться своими юридическими правами и полномочиями, то нет ничего удивительного, что она далеко не всегда и не во всем встречала необходимое содействие своим стремлениям со стороны Елизаветы, сильно расположенной к русскому духовенству и

отличавшейся спокойным, беспристрастным отношением к окружавшим ее лицам с их различными и часто даже противоположными интересами.

По справедливому замечанию Соловьева³⁸⁶, императрица Елизавета, не располагая ни блестящими способностями, ни образованием, ни опытностью и привычкой к правительственным делам, не могла иметь вполне самостоятельных мнений и взглядов, исключая те случаи, где она руководилась своим непосредственным чувством; выслушивая одно мнение, она принимала его и, по живости характера, высказывала свое одобрение, но обыкновенно не спешила решать дело по первому впечатлению, а знакомилась и с другими мнениями, останавливалась на новой стороне дела и долго колебалась в принятии окончательного решения по тому или другому вопросу.

Этой отличительной чертой характера императрицы, охотно выслушивавшей различные мнения заинтересованных лиц по каждому спорному вопросу, довольно успешно и пользовался св. Синод во всех тех случаях, когда его обер-прокуроры, руководящиеся в своей деятельности государственной идеей Петра, так или иначе затрагивали существенные интересы церковного ведомства. Располагая правом непосредственных сношений с верховной властью, высший орган церковного управления имел легкую возможность оказывать на государыню известное воздействие, противоположное влиянию прокуратуры, и тем самым парализовать неблагоприятные для себя стремления синодальных обер-прокуроров. Последнее обстоятельство тем более было возможно для св. Синода, что Елизавета, всегда обнаруживавшая большое расположение к духовенству, имела около себя таких сильных и влиятельных защитников церковных интересов, как граф Ал. Гр. Разумовский и ее духовник, протоиерей Дубянский. По словам Васильчикова³⁸⁷, Разумовский. «призренный в младенчестве духовенством, возросший под его крылом, смотрел на служителей церкви с чувствами самой искренней и глубокой благодарности и был предан им всем своим честным и любящим сердцем». Духовенство всегда могло вполне

рассчитывать на его заступничество перед государыней, а между тем, влияние Разумовского, после тайного брака с Елизаветой, сделалось громадным, так как «все его почитали и с ним обращались, как с супругом императрицы»³⁸⁸. Правда, граф не любил заниматься государственными делами, но существовали, однако, два вопроса, говорит биограф Разумовского³⁸⁹, «которые и его задевали за живое; для них он забывал и природную лень и отвращение от дел и смело выступал вперед, не опасаясь докучать государыне». Первый из таких вопросов и касался жизни церкви и духовенства. – Немаловажное значение для св. Синода представляла также и близость к императрице одного из его членов, царского духовника, протоиерея Дубянского, имевшего постоянный доступ к государыне и пользовавшегося большим доверием и расположением Елизаветы.

При таких благоприятных обстоятельствах, обуславливавших собой довольно сильное влияние духовенства на набожную и суеверную государыню, св. Синод мог успешно действовать против стремлений обер-прокурорской власти, нарушавших специально-церковные интересы духовного ведомства, несмотря даже на то, что обер-прокуроры руководились в своей деятельности государственной идеей Петра, усвоенной и самой императрицей. И только личные выдающиеся способности Шаховского несколько возвысили значение прокуратуры в св. Синоде, но и они, как мы знаем, оказались далеко недостаточными для того, чтобы доставить обер-прокурорской власти фактическую возможность беспрепятственно пользоваться своими юридическими правами в тех случаях, когда Синод находил ее действия вредными для интересов церкви и духовенства.

Изменения в фактическом положении синодальных обер-прокуроров и дальнейшее развитие процесса постепенного усиления влияния прокуратуры на ход дел в церковном управлении могли последовать только с переменой в отношениях к духовенству со стороны верховной власти, что уже случилось после смерти Елизаветы Петровны.

Глава IV

Смерть Елизаветы, создававшей характером своих отношений к русскому духовенству благоприятные условия для успешного противодействия св. Синода влиянию прокуратуры на церковное управление, передала верховную власть в руки Петра III, не только не разделявшего взглядов умершей государыни на служителей православной церкви, но и не стеснявшегося высказывать явное нерасположение к ним. Еще при жизни Елизаветы Петр III выражал свои неприязненные отношения к духовным лицам высочайшим языком священникам и дьяконам во время богослужения; вступление на престол дало ему возможность проявить свое нерасположение к православной церкви и ее духовенству и в самой правительственной деятельности.

Мы не будем говорить об общеизвестных фактах, являвшихся результатами нескрываемого презрения нового государя к господствовавшей в России религии, а упомянем только об одном императорском указе, прекрасно характеризующем отношения верховной власти к высшему органу церковного управления. Указ от 26 марта 1762 года³⁹⁰ констатировал одно довольно характерное явление, прочно укоренившееся в практике синодального управления; по словам Петра III, челобитчики, обращавшиеся в св. Синод с жалобами на свое начальство или епархиальных архиереев, после продолжительной волокиты, обыкновенно, безо всякого решения, отсылались для расследования дела к тем же епархиальным преосвященным, так что Синод, по мнению государя, не только не исполнял возложенных на него законных обязанностей, но даже обнаруживал очевидное пристрастие и делал «одни потачки» епархиальным начальникам, походя больше на опекуна знатного духовенства, чем на строгого блюстителя истины и защитника бедных и неповинных. В доказательство такого незаконного, пристрастного отношения св. Синода к «знатному духовенству», император указывал на судьбу челобитных известного нам дьякона Шаршановского и

священника Бордяковского, жаловавшихся на своего черниговского архиерея. В видах прекращения на будущее время соблазнительных отношений высшего органа церковного управления к интересам правосудия, указ повелевал Синоду не только немедленно дать беспристрастное решение дел, возбужденных челобитными Шаршановского и Бордяковского, но и всегда удовлетворять подобные жалобы, не отсылая их на рассмотрение к епархиальным преосвященным; в заключение императорского указа было объявлено св. Синоду, что малейшее нарушение истины будет наказано, как злейшее государственное преступление.

При таких отношениях императорской власти к св. Синоду, обер-прокурор, как представитель государственных интересов в церковном управлении, смело мог рассчитывать, что теперь уже политика правительства в сфере церковной жизни не будет иметь того нерешительного, а иногда даже и не совсем последовательного характера, какой она носила в предшествовавший период, и что синодальный обер-прокурор в своих столкновениях с Синодом, вызывающихся различием государственных и церковных интересов, не будет чувствовать недостатка в необходимой фактической поддержке верховной власти. Правда, царствование Петра III, по своей непродолжительности, не могло оказать заметного влияния на положение прокуратуры в св. Синоде, а Екатерина II в первое время управления государством, в силу особых политических соображений, резко осуждала отношения своего предшественника к православной церкви и русскому духовенству, но основной характер церковной политики Екатерининского правительства, несомненно, был также очень благоприятен для синодальных обер-прокуроров.

В исторической литературе довольно нередко высказывалось вполне справедливое мнение, что Екатерина II, находившаяся под сильным влиянием философских идей своего века, смотрела на религию с исключительной, политической точки зрения и признавала за той служебное значение, – значение морального орудия, необходимого государству в деле управления простым народом.

Рассматривая религию, как известную политическую силу, которая, при благоприятных условиях, как доказала печальная судьба Петра III, могла быть и небезопасной для верховной власти, Екатерина должна была стремиться к тому, чтобы лишить русскую церковь и ее представителей самой возможности действовать несогласно с видами правительства. И хотя в первое время после вступления на престол, когда еще положение новой императрицы не могло считаться окончательно упроченным и государыня сильно нуждалась в сочувствии влиятельного духовенства, Екатерина употребляла разнообразные меры, чтобы вызвать к себе доверие и расположение церкви, но лишь только она приобрела уверенность в прочности своего положения, как совершенно перестала стесняться приносить интересы духовенства в жертву интересам государства и обнаружила явное намерение правительства ослабить, ограничить силу и значение церкви и поставить высший орган церковного управления в положение учреждения, заведующего одними духовными делами русского государства.

Выходя из основных начал современных философских идей, не допускавших совместного существования в государстве двух различных властей и требовавших обязательного ограничения и ослабления такой власти, которая руководится в своей деятельности не одними только общегосударственными, но и собственными специальными законами и даже ставит их выше государственных, Екатерина признавала самую широкую зависимость церкви от государства и, с этой точки зрения, находила возможным называть себя главой русской церкви.

Правда, русское правительство, еще в лице Петра I, вполне ясно и определенно высказало свою государственную точку зрения на церковь и довольно усердно проводило ее в практическую жизнь, но Екатерина не могла удовлетвориться правительственными мерами предшествовавшего времени, направленными к практическому осуществлению государственной идеи Петра, так как они не успели довести до конца дело, начатое преобразователем, и позволили

духовенству сохранить в своих руках громадные материальные средства, создававшие возможность нежелательных отношений двух различных властей в государстве.

Еще московские государи XVII века обнаруживали несомненные стремления, направленные к ограничению вотчинных прав духовенства, Петр же и его ближайшие преемники поставили на очередь вопрос о совершенном уничтожении подобных прав. Но даже и такой решительный и энергичный император, каким был преобразователь России, не останавливавшийся пред самыми коренными реформами разнообразных сторон государственной и народной жизни, обнаруживал некоторую нерешительность и непоследовательность в возбужденном им вопросе о совершенном уничтожении вотчинных прав духовенства.

В 1701 году Петр приказал описать все церковные имущества и приставить к ним светских управителей, а духовным лицам давать, для их содержания, определенное жалование, остальные же доходы, получавшиеся с описанных вотчин, употреблять на различные благотворительные дела. Учреждение св. Синода заставило, однако, преобразователя снова передать в руки духовенства отнятое у него управление монастырскими имуществами, хотя и необходимо заметить, что, отступая от начал, принятых в 1721 году при организации управления недвижимыми имуществами церкви, Петр, в то же время, остался верен самому себе в вопросе об употреблении доходов, получавшихся с архиерейских и монастырских вотчин. Возвращая монастырям и архиерейским домам отобранные у них вотчины, замечает Милютин в своем специальном исследовании по интересующему нас вопросу³⁹¹, Петр не имел никакого намерения возратить им и прежнее право на произвольное распоряжение получаемыми доходами; напротив, он желал, чтобы монастырское, церковное хозяйство находилось под постоянным, строгим правительственным контролем, и чтобы все доходы духовенства, за вычетом сумм, определенных на его содержание государственными законами, обязательно поступали на удовлетворение различных общественных нужд и, преимущественно, на устройство и

содержание благотворительных заведений. Но преобразователь не успел издать определенных государственных законов о размерах содержания архиерейских домов и монастырей, и составление задуманного им генерального «церковного штата» досталось на долю его преемников.

Установленный преобразователем двоякий взгляд на назначение церковных вотчин, обязанных, по мысли правительства, с одной стороны, доставлять материальные средства для различных потребностей государства, а с другой – удовлетворять и законные нужды самих духовных учреждений, при отсутствии «церковного штата» и предоставлении непосредственного заведования недвижимыми имуществами св. Синоду, получившему их в свое управление в последние годы царствования Петра, легко вызывал в практической жизни разнообразные явления, крайне нежелательные как для церкви, так и для самого государства.

Вполне попятное стремление Синода извлекать из управления церковными имуществами возможно большую пользу для своего ведомства не могло не нарушать существенных интересов правительства и должно было побуждать его к введению различных изменений в организации управления монастырскими и архиерейскими вотчинами. Правда, верховная власть назначила в св. Синод специального представителя и защитника государственных интересов, и обер-прокуроры, в первое время своего существования, обращали главное и преимущественное внимание на разнообразные вопросы финансового характера, но институт прокуратуры далеко не обеспечивал правительству согласный с его видами образ действий высшего церковного учреждения, так как обер-прокуроры, поставленные в неблагоприятные условия и лишённые фактической возможности успешно пользоваться своими юридическими правами, нередко оказывались совершенно бессильными бороться со специально-церковными стремлениями св. Синода.

Единственное радикальное средство, способное гарантировать государству извлечение всей возможной материальной пользы из церковных вотчин, правительство

видело в практическом осуществлении проекта о непосредственном заведовании государства архиерейскими и монастырскими недвижимыми имуществами, с обязательным обеспечением церковных учреждений определенным штатным содержанием, выдаваемым им из доходов, получаемых с отобранных вотчин. Правительственный проект, обязанный своим происхождением Петру I, вполне разделялся и его ближайшими преемниками, постепенно усиливавшими влияние государства в управлении церковными имуществами. В царствование Анны Иоанновны правительство сделало, наконец, решительный шаг в деле практического осуществления проекта преобразователя и передало в непосредственное управление коллегии экономии все вотчины духовенства за исключением только тех, которые были специально предназначены для его содержания. Но постановление Анны Иоанновны не было еще окончательным и бесповоротным решением участи недвижимых церковных имений, так как в скором же времени правительство, под влиянием жалоб и просьб св. Синода, отступило от последовательного проведения своих собственных идей, положенных в основу всей предшествовавшей церковной политики, и первоначально (при Анне Леопольдовне) передало управление «заопределенными» вотчинами в ведомство духовных властей, обязав их исправно и бездоимочно выплачивать в коллегию экономии доходы, получаемые с вотчин, а затем (при Елизавете Петровне) и совершенен уничтожило самую коллегию экономии. Восстановление старых порядков в управлении монастырскими и архиерейскими вотчинами сопровождалось возобновлением прежних отношений высшего церковного учреждения к недвижимым имуществам своего ведомства, – отношений, крайне нежелательных для интересов государства, что снова побудило императрицу Елизавету дать участие светской, государственной власти в заведовании церковными имениями³⁹².

Петр III, менее всего расположенный к русскому духовенству и его интересам, не мог удовлетвориться полумерами правительства предшествовавшего времени и

своим указом от 21 марта 1762 года³⁹³ задумал дать окончательное решение вопроса о церковных вотчинах; учрежденная им коллегия экономии, поставленная в непосредственную зависимость от Сената, получила в свое управление все синодальные, монастырские, архиерейские и церковные вотчины, крестьяне же, обрабатывавшие церковные земли на архиереев и монастыри, прекращали всякие обязательные отношения к ним и должны были выплачивать определенный денежный оклад в коллегия экономии. Произведенное без должного внимания ко многим сторонам сложного вопроса о материальном обеспечении духовенства, быстрое и крутое преобразование управления церковными имуществами вызвало отрицательное отношение к себе со стороны преемницы Петра III – Екатерины II, увидевшей необходимость временно вновь возвратить духовенству заведование отнятыми вотчинами. «Кажется», писала Екатерина о распоряжении Петра III в своем указе от 12 августа 1762 года³⁹⁴, «надобность состояла только в том, чтоб отобрать у духовных имения, а чтоб осмотнительные взять меры о порядочном, и как для церкви и духовного чина безобидном, так и для отечества полезном управлении, о том и не думано».

Но, несмотря на такой неблагоприятный отзыв о решительной правительственной мере, предпринятой Петром III по отношению к церковным вотчинам, и даже несмотря на временное возвращение их в руки духовенства, Екатерина вполне разделяла современные ей политические воззрения на монастырские и архиерейские имущества, как на имущества государственные, хотя в первое время, под влиянием известных соображений, и находила неудобным открыто высказывать подобные мысли, а старалась замаскировать их обычными напоминаниями правительственных указов о необходимости употребления излишних церковных богатств на законные нужды и потребности государства. «Не имеем Мы намерения и желания присвоить себе церковные имения», писала Екатерина в том же самом именном указе, «но только имеем данную Нам от Бога власть предписать законы о лучшем оных употреблении на славу Божию и пользу отечества».

Лучшим средством для практического осуществления высказанного желания о более целесообразном употреблении церковных имений императрица, подобно своему предшественнику Петру III, признавала полную секуляризацию монастырских и архиерейских вотчин, но она считала возможным провести в жизнь эту важную и коренную реформу только после предварительных обстоятельных обсуждений данного вопроса в особой комиссии, предусмотрительно составленной из таких представителей церкви и государства, которые бы не только ясно понимали действительные желания и намерения Екатерины, не совсем определенно высказывавшиеся дипломатичной императрицей, а я сами бы оказывали известное содействие окончательному решению порученного им дела в духе и видах правительства.

В состав правительственной комиссии, учрежденной Екатериной 29 ноября 1762 года³⁹⁵ для формально-законного разрешения вопроса о дальнейшей судьбе монастырских и архиерейских имуществ, вошли, кроме светских лиц и синодального обер-прокурора Козловского, как специального представителя государственных интересов в церковном управлении, и некоторые из членов св. Синода: новгородский митрополит Димитрий и с.-петербургский архиепископ Гавриил. И хотя императрица, высказавшая в особой инструкции определенный правительственный взгляд на желательное назначение монастырских вотчин, в то же время, по-видимому, предоставляла комиссии и относительную свободу действий, заметив, что она имеет право «или Нашему мнению последовать, или что лучшее еще и богоугоднейшее к пользе народной придумает, Нам представить»³⁹⁶, но заседавшие в комиссии члены св. Синода прекрасно понимали истинный смысл подобных правительственных заявлений и считали далеко небезопасным для себя идти против господствовавшего течения и отстаивать свои специально-церковные интересы, с которыми так часто приходили в столкновения синодальные обер-прокуроры. Понятно, что, при таких отношениях синодальных членов к интересам своего ведомства, вопрос о материальных богатствах церкви мог считаться предрешенным,

в известном смысле, уже в самом начале деятельности комиссии, и последней оставалось только осуществить в практической жизни желание Екатерины.

Несомненное стремление государственной власти окончательно лишить церковь громадных материальных, средств не могло встретить никакого противодействия и протеста не только среди духовных членов комиссии, но даже и со стороны самого св. Синода, так как Екатерина позаботилась пополнить его наличный состав или архиереями, вполне преданными ей, или же людьми маловлиятельными и неспособными энергично отстаивать интересы духовного ведомства. И когда, к величайшему неудовольствию правительства, в рядах духовенства раздался смелый голос ростовского митрополита Арсения Мациевича, решительно восставшего против очевидных намерений императрицы, синодальные члены не только не воспользовались в достаточной степени мотивированным протестом ростовского митрополита, доставлявшим Синоду возможность обсуждать вопрос о церковных имуществах не исключительно только с одной государственной точки зрения, но и поспешили предупредительно выдать Арсения верховной власти и присудили его, за смелую и самоотверженную защиту интересов церкви, к такому тяжелому наказанию, что оставили еще место проявлению «человеколюбия» Екатерины по отношению к «дерзкому и безумному фанатику, преступному в предприятии, противном православной вере и верховной власти»³⁹⁷. Поведение св. Синода в деле Арсения Мациевича убедило Екатерину в полнейшей возможности не стесняться в своих дальнейших действиях интересами и желаниями высшего органа церковного управления и открыто заявить ему о своем бесповоротном решении превратить все монастырские и архиерейские вотчины в государственные имущества.

Нам нет необходимости останавливаться на дальнейших перипетиях истории секуляризации церковных имуществ; если мы позволили себе бросить ретроспективный взгляд на всю историю вопроса о церковных вотчинах, то сделали это исключительно с той целью, чтобы уяснить характер отношений

государственной власти Екатерининского времени к высшему церковному учреждению, поставленному императрицей в положение послушного орудия верховной власти, вынужденного, в видах указанных правительством государственных целей, беспрекословно жертвовать даже самыми существенными интересами своего ведомства.

Констатируемый нами, смелый и решительный характер отношений государственной власти к св. Синоду особенно рельефно выразился в известной речи Екатерины к членам высшего церковного учреждения, сказанной императрицей в скором времени после осуждения и заточения Арсения Мациевича³⁹⁸. Называя синодальных членов «государственными особами», состоящими под властью монарха, Екатерина резко уверяла их в своей речи в обладании громадными богатствами, дававшими им полную возможность «совершенно противно своему званию, жить в преизбыточестве благ земных». Искусно подчеркивая преемственную связь архиереев с апостолами, которые и сами были бедны и другим внушали презрение к богатствам, она рекомендовала Синоду проникнуться мыслью, что царство церкви «не от мира сего», иронически замечая, что эту последнюю фразу она слышала из уст самого же духовенства. Императрица высказывала перед Синодом свое удивление, как могут представители церкви, со спокойной совестью, пользоваться громадными богатствами и иметь беспредельные земельные владения, делающие их, по могуществу, равными самим царям. Она решительно называла все земельные владения духовенства похищенными у государства и категорически заявляла, что церковь не может удерживать их в своих руках, не оказывая явной несправедливости по отношению к государству. В заключение же своей необыкновенно резкой речи Екатерина поставила членов св. Синода в совершенно безвыходное положение, заметив им, что если они повинуются законам и, действительно, являются вернейшими подданными своей государыни, то не замедлят возратить государству все то, чем владели неправильным образом.

«Никогда, ни прежде, ни после, Синод не слышал ничего подобного», замечает по поводу цитированной речи историк Екатерины II, Бильбасов³⁹⁹. «В этой речи, блистательной по смелости замысла и эффектной по резкости выражения», по его словам. «вылилась вся Екатерина с ее дерзкой уверенностью в безнаказанности» и с редкой, выдающейся откровенностью. Архиереи – не служители алтаря, не духовные сановники, но «государственные особы», «вернейшие подданные»; для них власть монархов должна быть выше всего. Они, «преемники апостолов», обязанные внушать людям презрение к богатствам, виноваты тем, что «по могуществу равны царям» и что у них «много подвластных». Помня свой поступок с Арсением, члены Синода должны были покорно выслушать императорскую речь, полную изысканной укоризны и нескрываемого презрения к ним. Они как рабы, предали Арсения светской власти; теперь светская власть поработила их»⁴⁰⁰.

Без сомнения, подобный характер отношений верховной власти к св. Синоду, обнаружившийся в более смелых и решительных действиях правительства, направленных к подчинению государственным интересам ближайших интересов церкви и духовенства, не мог не отразиться известным образом и на положении обер-прокурора в церковном управлении. Екатерина, открыто высказавшая перед Синодом вполне определенные стремления правительства к подчинению церкви государству, по необходимости, должна была содействовать усилению фактического влияния обер-прокурорской власти на Синод, так как прокуратура являлась ближайшим и непосредственным орудием проведения в практическую жизнь церковной политики правительства.

Очень вероятно, что при более смелых и решительных отношениях правительства к интересам церкви и духовенства, Екатерина в скором же времени почувствовала нужду и в новом представителе синодальной прокуратуры, который бы вполне разделял современные воззрения на религию и церковную жизнь, господствовавшие в передовых просвещенных кружках западно-европейского и русского общества. И действительно, в самом непродолжительном времени после знаменитой речи

императрицы, с полной откровенностью высказавшей свой взгляд на св. Синод и его обязанности по отношению к государству, Екатерининское правительство признало полезным устранить от дел старого Елизаветинского обер-прокурора, и указом от 9 июня 1763 года⁴⁰¹ Алексей Семенович Козловский был уволен от занимаемой им должности.

И. И. Мелиссино

При новых, либеральных взглядах на религию и церковь, выработанных французской философией и нашедших себе усердную последовательницу в лице русской государыни, выбор преемника Козловскому должен был остановиться на такой личности, которая бы вполне разделяла воззрения на религию и церковь, господствовавшие в передовой части современного Екатерине западно-европейского и русского общества и усвоенные самой императрицей. Таким лицом, обратившим на себя внимание Екатерины и признанным ей способным удовлетворительно выполнять обер-прокурорские обязанности, оказался бывший директор московского университета⁴⁰², Иван Иванович Мелиссино, 10 июня 1763 года избранный императрицей на пост синодального обер-прокурора, пожалованный ею, по случаю нового назначения, чином действительного статского советника и получивший право на высший, в сравнении с размерами вознаграждения прежних обер-прокуроров, 2-х тысячный оклад годового жалованья⁴⁰³.

Характер отношений Екатерины к русскому духовенству и его интересам делает несомненным, что императрица, открыто заявившая свой взгляд на членов св. Синода, как на «государственных особ и вернейших подданных», обязанных преследовать в своей деятельности цели, указанные правительством, должна была придавать большое значение власти синодального обер-прокурора и не могла не оказывать значительного содействия развитию фактического влияния прокуратуры на высшее церковное управление. Прекрасно сознавая, что для действительного, фактического влияния государства на св. Синод, а через него и на всю церковную жизнь, недостаточно еще одного назначения обер-прокурора из числа лиц, вполне разделявших взгляды и намерения императрицы, а необходимо и предварительное основательное практическое знакомство вновь избираемого представителя прокуратуры со всеми особенностями церковного управления, Екатерина, в скором же времени после назначения нового обер-

прокурора, позаботилась и о заблаговременной практической подготовке опытного преемника Мелиссино.

19 августа 1763 года св. Синод получил от императрицы Екатерины именной указ о назначении за обер-прокурорский стол особого чиновника, в лице камер-юнкера Григория Потемкина. Очень вероятно, что, озабочиваясь заблаговременной практической подготовкой опытных представителей прокуратуры, Екатерина в то же время имела в виду назначением Потемкина за обер-прокурорский стол в значительной степени облегчить тяжелый труд нового обер-прокурора, так как бывший директор университета не мог не чувствовать серьезных затруднений в исполнении своих служебных обязанностей, по случаю происходившей тогда в высшей степени сложной разработки вопроса о предстоявшей секуляризации церковных имений.

В силу императорского указа, камер-юнкер Потемкин должен был постоянно присутствовать в св. Синоде за обер-прокурорским столом, внимательно слушать рассматривавшиеся дела, читать всевозможные синодальные резолюции, даже принимать ближайшее участие в их составлении и, вообще, пользоваться всевозможными средствами для полного и основательного ознакомления со всеми обязанностями прокуратуры в церковном управлении, чтобы со временем иметь возможность принять на себя и действительное исполнение обер прокурорских обязанностей⁴⁰⁴. В инструкции, данной Потемкину, Екатерина предписывала своему камер-юнкеру: 1) подробно ознакомиться со всеми специальными узаконениями, имеющими отношение к церковному управлению, 2) обязательно присутствовать в Синоде не только во время собрания его членов, но и в другие часы, 3) внимательно изучать дела, приготовленные к докладу, 4) тщательно следить за составлением протоколов и сличать их с подлинными резолюциями синодальных членов, 5) принимать, по-возможности, личное, непосредственное участие в составлении важных всеподданнейших докладов и 6) наконец, во время отсутствия или болезни обер-прокурора, являться к

государыне с докладами по текущим синодальным делам и записывать ее повеления в св. Синоде⁴⁰⁵.

Правда, первый опыт практической подготовки правительственных чиновников для замещения обер-прокурорской должности оказался неудачным и не привился к действительной жизни в Екатерининский век. Екатерина, как известно, в действительности никогда не назначала Потемкина синодальным обер-прокурором, и уже в начале следующего года обер-прокурор Мелиссино, получивший разрешение на 3-х недельный отпуск в Москву, обратился к Синоду с таким предложением, которое могло быть уместным только при отсутствии в высшем церковном учреждении специального правительственного чиновника, обязанного, по мысли императорской инструкции, временно, за отсутствием или болезнью обер-прокурора, исполнять его обязанности: «на время моей отлучки», писал Мелиссино 29 января 1764 года⁴⁰⁶, «обер-прокурорскую должность в св. Синоде предлагаю править синодальному обер-секретарю господину Остолопову». Но для нас, в данном случае, имеют значение не результаты сделанного правительством распоряжения, а самые взгляды Екатерины на желательные отношения к св. Синоду со стороны представителей прокуратуры, – взгляды, очень ясно выраженные в рассмотренной инструкции Потемкину, так как нет оснований думать, что требования строжайшего, внимательного контроля за деятельностью св. Синода и ближайшего участия в церковном управлении, представлявшие императрицей к чиновнику за обер-прокурорским столом, могли отличаться от требований, предъявлявшихся правительством к самому синодальному обер-прокурору. Не следует забывать, что, назначая Потемкина за обер-прокурорский стол, Екатерина предписала ему всесторонне ознакомиться с обязанностями прокуратуры в церковном управлении, чтобы со временем иметь возможность принять на себя и действительное исполнение обер-прокурорских обязанностей.

Конечно, подобные требования, предъявляемые верховной властью к официальному представителю государственных интересов в церковном управлении, не заключали в себе почти

ничего нового, сравнительно с тем, к чему он обязывался обер-прокурорской инструкцией 1722 года, и только развивали и разъясняли основную идею Петра, но, при известных нам отношениях императрицы к св. Синоду и церковной жизни, прокуратура Екатерининского времени получала достаточные основания рассчитывать на благоприятные условия для своей деятельности, дававшие ей, по-видимому, полную возможность осуществлять на практике цели и намерения правительства и подчинять своему сильному влиянию высший орган церковного управления.

Екатерина не только юридически признавала за обер-прокурором св. Синода важное право непосредственных сношений с верховной властью по делам церковного управления, как можно видеть из 6-го пункта ее инструкции Потемкину, но и фактически довольно часто пользовалась посредничеством обер-прокурора в разнообразных делах духовного ведомства. Мелиссино, докладывавший императрице о положении дел в высшем церковном учреждении, в то же время получал от Екатерины различные приказания или рескрипты, уполномочивавшие его передать с:в. Синоду то или другое поручение верховной власти.

«Иван Иванович!» писала, например, Екатерина в одном из своих рескриптов на имя обер-прокурора Мелиссино. «Посланного при сем, тамбовской епархии, попа Иосию Ионикиева, подавшего ко мне продерзостное ...челобитье.... изволите, объявив сей мой в Синод указ, послать в какой нибудь монастырь на некоторое время для усмирения под начал, где против монаха и содержание ему определите»⁴⁰⁷. – 14 января 1767 года императрица обратилась к Мелиссино с аналогичным же поручением, предписав ему предложить св. Синоду лишить священника тамбовской епархии Алексея Васильева всякой возможности беспокоить государыню частыми жалобами на притеснения и обиды, испытываемые им от одного сильного лица⁴⁰⁸. – В 1767 году студент-миссионер Грязнов обратился в св. Синод с просьбой о пострижении в монашество; Синод нашел его вполне достойным поступления в монашество, но так как, в силу высочайшего распоряжения, новые

пострижения были запрещены до тех пор, пока не будут размещены все монахи, оставшиеся за штатом после известной реформы Екатерины, то он увидел необходимость представить Екатерине особый доклад по возбужденному вопросу, но сделал это не путем непосредственных сношений с верховной властью, а через своего обер-прокурора Мелиссино. Тому же Мелиссино нашла нужным поручить передачу своего ответа св. Синоду и императрица Екатерина⁴⁰⁹.

Во время своего путешествия по Волге Екатерина получила от одного казанского купца оригинальный образ Святой Троицы с тремя лицами и четырьмя глазами. Признавая крайне нежелательным существование таких странных икон и опасаясь возможности распространения и даже дальнейшего развития «соблазнительного» иконописания, императрица отослала поднесенный образ к синодальному обер-прокурору, предписав Мелиссино предложить его вниманию св. Синода и доложить ей, позволено ли делать подобные образа. Но, не желая подвергать неприятным последствиям формального расследования возбуждаемого дела простодушного купца, несколько не виновного в мелкой фантазии художника и поднесшего икону от избытка верноподданнических чувств, Екатерина дала звать обер-прокурору, чтобы он освободил казанского коммерсанта от строгих допросов⁴¹⁰. Когда Синод, возмущенный нелепым и непристойным изображением Св. Троицы, выразил желание, чтобы нигде не писали икон и не выпускали их в продажу «без апробации» специальных синодальных живописцев, о чем обер-прокурор и довел до сведения императрицы, Екатерина в особом письме на имя Мелиссино признала предполагавшееся распоряжение неудобным во многих отношениях и рекомендовала ограничиться одними указами епархиальным архиереям, чтобы на будущее время нигде не допускались такие неприличные изображения⁴¹¹. Синод должен был изменить свое первоначальное намерение и исполнить переданную обер-прокурором волю императрицы.

Те же обязанности посредника, получавшего разнообразные повеления от самой верховной власти, сообщавшего их, в виде

особых предложений, высшему церковному учреждению и докладывавшего государыне о всевозможных постановлениях Синода, – обязанности, в высшей степени важные в деле фактического усиления обер-прокурорского влияния на церковное управление, имел возможность выполнять Мелиссино и во многих других случаях, побуждавших Екатерину пользоваться его посредничеством для сообщения Синоду своих распоряжений. 22 июля 1765 года обер-прокурор предложил вниманию св. Синода полученный от императрицы указ об оставлении в должности уволенного синодального живописца Антропова и о вознаграждении его жалованием из доходов коллегии экономии. Синод через обер-прокурора представил государыне особую записку, где решительно высказался, что, с назначением для наблюдения за иконописцами художника Колокольникова, обязавшегося служить в синодальном ведомстве без всякого жалования, нет никакой нужды в Антропове, но Екатерина поручила Мелиссино «произвести в надлежащее действо» свое первоначальное распоряжение об уволенном художнике, и, по предложению обер-прокурора, св. Синод должен был определить Антропова на штатную службу⁴¹². – В 1765 году Мелиссино, от имени императрицы, предложил св. Синоду выбрать 10 человек из лучших, наиболее талантливых воспитанников духовных семинарий и отправить их в Англию для обучения высшим наукам, (не исключая и богословия) и восточным языкам в оксфордском и кембриджском университетах; обер-прокурорское предложение было исполнено, и Синод командировал в иностранные университеты нескольких способных семинаристов⁴¹³. – В сентябре 1767 года скончался настоятель московского Успенского собора, протопоп Феодор Листьев, и в то время, как Синод намеревался сделать постановление о назначении нового соборного настоятеля, обер-прокурор, на основании рескрипта, полученного от императрицы, предложил ему определить на место умершего протоиерея брата законоучителя наследника престола⁴¹⁴.

По-видимому, во всех приведенных случаях посредничества обер-прокурора между верховной властью и св.

Синодом высшее церковное учреждение должно было исполнять не обер-прокурорские предложения, а распоряжения и указы самой императрицы, которые, конечно, всегда имели для него обязательную силу, совершенно независимо от способа их передачи, но не следует забывать, что, пользуясь правом делать доклады государыне по текущим синодальным делам, Мелиссино мог иногда представлять их в глазах императрицы в желательном для себя свете и таким путем вызывать по адресу св. Синода те или другие распоряжения Екатерины.

Выслушивая от обер-прокурора разнообразные предложения, обоснованные на желаниях верховной власти, действовавшей, в лице Екатерины, довольно решительным образом в наиболее важных вопросах церковной жизни, св. Синод иногда должен был чувствовать себя вынужденных подчиняться влиянию прокуратуры и исполнять ее предложения даже в тех случаях, если Мелиссино затрагивал самые существенные интересы духовного ведомства. В этом отношении особенно важное значение имеет для нас одно обер-прокурорское предложение, вызванное положением недвижимых имуществ в Малороссии.

Как известно, учрежденная Екатериной комиссия о церковных имениях успешно выполнила трудную задачу, возложенную на нее правительством, и 26 февраля 1764 года⁴¹⁵ государство навсегда отобрало у духовного ведомства архиерейские и монастырские вотчины. Но секуляризационная операция, доставившая государству громадные выгоды, была произведена в первое время исключительно только в великорусских губерниях, в пределах же Малороссии монастыри и архиерейские дома по-прежнему еще продолжали владеть церковными вотчинами. Руководствуясь желанием императрицы, стремившейся распространить секуляризацию монастырских имуществ и на Малороссию, обер-прокурор в 1766 году обратился к св. Синоду с предложением, имевшим в виду побудить его предупредительно пойти на встречу намерениям и видам правительства. – Ее императорское величество избавило духовенство от мирской суеты и от того

«зазрения», в каком оно находилось, поставленное в необходимость заботиться о мирских делах, писал в своем предложении Мелиссино, намекая на состоявшееся отобрание церковных имуществ. По его словам, св. Синод уже на опыте убедился в блаженстве своем под державой православной монархии, почему обер-прокурор и внушал ему «за долг звания своего принять и просить ее императорское величество, чтобы она ту же матернюю свой щедроту излила и на духовный в Малороссии живущий чин». В качестве главных побудительных причин к введению желательной реформы в Малороссии, представитель государственных интересов указывал на многочисленные беспорядки в управлении церковными вотчинами и бесконечные судебные процессы между владельцами имений.

Как ни тяжелы были в действительности для духовенства те «матерние щедроты» Екатерины, которые правительство стремилось распространить и на Малороссию, и как ни резко расходились, в данном случае, интересы Синода с желаниями прокуратуры, но высший орган церковного управления, имевший случай убедиться в серьезной опасности противодействия правительственным планам, должен был исполнить предложение Мелиссино и 15 сентября 1766 года подал императрице доклад, сопоставленный в духе обер-прокурорского предложения⁴¹⁶.

Говоря о значительном влиянии констатируемого нами положения синодальной прокуратуры на фактическое усиление обер-прокурорской власти в сфере церковного управления, необходимо, однако, заметить, что даже и во время Екатерининского царствования посредничество обер-прокурора не являлось еще обязательным и необходимым условием всех сношений верховной власти с высшим церковным учреждением. Рассматривая обер-прокурора, как официального представителя государственных интересов в синодальном управлении, и пользуясь его посредничеством в своих сношениях со св. Синодом, Екатерина в тоже время не считала важное право сношений с верховной властью исключительной привилегией прокуратуры и нередко передавала свои распоряжения по

духовному ведомству через кого-либо из самих же синодальных членов.

Еще в начале 1763 года, несколько ранее назначения Мелиссино на должность синодального обер-прокурора, императрица дала на имя Синода особый указ, узаконивавший порядок сношений верховной власти с высшим церковным учреждением, не совсем благоприятный для интересов его обер-прокурора. «Указы Наши словесные принимать повелеваем», писала Екатерина св. Синоду⁴¹⁷, «от членов св. Синода, от генерал-прокурора и обер-прокурора синодского, от дежурных генерал-адъютантов и от правящего нашим Кабинетом». В приведенном именном императорском указе верховная власть предоставляла право передачи св. Синоду различных словесных высочайших повелений не только обер-прокурору, но и самим синодальным членам и даже, по видимому, отводила им, в данном случае, первое место.

Неудивительно, что, при существовании подобных правительственных взглядов на порядок передачи высочайшей воли св. Синоду, императрица нередко и в действительности сообщала ему свои повеления не через обер-прокурора, а через кого-либо из синодальных членов. 7 ноября 1764 года петербургский архиепископ Гавриил в письменном предложении объявил Синоду императорское распоряжение о немедленном распределении по монастырям всех монахов и монахинь, в изобилии бродивших им улицам Москвы и выпрашивавших подаяния⁴¹⁸. – 10 декабря 1766 года другой синодальный член, новгородский митрополит Димитрий сообщил св. Синоду приказание Екатерины, чтобы в польские монастыри, находившиеся в ведении киевского митрополита и переяславского архиерея, ни в каком случае не назначались настоятелями природные поляки, а чтобы непременно определялись туда местные благонадежные малороссияне⁴¹⁹.

В свой очередь и Синод имел возможность делать доклады верховной власти без обязательного посредничества обер-прокурора. 15 декабря 1766 года св. Синод, занимавшийся исправлением «последования в неделю православия», постановил поднести новоисправленный чин императрице, а 19

декабря новгородский митрополит Димитрий объявил в собрании синодальных членов, что он исполнил поручение и представил государыне измененный «чин» или «сборное чиноположение», как назвала его сама Екатерина⁴²⁰.

Возможность непосредственных сношений св. Синода с верховной властью не могла не отражаться известным образом на положении прокуратуры и ее фактическом влиянии на ход дел в духовном ведомстве. Чувствуя себя совершенно бессильным энергично противодействовать влиянию обер-прокурора в тех случаях, когда последний выступал со своими предложениями от имени верховной власти, и беспрекословно исполнял даже самые неприятные и тяжелые требования Екатерины, предъявлявшиеся ее официальным представителем в церковном управлении, св. Синод находил еще в своем распоряжении достаточно средств, чтобы парализовать стремления Мелиссино подчинить синодальных членов влиянию современных им передовых философских идей о религии и церковном устройстве.

Мы имеем в виду небезызвестный факт предложения св. Синоду особых обер-прокурорских «пунктов», предназначенных служить руководством при составлении наказа для синодального депутата Екатерининской комиссии 1767 года. В 1767 году должна была открыть свои действия учрежденная императрицей Большая комиссия, призванная Екатериной к составлению проекта нового уложения, затрагивавшего самые разнообразные стороны русской государственной и народной жизни. Синод, получивший право послать в комиссию своего депутата, должен был выработать для него определенный наказ, с точным обозначением тех нужд русской церковно-общественной жизни, какие, по его мнению, следовало представить на обсуждение депутатского собрания.

Напоминая высшему церковному учреждению о необходимости поспешить составлением наказа синодальному депутату, Мелиссино в июне 1767 года предложил Синоду рассмотреть написанные им «пункты» и воспользоваться ими при сочинении депутатского наказа или же представить их на обсуждение самой комиссии; если же некоторые пункты, писал

обер-прокурор, «рассудится совсем отменить», то в таком случае синодальные члены обязаны представить надлежащие объяснения, по каким уважительным причинам они находят необходимым отменить тот или другой пункт⁴²¹.

Хотя пункты Мелиссино⁴²² затрагивавшие разнообразные стороны церковно-общественной жизни, и были составлены в форме вопросов, которые предлагалось решить Синоду, по его собственному усмотрению, в положительном или отрицательном смысле, но сами вопросы были изложены в такой форме, с такими ясными указаниями на характер желательных ответов и с такой подробной мотивировкой законности желательного решения поставленных вопросов, что делали несомненным очевидное стремление обер-прокурора оказать известное влияние на членов высшего церковного учреждения и побудить их предупредительно отнестись к видам и намерениям правительства.

Указывая на правительственные распоряжения о вызове в Россию иностранцев, Мелиссино спрашивал в своих пунктах, не следует ли предоставить совершенную свободу вероисповедания иностранцам, приглашаемым в русскую землю самим же правительством⁴²³? Отмечая несомненное существование в мире раскольников многих, нежелательных явлений, вызванных репрессивными мерами по отношению к ним со стороны церковного и гражданского правительства, обер-прокурор ставил на очередь вопрос, не следует ли, в видах предупреждения большего зла, позволить им публично совершать свои богослужения и иметь собственное духовенство⁴²⁴? Ссылаясь на Св. Писание и утверждая, что оно узаконило только добровольные посты, а также указывая на Апостольские Правила, установившие обязательные посты не в том виде, в каком они впоследствии утвердились в церковной практике, обер-прокурор предлагал решить вопрос, не представляется ли возможным, «в рассуждении Св. Писания», позаботиться об ослаблении и сокращении православных постов⁴²⁵? Констатируя, что Кормчая Книга считается «непросвещенным народом» сборником настоящих и безусловно-обязательных церковных правил, между тем как в

действительности она, по мнению Мелиссино, включает в себе множество погрешностей, противоречий и лишних прибавок, обер-прокурор спрашивал, не будет ли полезно заняться ее исправлением⁴²⁶? Основываясь на Духовном Регламенте и нескольких указах, восстававших против распространения суеверий, порождаемых ложными чудотворными иконами и мощами, Мелиссино предлагал вопрос, не следует ли очистить церковь от суеверия и всех «притворных» чудес⁴²⁷? Припоминая прежние распоряжения, заверещавшие носить по домам церковные образа, автор пунктов писал, не лучше ли было бы, в видах ослабления народного суеверия, совершенно и навсегда отменить возобновленный обычай ношения по домам церковных икон⁴²⁸? Основываясь на Духовном Регламенте и именном императорском указе, вменявших в обязанность Синоду разъяснять народу различие между законом Божьим, отеческими преданиями и второстепенными церковными обрядами, обер-прокурор задавался вопросом, нельзя ли что-либо убавить из «продолжительных церковных обрядов» и не принесет ли обществу пользу отмена многих излишних праздничных дней⁴²⁹? Приводя слова Евангелия о неуместности языческого многословия в христианских молитвах и отмечая введение в наше богослужение множества стихир, тропарей, канонов и пр., не имевших места в первенствующей церкви, Мелиссино предлагал обсудить вопрос, не полезнее ли будет, вместо всенощных и вечерен, установить чтение кратких молитв, с обязательным поучением народа⁴³⁰?

Указывая на отсутствие монашества в древней христианской церкви, обер-прокурор возбуждал вопрос, не производительнее ли будет употреблять громадные суммы, идущие на содержание монастырей, на нужды и потребности «искусных и ученых» священников и проповедников и из них же, по примеру первенствующей церкви, избирать кандидатов на архиерейские кафедры⁴³¹? Приводя слова св. Писания: «епископу подобает быти единыя жены мужу», Мелиссино находил возможным обратиться к Синоду с вопросом, не следует ли дозволить, на основании прямого указания св. Писания и примера первенствующей церкви, «и епископам с

законными женами сожитие иметь»⁴³²? Находя вполне позволительными изменения в форме той или другой одежды, обер-прокурор спрашивал, не должно ли разрешить духовенству ношение более приличного платья⁴³³? Приводя ясные свидетельства св. Писания и святоотеческих толкований о спасении или осуждении душ умерших людей, автор пунктов предлагал на обсуждение вопрос, не благоразумнее ли будет совершенно отменить обычай поминовения усопших, имеющий целью оказать известное влияние на их загробную участь, так как подобный обычай только доставляет духовенству лишний повод к различным вымогательствам⁴³⁴. Ссылаясь на различные места св. Писания и древние церковные правила, запрещавшие заключение браков лишь в первых четырех степенях кровного родства, отмечая существование в западно-европейских странах законов, позволявших расторжение неудачных браков не из-за одного только прелюбодеяния, но и по другим уважительным причинам, указывая на древнюю церковную практику, признававшую законными браками связи христиан с иноверцами, и основываясь на отсутствии в св. Писании и правилах вселенских соборов прямых указаний на число браков, позволительных для христианина, Мелиссино предлагал обсудить вопросы, не следует ли ослабить слишком строгие правила о родстве и свойстве, как препятствиях к заключению браков⁴³⁵, установить законные причины для развода, «кроме прелюбодейного случая»⁴³⁶, предоставить полнейшую свободу в заключении брачных союзов между православными и иноверцами⁴³⁷ и не воспрещать овдовевшим после третьего брака жениться или выходить замуж⁴³⁸?

К крайнему сожалению, документы синодального архива не включают в себе никаких положительных и определенных сведений об отношении св. Синода к оригинальному предложению свободомыслящего обер-прокурора, рассчитывавшего, посредством рассмотренных пунктов, провести в церковно-общественную жизнь либеральные идеи своего времени, находившиеся в резкой дисгармонии не только с одними обрядами, освященными русской церковью, но и с церковными канонами и даже с самим православным учением.

В исторической литературе уже было отмечено, что в документах синодальных собраний, занимавшихся выработкой депутатского наказа, не встречается ни одного упоминания о предложении Мелиссино⁴³⁹. Правда, при первом⁴⁴⁰ обнародовании наказа, данного св. Синодом своему депутату, было высказано предположение, что обер-прокурорские «пункты, кажется, не остались без некоторой доли влияния» на составителей депутатской инструкции⁴⁴¹. Но сравнение депутатского наказа с пунктами Мелиссино только в некоторых местах позволяет подмечать отдаленное, очень незначительное и скорее внешнее, чем внутреннее сходство между отдельными статьями обер-прокурорского предложения и депутатского наказа; по своему же внутреннему содержанию, по своим основным идеям предложение и наказ не имеют между собой ничего общего.

Очевидно, что св. Синод, хотя и был поставлен Екатериной в положение, заставлявшее его членов содействовать практическому осуществлению самых неприятных для себя видов и намерений правительства, что, например, имело место в известном вопросе о секуляризации церковных имуществ, но не настолько еще подчинился возраставшему влиянию прокуратуры, чтобы Мелиссино, позволивший себе выйти за границы предоставленных ему прав, имел возможность воспользоваться преимуществами своей должности для проведения в церковно-общественную жизнь современных либеральных идей, резко расходившихся с началами православного учения.

Отсутствие каких бы то ни было упоминаний об обер-прокурорских пунктах в архивных документах, имеющих отношение к составлению Синодом наказа для своего депутата, заставляет предполагать, что высший орган церковного управления не только не отнесся предупредительно к видам и намерениям представителя прокуратуры, но и совершенно уклонился от официального обсуждения крайне неудобного обер-прокурорского предложения, так как Мелиссино, как вы видели, вменял в обязанность св. Синоду «учинить надлежащее изъяснение», в случае непринятия его пунктов, «для каких

законоправильных причин (они) к отмене следуют»⁴⁴². Наказ синодальному депутату, избранному для участия в кодификационных работах Большой комиссии, был составлен высшим органом церковного управления не под влиянием пунктов свободомыслящего обер-прокурора, но на основании произведенных выписок из Кормчей, Духовного Регламента и из своих собственных определений прежнего времени, а главным образом, на основании отдельных заявлений о современных нуждах церковно-общественной жизни, сделанных самими же членами св. Синода, Мелиссино не имел возможности настаивать на обязательном исполнении своего предложения, так как составление наказов депутатам различных сословий и присутственных мест, посылавших своих представителей в Большую комиссию, должно было совершаться, по мысли Екатерины, совершенно свободно от всякого правительственного влияния, чтобы верховная власть могла познакомиться, через посредство выборных депутатов, с действительными нуждами и потребностями русской общественной и государственной жизни⁴⁴³. При таких благоприятных условиях, высшее церковное учреждение, без особенных препятствий, могло совершенно независимо от влияния прокуратуры заниматься своими сложными работами, вызванными необходимостью представить многочисленные нужды церковно-общественной жизни на обсуждение депутатского собрания, созванного для составления проекта нового уложения. И мы, действительно, видим, что документы, имеющие отношение к деятельности св. Синода по интересующему нас вопросу, ничего не говорят ни о каком влиянии представителя государственной власти на синодальных членов. Правда, по обязанностям своей должности, Мелиссино иногда побуждал высший орган церковного управления спешить с окончанием работ, стоявших в известной связи с деятельностью Большой Комиссии, как, например, в заседании 12 мая 1768 года, когда Синод, по предложению обер-прокурора, решил еженедельно, по средам, заниматься рассматриванием исключительно одних пунктов, присланных малороссийским духовенством⁴⁴⁴; но, не говоря

уже о том, что, в данном случае, предложение прокуратуры не могло оказать никакого влияния на самый характер отношений синодальных членов к малороссийским пунктам, Синод даже не исполнил и своего собственного постановления, так как, до самого увольнения Мелиссино от обер-прокурорской должности, посвятил специальному рассмотрению заявлений малороссийских архиереев и монастырей всего лишь два заседания (21 мая и 31 июля)⁴⁴⁵, хотя увольнение Мелиссино от должности синодального обер-прокурора и последовало только 24 октября 1768 года⁴⁴⁶.

П. П. Чебышев

Преемником Мелиссино, уволенного от обер-прокурорской службы с чином тайного советника⁴⁴⁷, 24 октября 1768 года был назначен Екатериной бригадир Петр Петрович Чебышев, вступивший в отправление своих новых обязанностей в звании исправляющего должность обер-прокурора св. Синода⁴⁴⁸.

Новый представитель прокуратуры в церковном управлении, также как и его предшественник – Мелиссино, принадлежал к разряду свободомыслящих людей Екатерининского времени, вполне усвоивших себе современные философские взгляды на религию и церковь, не только не имевшие ничего общего с воззрениями самих членов Синода, но и прямо противоположные им. В исторической литературе⁴⁴⁹ уже было отмечено, что синодальными обер-прокурорами в первую половину царствования Екатерины являлись «люди самоновейших понятий о церкви и религии», и что Чебышев не стеснялся даже публично заявлять о своем атеистическом образе мыслей⁴⁵⁰.

Без сомнения, сам факт продолжительного отправления обер-прокурорских обязанностей человеком, открыто говорившем о своем неверии в существование Бога, имеет для нас очень важное значение, так как он, в известной степени, характеризует то фактическое положение, в какое верховная власть, в лице императрицы Екатерины, поставила высшее церковное учреждение, принужденное мириться с правительственным назначением на пост синодального обер-прокурора открытого атеиста, считавшего излишним скрывать или маскировать свои убеждения. Не стеснясь публично заявлять о своем образе мыслей, совершенно непозволительном для обер-прокурора св. Синода, Чебышев своею деятельностью и даже самым обращением с членами высшего органа церковного управления должен был сильно вооружать против себя представителей церкви, заседавших в св. Синоде⁴⁵¹. По воспоминаниям, сохранившимся в духовном мире об обер-прокуроре Чебышеве, последний был настолько

невоздержен и груб, что «когда синодальные члены не соглашались с его мнением, рассуждали о делах не так, как бы ему хотелось и, особенно, когда подписывали уже свое решение, не по мысли настойчивого обер-прокурора, то он, разумеется, про себя, чуть слышно (а все ж таки слышно) провожал каждую подпись гнилым словом...»⁴⁵².

Но интересно, что св. Синод, поставленный Екатериной в печальную для него необходимость признавать своим обер-прокурором такого представителя государственной власти, каким был Чебышев, и исполнять его разнообразные предложения, когда они обосновывались на высочайшей воле, по-прежнему еще продолжал держать себя довольно самостоятельно и независимо по отношению к прокуратуре в тех случаях, когда Чебышев восставал против постановлений и распоряжений высшего церковного учреждения, по чему-либо казавшихся ему неправильными, основываясь исключительно только на одних правах и полномочиях, предоставленных обер-прокурору известной инструкцией.

Небезызвестен факт вынужденного возвращения священного сана бывшему афонскому монаху Анатолию Мелесу, получившему от Синода незаслуженное прощение всех своих многочисленных проступков под влиянием настоятельных предложений обер-прокурора, передавшего высшему органу церковного управления обязательное для него желание верховной власти. 22 января 1769 года исправлявший обер-прокурорскую должность Чебышев, по поручению Екатерины, предложил св. Синоду немедленно возвратит монаха Анатолия из места ссылки в Петербург и доложить об его прибытии императрице. Предложение обер-прокурора было исполнено, и Синод, видя явное покровительство государыни осужденному монаху, несмотря на все свое нерасположение к Анатолию, принужден был заняться пересмотром его дела, чтобы формально-законным порядком произвести какие-либо улучшения в участи Мелеса⁴⁵³. Пересмотрев все сложное дело Анатолия и признав его «правильно осужденным», Синод, однако, нашел возможным оказать снисхождение достаточно наказанному монаху и возвратит ему священство, но только

под неперменным условием принесения Мелесом официального покаяния и письменного призвания своей вины. Когда же Анатолий, исполняя требуемую от него формальность, подал прошение о прощении в св. Синод, и последний возвратил его для изменения некоторых выражений, императрица, сильно недовольная действиями синодальных членов, написала Чебышеву, что ее очень удивляет поступок Синода – тем более, что, через обер-прокурора, ему ясно дано было понять желание государыни. Высказав свое неудовольствие по поводу отношений высшего церковного учреждения к раскаявшемуся и обнаружившему полную покорность монаху, Екатерина уполномочила Чебышева⁴⁵⁴ сделать предложение св. Синоду об обязательном исполнении ее желания видеть Анатолия прощенным и вновь получившим законные права на принадлежавший ему ранее священный сан. Выслушав обер-прокурорское предложение, Синод увидел себя вынужденным немедленно же исполнить желание верховной власти и возвратил Анатолию священство, а через несколько времени даже признал его и епископом, хотя сам же прежде официально определил считать посвящение Мелеса в архиереи незаконным и недействительным⁴⁵⁵.

Беспрекословно исполняя обер-прокурорские предложения в тех случаях, когда представитель государственной власти действовал непосредственно от имени самой императрицы, Синод, как мы заметили, не был поставлен в такое положение по отношению к прокуратуре, чтобы Чебышев имел фактическую возможность беспрепятственно оказывать известное влияние на высшее церковное учреждение, опираясь исключительно только на одни права и полномочия, предоставленные ему обер-прокурорской инструкцией. Напротив, очень часто указания Чебышева на те или другие нарушения требований закона, имевшие место, по его мнению, в деятельности св. Синода, – указания, сопровождавшиеся обыкновенно предложениями произнести какие-либо изменения в постановлениях, вызывали энергичное противодействие синодальных членов, в большинстве случаев далеко небезуспешно отстаивавших свои распоряжения от неприятных протестов прокуратуры.

Когда на рассмотрение св. Синода поступило дело о подсудимом тамбовском епископе Феодосие, вместе с мнениями специальной комиссии, учреждавшейся в Воронеже для расследования различных жалоб, подававшихся на тамбовского архиерея, высший орган церковного управления должен был признать несомненным факт незаконных, «не сходственных с указом» поступков Феодосия при разборе священно-церковно-служительских детей и отдаче их в военную службу. Между тем, не желая, по всей вероятности, строгим наказанием виновного архиерея подрывать значение и авторитет высших представителей иерархии в глазах низшего духовенства, св. Синод нашел нужным оставить Феодосия без всякого наказания; он признал возможным извинить епископа на том основании, что Феодосий не заперся в своих поступках и совершил их по непониманию действительного смысла указа, а не по пристрастию, да и не нанес своими непреднамеренными действиями никакого ущерба государственным интересам. При таких взглядах на характер и значение нарушения тамбовским преосвященным обязательных законов, Синод нашел вполне позволительным оставить Феодосия епархиальным архиереем и вменить ему в наказание одно временное отрешение от должности, вызванное производством судебного следствия, и вынужденное пребывание подсудимого «на своем коште» в г. Воронеже, где была учреждена специальная комиссия для расследования его дела. И только один синодальный член, протоиерей гвардии Андрей Преображенский, как человек, не заинтересованный непосредственно в положении высших представителей иерархии, высказал особое мнение, что Синод не имеет права решать таким образом дело Феодосия, а должен произвести выписку из соответствующих законоположений, имеющих отношение к преступлению подсудимого, и, «заключив надлежащую с законами сентенцию», представить обсуждаемое дело на высочайшее соизволение⁴⁵⁶.

Так как в производившейся тамбовским архиереем незаконной отдаче в военную службу священно-церковно-служительских детей оказались замешанными не одни только духовные, но и светские лица, и так как в самом судебном

следствии принимали участие гражданские власти (губернатор и Сенат), то обер-прокурор Чебышев⁴⁵⁷ 2 апреля 1772 года предложил св. Синоду, не приступая преждевременно к окончательному решению дела, как касающегося духовных и светских лиц, предварительно вступить в сношения с Сенатом и потребовать от него уведомления, какого он держится мнения по данному вопросу, чтобы тогда иметь возможность составить и свое определение, вполне согласное с законами⁴⁵⁸. Но члены высшего органа церковного управления, выслушав желание Чебышева, решительно и категорически заявили, что они, после обстоятельного обсуждения своего определения, отдельного мнения протоиерея Преображенского и предложения обер-прокурора, находят совершенно невозможным произвести какие бы то ни было изменения в состоявшемся постановлении, так как признают его вполне правильным и законным⁴⁵⁹.

Встретив со стороны Синода такой решительный отказ исполнить предложение прокуратуры, Чебышев обратился за помощью и содействием к верховной власти и 29 апреля 1772 года представил императрице Екатерине всеподданнейший доклад обо всем происшедшем. Но и непосредственное обращение к государыне не доставило обер-прокурору фактической возможности настоять на обязательном исполнении своего предложения; представление всеподданнейшего доклада очень долгое время не сопровождалось никакими практическими результатами, и только 14 февраля 1773 года на поданном докладе последовала резолюция Екатерины, далеко неблагоприятная для Чебышева. «Архиерея тамбовского», писала императрица, «как и всех в сем деле приличившихся, прощаем, а Синод архиерею подтвердить имеет, чтоб впредь в исполнении узаконений поступал исправнее»⁴⁶⁰.

Еще более важное значение имеют для нас ценные сведения об отношениях прокуратуры к св. Синоду, заключающиеся в многотомном деле синодального архива о поступках севского епископа Кирилла⁴⁶¹. Дело началось по жалобе дьячка Крестовоздвиженской церкви города Севска, Захара Афанасьева, 30 ноября 1771 года представившего в св.

Синод доношение на своего епархиального архиерея Кирилла; дьячок жаловался, что местный епископ Кирилл своим лихоимством и взяточничеством превосходил всех светских чиновников и, презирая указы, присягу и совесть, брал громадные взятки со ставленников, несмотря на их крайнюю бедность; обирая бедных кандидатов священства, Кирилл в то же время, но словам Афанасьева, позволял проделывать то же самое и своим подчиненным, чем совершенно разорял ставленников. В особой ставленнической конторе, специально учрежденной для собрания своеобразных налогов с духовенства, епископ Кирилл даже вывесил собственноручное расписание установленных им сборов с различных ставленников. Сняв копию с архиерейского расписания и приложив ее в своем доносу, смелый дьячок просил св. Синод произвести следствие над обвиняемым архиереем, утверждая, что формальное, беспристрастное следствие легко может открыть и другие противозаконные поступки преосвященного⁴⁶².

Св. Синод не мог оставить без всякого внимания доноса Афанасьева и потребовал от Кирилла соответствующих объяснений. Ответ епископа подтвердил справедливость почти всех показаний дьячка, так как Кирилл сознался в своих незаконных поступках.

Чтобы избежать одностороннего понимания дела епископа Кирилла, необходимо заметить, что после окончательной секуляризации всех церковных имений, когда сильно сократились материальные средства епархиальных архиереев, последние во многих местах должны были изыскивать различные местные средства для удовлетворения разнообразных потребностей епархиального управления. «Вследствие ничтожности окладов, назначенных на епархиальные чины», говорит проф. П. В. Знаменский в своих «Чтениях из истории русской церкви за время царствования Екатерины II»⁴⁶³, «сами архиереи должны были допускать в пользу их существование разных безгрешных доходов; последние получали вид каких-то законных взяток, которые возбуждали против себя ревнителей бескорыстия властей не столько сами по себе, сколько разве лишь по своему часто

неумеренному количеству. Содержание епархиальных чинов открыто разделялось на два источника – жалование по штатам и так называемые доходы... Вся деятельность архиереев, которые желали восставать против епархиальных кормленщиков, поневоле должна была ограничиваться преследованием только слишком уже больших поборов с духовенства». К числу таких епархиальных архиереев, как видно из известных «Записок Добрынина»⁴⁶⁴, принадлежал и севский епископ Кирилл Флоринский, не раз подтверждавший своей консистории, «чтобы канцелярские служители никаких лишних и сверх пропорции труда своего взятков, особливо с вымогательством, не брали». Убедившись в безрезультатности всех своих распоряжений, преосвященный Кирилл решился отделить от консистории наиболее доходные ставленнические дела и поручил их ведению особой, вновь учрежденной им, ставленнической конторы, а чтобы лишить ее возможности следовать дурному примеру консистории, точно определил размеры «взятков» с различных ставленников (7 рублей с производившихся во священники, 5 р. – во дьяконы 3 руб. 50 коп. с посвящавшихся в стихарь), указав и определенное назначение собиравшимся суммам. По словам самого епископа Кирилла, такое распоряжение «казалось ему безгрешным, так как оно малой ценой освобождало просителей от тяжких, издревле введенных взятков, а наиболее обыкновенных по консистории»⁴⁶⁵.

Св. Синод, хотя и должен был признать действия севского архиерея противозаконными, но, уважая его собственное добровольное признание, соединенное с различными извинениями, 19 мая 1772 года подписал определение и всеподданнейший доклад императрице, в которых все нелегальные поступки Кирилла извинил его чистосердечным признанием и тем, что в действиях епископа, бравшего со ставленников определенные денежные суммы, невозможно заподозрить никакого лихоимства, так как недозволенные поборы производились не в пользу самого преосвященного; свое снисходительное отношение к обвинявшемуся архиерею св. Синод мотивировал еще и тем обстоятельством, что никто и

никогда не жаловался на притеснения Кирилла, и что сам доноситель отказался от доказательства справедливости своих обвинений.

Обер-прокурор Чебышев нашел определение и доклад Синода незаконным и в своем письменном предложении от 22 июня заявил синодальным членам, что он не может допустить до исполнения их неправильного постановления. так как, если в синодальном определении и всеподданнейшем докладе написано, что епископ поступал «в противность законам», то и решение должно быть строго согласовано с теми же законами, извинять же виновного архиерея «дьячковым от доказательств отрицательством, а равно и собственным его признанием и прочими резонами», по словам Чебышева, «ни мало неприлично». Законность своего протеста против снисходительного синодального определения обер-прокурор обосновывал на многочисленных данных, извлеченных им из разнообразных обстоятельств возникшего дела.

Если доноситель Афанасьев, писал Чебышев, имел в своих руках собственноручное архиерейское расписание незаконных поборов, то отказ дьячка от доказательства справедливости первоначального показания не может служить достаточным основанием для извинения епископа, так как Синод должен уже убедиться, что Кирилл, действительно, дал расписание взяток своим подчиненным; по крайней мере, сам архиерей сознался в своем доношении, что такое расписание было составлено им и вывешено в ставленнической конторе, но только впоследствии оказалось кем-то похищенным из конторы. — Кирилл оправдывал свой противозаконный образ действий довольно наивной ссылкой на то, что он следовал обычаям, ранее его введенным в севской епархии; обер-прокурор не без основания заметил, что подобная ссылка более обвиняет преосвященного, чем оправдывает его, так как он следовал «худым примерам». — Считая не подлежащим никакому сомнению факт вынужденного отречения дьячка от своих первоначальных показаний, Чебышев обращал внимание Синода на странный, подозрительный образ действий севского архиерея: сознавшись в справедливости доноса Афанасьева, Кирилл в

непродолжительном времени принял от того самого дьячка заявление. что будто бы он сделал несправедливый донос на своего архиерея. Такая странная непоследовательность епископа, по словам обер-прокурора, «бросает на него почти несомненное подозрение». – Не менее подозрительным признавал Чебышев и один поступок, очевидно напуганного дьячка. Когда Синод приказал Афанасьеву прислать подлинное архиерейское расписание ставленнических взяток и другие доказательства справедливости поданного доноса, дьячок принес в магистрат пакет, для отсылки его в Петербург, а на следующий день, пока еще наводились справки, позволительно ли отправлять в Синод посылку дьячка, последний, явившись в магистрат, взял обратно свой пакет и заменил его новым, в котором и оказалось доношение Афанасьева, где он отказывался от первоначальных обвинений Кирилла. Подобный факт позволил обер-прокурору с уверенностью высказать предположение, что дьячок Афанасьев по принуждению должен был обменять свой пакет. – Наконец, указание Синода на отсутствие обиженных челобитчиков из севской епархии, как на одну из побудительных причин к оправданию Кирилла, по мнению Чебышева, ничего не говорит в пользу архиерея, так как обиженные видели, что как только дьячок осмелился написать донос, то тотчас же лишился своего места, был уволен из духовного сословия «в светскую команду» и даже потерял всякую надежду на защиту правосудия.

В виду всех изложенных соображений, обер-прокурор и предложил св. Синоду исключить из своего определения и доклада извинение проступков епископа Кирилла, как неосновательное, и предоставить решение участи виновного архиерея усмотрению императрицы, доносчика же, дьячка Захара Афанасьева, лишённого должности, «в доказательство правосудия и другим в поощрение», возвратить к прежнему месту и обезопасить его от мести, а от преосвященного обязательно потребовать объяснения законных причин, вызвавших увольнение дьячка из духовного звания⁴⁶⁶. Синод выслушал обер-прокурорское предложение и постановил отложить его обсуждение до следующего собрания; только один

из синодальных членов, не принадлежавший к представителям высшей церковной иерархии, протоиерей гвардии Андрей Преображенский заявил, что он во всем соглашается с предложением Чебышева.

25 июня 1772 года св. Синод вновь выслушал предложение обер-прокурора; причем синодальные члены: Гавриил, архиепископ петербургский, Иннокентий псковский и Платон тверской решительно объявили Чебышеву, что так как они, после обстоятельного обсуждения и внимательного пересмотра своего прежнего определения и доклада, не нашли в них ничего незаконного, то и не считают нужным изменять их; что же касается положения доносчика – дьячка, то Синод не входил и не намерен входить в его положение, потому что не имеют от него никакого прошения. Интересно, что даже и протоиерей Преображенский, по всей вероятности, под влиянием остальных синодальных членов, отказался от своего первоначального мнения, заметив, что он не вполне солидарен с обер-прокурором и не во всем соглашается с его предложением⁴⁶⁷.

Чебышев обратился за содействием к верховной власти и представил на рассмотрение Екатерины определение и доклад высшего церковного учреждения, вместе со своим отвергнутым предложением и вызванными им рассуждениями синодальных членов. Очень долгое время обер-прокурор не получал от императрицы никакого распоряжения по возбужденному делу о севском архиерее Кирилле, и только 27 июля 1773 года на вторичном синодальном докладе, поднесенном Екатерине по тому же самому делу, последовала высочайшая резолюция: «об епископе и о воеводе севских и о протчих произвести следствие». Так как следствие должны были производить не одни духовные лица, но и Сенатские чиновники, что, конечно, легко могло повести за собой непредвиденные и не совсем желательные результаты, то Синод предусмотрительно распорядился, чтобы следователи, назначенные им и правительствующим Сенатом, по исполнении данного им поручения, представили в Синод результаты следствия «без своего заключения».

Обер-прокурор прекрасно понимал значение и цель подобного синодального распоряжения и, опротестовав состоявшееся постановление, как не отвечавшее требованиям законов⁴⁶⁸, предложил св. Синоду составить новое определение, согласное с государственными узаконениями⁴⁶⁹. Судьба нового обер-прокурорского предложения неизвестна, так как в скором времени сам представитель государственных интересов и официальный блюститель закона в церковном управлении был обвинен в незаконном пользовании казенными суммами синодального ведомства и отстранен от занимаемой им должности.

Документы синодального архива позволяют предполагать, что Чебышев довольно свободно относился к казенным денежным средствам, находившимся в распоряжении высшего церковного учреждения, и усвоил себе привычку делать иногда очень крупные позаимствования из синодальной казны, без обычных, предписанных законом, определений св. Синода. Очень вероятно, что члены Синода, не находившиеся в хороших отношениях с Чебышевым, часто восстававшим против их действий и разнообразных распоряжений, не совпадавших со взглядами прокуратуры, не упустили случая довести до сведения верховной власти о непозволительном злоупотреблении обер-прокурора значительными денежными суммами. По крайней мере, достоверно, документально известно, что Екатерина узнала о фактах нелегальных позаимствований казенных денег, нередко дозволяемых себе официальным блюстителем государственных интересов в церковном управлении, и приказала произвести внезапную ревизию синодальной казны. Поручение произвести ревизию было дано генерал-прокурору, князю Вяземскому, еще в 1771 году получившему право сосредоточивать в своих руках высшее наблюдение «за всеми и всякого звания государственными доходами и расходами без изъятия»⁴⁷⁰.

7 мая 1774 года генерал-прокурор Вяземский уведомил высший орган церковного управления о состоявшемся распоряжении императрицы; «Ее Императорское Величество», писал Вяземский⁴⁷¹, «повелела состоящую в св. Синоде

денежную казну вместе с членами Синода освидетельствовать; и по случаю, что из оной явилось забранным обер-прокурором Чебышевым, 10 тысяч 440 рублей, то ему в св. Синоде более не присутствовать». В тот же день наличная касса и документы были освидетельствованы, и ревизионная комиссия констатировала, что в то время, как по приходным книгам, за выдачею на январскую треть заслуженного жалования, должно было находиться на лицо 16,108 рублей 71 коп., в действительности оказалось только 5,668 рублей 71 коп., остальные же деньги, в размере 10,440 рублей, были забраны синодальным обер-прокурором Чебышевым «по его собственноручным распискам и письменным приказам». Решив представить всеподданнейший доклад о результатах произведенной ревизии, комиссия признала необходимым, в предупреждение таких нежелательных явлений на будущее время, иметь синодальную денежную казну обер-секретарю за своей печатью и выдавать расходчику только на те расходы, на которые будут подписаны синодальные определения, а без определений, под расписки, никому не выдавать ни под каким видом, по окончании же каждого месяца обязательно свидетельствовать наличную кассу и подавать о том рапорты св. Синоду⁴⁷².

Узнав о произведенной ревизии, Чебышев поспешил прислать к обер-секретарю Синода записку с требованием, чтобы от него келейным, неофициальным образом (в доме самого уволенного обер-прокурора) были приняты, в счет забранной суммы, 9,000 рублей и возвращены его собственноручные расписки; остальные же деньги (1,440 рублей) Чебышев обещал уплатить на той же неделе. Так как синодальная сумма была уже освидетельствована, то обер-секретарь не исполнил желания Чебышева и доложил о его записке членам св. Синода. Синод обратился за дальнейшими указаниями по данному делу к генерал-прокурору⁴⁷³, который и позволил ему принять деньги и возвратить расписки⁴⁷⁴.

С. В. Акчурин

На место уволенного от службы Чебышева указом от 12 мая 1774 года был назначен исправляющий должность синодального обер-прокурора статский советник Сергей Васильевич Акчурин⁴⁷⁵. 20 июля 1775 года окончательно утвержденный обер-прокурором св. Синода⁴⁷⁶.

Новый обер-прокурор, избранный императрицей, по своим взглядам и убеждениям, далеко уже не походил на своих предшественников – типичных религиозных вольнодумцев первой, либеральной половины Екатерининского века. Как в первые годы своего царствования, когда Екатерина особенно усердно увлекалась французской философией и выработанными ею взглядами на религию и церковь, императрица поручала обер-прокурорскую должность в св. Синоде лицам, усвоившим западно-европейские либеральные идеи, и даже находила возможным предоставлять важные обязанности прокурорского надзора в церковном управлении открытым атеистам, так и теперь значительные перемены, начавшие происходить во взглядах государыни, не остались без известного влияния на выбор нового обер-прокурора. И мы видим, что вместо Чебышева, который своею деятельностью, своим отношением к церкви и ее интересам заслужил крайнее нерасположение синодальных членов и даже их «проклятия»⁴⁷⁷, Екатерина назначила обер-прокурором св. Синода человека, как кажется, не имевшего уже ничего общего с религиозным вольнодумством своего времени и сумевшего вызвать своей деятельностью не только внимание и одобрение верховной власти, но и расположение самих членов высшего церковного учреждения.

Недобросовестное отношение Чебышева к государственным интересам, выразившееся в произвольном, незаконном пользовании казенными денежными средствами, хотя и доставило св. Синоду прекрасный и удобный случай в значительной степени ослабить стеснительный для него правительственный контроль в распоряжении денежными

средствами духовного ведомства, но не могло оказать существенного влияния на положение прокуратуры в высшем церковном учреждении. Отстранение обер-прокурора от ближайшего наблюдения за денежными расходами синодального ведомства совершенно не гармонировало с видами и стремлениями правительства, и Екатерина, через несколько лет после назначения Акчурина, нашла нужным вновь подтвердить права и обязанности обер-прокурора внимательно следить за всеми распоряжениями Синода, имевшими финансовый характер.

«До будущего соизволения Нашего», писала Екатерина с своим указе, данном 28 мая 1781 года на имя генерал-прокурора Вяземского⁴⁷⁸, «Мы находим пристойным, чтобы все при Синоде Нашем денежные расходы ведены были под наблюдением синодального обер-прокурора, а в конторе синодской под смотрением тамошнего прокурора». Стремление к полному объединению финансового управления всех ведомств в руках главного представителя государственных интересов в общей системе правительственной администрации заставило, однако же, Екатерину возложить на синодального обер-прокурора обязанность представлять денежную отчетность по духовному ведомству генерал-прокурору Сената. Обер-прокурор св. Синода и прокурор его конторы, писала императрица кн. Вяземскому в том же указе от 28 мая 1781 года, «должны установленные ведомости представлять вам и в надобных случаях требовать вашей резолюции, поступая в переписке с вами по примеру сенатского обер-прокурора»⁴⁷⁹.

Хотя правительственные распоряжения о подчинении генерал-прокурору Сената синодального обер-прокурора имело уже место в истории прокуратуры, но они, как нам известно, не привились к практической жизни и не отстранили обер-прокурора от непосредственных сношений с верховной властью. Без сомнения, при таком положении прокуратуры, указ императрицы Екатерины II, устанавливавший обязательную и определенную отчетность синодального обер-прокурора перед сенатским генерал-прокурором, был далеко небезразличен для интересов Акчурина, как самостоятельного органа

государственного контроля в церковном управлении, но, в данном случае, необходимо иметь в виду, что новое правительственное распоряжение, вызванное стремлением Екатерины сосредоточить высшее заведование всеми государственными доходами и расходами в руках одного главного представителя прокуратуры, затрагивало исключительно только финансовую сферу управления и даже в этой сфере нисколько не изменяло отношений обер-прокурора к членам св. Синода. Напротив, указ императрицы, как мы видели, соединялся с напоминанием и подтверждением важнейшей обязанности обер-прокурора – внимательно следить за хозяйственной, финансовой деятельностью высшего церковного учреждения; кроме того, устанавливавшаяся им обязательная финансовая отчетность синодального представителя государственных интересов перед сенатским генерал-прокурором не отнимала у Акчурина самой возможности непосредственных сношений с верховной властью по другим делам духовного ведомства.

В свой очередь, и Екатерина иногда пользовалась им, как посредником в сношениях верховной власти с высшим органом церковного управления, поручая обер-прокурору передавать Синоду те или другие распоряжения. 15 июля 1778 года Акчурин объявил св. Синоду желание императрицы, чтобы церковные власти не допускали пострижения в монахини молодых женщин, а тем более молодых девиц, и чтобы для наблюдения за благочинием и порядком в женских монастырях назначались игуменьями «искусные и разумные» монахини⁴⁸⁰. – 16 марта 1775 года Екатерина, получившая прошение от 16 дьячков владимирской епархии, уволенных из духовного звания, писала обер-прокурору: «Господин Акчурин, скажите Синоду, чтоб старались сих бедных людей уместить на праздные места, где будет ныне число церквей в новых приобретениях прибыло»⁴⁸¹. И Синод исполнил желание императрицы, выраженное в обер-прокурорском предложении, вновь распределив по местам всех 16 дьячков и исключив их из подушного оклада⁴⁸².

Но, передавая различные распоряжения по духовному ведомству через синодального обер-прокурора, Екатерина не

считала Акчурина единственным и обязательным посредником в своих сношениях с высшим органом церковного управления. Как и при первых обер-прокурорах: Козловском, Мелиссино и Чебышеве, императрица и теперь вступала в непосредственные сношения со св. Синодом или же пользовалась посредничеством кого-либо из синодальных членов.

Территориальные приобретения, сделанные на юге России после счастливой войны с Турцией, побудили Екатерину учредить в пределах новороссийской и азовской губерний новую славянскую и херсонскую епархию и указать Синоду желательного кандидата для замещения вновь учрежденной архиерейской кафедры. 9 сентября 1775 года императрица писала в своем именном указе, данном на имя высшего церковного учреждения: «объявляем Синоду Нашу Монаршую волю на посвящение во архиепископа в (славянскую и херсонскую) епархию грека иеромонаха Евгения», как человека, вполне одаренного высотой разума, благочестием и всеми добродетелями, необходимыми для архипастыря⁴⁸³. – Желание иметь православного архиерея в католической Польше, где существовало и православное население, заставило Екатерину дать св. Синоду именной указ (от 27 марта 1785 года) об учреждении в польских пределах особого викариатства и назначении на новую архиерейскую кафедру архимандрита слущского монастыря Виктора⁴⁸⁴.

Давая свои именные указы непосредственно св. Синоду, императрица иногда проводила в практическую жизнь различные высочайшие распоряжения по духовному ведомству и через кого-либо из самих же членов высшего церковного учреждения. – 10 мая 1776 года один из синодальных членов, архиепископ новгородский Гавриил, предложил вниманию св. Синода свой доклад о приписке к тверской епархии городов Бежецка, Красного Холма и Вышнего Волочка; доклад предварительно был представлен лично им самим на рассмотрение и утверждение Екатерины и уже в утвержденном виде объявлен Синоду для надлежавшего исполнения⁴⁸⁵. – Именным императорским указом, данным 23 декабря 1785 года синодальному члену, архиепископу московскому Платону, было,

между прочим, предписано, чтобы все типографии выпускали в свет свои книги не иначе, как после предварительной цензуры, и чтобы цензорами, вместе со светскими лицами, непременно назначались и духовные ученые и просвещенные особы, обязанные следить, чтобы в книги, затрагивавшие различные религиозные вопросы, «не могли вкрасться расколы, колобродства и всякие нелепые толкования». Сообщая свою волю московскому архиепископу Платону, Екатерина в то же время предписывала ему довести содержание данного указа до сведения св. Синода⁴⁸⁶.

При выяснении разнообразных причин, создававших постоянные препятствия усилению фактического влияния синодальных обер-прокуроров на церковное управление, нами было отведено должное место установившимся порядкам в сношениях верховной власти с высшим церковным учреждением. Несомненно, что и в рассматриваемое время возможность непосредственных сношений Синода с императрицей не могла не отразиться неблагоприятным образом на фактическом положении и значении прокуратуры в духовном ведомстве, предоставляя в распоряжение синодальных членов важные средства для небезуспешного противодействия обер-прокурорскому влиянию на ход дел в церковном управлении. И мы видам, что Акчурин в тех случаях, когда ему приходилось действовать не по непосредственному поручению верховной власти, а в силу тех прав и полномочий, какие были ему предоставлены известной обер-прокурорской инструкцией, не располагал значительным влиянием на св. Синод, и последний имел возможность, без особенных затруднений, оставлять без исполнения его предложения, если, по каким-либо соображениям, находил их нежелательными и неудобными для себя.

11 января 1781 года синодальный обер-прокурор Акчурин получил через своего кучера письмо, в котором оказалось доношение в св. Синод «о наложенных преосвященным переяславским на духовенство своей епархии новых поборах и чинимых при производстве в священно-служительские чин и при прочих просьбах отягощениях». Хотя и письмо, и доношение не

были анонимными, но собственноручная подпись их автора оказалась сделанной без должного соблюдения законной формы, установленной для подобных прошений; подпись состояла из имени и фамилии переяславского протопopa Андрея Назарьева, причем доноситель, на основании горького опыта других лиц, жестоко поплатившихся за свои смелые жалобы на епархиальных архиереев, просил Синод не объявлять его имени. «Вы воображаете монаршее око», писал протоиерей Назарьев обер-прокурору Акчурина⁴⁸⁷, «как долг велит войти в бедное состояние своих подчиненных, потому самому мне другого нет способа, как прибегнуть под защиту Вашу, поднеся при сем к действию рабское мое изъяснение».

Обер-прокурор предложил полученное «изъяснение» на рассмотрение св. Синода; очевидно, Акчурин придавал доношению Назарьева значение законной жалобы и находил возможным начать формальное судебное следствие над переяславским архиереем. Но Синод, обыкновенно далеко неблагосклонно относившийся к жалобам низшего духовенства на свое ближайшее епархиальное начальство и, по всей вероятности, видевший в них серьезную опасность для интересов строгой церковной дисциплины, отнесся совершенно иначе к доносу переяславского протопopa. «Так как», мотивировал он свое постановление, вызванное предложением Акчурина, «полученное обер-прокурором доношение писано старыми числами от неизвестного человека, который ни места, ни звания своего не объявляет, да и подано не в указанном месте кем неизвестно, и чин и в рукоприкладстве имя писаны по чищенному, сам же доноситель, вместо доказательств, просит, чтобы и имя его пред целым светом скрыть, почему и признается оное за пасквиль, того ради оное оставить без всякого действия»⁴⁸⁸.

Интересно, что очевидное нежелание Синода проверить справедливость жалобы на злоупотребления архиерея заставила его воспользоваться для доказательства законности своего отрицательного отношения к предложению обер-прокурора довольно сомнительными данными, утрачивающими всякое значение при внимательном знакомстве с цитируемым

делом синодального архива. В оправдание своего решения Синод, как мы видели, ссылался на то, что «доношение писано старыми числами»; действительно, оно было помечено 9-м числом января 1780 года, получено же обер-прокурором только 10 января 1781 года. Но такой значительный промежуток времени, отделяющий факт получения Акчуриным доноса Назарьева от самого акта составления жалобы, не представлял собой ничего странного, если принять во внимание способ передачи доношения. – Указание Синода на то, что донос «писан от неизвестного человека, который ни места, ни звания своего не объявляет», (совершенно не согласно с действительностью, так как и место («перемыславский»), и звание («протопоп») автора поданной жалобы были объявлены, но только не по установленной форме. – Такой же характер имеет и очень важная, по-видимому, ссылка синодального постановления на то, что «в рукоприкладстве имя писано по чищенному»; в действительности, на том месте, где подписаны имя и фамилия доносителя, никакой подчистки не существует, а только собственноручная подпись Андрея Назарьева покрыта каким-то составом, подобно тому, как иногда в некоторых документах покрываются лаком, написанные карандашом, заметки различных высокопоставленных лиц.

Несмотря на такое отношение Синода к доносу перемыславского протопопа о злоупотреблениях епархиального архиерея и довольно несостоятельные доказательства законности состоявшегося постановления – оставить без всяких последствий поданную жалобу, синодальные члены не встретили никакого протеста против своего решения со стороны обер-прокурорской власти, и Акчурин, по-видимому, легко примирился с отрицательными результатами сделанного предложения. Подобный образ действий обер-прокурора, так легко примирившегося со своей неудачной попыткой возбудить формальное судебное следствие о злоупотреблениях перемыславского архиерея, находился уже в значительной зависимости от характера его личных отношений к членам св. Синода, так как Акчурин, в противоположность своим предшественникам, по всей вероятности под свежим

впечатлением печального инцидента с обер-прокурором Чебышевым, державшим себя очень резко с синодальными членами, но после известной ревизии казенных сумм вынужденным искать поддержки и заступничества у тех же членов⁴⁸⁹, очень дорожил хорошими отношениями с сильными и влиятельными архиереями, заседавшими в св. Синоде, и был даже «угодлив и низкопоклонен» перед ними⁴⁹⁰. Отношения прокуратуры к членам высшего церковного учреждения настолько даже улучшились при преемнике Чебышева, что сами члены св. Синода признали справедливым испросить у государыни награду Акчурина за его служебную деятельность, и, действительно, по ходатайству митрополита Гавриила и Платона, обер-прокурор получил от Екатерины аннинскую ленту, чин тайного советника, сенаторство и деревню⁴⁹¹.

А. И. Наумов

28 июня 1786 года императрица Екатерина уволила Акчурина от занимаемой им должности синодального обер-прокурора⁴⁹² и в тот же день назначила на его место статского советника Аполлоса Ивановича Наумова, состоявшего до того времени обер-секретарем синодальной канцелярии⁴⁹³. Назначение нового обер-прокурора не повело за собой значительных изменений в отношениях прокуратуры к св. Синоду, так как и Наумов, несмотря на известный нам характер церковной политики правительства, благоприятной для интересов обер-прокурорской власти, располагал теми же не вполне достаточными средствами для действительного, фактического влияния на членов св. Синода, какие находились в распоряжении его предшественников – первых обер-прокуроров Екатерининского царствования.

Правда, Синод исполнял обер-прокурорские предложения не исключительно только в тех случаях, когда Наумов передавал ему желания или приказания верховной власти непосредственно от самой императрицы; нередко Синод придавал должное значение указаниям Наумова на различные беспорядки и опущения в церковном управлении и исполнял его предложения даже и при отсутствии подобного условия, когда обер-прокурор, как представитель государственных интересов в церковном учреждении, действовал по своей собственной инициативе, в силу тех прав и полномочий, какие были предоставлены ему инструкцией 1722 года. Но подобные факты нисколько не противоречат нашим представлениям о фактическом положении прокуратуры в синодальном ведомстве и степени ее влияния на ход дел в церковном управлении, так как в данном случае, исполнение предложений Наумова находилось в значительной зависимости от того, что Синод не считал их не согласными со своими интересами и не видел в стремлениях и воззрениях обер-прокурора резкого противоречия своим собственным взглядам на те или другие явления и потребности церковной жизни.

26 марта 1789 года обер-прокурор Наумов предложил св. Синоду, чтобы все учреждения духовного ведомства обязательно доставляли в синодальную канцелярию копии с получаемых ими письменных императорских указов. Просматривая различные частные дела, поступавшие в Синод от епархиальных архиереев, обер-прокурор заметил, что нередко епархиальные преосвященные, получая «от светских персон и команд» именные императорские указы о постройке и починке архиерейских домов, монастырей и церквей, или совершенно не сообщали св. Синоду никаких сведений ни о получении указов, ни об их исполнении, или же докладывали ему о высочайших распоряжениях уже после того, как они были приведены в исполнение. А между тем, именным указом Петра I от 10 мая 1723 года все коллегии и канцелярии, получавшие императорские распоряжения, были обязаны немедленно же доводить о них до сведения Сената, чтобы «за неизвестием о таких указах не происходило в делах помешательство». Так как данный указ сам же св. Синод, распоряжением от 25 июня того же года, сделал обязательным для всех учреждений духовного ведомства, то Наумов и предложил ему подтвердить свое прежнее постановление и предписать подчиненным учреждениям доставить точные сведения относительно всех именных указов, полученных ими со времени вступления на престол императрицы Екатерины, а на будущее время, в случае получения подобных указов, немедленно присылать с них копии и в ежемесячных ведомостях уведомлять Синод об исполнении тех или других распоряжений⁴⁹⁴.

Несмотря на то, что обер-прокурор, констатируя неаккуратность епархиальных властей в доставлении узаконенных сведений об исполнении различных распоряжений экономического характера, стремился к введению строгой отчетности по исполнению церковными учреждениями всевозможных императорских указов, предложение Наумова не нарушало интересов св. Синода; напротив, можно даже утверждать, что уклонения епархиальных архиереев от установленной отчетности перед Синодом в исполнении именных императорских указов не гармонировали с его

собственными стремлениями, почему Синод и отнесся сочувственно к предложению обер-прокурора, постановив немедленно привести его в исполнение⁴⁹⁵.

Такой же характер носит и предложение Наумова, данное св. Синоду 10 января 1793 года⁴⁹⁶. По случаю пожара, уничтожившего в московском Рождественском женском монастыре деревянную келью и каменную богадельню, императрица поручила синодальному обер-прокурору «сделать описание погоревшему строению» и представить смету сумм, необходимых для возобновления кельи и богадельни. Исполняя императорское поручение, Наумов обратил внимание на то, что о монастырском пожаре «ни откуда по команде св. Синоду не было рапортовано», тогда как в гражданских ведомствах считалось обязательным доставление начальству точных сведений о подобных происшествиях, вследствие чего обер-прокурор и предложил св. Синоду предписать всем подчиненным ему учреждениям с первой же почтой обязательно доносить о таких случайных происшествиях. Без сомнения, данное обер-прокурорское предложение, направленное к развитию и усилению отчетности епархиальных архиереев перед самим св. Синодом, несколько не противоречило интересам последнего, и мы видим, что желание Наумова в непродолжительном времени было в точности исполнено Синодом⁴⁹⁷.

Охотно исполняя обер-прокурорские предложения в тех случаях, когда они не нарушали интересов духовного ведомства, св. Синод совершенно иначе держал себя по отношению к прокуратуре, если замечал, что ее воззрения на те или другие явления и потребности церковной жизни резко расходились со взглядами самих синодальных членов; при наличии подобных условий, Наумов не имел уже никакой возможности оказывать действительное, фактическое влияние на характер и направление его деятельности, и Синод руководился в своих постановлениях и решениях исключительно только собственными соображениями и не придавал особенного значения недовольству и протестам обер-прокурора.

В 1786 году в св. Синоде началось дело, вызванное прошением, уволенного из духовного звания, протоиерея вятского кафедрального собора Тукмачева и доношением вятского преосвященного Лаврентия, жаловавшегося на протопopa Тукмачева в навлечении им на него, епископа, подозрений в незаконном расходовании по архиерейскому дому казенных денежных сумм⁴⁹⁸. Судебное следствие выяснило, что: 1) еще предшественник Лаврентия, вятский епископ Варфоломей, в 1759 году получил на различные потребности архиерейского дома и местного монастыря 15,782 рубля 51½ коп., но употребил на действительные нужды только 1,099 р. 73¾ к., остальные же деньги оставил в своем архиерейском доме, а между тем, 2) в 1760 году, по определению св. Синода, в тот же архиерейский дом было отпущено 5,293 р. 40 к., которые и оказались израсходованными; 3) когда в 1764 году, по составлении штатов, коллегия экономии потребовала верных и точных ведомостей о всех наличных архиерейских и монастырских суммах, покойный епископ Варфоломей не сообщил никаких сведений об оставшихся в вятском архиерейском доме 14.682 р. 77¾ к., преосвященный же Лаврентий ссылаясь на то, что Сенат особым указом назначил оставшиеся деньги на постройку дома, почему Варфоломей и израсходовал из них 9,643 руб. 27½ коп.; 4) после учреждения штатов, Варфоломей нередко присваивал себе некоторые монастырские суммы, составлявшие, по закону, собственность коллегии экономии; 5) епископ же Лаврентий, вступив на кафедру вятской епархии (в 1774 году), хотя и нашел в своей канцелярии свободных, наличных остаточных сумм 5,039 р. 50¼ к., однако не сообщил о них никаких сведений, а вытребовал еще в 1777 году из коллегии экономии 490 рублей на исправление семинарии, да в 1785 году получил от вятской казенной палаты 495 рублей на поправку консисторского здания; 6) кроме того, в вятский архиерейский дом ежегодно поступало доходов от свечной продажи от 1,590 до 6,200 рублей; из этих крупных сумм на одни постройки было истрачено с 1760 по 1786 год более 100.000 рублей, о чем, однако же епархиальное начальство не потрудились

представить точных отчетов; 7) когда же протоиерей Тукмачев начал заявлять «сумнительства» о незаконном отношении вятского архиерея к казенным деньгам, епископ Лаврентий поспешил употребить наличные казенные суммы, в количестве 5,039 р. 50¼ к., на неуказанные постройки, а церковные сборы истратил за небольшим остатком, на «ненужное устройство в соборе на престоле среброкованой одежды», оставшейся без употребления, и на покупку книг в соборную библиотеку; в то же время преосвященный раздавал наличные деньги и различным частным лицам под векселя с процентами, с причислением последних к церковным суммам.

Св. Синод, после внимательного и продолжительного обсуждения результатов судебного следствия, постановил обязать епископа Лаврентия немедленно возвратить в вятскую казенную палату оставшиеся в незначительном количестве наличные деньги (4,979 р. 52 к.) и, при первой возможности, уплатить в ту же палату, вместо истраченных сумм, 1,340 р. 48¼ к; в то же время все обстоятельства данного дела, обнаруженные судебным следствием, Синод решил представить на рассмотрение генерал-прокурора, которому, как нам известно, именным императорским указом было поручено главное наблюдение за приходами и расходами во всех, без исключения, ведомствах.

Представляя генерал-прокурору Вяземскому экстракт разбиравшегося дела, вместе с определением св. Синода, обер-прокурор Наумов обнаружил явное недовольство отношением синодальных членов к действиям епископа Лаврентия. Из открывшихся по следствию обстоятельств, писал он, обнаружилось, что в вятском архиерейском доме, путем различных церковных сборов, ежегодно получались очень значительные денежные суммы; между тем, хотя в духовных штатах вполне точно определены размеры содержания, назначенного на каждый архиерейский дом, свечные же доходы предписано употреблять с надлежащей и строгой отчетностью, обязательно доставляя в коллегию экономии точные сведения о времени, количестве и назначении произведенных трат, а оставшиеся суммы велено сохранять в казне и не производить

на них никаких новых построек без распоряжения коллегии экономии, в вятской епархии не всегда и не во всем исполнялись распоряжения правительства. Многочисленные свечные доходы совсем не показывались в отчетах и, вообще, о них ничего не давалось знать, как будто бы их вовсе и не существовало, остававшиеся деньги в казне не содержались, а самовольно употреблялись на неуказанные расходы и ненужные постройки; имея свободные наличные суммы и умалчивая о них, вятский архиерей не только ежегодно получал из казны положенные по штату деньги, но и требовал особые суммы на различные поправки.

Очевидно, что Наумов, обязанный следить за точным исполнением действовавших законов, охранявших интересы государственной казны, считал епископа Лаврентия виновным в произвольном распоряжении церковными доходами, имевшими строго определенное назначение, и находил нежелательными снисходительное отношение к поступкам вятского архиерея, почему в своем рапорте, поданном Вяземскому 4 октября 1788 года, и просил генерал-прокурора принять какие-либо меры для устранения подобных явлений на будущее время. Но св. Синод, выходявший из своей точки зрения на назначение церковных доходов, не нашел в действиях вятского преосвященного никаких злоупотреблений, которые бы могли быть отнесены к похищению казенных денег или к расходованию их на личные потребности, так как дело было поставлено таким образом, что после многочисленных разъяснений и оправдательных документов, представленных архиереем, сам доноситель – протопоп Тукмачев, в конце концов, оказался вынужденным дать в консистории письменное показание, что «он об утрате казенных денег никакого сомнения не берет, и что деньги по различным расходным статьям не утаены», и даже засвидетельствовал своим рукоприкладством справку о всех доходах и расходах вятской епархии, произведенную в местной консистории и представленную в св. Синод. Основываясь на подобных данных, Синод и пришел к заключению, что дело епископа Лаврентия, возбужденное «по одному только его протопопа вышеобъявленному сумнению, не точию без всякого

доказательства, но и без точного показания, в чем он то сумнение имеет», не представляет собой особенно важного явления и не требует специального синодального решения.

Очень вероятно, что св. Синод, убежденный в крайней недостаточности штатных сумм, отпускавшихся на содержание архиерейских домов и разнообразные потребности епархиального управления, не видел ничего непозволительного в естественных стремлениях епархиальных архиереев изыскивать всевозможные местные средства для удовлетворения многочисленных нужд церковной жизни.

Как смотрели некоторые синодальные члены изучаемого времени на пользование церковными суммами и стремления представителей государственной власти строго контролировать расходование денежных средств, собираемых по духовному ведомству и ассигнуемых на различные потребности церковной жизни, можно отчасти видеть из писем московского митрополита Платона к Амвросию Подобедову. «Что Вы думаете», писал Амвросию митрополит Платон в 1788 году, «о недавно изданном указе о имуществе домов наших? Может-ли быть что несправедливее и нелепее?»⁴⁹⁹ «Тяжелее отказа то», читаем в другом письме Платона⁵⁰⁰, «что мы и на свои деньги ничего не можем возобновлять в домах и монастырях, не испросив дозволения от светских начальств. Какое нам дело до них и им до нас? И с чего взяли, чтобы мы подчинялись им даже в этом?» Понято, что, при подобных взглядах на церковные суммы и их нормальное назначение, св. Синод не нашел ничего предосудительного в действиях вятского епископа Лаврентия и постановил прекратить возбужденное дело без всяких неприятных последствий для обвинявшегося архиерея.

Обер-прокурор Наумов довел постановление синодальных членов до сведения генерал-прокурора Вяземского, но генерал-прокурор не нашел возможным вмешиваться в отношения Синода к вятскому архиерею, так как Синод не признавал в его поступках никакого преступления, имевшего характер растраты казенных денежных сумм, и только попросил обер-прокурора предложить высшему церковному учреждению озаботиться введением строгой отчетности о свечных доходах и казенных

суммах, отпускавшихся на починки и различные церковные потребности, что и было исполнено Наумовым 27 февраля 1789 года⁵⁰¹.

Оказывая незначительное влияние на ход дел в церковном управлении, Наумов в последние годы обер-прокурорской службы находил даже возможным предоставлять самим синодальным членам право выбора своего временного заместителя. По крайней мере, получив в июле 1790 года от гофмейстера гр. Безбородко отпуск на 29 дней и уже выехав из Петербурга, Наумов, через письмо к синодальному обер-секретарю, предложил св. Синоду самому обсудить и решить вопрос, кому следует поручить, до его возвращения, исполнение обер-прокурорских обязанностей⁵⁰².

Можно думать, что к концу своей синодальной службы Наумов, вследствие расстроенного здоровья, оказался не в состоянии успешно выполнять сложные и трудные обязанности прокуратуры в церковном управлении и высочайшим указом, данным Сенату 26 июля 1791 года, был уволен от занимаемой должности, по его собственному прошению, «за старостью и болезнями», как объявлено в указе, и заменен новым обер-прокурором – действительным статским советником, графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным⁵⁰³.

Гр. А. И. Мусин-Пушкин

Документы синодального архива, имеющие отношение к обер-прокурорской деятельности Мусина-Пушкина, позволяют утверждать, что преемник Наумова, в значительной степени усиливший влияние прокуратуры на церковное управление, довольно внимательно следил за ходом синодального делопроизводства, наблюдал за целостью денежных сумм, находившихся в распоряжении св. Синода, и не оставлял без должного надзора деятельности всего чиновничьего персонала, состоявшего в канцелярии высшего церковного учреждения. Синодальный экзекутор не только был обязан, но и в действительности очень аккуратно доставлял обер-прокурору рапорты о числе протоколов, подписанных Синодом в продолжение известного периода, с точным указанием тех из них, по которым или уже «исполнение учинено», или еще только заготавливались надлежащие справки⁵⁰⁴. В то же время обер-секретарь синодальной канцелярии ежемесячно представлял Мусину-Пушкину ведомость о количестве и назначении различных денежных сумм, остававшихся в наличности при св. Синоде⁵⁰⁵, а экзекутор доносил ему о состоянии канцелярии, о служебной деятельности секретарей и прочих чиновников⁵⁰⁶, подавая на рассмотрение обер-прокурора, в случае болезни или манкирования кем-либо из них своими служебными обязанностями, и особые ведомости об упущениях по службе неисправных чиновников⁵⁰⁷.

Внимательно следя за всем происходившим в синодальной канцелярии, Мусин-Пушкин настойчиво требовал от своих подчиненных, чтобы в пределах ее ничто не делалось без ведома в распоряжения обер-прокурора. В своем предписании от 20 июня 1795 года, данном на имя синодальной канцелярии, Мусин-Пушкин заметил, что хотя еще покойный обер-прокурор Акчурин распорядился, чтобы не только никому никаких синодальных дел, «без дозволения обер-прокуратора, не казать и не давать, но даже об них без надобности и не сказывать, особенно же о важных и тайных делах, прежде подписания в

выпуска какого-либо определения», и сам он ордером от 19 сентября 1791 года дал канцелярии аналогичное предписание, но теперь снова является необходимость подтвердить прежние распоряжение и настойчиво требовать от чиновников точного исполнения обер-прокурорского приказа; «ныне,» писал Мусин-Пушкин, «по некоторым открывшимся обстоятельствам за нужное нахожу подтвердить всем чинам канцелярии, чтобы никто, без ведения обер-прокурора, под опасением взыскания», не показывал никому и никаких синодальных дел⁵⁰⁸.

Довольно самостоятельно распоряжаясь канцелярией св. Синода со всем ее чиновничьим персоналом, Мусин-Пушкин, благодаря непосредственным сношениям с императрицей, имел даже возможность, без всяких препятствий со стороны высшего церковного учреждения, пользоваться штатными суммами духовного ведомства и употреблять их для удовлетворения возраставших нужд и потребностей обер-прокурорской службы. 2 ноября 1793 года Мусин-Пушкин словесно заявил св. Синоду, что императрица Екатерина позволила ему, обер-прокурору, взять из остающихся в московской синодальной конторе штатных сумм, 2.000 рублей на расход и содержание людей по особо порученным ему делам, о чем он, обер-прокурор, даст конторе надлежащее предписание. Выслушав предложение Мусина-Пушкина, Синод отнесся к нему, как к сообщению, не подлежавшему никаким обсуждениям, и ограничился только тем, что приказал записать его в журнал – для сведения⁵⁰⁹. – 8 декабря 1794 года Мусин-Пушкин, не присутствовавший лично на заседании синодальных членов, поручил обер-секретарю словесно предложить св. Синоду, что императрица позволила ему, обер-прокурору, взять на годовой расход и содержание людей 2,000 рублей, да кроме того, отдала в его распоряжение, для пересылки церковных ризниц в различные места, 500 рублей из остающихся в московской синодальной конторе наличных штатных сумм, о чем им, обер-прокурором, и будет дано соответствующее предписание. Несмотря на отсутствие Мусина-Пушкина, и данное предложение прокуратуры, как основанное на высочайшей воле, встретило со стороны св.

Синода такое же отношение, какое вызвало личное заявление обер-прокурора от 2 ноября 1793 года⁵¹⁰.

Непосредственные сношения синодального обер-прокурора с верховной властью по самым разнообразным делам церковного управления, не исключая даже и дел экономического характера, которые еще так недавно было поручены высшему надзору сенатского генерал-прокурора, нередко могли предоставлять Мусину-Пушкину возможность пользоваться своими всеподданнейшими докладами, как чрезвычайно удобным средством, чтобы убеждать императрицу в необходимости таких указов и распоряжений по адресу высшего церковного учреждения, какие признавались полезными самой прокуратурой. Едва ли следует доказывать, что такие отношения между прокуратурой и верховной властью не могли не отражаться известным образом на положении Мусина-Пушкина в св. Синоде и фактических отношениях синодальных членов к своему обер-прокурору.

Высказанное нами положение не представляет собой ничего невероятного, так как Екатерина очень часто давала Мусину-Пушкину различные поручения по духовному ведомству для передачи их св. Синоду, и многие из ее высочайших повелений являлись результатами предшествовавших всеподданнейших докладов обер-прокурора.

22 марта 1792 года обер-прокурор, на основании полученного им от императрицы высочайшего распоряжения, предложил св. Синоду, чтобы во все епархии, а особенно в оба столичные города, было дано строжайшее предписание о соблюдении приходскими священниками величайшей осторожности при венчании брачующихся в различных степенях родства или свойства, для чего и рекомендовал снабдить священников точными правилами⁵¹¹. – 12 апреля 1792 года Мусин-Пушкин предложил св. Синоду принять к сведению, что Ее Величество всемилостивейше позволила епископу нижегородскому Дамаскину приехать в Петербург⁵¹². – 8 декабря 1794 года обер-прокурор словесно предложил св. Синоду, что императрица Екатерина, по его всеподданнейшему докладу, приказала находившегося в Саровской пустыне монаха

Палладия Лаврова, писавшего «дерзновенные, наполненные нелепостями бумаги», перевести в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где и содержать его под присмотром, не давая ему ни бумаги, ни чернил, а в случае дерзости или упрямства, наказывать заключенного по обычаю монашескому⁵¹³. – 27 августа 1796 года обер-прокурор в своем предложении сообщил св. Синоду, что он, Мусин-Пушкин, являлся к государыне со всеподданнейшим докладом по вопросу о производстве жалования синодальному члену, митрополиту новгородскому и петербургскому Гавриилу, временно не присутствовавшему в Синоде по случаю пребывания в Новгороде, и выслушал от нее распоряжение о выдаче митрополиту полного жалования, по званию члена св. Синода, за все время его занятия своими епархиальными делами, о чем обер-прокурор и уведомил уже Гавриила⁵¹⁴.

Передавая св. Синоду самые разнообразные распоряжения верховной власти и представляя государыне всеподданнейшие доклады по делам духовного ведомства, прокуратура, в лице Мусина-Пушкина, ввела в практику обычай, при подношении верховной власти обыкновенных еженедельных рапортов о делах, решенных в св. Синоде, прилагать к ним от себя особые краткие записки; по крайней мере, в журнале св. Синода от 24 апреля 1797 года за № 24-м встречается следующего постановления: «при подношении Его Императорскому Величеству от синодального г. обер-прокурора обыкновенных семидневных о решенных в св. Синоде делах рапортов, о случающихся между ними таких, кои решены по словесным Высочайшим повелениям, предоставить ему же, обер-прокурору, прилагать особые краткие записки»⁵¹⁵.

Но интересно, что Мусин-Пушкин, имевший в своем распоряжении достаточно средств для значительного фактического влияния на положение дел в церковном управлении, не приходил в столкновения с синодальными членами и иногда совершенно не вмешивался в их деятельность даже в тех случаях, когда какие-либо дела, возникавшие в св. Синоде, так или иначе, но близко

затрагивали самые существенные, материальные интересы государственной казны.

27 марта 1791 года в св. Синод было прислано прошение иеромонаха Богословского монастыря рязанской епархии, Макария, с доносом на местного епархиального архиепископа Симона, обвинявшегося в «ненужной», не вызванной никакими действительными потребностями, ломке прежних построек в архиерейском доме и в замене их новыми «излишними» покаями, «с бесполезной тратой казенных сумм». В своем прошении иеромонах Макарий доносил Синоду и о других предосудительных поступках архиепископа Симона, «отнесившихся к казенному интересу», и жаловался на неполучение вознаграждения по должности эконома архиерейского дома. В то же время, Макарий сообщал, что из 300 рублевой суммы, ежегодно получаемой по штату на содержание ризницы, Симон, в продолжении 13 лет управления епархией, употребил на ризницу не более 1000 рублей, издержав остальные деньги на бесполезные прихоти⁵¹⁶.

Несмотря на то, что в деле, возникшем под влиянием доноса иеромонаха Макария, были замешаны денежные казенные интересы, во имя защиты которых обер-прокуроры прежнего времени так часто приходили в столкновения с синодальными членами, Мусин-Пушкин не принимал никакого активного участия в судьбе человека, своею жалобой на рязанского архиепископа доставлявшего возможность прокуратуре познакомиться с действительным отношением местного епархиального начальства в отпускаемым в его распоряжение казенным денежным суммам, и не обнаруживал никакого стремления оказывать известное влияние на производство судебного следствия, хотя св. Синод и отнесся крайне неблагоприятно к жалобе иеромонаха Макария на своего епархиального архиерея. Основываясь на том, что прошение Макария, как сказано в синодальном определении, «смешано разными материями» и состояло не только из доноса на преосвященного о злоупотреблении казенными суммами, но и из собственной жалобы Макария на личные обиды, будто бы нанесенные ему архиепископом Симоном, притом же и «писано

не порядочно, не по указанной форме, не по пунктам и с поносительными словами», Синод высказался, что подобное прошение следовало бы возвратить доносчику обратно. Но так как в доносе на архиепископа рязанского были замешаны государственные, казенные интересы, почему и прошение иеромонаха Макария невозможно было оставить без всякого расследования. то Синод постановил передать рассмотрение возбужденного дела, в значительно суженном виде, своей синодальной конторе⁵¹⁷.

Неблагоприятное отношение высшего церковного учреждения к жалобам и доносам подчиненного духовенства на свое епархиальное начальство не вызвало, однако, со стороны синодального представителя государственных интересов ни предложений, ни протестов, и во всем деле, возбужденном прошением иеромонаха Макария от 25 марта 1791 года и закончившееся 2 августа 1798 года, незаметно ни малейшего участия Мусина-Пушкина.

Правда, в практике Синодального управления имели место и такого рода судебные дела о различных поступках некоторых епархиальных архиереев, которые возникали в Синоде по предложению Мусина-Пушкина, но и в подобных случаях обер-прокурор обыкновенно действовал не по собственной инициативе, в силу самых обязанностей, возложенных на прокуратуру, а по особым поручениям верховной власти.

24 марта 1797 года император Павел получил прошение жены священника воронежского Покровского женского монастыря, Феодосии Баженовой, жаловавшейся, что ее муж, священник Петр Баженов, перенес много притеснений от преосвященного воронежского Мефодия и, наконец, был отослан им в монастырь «за несоблюдение будто бы учиненного от преосвященного запрещения». Когда ее муж, по словам Феодосии Баженовой, зная свою невинность, просил у архиерея позволения перенести дело в Синод, преосвященный не дал ему «ни апелляции, ни паспорта на проход в св. Синод», а вместо того, отрешив священника от места и не сняв с него запрещения, отослал Баженова в монастырь на работу, не назначив даже и времени его освобождению⁵¹⁸. По поручению

государя, Мусин-Пушкин 24 апреля 1797 года предложил поступившую жалобу на обсуждение св. Синода⁵¹⁹, и последний постановил потребовать от епископа Мефодия соответствующих объяснений⁵²⁰. Мефодий написал в своем объяснении, что он говорил Баженову о синодальных указах, предписывавших, в случае неудовольствия на распоряжения епархиального начальства, обязательно пересылать прошения в св. Синод по почте и никого из духовных лиц не отпускать в столицы «без законно правильных причин». И хотя преосвященный оправдывал себя в невыдаче священнику паспорта и просимой им копии с дела, для перенесения его в св. Синод, – оправдывал тем, что «поп» Баженов был замешан в производившемся в то время и еще не решенном деле девицы Екатерины Бехтеевой, находившейся в преступной связи с подсудимым священником⁵²¹, но Синод, рассмотрев все обстоятельства, обнаруженные начавшимся следствием, без всякого влияния прокуратуры, постановил дело Баженова, как «произведенное не на законном основании, а по одному точию мнимому его епископа подозрению, уничтожить во вся», пострадавшего священника, посланного в монастырь неправильно и противозаконно, немедленно освободить из заключения, возвратит на старое место и обязательно выдать ему жалованье и все доходы за все время со дня его отрешения от должности, преосвященному же воронежскому подтвердить, чтобы он на будущее время поступал осторожнее в производстве и решении различных дел, сообразуясь с точным смыслом церковных и государственных законов, а не подвергая истязаниям и штрафам безвинных священнослужителей⁵²².

Очень вероятно, что в подобных случаях отсутствие заметного стремления прокуратуры оказывать известное влияние на постановку и решение судебных дел, возникавших в св. Синоде, обуславливалось не фактическим бессилием обер-прокурорской власти, так как архивные документы, имеющие отношение к деятельности Мусина-Пушкина, делают невозможным подобное предположение, а тем, что Мусин-Пушкин, по своим взглядам и воззрениям на церковное

управление, не расходился так резко с синодальными членами, как некоторые из его предшественников, и находил возможным ограничивать свои отношения к церковному суду скромной ролью пассивного наблюдателя за действиями и распоряжениями св. Синода.

Но признавая, что в лице Мусина-Пушкина обер-прокурорская власть располагала уже довольно значительными средствами для действительного надзора за церковным управлением и, при желании, могла оказывать известное влияние на деятельность синодальных членов, необходимо, однако, заметить, что, даже при жизни Екатерины, Мусин-Пушкин не был единственным и обязательным посредником между верховной властью в св. Синодом; государыня, по-прежнему, иногда передавала различные распоряжения по духовному ведомству, имея дело непосредственно с самим учреждением или доставляя возможность выполнять важную роль посредника кому-либо из наиболее влиятельных синодальных членов.

Особенно же частыми делаются последнего рода явления, далеко неблагоприятные для развития сильного фактического влияния прокуратуры на церковное управление, в конце XVIII столетия, когда, после смерти Екатерины II, императорская власть перешла к ее сыну, Павлу Петровичу.

Хотя и в царствование Павла верховная власть, в большинстве случаев, как видно из документов синодального архива⁵²³, передавала свои распоряжения по духовному ведомству, через различных приближенных лиц, обер-прокурорам св. Синода для предложения их высшему церковному учреждению, но, в то же время, преемник Екатерины очень часто пользовался в своих сношениях с Синодом и посредничеством его первенствующего члена. Такими посредниками в сношениях верховной власти с высшим церковным учреждением были, в первое время, Гавриил, митрополит новгородский и петербургский, а затем – его преемник по петербургской кафедре, архиепископ Амвросий.

Путешествуя по России и присутствуя в различных церквях при богослужении, Павел остался очень недовольным широко

распространенным обычаем петь, вместо концерта, стихи, «сочиненные по произволению», и 10 мая 1797 года поручил митрополиту Гавриилу предложить св. Синоду предписать всем епархиальным преосвященным, чтобы нигде и ни в каком случае не употребляли в церковном пении «выдуманных стихов», а чтобы, вместо концерта, пели или псалом, или же обыкновенный каноник⁵²⁴. – 21 сентября того же года Трощинский писал митрополиту Гавриилу, что император, получив прошение священника 1-го чугуевского регулярного казачьего полка, Насеткина, с жалобой на полковника князя Багратиона, и других офицеров, будто бы преследовавших его за принятие и отправление на почту доноса, врученного ему от двух полковых вахмистров, препровождает полученное прошение к нему, Гавриилу, с тем, чтобы «духовное правительство» произвело свой суд над священником, вмешавшимся в «чужое» дело и принявшим деятельное участие в доносе вахмистров, уже отданных под суд за клевету на свое начальство⁵²⁵. – 23 сентября 1797 года Трощинский препроводил к митрополиту Гавриилу поданное на высочайшее имя прошение священника упраздненной крепости Узеней, Федорова, с поручением, чтобы проситель был возвращен на прежнее место или же определен к какому-либо другому приходу, по рассуждению св. Синода⁵²⁶. И нужно заметить, что подобные распоряжения верховной власти митрополиту Гавриилу приходилось предлагать св. Синоду довольно нередко⁵²⁷.

Но еще чаще в таком же важном и влиятельном положении посредника между императорской властью и высшим церковным учреждением мы видим преемника Гавриила по званию первенствующего члена св. Синода – Амвросия, архиепископа с.-петербургского, а впоследствии митрополита новгородского и петербургского.

10 июля 1797 года император Павел получил от иеромонаха Киево-Печерской лавры Дометиана Владевича донос на киевского преосвященного Иерофея, обвинявшегося в неслужении благодарственного молебна по получении известия о вступлении на престол Павла Петровича и в растрате

значительных церковных сумм на свои личные прихоти; по словам Владевича, преосвященный Иерофей, за время управления Киево-Печерской лаврой, расточил более 25,000 рублей из неокладных церковных сумм на покупку «токайских вин и английских пив»⁵²⁸.

Государь поручил Трощинскому препроводить оригинальные письма к митрополиту Гавриилу⁵²⁹, и последний 17 июля предложил св. Синоду рассмотреть присланное от императора письмо Дометиана с доносом на киевского митрополита Иерофея⁵³⁰. Иерофей состоял в то время синодальным членом, и св. Синод нашел нужным, послав к нему «по секрету» копию доношения, потребовать от преосвященного обстоятельного, пунктуального, секретного объяснения⁵³¹. Получив объяснительный рапорт Иерофея⁵³² и обсудив его, Синод, без посредничества обер-прокурора, 4 сентября 1797 года представил государю доклад о ложности доноса Владевича⁵³³. И уже после высочайшего утверждения состоявшегося доклада Трощинский 8 сентября сообщил синодальному обер-прокурору о совершившемся факте⁵³⁴. В таком же положении через несколько времени мы видим по тому же самому делу и митрополита Амвросия; когда высланный из России Дометиан Владевич прислал государю прошение о повелении св. Синоду возвратить его в Киево-Печерскую лавру⁵³⁵, император поручил Амвросию предложить св. Синоду рассмотреть, может ли быть удовлетворена подобная просьба без нарушения порядка и справедливости⁵³⁶.

Амвросий, пользовавшийся особенным расположением Павла, довольно часто обращался к Синоду с своими предложениями, представлявшими собой объявление высшему церковному учреждению императорских распоряжений. получаемых им, по большей части, от тех самых лиц, через которых передавались различные высочайшие повеления по духовному ведомству и синодальному обер-прокурору. 5 марта 1800 года Амвросий предложил св. Синоду принять нужные меры по поводу одного замечания государя, сделанного им на рапорте тамбовского губернатора. «В отношении, полученном мной от тайного советника Неплюева», предлагал

первенствующий синодальный член, написано, что государь, узнав из рапорта тамбовского губернатора о смерти от пьянства дьякона Крестовоздвиженской церкви города Нижнего-Ломова, Анания Петрова, приказал сообщить мне, чтобы, кому следует, было предписано удерживать людей духовного звания от такого позорного порока. Синод постановил разослать соответствующие указы всем епархиальным архиереям и предоставил Амвросию доложить государю о состоявшемся распоряжении⁵³⁷. – «В отношении от генерал-губернатора Обольянинова, полученном мной», писал архиепископ Амвросий в предложении св. Синоду от 4 июля 1800 года, «изображено», что государь, убедившись из донесений симбирского губернатора Сушкова в прикосновенности к крестьянскому волнению троих местных приходских священников, приказал сообщить ему, преосвященному, для замечания и подтверждения, кому следует, чтобы духовенство, ни под каким видом, не вмешивалось в такие «постыдные и закону противные поступки»⁵³⁸.

Часто пользуясь посредничеством Амвросия в своих сношениях со св. Синодом, император Павел обнаруживал даже иногда несомненное стремление возвысить значение первенствующего синодального члена в церковном управлении, так как давал ему такие поручения, которые не могли не отражаться благоприятным образом на его положении в св. Синоде. 13 августа 1800 года Амвросий писал в своем предложении Синоду, что Его Императорское Величество, узнав из донесения генерала Львова I об участии «отставного» семинариста Ивана Петрова в убийстве, имевшем место в городе Астрахани, приказал, через генерал-адъютанта кн. Долгорукого, сообщить ему, преосвященному, о своем крайнем удивлении по поводу существования «отставного» семинариста, так как, по словам государя, если какой-либо семинарист «не годится в духовное звание, то должен быть отправлен к тому роду службы, куда способным найдется, а отставлять из семинарии совсем – противно установлению»; в видах прекращения на будущее время таких нежелательных и незаконных явлений, сообщал Амвросий в своем предложении,

государю было угодно поручить мне сделать предписание во все семинарии, чтобы подобные случаи нигде более не повторялись, и в то же время «дать сие на замечание Синоду»⁵³⁹.

Исключительное положение первенствующего синодального члена и его громадное влияние на церковное управление, создававшиеся характером отношений императора Павла к митрополиту Гавриилу и архиепископу Амвросию, подняв на значительную высоту духовно-иерархическую власть в св. Синоде, не могли не отразиться неблагоприятным образом на фактическом значении прокуратуры в области синодального управления. Правда, мы знаем, что и в прежнее время наиболее влиятельные синодальные члены, юридически не лишённые права выполнять обязанности посредников между верховной властью и высшим церковным учреждением, нередко и на практике пользовались таким важным правом. Но едва ли кто из ближайших предшественников императора Павла так часто доставлял возможность самой церковной иерархии, в лице ее главного представителя, выполнять важные обязанности посредничества между верховной властью и св. Синодом.

Несмотря, однако же, на исключительно благоприятные условия, в какие император ставил своей благосклонностью первенствующего синодального члена, обер-прокуроры не чувствовали еще необходимости изменять самый характер своих отношений к высшему церковному учреждению и по-прежнему имели возможность руководиться в своей деятельности стремлениями, резко расходящимися с интересами св. Синода и нередко вызывавшими с его стороны пассивное или открытое противодействие. В таком положении мы видим синодальных обер-прокуроров даже и в период наибольшего развития особенного расположения Павла к архиепископу Амвросию, уже после того, как гр. Мусин-Пушкин, именным императорским указом, данным правительствующему Сенату 27 июня 1797 года, был назначен сенатором⁵⁴⁰, с устранением от должности обер-прокурора св. Синода.

8 июля 1797 года св. Синод выслушал сенатское ведение о правительственном назначении своего обер-прокурора в шестой департамент Сената⁵⁴¹. Так как в это время сам государь, от усмотрения которого зависело определение того или другого лица на должность синодального обер-прокурора, находился за пределами С. Петербурга, то сенатский генерал-прокурор Куракин, как главный представитель прокуратуры, позволил себе поручить временное исполнение обязанностей синодального обер-прокурора одному из своих ближайших подчиненных и 9 июля дал следующее предписание обер-прокурору Сената, князю Василию Алексеевичу Хованскому: «по поводу Высочайшего Его Императорского Величества отсутствия, в св. Синоде обер-прокурор еще не определен, а посему и рекомендую Вашему Сиятельству сверх настоящей своей исправлять до времени и сию в Синоде должность, на точном основании данных предписаний и узаконений»⁵⁴². 10 июля Синод выслушал сенатское ведение о временном назначении исправляющего должность обер-прокурора⁵⁴³, а 14 числа того же месяца был дан Сенату и именной императорский указ об определении кн. Хованского обер-прокурором св. Синода⁵⁴⁴.

Бывший сенатский обер-прокурор, хорошо знакомый с внешней, формальной стороной обер-прокурорской деятельности, сделавшись обер-прокурором св. Синода, и в своей новой должности прежде всего обратил внимание на то, что в местной синодальной канцелярии или неаккуратно выполнялись, или были еще совершенно не введены в практику многие, очень важные для прокуратуры, порядки, уже имевшие место в пр. Сенате. Ближайшее знакомство с массой самых разнообразных дел, поступавших на рассмотрение св. Синода, и с теми средствами, какими располагал синодальный обер-прокурор для постоянного и успешного наблюдения за законным течением возбуждавшихся дел, в скором времени убедило Хованского, что синодальная канцелярия не доставляет

прокуратуре очень важных сведений, в значительной степени облегчающих ей возможность успешного надзора за церковным управлением.

Чтобы иметь фактическую возможность действительно наблюдать за всем ходом дел в порученном его обер-прокурорскому надзору духовном ведомстве, Хованский 15 января 1798 года дал предписание синодальному регистратору обязательно доставлять ему, обер-прокурору, ежедневные реестры всех бумаг, поступавших на рассмотрение св. Синода. Желая иметь в виду все дела, входящие в Синод, – писал Хованский в своем ордере синодальному регистратору⁵⁴⁵, – и постоянно следить за успешным и законным течением возбуждающихся дел, рекомендую Вам немедленно подать мне краткий реестр разнообразных бумаг, вступавших в Синод с начала нынешнего года, а на будущее время обязательно представлять мне подобные реестры «за каждый тот день, в который какие дела... записаны будут». И необходимо заметить, что данное распоряжение обер-прокурора в точности исполнялось во все время синодальной службы Хованского⁵⁴⁶.

Обеспечив себе фактическую возможность всегда своевременно знать о всех делах, поступавших на обсуждение высшего церковного учреждения, Хованский в то же время обязал синодального обер-секретаря доставлять прокуратуре точные сведения о каждом заседании св. Синода, с указанием слушанных дел, их решений и даже времени прихода и выхода из собрания самих членов Синода. «Впредь», писал он синодальному обер-секретарю в начале 1793 года⁵⁴⁷, «для составления семидневных меморий, подносимых от меня государю императору о решенных в Синоде делах, рекомендую Вашему Высокоблагородию доставлять ко мне после каждого собрания, за подписью Вашей, краткие записки с изъяснением, какие дела слушаны и какие по оным даны резолюции, прилагая при том, за подписью протоколиста, сведения и о присутствовавших членах св. Синода с показанием времени прихода и выхода оных из собрания».

Стремление Хованского доставить обер-прокурорской власти фактическую возможность беспрепятственно следить за

законным течением дел в сфере церковного управления не ограничилось только пределами одного св. Синода и в его канцелярии. Обязав синодальную канцелярию доставлять прокураторе самые точные сведения о всех делах, поступавших на рассмотрение высшего церковного учреждения, и об отношении самих синодальных членов к возложенным на них служебным обязанностям, Хованский стремился доставить фактическую возможность обер-прокурорской власти с таким же успехом следить и за ходом местного епархиального управления. Чтобы иметь в своем распоряжении точные сведения о характере деятельности местных представителей церковной администрации, Хованский предписал секретарям епархиальных консисторий ежемесячно доставлять прокуратуре записки о слушанных делах, с указанием всех дел, остающихся без решения.

Получая от консисторских секретарей ежемесячные донесения о состоянии епархиального управления, обер-прокурор не оставлял без должного внимания различных беспорядков и уклонений от точного исполнения требований закона, имевших место в церковной жизни той или другой епархии, а обыкновенно доводил о них до сведения св. Синода и предлагал ему делать соответствующие распоряжения для устранения замеченных прокуратурой беспорядков в епархиальном управлении. – В своем предложении св. Синоду от 18 февраля 1798 года Хованский заявил, что, просматривая ведомость о решенных делах, представленную секретарем тамбовской консистории Дмитриевским за декабрь 1797 года, он заметил совершенно незаконное уклонение местной консистории от расследования одного дела; по его словам, тамбовская консистория оставила без надлежащего производства и решения дело, начавшееся по прошению секретаря Дмитриевского, жаловавшегося на бывшего мокшанского протоиерея Егорова, который, придя «в консисторские покои» во время присутственных часов, позволил себе кричать здесь «азартным образом», что Дмитриевский «чинил ему по делам притеснения» и даже будто бы принудил его дать консисторскому секретарю довольно крупную взятку в

250 рублей. Обращая внимание св. Синода на незаконный поступок тамбовской консистории, оставившей без расследования возникшее дело «за объявленным от Дмитриевского на консисторию подозрением», обер-прокурор предложил высшему церковному учреждению сделать, со своей стороны, надлежащее распоряжение по случаю замеченного нарушения требований закона. Св. Синод, рассмотрев обер-прокурорское предложение, согласился с мнением Хованского о поступке тамбовской консистории и постановил немедленно же предписать тамбовскому преосвященному, отрешив Дмитриевского от должности, произвести законное расследование по его делу, и в том случае, если формальное судебное следствие действительно установит факт несомненной виновности секретаря в приписываемых ему взятках и притеснениях, предать его гражданскому суду⁵⁴⁸.

Ежемесячные донесения консисторских секретарей, знакомя прокуратуру с состоянием епархиального управления и позволяя ей предлагать св. Синоду употреблять необходимые меры против нежелательных явлений в церковной жизни различных епархий, между прочим, обратили внимание Хованского на характер отношений провинциальных светских властей к запросам духовных консисторий, как на одну из важных причин, обусловивших собой медленность консисторского делопроизводства. Очевидно, что светские провинциальные власти были слишком далеки от предупредительных отношений к запросам таких присутственных мест, какими являлись в глазах светского начальства духовные консистория, и нередко не стеснялись оставлять без ответов их разнообразные запросы, необходимые для законного решения дел. Убедившись, что во многих епархиях различные дела оставались нерешенными вследствие неполучения от светских властей необходимых ответов на сделанные им запросы, Хованский 16 марта 1798 года предложил св. Синоду, в видах прекращения на будущее время такой невольной медленности в производстве консисторских дел, отнести к Сенату, чтобы последний дал строгое предписание гражданским властям немедленно удовлетворять

необходимые запросы духовного начальства. Синод, конечно, не мог не согласиться с полной целесообразностью предложения своего обер-прокурора и постановил просить Сенат сделать светским властям строгое предписание о немедленном удовлетворении законных запросов духовного начальства⁵⁴⁹.

Распоряжение обер-прокурора, собственной властью вменявшего в обязанность секретарям консисторий ежемесячно доставлять прокуратуре точные сведения о всех решенных и нерешенных местных дел, позволяет нам утверждать, что Хованский стремился уже ввести в сферу своего ближайшего, непосредственного влияния консисторских секретарей и пользовался ими, как орудиями надзора за епархиальным церковным управлением.

Правда, обер-прокурор собственной властью не имел права ни увольнять от службы, ни наказывать консисторских секретарей, не исполнявших его распоряжений, но он обыкновенно предлагал св. Синоду определять необходимые, по его мнению, наказания неаккуратным чиновникам и Синод, как видно, считал секретарей духовных консисторий обязанными исполнять обер-прокурорские предписания и находил справедливым наказывать их за неисполнение распоряжений Хованского. – 18 февраля 1798 года Хованский предложил св. Синоду обсудить непозволительное отношение секретаря орловской консистории Петрова к своим служебным обязанностям и определить заслуженное им наказание; секретарь Петров, по словам Хованского, получил от него, обер-прокурора, предписание обязательно присылать прокуратуре ежемесячные записки о слушанных в консистории делах, с особыми ведомостями и о тех делах, какие почему-либо оставались нерешенными, но, несмотря на свой рапорт о получении предписания, до последнего времени не представил еще ни одной ведомости. Выставляя на вид служебную неисправность консисторского секретаря, Хованский предложил также на обсуждение св. Синода особое письмо, полученное от орловского епископа Аполлоса, сообщившего обер-прокурору самые неблагоприятные сведения о служебной деятельности

Петрова, и св. Синод, под влиянием обер-прокурорского предложения, определил отрешить секретаря орловской консистории от должности и даже исключить его из синодального ведомства⁵⁵⁰. Тот факт, что орловский епископ Аполлос сообщал Хованскому неблагоприятные сведения о служебной деятельности секретаря местной консистории, также говорит о подчинении консисторских секретарей надзору обер-прокурорской власти, пользовавшейся ими для наблюдения за состоянием епархиального управления.

Получая официальные сведения о состоянии епархиального управления посредством ежемесячных донесений секретарей духовных консисторий, обер-прокурор в то же время имел еще возможность узнавать о различных незаконных действиях местных представителей церковной администрации и путем частных донесений и жалоб, нередко поступавших к Хованскому от епархиальных преосвященных и пострадавших лиц из низшего духовенства. Доводя до сведения св. Синода полученные донесения и жалобы, обер-прокурор обыкновенно предлагал ему отнестись к подобным жалобам с точки зрения, предварительно уже высказанной прокуратурой, и Синод, в большинстве случаев, поступал согласно с предложениями Хованского, хотя исполнение его предложений и обуславливалось не тем, что синодальные члены чувствовали себя вынужденными подчиняться личному влиянию обер-прокурора, а тем, что Хованский обосновывал свои предложения на требованиях действовавших законов. – 28 июля 1798 года обер-прокурор обратился к св. Синоду с предложением, вызванным письмом белорусского епископа Апастасия, донесшего Хованскому о злоупотреблениях секретаря местной консистории Маркевича, позволявшего себе делать различные упущения по службе и брать взятки с католиков за незаконное отношение к некоторым униатским делам; в своем письме белорусский преосвященный сообщил Хованскому, что секретарь Маркевич посылал ложные донесения ему, обер-прокурору, замалчивал неправильно решенные дела и не стеснялся тратить казенные деньги на свои личные потребности. Основываясь на донесении епископа

Апастасия, обер-прокурор предложил св. Синоду устранить от должности секретаря Маркевича и, нарядив следствие над обвиняемым чиновником, предать его уголовному суду, и Синод немедленно исполнил желание Хованского, постановив послать указ белорусскому преосвященному об устранении Маркевича от должности секретаря консистории, об учреждении следственной комиссии и представления результатов ее работ, вместе с собственным мнением комиссии на усмотрение св. Синода⁵⁵¹.

Мы уже заметили, что иногда незаконные действия и небеспристрастные отношения кого-либо из представителей местного епархиального начальства к подчиненному ему низшему духовенству делались известными обер-прокурору, благодаря частым жалобам пострадавших лиц, искавших защиты у официального блюстителя законности в церковном управлении или даже осмеливавшихся подавать свои прошения самому государю. В подобных случаях Хованский, при котором священно-церковно-служители, хотя и были лишены возможности, без позволения своих преосвященных, являться в Петербург для подачи жалоб на епархиальное начальство, но сохраняли еще за собой право искать защиты от притеснений и несправедливостей местных властей посредством установленных прошений, отправляемых по почте⁵⁵², принимал самое живое участие в возбуждавшихся делах и предлагал св. Синоду немедленно позаботиться о законном, беспристрастном расследовании поступавших жалоб.

18 марта 1798 года Хованский предложил св. Синоду рассмотреть жалобу, поданную ему, обер-прокурору, пономарем архангельской епархии, каргопольского уезда, никольского прихода, Алексеем Федоровым, обвинявшим местное начальство в присуждении незаслуженного наказания совершенно невинному человеку; утверждая в своей жалобе, что он несправедливо присужден бывшей олонейской палатой уголовного суда к 3-х рублевому штрафу и наказанию батогами при погосте за «противные продерзости», будто бы сделанные им в церкви, при совершении приходским священником Михаилом Федоровым противозаконного брака, пономарь

Федоров просил обер-прокурора защитить невинного служителя церкви и оказать ему свое покровительство. Предлагая Синоду дать законный ход поступившему прошению, Хованский словесно заявил, что Федоров, явившийся в Петербург безо всякого письменного вида, временно задержан им при синодальной канцелярии. Св. Синод, исполняя обер-прокурорское предложение, определил, отослав просителя, как не имевшего никакого письменного вида, в петербургскую полицию для препровождения к епархиальному архиерею, архангельскому епископу Вениамину, потребовать от последнего немедленного сообщения обо всем том, что заключало в себе прошение Федорова⁵⁵³.

26 апреля 1798 года обер-прокурор предложил вниманию св. Синода, полученное через Трощинского от государя, вторичное прошение пономаря пермской губернии, Белослущкой слободы, Шишевича, вместе с копией письма тобольского игумена Маргарита к священнику Евдокиму Удинцову; в своем прошении Шишевич жаловался на тобольскую духовную консисторию, утверждая, что, несмотря на указ св. Синода по поводу его первой жалобы, принесенной государю на одного из консисторских членов, игумена Маргарита, и секретаря Пырьева, позволявших себе брать взятки и притеснять просителя, местная епархиальная консистория оставила без должного внимания все его доводы и показания. Хованский, внимательно следивший за состоянием епархиального управления и знавший, что на обвиняемых лиц уже неоднократно от многих просителей подавались государю разнообразные жалобы, предложил св. Синоду лишить игумена Маргарита и секретаря Пырьева всякой возможности оказывать препятствия правильному, беспристрастному расследованию начавшегося дела, так как из прошения пострадавшего пономаря было видно, что, хотя он и предъявлял консистории доказательства справедливости своих показаний, но игумен и секретарь не только не оказались обвиненными, а даже не оставили безнаказанным самого Шишевича. Во избежание повторения таких нежелательных явлений на будущее время, обер-прокурор и предложил удалить Маргарита и Пырьева от

занимаемых ими должностей до окончательного решения возбужденного дела и, определив на их места других лиц, совершенно свободных от всяких подозрений, возложить на местного преосвященного обязательство, вместе с консисторией, лично войти в исследование всех обстоятельств, затронутых в жалобе пономаря.

Св. Синод исполнил обер-прокурорское предложение и постановил сделать строгий выговор как тобольской консистории, за ее крайнюю неосмотрительность в отправлении своих служебных обязанностей, так и самому епархиальному архиерею за то, что он не принял личного, непосредственного участия в расследовании дела о взятках, начатого по высочайшему повелению, и не потребовал от игумена Маргарита никакого ответа о письме к священнику Удинцову, обличавшем Маргарита во взяточничестве; местному же преосвященному, по желанию Хованского, было предписано, чтобы он, по получении указа, немедленно прибыл в консисторию и, призвав Шишевича, отобрал у него подлинное письмо Маргарита, а затем, лично допросив игумена, его ли рукой написано письмо, сличил бы последнее с почерком обвиняемого. Вместе с тем, Синод определил, на время производства следствия, отрешить от должности всех лиц, замешанных в деле, назначить для исполнения секретарских обязанностей кого-либо из надежных приказных тобольской консистории, по рекомендации епархиального преосвященного обер-прокурору Хованскому, произвести законное и быстрое расследование дела и о результатах донести св. Синоду⁵⁵⁴.

28 апреля 1798 года Хованский предложил на рассмотрение высшего церковного учреждения, полученное им от государя, вторичное прошение священника тобольской епархии, Пышлинской слободы, Иконникова, жаловавшегося на различные злоупотребления известных уже нам игумена Маргарита и секретаря Пырьева и испрашивавшего высочайшего повеления о расследовании его дела светской командой. Синод, хотя и заявил на обер-прокурорское предложение, что первое прошение Иконникова не было удовлетворено потому, что он сам отказался от своего

первоначального намерения, но постановил предписать тобольскому епископу Варлааму, отрешив Маргарита и секретаря от должностей, произвести уголовным порядком следствие по возбужденному делу и представить на окончательное заключение св. Синода результаты произведенного следствия⁵⁵⁵.

Строгий надзор прокуратуры за всей сложной системой церковной администрации, соединявшийся с настойчивыми требованиями от ее представителей точного исполнения действовавших государственных и церковных законов, хотя во многих случаях оказывался бесполезным и для самого св. Синода, обращая его внимание на различные нежелательные явления церковной жизни, но в то же время не мог не вызывать и сильного недовольства в среде синодальных членов. Подобное недовольство деятельностью настойчивого обер-прокурора было тем более естественно, что Хованский и по отношению к самим синодальным членам начал «настаивать на строгом соблюдении всех правил Духовного Регламента»⁵⁵⁶.

Неприятные отношения к Хованскому еще более обострились вследствие того, что обер-прокурор, по словам «Записок» Яковлева⁵⁵⁷, начал усиленно настаивать на законном порядке в расходовании денежных сумм, остатки которых неофициально распределялись между наиболее влиятельными синодальными членами, уделявшими части их и некоторым епархиальным архиереям. Не имея возможности открыто действовать против неудобного обер-прокурора, часть синодальных членов, во главе с архиепископом Амвросием, решила неофициальным путем восстановить против него самого государя. С этой целью была составлена записка, заключающая в себе жалобу на князя Хованского, что он «стесняет духовное управление» и даже может принести большой вред самому православию. Через посредство различных приближенных к императору лиц, записка была доставлена Павлу Петровичу и произвела на него ожидаемое впечатление⁵⁵⁸. Обер-прокурор, не имевший непосредственных сношений с государем, а обыкновенно доставлявший доклады св. Синода на рассмотрение верховной власти⁵⁵⁹ и получавший

высочайшие распоряжения по синодальному ведомству через различных влиятельных лиц⁵⁶⁰: Куракина⁵⁶¹, Нелединского-Мелецкого⁵⁶², Трощинского⁵⁶³, Неплюева⁵⁶⁴, не мог ослабить и уничтожить неблагоприятное впечатление, произведенное на Павла запиской синодальных членов, и должен был перенести печальные последствия гнева государя, уволившего Хованского от обер-прокурорской службы и приказавшего ему отправиться на жительство в свое симбирское имение.

5 июня 1799 года архиепископ Амвросий получил от генерал-прокурора Лопухина отношение, где было написано: «сейчас подписан Его Императорским Величеством указ, что обер-прокурор Хованский от службы отставлен»; извещая Амвросия об увольнении обер-прокурора, Лопухин просил его, по случаю отсутствия заседаний в правительствующем Сенате, объявить Хованскому о состоявшемся высочайшем распоряжении⁵⁶⁵.

Гр. Д. И. Хвостов

По удалении Хованского от должности синодального обер-прокурора архиепископ Амвросий, пользовавшийся особенным расположением императора Павла, получил от государя в высшей степени важное повеление – избрать, вместе с другими членами св. Синода, достойного кандидата для замещения освободившейся вакансии обер-прокурора и представить его на высочайшее утверждение. «5 июня», писал архиепископ Амвросий в своем предложении св. Синоду⁵⁶⁶, «государь император указать мне соизволил, чтобы вместе со св. Синодом избрать на место обер-прокурора, по мнению моему и общему, человека способного и достойного заступить и исполнять данную должность и представить избранного Его Величеству на утверждение».

Синод, хотя и воспользовался предоставленным ему правом, но нашел нужным, вместо одного лица, представить на высочайшее утверждение троих желательных кандидатов⁵⁶⁷, из которых первый, Димитрий Иванович Хвостов, императорским указом от 10 июня 1799 года, и был утвержден в должности обер-прокурора св. Синода⁵⁶⁸. «По объявлении мне 13 июня 1799 года Высочайшей воли о бытии обер-прокурором», писал Хвостов по случаю своего нового назначения, «я того ж числа вступил в отправление должности»⁵⁶⁹.

Избрание нового обер-прокурора самим св. Синодом, вместе с не менее важным фактом увольнения Хованского под влиянием жалобы синодальных членов, не могло не отразиться неблагоприятным образом на фактическом положении прокуратуры в высшем церковном учреждении. Избранный св. Синодом, новый обер-прокурор, во всей вероятности под влиянием печальной судьбы своего предшественника, восстановившего против себя синодальных членов, держался в высшей степени миролюбиво по отношению к членам св. Синода и, по-видимому, чрезвычайно легко примирился с возраставшим влиянием архиепископа Амвросия, позволив ему, безо всякой борьбы, сосредоточить в своих руках

действительное, фактическое управление всеми наиболее важными делами духовного ведомства. Такой характер отношений Хвостова к членам св. Синода побудил даже его преемника Яковлева заметить в своих «Записках»⁵⁷⁰, что граф Хвостов, не отличавшийся храбростью перед заседавшими в Синоде «смирненными» архиереями, не занимался делами, как бы следовало, и был обер-прокурором только по имени, так как фактически предоставлял распоряжаться более существенными делами самим синодальным членам, а другими, менее важными, обер-секретарям.

Но мы уже имели случай отметить не вполне объективное и далеко небеспристрастное отношение автора датируемых Записок к описываемым им событиям и лицам. Как бывший синодальный обер-прокурор, высоко ставивший свою должность и признававший за прокуратурой широкие права и полномочия в области церковного управления, Яковлев смотрел на деятельность гр. Хвостова со своей исключительной точки зрения и находил ее не отвечающей выработанному им идеалу обер-прокурорской власти, что, без сомнения, не могло не отразиться неблагоприятным образом на его отзыве о таком скромном обер-прокуроре, каким был Д. И. Хвостов. И действительно, документы синодального архива, имеющие отношение к обер-прокурорской деятельности Хвостова, заключают в себе немало данных, не позволяющих вполне согласиться с резким отзывом Яковлева об его предшественнике, как только о номинальном обер-прокуроре; напротив, архивные документы дают право утверждать, что Хвостов довольно часто обращался к св. Синоду с разнообразными предложениями, обоснованными на высочайших повелениях⁵⁷¹, и следил за состоянием синодального делопроизводства. По крайней мере, Хвостов неоднократно обращался к синодальным обер-секретарям с предписаниями доставлять ему точные сведения о положении дел, поступавших на рассмотрение св. Синода. «Милостивые государи мои», писал обер-прокурор обер-секретарям синодальной канцелярии 3 июня 1802 года, «со вступления моего в св. Синод, какие были получены мной от разных особ

отношения, по которым я предлагал к исполнению св. Синоду, равно и какие во все то время последовали св. Синоду по настоящее число Высочайшие повеления, рекомендую Вам, приказав для собственного моего сведения списать со всех копии, доставить ко мне»⁵⁷². – 30 октября 1802 года Хвостов предписал обер-секретарям в самом непродолжительном времени доставить к нему полный список всех епархиальных архиереев с их викариями, а также архимандритов, игуменов, настоятелей и игумений различных монастырей, и точную ведомость, сколько в 1799, 1800 и 1801 годах оставалось нерешенных дел, сколько их поступило вновь и было рассмотрено Синодом, и какое количество нерешенных дел остается еще ко дню отправления требуемой ведомости⁵⁷³.

Встречаются также в документах синодального архива и памятники внимательного отношения Хвостова к интересам государственной казны, страдавшим от неправильных действий лиц, близко стоявших к денежным суммам, хранившимся в св. Синоде. 22 декабря 1799 года Хвостов писал обер-секретарю Пукалову, что из ордера, данного бывшим обер-прокурором Хованским синодальному казначею Грузинскому, он узнал об одном неисполненном обещании своего предшественника: в ордере от 31 декабря 1798 года, данном на имя казначея Грузинского, Хованский писал, что, хотя члены св. Синода, предложившие ему разменять на ассигнации имевшуюся в синодальной казне золотую монету, и предоставили в его пользу «следовавший на нее лаж», но так как он не считал себя в праве воспользоваться казенными деньгами, то и рекомендовал казначею, по принятии от него ассигнаций, вычесть из обер-прокурорского жалования курсовую разницу между золотыми червонцами и ассигнациями и присоединить удержанное жалование к синодальным суммам. Между тем, в действительности не было произведено никакого вычета из обер-прокурорского жалования, и Хвостов предписал обер-секретарю Пукалову взыскать с князя Хованского или его родственников ту сумму, какой лишилась синодальная казна от простой замены червонцев ассигнациями. 31 декабря 1799 года Хвостов сообщил о своем распоряжении св. Синоду, заявив, что

его предшественник взял из типографской суммы золотых червонцев на 254 рубля и вложил вместо них ассигнации без лажа, что, при современном лаже, по 55 копеек с рубля, лишило казну 139 рублей 70 копеек⁵⁷⁴.

Наблюдая за состоянием синодального делопроизводства и интересами государственного казначейства, Хвостов не оставлял без обер-прокурорского надзора и местного, епархиального управления. Когда император поручил архиепископу Амвросию сделать замечание владимирской консистории, несвоевременно донесшей о непозволительных словах, сказанных дьяконом Коровинским по адресу государя, обер-прокурор по секрету разослал всем секретарям духовных консисторий строжайшие предписания о внимательном отношении к исполнению своих служебных обязанностей; «я» писал Хвостов⁵⁷⁵, «назирая за благоустройством, исправным течением и производством дел,... под моим начальством находящихся, наистрожайше предписываю всем секретарям консисторий, в случае возникновения подобных дел, немедленно же приступать к исполнению указа, а между тем обо всем доносить, под опасением за малейшее опоздание отрешения от места и отдачи уголовному суду».

Следя за состоянием синодального делопроизводства и епархиальным управлением, Хвостов делал св. Синоду и разнообразные предложения, но, как позволяют думать архивные документальные данные, не оказывал влияния на синодальных членов и, предоставляя им действовать по собственному усмотрению, легко мирился с утратой и той доли фактического влияния на церковное управление, какое уже успела приобрести прокуратура в предшествовавшее время.

5 марта 1802 года обер-прокурор предложил на рассмотрение св. Синода отношение костромского губернатора об излишней переписке местной духовной консистории с губернским правлением по делу о найденном мертвом теле пономаря Степанова⁵⁷⁶. Губернатор обвинял местное епархиальное начальство в частых незаконных требованиях, предъявлявшихся к губернскому правлению и затруднявших его бесполезной перепиской. Все участие обер-прокурора в

обсуждении неправильных действий епархиального начальства выразилось только в том, что Хвостов предложил на рассмотрение св. Синода отношение костромского губернатора и, по желанию Синода, уведомил губернатора о состоявшемся постановлении⁵⁷⁷. – В таком же пассивном положении мы видим синодального обер-прокурора при производстве дела, начавшегося в высшем церковном учреждении по предложению Хвостова, получившего от статс-секретаря Муравьева письмо с объявлением именного императорского указа о рассмотрении прошения солдатки Сторчачки и казака Телембета, обвинявших своего приходского священника «в неносных обидах» и произвольном недопущении их, прихожан, к исповеди и причастию. И здесь обер-прокурор не оказывал никакого влияния на решение возбужденного дела и ограничился только тем, что объявил Синоду императорский указ и принял от него поручение доложить государю о состоявшемся синодальном постановлении, неблагоприятном для жалобщиков⁵⁷⁸.

Не оказывая почти никакого влияния на характер деятельности синодальных членов, Хвостов принужден был даже довольно часто делиться с наиболее влиятельным членом св. Синода, митрополитом Амвросием, самыми важными прерогативами обер-прокурорской власти, и мы видим, что по одним и тем же делам обращались со своими предложениями к высшему церковному учреждению и обер-прокурор Хвостов и митрополит Амвросий. Так, по делу, вызванному прошением, поданным государю священником города Динабурга Герасимом Дюбановичем, 22 марта 1801 года обращался к св. Синоду со своим предложением обер-прокурор⁵⁷⁹, получивший через Трощинского высочайшее повеление рассмотреть миссионерскую деятельность Дюбановича, а 28 июня того же года Синод слушал по данному делу такое же предложение митрополита Амвросия⁵⁸⁰. – 7 февраля 1802 года гр. Хвостов предложил на рассмотрение Синода полученное им, обер-прокурором, от статс-секретаря Муравьева, поданное на высочайшее имя, прошение лишенных священства Самарского и Стефановского⁵⁸¹, а через несколько времени с подобным же предложением обратился к Синоду и митрополит Амвросий,

объявивший волю государя о назначении священнического места одному из просителей, Стефановскому⁵⁸², которому ранее Синод нашел невозможным разрешить священнослужение⁵⁸³.

Разделяя с митрополитом Амвросием право прокуратуры выполнять важные обязанности посредника в сношениях верховной власти с высшим церковным учреждением и делать Синоду разнообразные предложения, Хвостов фактически нередко уступал первенствующему синодальному члену и другое важное право обер-прокурора – производить от своего имени переписку по делам духовного ведомства с главными учреждениями и лицами, заведовавшими отдельными частями управления. «Государственный казначей, граф А. И. Васильев», писал, например, обер-прокурор Хвостов в своем предложении св. Синоду от 30 октября 1801 года, «препроводил ко мне копию с присланного к нему от Амвросии, митрополита новгородского и петербургского, списка о духовных особах и чиновниках по синодальному ведомству, для получения медалей,.... с означением, кому какая медаль следует»⁵⁸⁴.

Неудивительно, что когда широкие преобразовательные планы нового Александровского правительства распространились и на духовное ведомство, такой мало энергичный представитель государственной власти в высшем церковном учреждении, каким был гр. Хвостов, избранный обер-прокурором самим св. Синодом и оказавшийся неспособным удержать за прокуратурой, выработанное предшествовавшей практикой, значение в церковном управлении, не мог удовлетворять запросам правительства и должен был уступить свое место более деятельному и энергичному обер-прокурору. 31 декабря 1802 года Сенату и был дан именной императорский указ об увольнении Хвостова от занимаемой им должности; «тайного советника, св. пр. Синода обер-прокурора гр. Хвостова», писал в своем указе император Александр, «Всемилоостивейше увольняем по его прошению от сей должности, с производением ему прежнего жалованья впредь до определения»⁵⁸⁵.

Часть Вторая

Глава I. Преобразования Александровского царствования. А. А. Яковлев

31 декабря 1802 года, одновременно с указом об увольнении гр. Хвостова, был дан на имя Сената и другой императорский указ о назначении нового синодального обер-прокурора; «счисляющемуся при государственной коллегии иностранных дел, действительному статскому советнику Александру Яковлеву», писалось в указе, «Всемиловитейше повелеваем быть обер-прокурором в св. пр. Синоде». 9 января 1803 года Синод выслушал сенатское ведение о состоявшемся императорском распоряжении и постановил разослать указы о вступлении в должность нового обер-прокурора, Александра Алексеевича Яковлева⁵⁸⁶.

Выбор государя оказался довольно удачным для интересов синодальной прокуратуры, так как Яковлев, при своих взглядах на права и обязанности обер-прокурорской власти и при своем энергичном, решительном и властолюбивом характере, не мог мириться с незавидным фактическим положением прокуратуры, созданным при его предшественнике громадным влиянием на церковное управление митрополита Амвросия. Без сомнения, такой обер-прокурор более отвечал видам и намерениям нового правительства, задававшегося самими широкими планами государственных преобразований, которые, при тесной связи церковной жизни с жизнью государственной, не могли не отразиться известным образом и на системе церковного управления. Как известно, преобразовательные планы императора Александра I были самые грандиозные; мечтая сделать Россию счастливой и свободной, он не только хотел произвести разнообразные частные преобразования, но и был намерен подвергнуть коренной реорганизации всю многосложную систему государственного управления. Не чуждый печального знакомства со злоупотреблениями русской администрации конца царствования Екатерины II, наблюдавший и даже испытывший на себе самом резкие проявления деспотизма, Александр, получив в свои руки неограниченную

власть над государством, стремился освободить его жизнь от тех ненормальных, нежелательных явлений, какие имели место в царствовавшие Екатерины II и Павла. Правда, в своем манифесте о вступлении на престол⁵⁸⁷ император Александр торжественно заявил, что вместе с прародительским трон он принимает на себя и «обязанность управлять народом по законам и по сердцу... государыни Екатерины Великой», но, конечно, в данном случае внук Екатерины имел в виду не практическую деятельность своей бабки, тем более не последние годы ее царствования, а лучшие идеальные стремления императрицы, наиболее ясно и отчетливо высказанные в ее знаменитом Наказе. Подобное предположение находит для себя подтверждение и в дальнейших словах того же манифеста, где Александр указывает конечную цель, какой он стремился достичь, намереваясь управлять народом по закону и по сердцу Екатерины; «да по ее премудрым намерениям шествуя, – писал он в своем манифесте, – достигнем вознести Россию на верш славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим».

Торжественному обещанию императора Александра возвратиться к принципам Екатерининского царствования и уничтожить следы Павловской реакции вполне отвечали и либеральные стремления передовой части русского общества, признававшей необходимым устраивать, улучшать и преобразовывать русскую государственную и общественную жизнь на основании начал, выработанных современной жизнью западно-европейских государств. Эта передовая часть русского общества, с вступлением на престол императора Александра, и получила возможность оказывать сильное влияние на молодого, либерально настроенного государя. Но в то время, как Екатерина и современное ей поколение русского образованного общества, знакомясь с идеями французской философии и, по видимому, искренно симпатизируя им, легко и спокойно примиряли возвышенные теоретические начала философии с далеко не возвышенной практикой русской государственной и общественной жизни, – новое молодое поколение передовой

части русского общества уже не ограничивалось одним только теоретическим усвоением возвышенных принципов, а начало, вместе с самим императором, разрабатывать обширные планы всевозможных преобразований. Пользуясь сохранившимися «извлечениями из заседаний неофициального комитета»⁵⁸⁸, мы можем составить себе вполне определенное представление, как новое молодое поколение, в лице императора Александра и интимного кружка его ближайших советников, стремилось устранить резкое различие между принципами французской философии и русской действительностью и перенести новые понятия из чисто теоретической сферы в практическую жизнь.

Занимаясь систематической разработкой проектировавшихся реформ «безобразного здания государственной администрации», как выражаются протоколы заседаний неофициального комитета⁵⁸⁹, комитет, между прочим, признал необходимым уничтожить старые Петровские коллегии и заменить их новым учреждением министерств. В своих рассуждениях об образовании министерств император Александр и члены неофициального комитета руководились не только новыми иностранными влияниями, но и старыми попытками образования министерств, имевшими место в России при Екатерине II и Павле. Граф Кочубей, выясняя причины, побуждавшие учредить министерства, заявил в комитете, что еще Екатерина II имела намерение преобразовать государственное управление, и что гр. Панин представил ей план, в который входило образование нескольких министерств. И действительно, сопоставляя проекты неофициального комитета и самое учреждение министерств 1802 года с докладом гр. Панина Екатерине II⁵⁹⁰, невозможно отрицать очень заметного сходства между идеями Панина и неофициального комитета. По смерти же Екатерины, при ее ближайшем преемнике Павле, идеи об учреждении министерств начинают постепенно осуществляться на практике, и в системе центрального управления появляется уже несколько министерств, в форме новых коллегий с их главными директорами, получившими право непосредственного доклада государю. Император Александр решился в самых широких

размерах применить к практической жизни принцип единоличного управления отдельными отраслями государственных дел, – принцип, теоретически развивавшийся в докладе Екатерининского деятеля и начавший уже практически осуществляться в царствование Павла. После продолжительного обсуждения возбужденного в неофициальном комитете вопроса о преобразовании центрального управления было решено приступить и к самым реформам, и 8 сентября 1802 года государь издал высочайший манифест об учреждении министерств.

Но, организованное по планам и проектам неофициального комитета, министерское управление 1802 года носило еще на себе, – как справедливо отмечено уже в историко-юридической литературе, – характер поспешной работы, торопливого желания доставить своим идеям торжество в принципе, хотя бы в самой несовершенной форме, чтобы впоследствии дать новому учреждению более совершенную организацию. С изданием манифеста об учреждении министерств 1802 года Петровские коллегии оставались в первобытном состоянии, и в производстве дел сохранялся тот же коллегиальный характер, какой существовал и до издания указа⁵⁹¹.

Поставленные во главе отдельных отраслей государственного управления министры не были органически введены в состав подчиненных им коллегий, и само коллегиальное устройство находившихся в их ведении учреждений оставалось неприкосновенным, так что в первое время не было осуществлено в практической жизни одно из главных и необходимых условий нормального министерского управления.

Такой характер нового министерского управления находился в зависимости от воззрений некоторых членов неофициального комитета и – главным образом – самого государя, полагавшего, что невозможно было бы разом уничтожить коллегии, – все эти старинные формы, крепко привившиеся к жизни и что достаточно подчинить их министрам и уже впоследствии, когда они на опыте окажутся бесполезными, заменить их другими учреждениями⁵⁹². Опыт

действительно показал крайние неудобства совмещения во вновь организованной системе центральной администрации двух различных начал и, в скором времени после учреждения министерств, коллегии были закрыты и заменены простыми канцеляриями, непосредственно подчиненными единоличной воле министров.

Учреждение министерств, внесшее существенные изменения в административное государственное устройство, не могло пройти совершенно бесследно и для системы церковного управления. И как организованные великим преобразователем России государственные коллегии, заменившие старые московские приказы, повели за собой, с течением времени, реформу церковного управления и вызвали учреждение Духовного Коллегиума или св. Синода, так и министерский принцип, нашедший себе широкое применение во всей сложной системе государственного управления, был признан правительством императора Александра пригодным и для специальной. церковной отрасли управления, находившейся в ведении св. Синода. Лишенный религиозного образования в духе господствующей православной церкви, Александр, по-видимому, не видел никаких неудобств в применении министерского принципа и к синодальному управлению русской церковью и только признавал необходимым соблюдение известной постепенности в преобразовании старинных форм управления, успевших прочно привиться к практической жизни.

Яковлев, назначенный обер-прокурором св. Синода в скором времени после учреждения министерств, очевидно уже подчинился значительному влиянию новых идей Александровского правительства и обнаружил несомненное стремление присвоить себе министерские полномочия в «синодальном департаменте», как иногда называл сам государь высшее церковное учреждение.

Официальные документы синодального архива и неофициальные «Записки» самого Яковлева⁵⁹³, – записки, нужно заметить, уже эксплуатировавшиеся в исторической литературе⁵⁹⁴, дают нам возможность составить вполне ясное представление об обер-прокурорской деятельности преемника

Хвостова и его отношениях к наиболее влиятельным синодальным членам, сумевшим сосредоточить в своих руках действительное управление важнейшими делами духовного ведомства.

Как представитель государственных интересов в церковном управлении, обязанный главным образом следить за хозяйственными, экономическими делами в духовном ведомстве, Яковлев прежде всего обратил внимание на состояние синодального хозяйства и без труда убедился, что при его предшественнике члены св. Синода распоряжались разнообразными суммами, ассигновавшимися на духовное ведомство, без строгого фактического контроля обер-прокурорской власти. Отсутствие обер-прокурорского надзора повело за собой появление значительных беспорядков во многих отраслях синодального хозяйства; такие беспорядки, иногда даже принимавшие характер злоупотреблений, чувствительно отзывавшихся на интересах государственной казны, Яковлев заметил в московской синодальной типографии, находившейся в то время в заведовании племянника митрополита Амвросия. Особенно крупные злоупотребления имели место в московской типографии, при торгах на поставку бумаги и других материалов для типографских работ, так как подобные торги производились обыкновенно в самой Москве, вдали от обер-прокурорского надзора, то Яковлев нашел необходимым изменить установившийся порядок и с этой целью, через Новосильцева, представил государю всеподданнейший доклад о необходимости перенести торги в Петербург и поставить их под непосредственный, личный контроль обер-прокурора. В то же время Яковлев настаивал в своем всеподданнейшем докладе и на том, чтобы обер-прокурору было позволено и на будущее время во всех аналогичных случаях, где представится какая-либо возможность оказать известную пользу интересам казны, «поступать по своему лучшему усмотрению».

Император Александр вполне одобрил желание обер-прокурора, и 5 марта 1803 года св. Синод, к крайнему удивлению и неудовольствию наиболее влиятельных его

членов, должен был выслушать соответствующее предложение Яковлева. – Государь император, писал обер-прокурор в своем предложении св. Синоду, утвердив мое мнение, благоволил указать, чтобы с поставщиками для московской синодальной типографии бумаги, кожи и прочих материалов заключать контракты здесь, в св. Синоде, под особым моим присмотром, для большего соблюдения казенных выгод, а затем Его Императорское Величество, удостоив всемилостивейшего благоволения мои представления, повелел, чтобы я, как в данном случае, « так и впредь в подобных делах поступал по лучшему моему усмотрению на пользу службы и для лучшего исполнения возложенной на меня должности»⁵⁹⁵.

Едва ли нужно доказывать, какое важное значение должны были иметь для прокуратуры и св. Синода присвоенное Яковлевым министерское право совершенно самостоятельно делать государю всеподданнейшие доклады о различных нуждах духовного ведомства и полученная им привилегия «и впредь поступать по своему личному усмотрению» в распоряжении хозяйственными, экономическими делами, находившимися в ведении высшего церковного учреждения. Члены св. Синода не без основания увидели в действиях обер-прокурора Яковлева явное стремление к расширению своих прав в ущерб законным правам самого церковного учреждения и решили принять нужные меры для ограждения себя от нежелательных последствий чрезмерного развития обер-прокурорской власти.

По словам «Записок» самого Яковлева, митрополит Амвросий, при первом же частном свидании с обер-прокурором, начал уговаривать его действовать всегда согласно с синодальными членами и, без предварительного совместного обсуждения известных вопросов, не обращаться к государю ни с какими докладами. Рассчитывая подействовать на Яковлева в желательном направлении, Амвросий, от имени св. Синода, обещал исходатайствовать ему чин тайного советника, ленту и столовые деньги, не полученные еще обер-прокурором за прежнюю службу, заметив, что его предшественники, жившие в согласии с синодальными членами, благодаря именно им и

получали все свои награды. Когда убеждения Амвросия не оказали ожидаемого действия на обер-прокурора, и Яковлев решительно заявил, что получение наград по ходатайству св. Синода создаст для него нежелательное, ложное положение, так как обяжет его благодарностью по отношению к синодальным членам и невольно будет побуждать уступать им во всем в ущерб государственным интересам, митрополит Амвросий поставил ему на вид, что у каждого из них, членов Синода, имеются близ государя приятели и покровители, а у него, обер-прокурора, существует только один Новосильцев. «Нас много, а Вы один, заметил он, по свидетельству Яковлева⁵⁹⁶, «мы сильнее и опаснее для Вас, нежели Вы для нас».

Обер-прокурор, особой запиской довел до сведения императора о своем разговоре с митрополитом Амвросием, но Амвросий, вместе с другим членом Синода, ярославским архиепископом Павлом, попытался еще раз уговорить Яковлева поддерживать с ними, наиболее влиятельными синодальными членами, мирные, дружелюбные отношения и, без их согласия, не писать государю никаких докладов, угрожая ему, в противном случае, печальной судьбой обер-прокуроров Чебышева и Хованского. Решительный отказ Яковлева от предложения митрополита Амвросия и архиепископа Павла еще более восстановил их против неудобного обер-прокурора, и хотя Яковлев в новой записке, представленной через Новосильцева, успел сообщить императору Александру обо всем происшедшем, но, очевидно под влиянием жалоб заинтересованных лиц, получил от государя внушение соблюдать большую осторожность в своих отношениях к синодальным членам⁵⁹⁷.

Между тем, произведенные под непосредственным наблюдением Яковлева, торги на поставку в московскую синодальную типографию бумаги и других материалов дали казне громадную экономию в несколько десятков тысяч рублей, и обер-прокурор, очень высоко ценивший достигнутые результаты удачных торгов, обратился к государю со всеподданнейшим представлением о награждении чиновников,

оказавших услуги успешному окончанию дела. Представление Яковлева было утверждено, и обер-прокурор предложил св. Синоду для надлежащего исполнения высочайшее повеление: 1) рекомендованного обер-прокурором синодального секретаря Журихина представить к награждению орденом св. Владимира, 2) служащих в обер-прокурорской канцелярии титулярного советника Алексеева и канцеляриста Плохова произвести в следующие чины и 3) выдать из типографской суммы 5000 рублей для награждения канцелярских чиновников, по личному усмотрению самого обер-прокурора⁵⁹⁸.

Знакомясь с расходованием различных денежных сумм, ассигновавшихся на разнообразные потребности духовного ведомства, Яковлев, между прочим, заметил, что Синод довольно свободно распоряжался добавочными суммами, выдававшимися на прибавку канцелярских служителей в духовных консисториях, не стесняясь их вполне определенным назначением. Очень вероятно, что св. Синод считал необходимым удовлетворять ими какие-либо другие неотложные нужды епархиального управления, но обер-прокурор нашел более полезным употреблять остатки добавочных сумм на потребности духовного ведомства по своему личному усмотрению и, получив высочайшее соизволение на представленный через Новосильцева доклад, 3 марта 1803 года сообщил св. Синоду, что государь, по его представлению, указал «оставшуюся в экономии из прибавочных на консисторских канцелярских служителей сумму, всего 2909 р. 27¼ коп., употребить ему, обер-прокурору, для исправления некоторых по синодскому департаменту изъясненных Его Императорскому Величеству надобностей»⁵⁹⁹.

Явное стремление прокуратуры лишить Синод всякой возможности распоряжаться по своему усмотрению денежными средствами, отпускавшимися на нужды церковного управления, не могло быть удовлетворено незначительными практическими результатами, достигнутыми Яковлевым. На различные потребности духовного ведомства ежегодно отпускались 1,400,000 рублей, но каждый год от этой суммы получались значительные остатки, доходившие иногда до 100,000 рублей.

Так как Синод никогда не возвращал в казну подобных остатков, а распоряжался ими по своему усмотрению, распределяя их на различные непредвиденные и случайные расходы по синодальному ведомству, то обер-прокурор обратился к государю с особым докладом о необходимости обязать Синод возвращать в казну ежегодные остатки от штатной суммы, выдаваемой на содержание «духовного департамента». Но Синод, имевший при особе государя сильных покровителей в лице различных высокопоставленных друзей своих членов, принял известные меры, чтобы избавить себя от неприятных и крайне нежелательных последствий обер-прокурорского доклада, и всеподданнейший доклад Яковлева, по всей вероятности под влиянием Трощинского, поддерживавшего митрополита Амвросия, остался без высочайшего утверждения⁶⁰⁰. В данном случае нельзя не заметить, что обер-прокурор, стремившийся присвоить себе министерское право делать вполне самостоятельно и независимо от св. Синода всеподданнейшие доклады о нуждах духовного ведомства, совершенно забывал о главной и существенной обязанности каждого министра – заботиться об удовлетворении действительных потребностей своего ведомства и всецело приносил их в жертву, довольно односторонне понимаемых им, интересов государственной казны. Члены же св. Синода признавали и за остатками, получавшимися от денежных средств, отпускаемых на духовное ведомство, то же самое назначение, какое имели штатные суммы, ежегодно ассигнуемые на нужды церковного управления, почему и считали себя вправе употреблять их на удовлетворение различных потребностей своего ведомства.

Знакомство с разнообразными отраслями синодального хозяйства позволило Яковлеву узнать, что при его предшественнике, гр. Хвостове, неофициально было распродано из синодальной лавки на 20,000 рублей различных казенных книг. Чтобы покрыть крупную растрату, обер-секретарь Пукалов, сильно замешанный в данном деле, придумал очень остроумный способ; не существовавшие книги были официально проданы коллежскому советнику Сорокину,

который, хотя и внес за них 20.000 рублей, но в скором же времени заявил, что купленные книги не имеют никакой ценности, так как одни из них лишены многих листов, а другие даже совершенно сгнили. Донесение Сорокина было принято Синодом без всякой проверки его справедливости, и, в силу состоявшегося синодального постановления, вся сумма стоимости фиктивных книг была вновь возвращена Сорокину. Яковлев не мог оставить без формального расследования обнаруженного им факта замаскированного подлога и растраты казенных денег, полученных от распродажи книг, и, доведя обо всем до сведения государя, вызвал высочайшее повеление о строгом исследовании запутанного «Сорокинского» дела⁶⁰¹.

Постоянное, настойчивое стремление Яковлева сделать фактическим строгий контроль прокуратуры над хозяйственной деятельностью св. Синода и лишить синодальных членов всякой возможности распоряжаться по своему усмотрению денежными средствами духовного ведомства, не могло не восстановить против него митрополита Амвросия и других влиятельных членов высшего церковного учреждения, так как при предшественнике Яковлева, обязанном Синоду своим назначением на пост синодального обер-прокурора, они уже в значительной степени отвыкли от стеснительного фактического контроля прокуратуры.

Обостренные отношения, возникшие между обер-прокурором и отдельными членами св. Синода, наиболее заинтересованными в сохранении установившихся порядков синодального хозяйства, постепенно усиливались и развивались под влиянием настойчивого стремления Яковлева не только вернуть прокуратуре, выработанное предшествовавшей жизнью и временно утраченное при Хвостове, значение в церковном управлении, но и придать ей новый характер, уже в сильной степени нарушавший права и полномочия самого св. Синода.

Мы видели, что митрополит Амвросий, пользуясь особенным расположением императора Павла и слабостью обер-прокурора Хвостова, успел сильно возвысить значение первенствующего синодального члена в высшем церковном

управлении и нередко вел переписку по делам св. Синода с главными государственными учреждениями, а со времени появления министерств – с министрами. Яковлев, поставивший себе целью устранить все препятствия, мешавшие действительному влиянию прокуратуры на положение дел в духовном ведомстве, прекрасно понимал, что официальная переписка митрополита с министрами далеко небезразлична для интересов обер-прокурорской власти, почему и представил государю особый доклад о необходимости установить обязательный порядок сношений Синода с министрами исключительно только через одного обер-прокурора. Император Александр сочувственно отнесся к представлению Яковлева, видимо, стремившегося приравнять свое положение в церковном ведомстве к положению министров, поставленных в главе других ведомств, и в скором времени всем министрам было объявлено высочайшее распоряжение, обязывавшее их вести деловую переписку не с первенствующим синодальным членом, а с обер-прокурором. Но и после состоявшегося распоряжения, митрополит Амвросий, по словам «Записок» Яковлева, не хотел добровольно примириться с ограничением своих прав и нередко еще находил возможным пользоваться привилегией посредника в сношениях министров со св. Синодом⁶⁰².

Чтобы лишить Амвросия самой возможности нарушать, установленный в интересах прокуратуры, порядок сношений Синода с учреждениями и лицами, стоявшими во главе управления отдельными ведомствами, Яковлев даже предписал обер-секретарям синодальной канцелярии не исполнять требований митрополита о производстве канцелярских справок и не сообщать ему никаких официальных сведений о положении тех или других дел. И когда однажды первенствующий синодальный член получил от статс-секретаря Муравьева поданную государю жалобу на вологодского архиерея и, обязанный, по высочайшему повелению, сообщить надлежащие сведения о положении данного дела в св. Синоде, обратился в канцелярию за необходимыми справками, обер-секретарь не осмелился нарушить предписания Яковлева и доложил ему

рапортом о требовании Амвросия⁶⁰³. Яковлев же приказал дать требуемую справку не митрополиту, а ему, обер-прокурору⁶⁰⁴, и уже от себя отослал ее Муравьеву, заметив последнему, в объяснение своего распоряжения, что за каждую справку отвечает не митрополит, а обер-прокурор⁶⁰⁵.

Хотя к концу XVIII века усилиями наиболее деятельных и энергичных обер-прокуроров делопроизводство синодальной канцелярии и было уже в значительной степени подчинено фактическому контролю представителя прокуратуры в церковном управлении, но при гр. Хвостове нередко случалось, что различные бумаги, присылавшиеся по почте в св. Синод, распечатывались обер-секретарями и докладывались митрополиту Амвросию, а некоторые жалобы на епархиальных архиереев, под влиянием частных писем обвинявшихся лиц к синодальным членам, оставались долгое время без надлежащего рассмотрения или даже совершенно уничтожались. Яковлев решительно восстал против подобных порядков и подал государю доклад, вызвавший высочайшее повеление, чтобы ни одна бумага, поступавшая в св. Синод, не оставалась неизвестной обер-прокурору⁶⁰⁶.

Но, отняв у синодальных членов и, в частности, у митрополита Амвросия возможность распоряжаться по своему усмотрению разнообразными бумагами и жалобами, поступавшими в св. Синод, Яковлев далеко еще не обеспечил прокуратуре сильного фактического влияния на самый характер производства и решения дел, возникавших в Синоде по доносам и жалобам пострадавших лиц. Интересно, что и при Яковлеве жалобы на епархиальных архиереев подавались не только на имя обер-прокурора, но также и на имя митрополита Амвросия, обвинявшиеся же лица иногда даже обращались со своими разъяснениями и сообщениями к одному Амвросию.

2 июня 1803 года надворный советник Иван Варваций подал первенствующему синодальному члену жалобу на астраханского архиепископа Платона, обвинив его в своем доносе в различных незаконных поступках, вызванных корыстолюбием и самолюбием архиепископа⁶⁰⁷. В то же время Варваций написал о действиях Платона и обер-прокурору

Яковлеву⁶⁰⁸. В непродолжительном времени обер-прокурор получил еще новую жалобу на того же астраханского архиепископа от коллежского асессора Сергея Уварова-Юдина; последний обвинял Платона «в безбожной критике на Св. Писание», в непристойном богослужении, во время которого он нередко позволял себе кричать, сердиться и даже бить руками своих служителей, в пристрастии к горячим напиткам, в частых нескромных пирах, устраивавшихся в архиерейских покоях и продолжавшихся до рассвета, в корыстолюбии, выражавшемся в откупках вод и заключении контрактов, доставлявших ему до 25,000 рублей ежегодного дохода, в жестоком обращении с духовенством. По словам жалобы Уварова-Юдина, архиепископ Платон за малейшую провинность публично наказывал за волосы духовных лиц, ссылал их, без всякого расследования, в различные монастыри и, в пьяном виде, издевался над ними, то и дело перемещал священников и дьяконов из одного прихода в другой, продавал церкви с их имуществом и приказал поставить свой портрет в соборе, в приделе, сделанном им во имя своего ангела⁶⁰⁹.

Кроме Варвация и Уварова-Юдина прислал обер-прокурору жалобу на архиепископа Платона и один из астраханских священников, Василий Иванов; жалуясь на Платона и посылая Яковлеву прошение в св. Синод, священник Иванов писал, что он не имеет возможности лично от себя доставит прошение по назначению, так как чиновники астраханского почтамта, хорошо знакомые преосвященному, вероятно, сообщают ему о всякой бумаге, посылаемой в Синод, и, без сомнения, могут удерживать и уничтожать пересылаемые по почте жалобы. Если бы со стороны архиепископа не было принято подобных мер предосторожности, писал Иванов, то Синод давно бы узнал о похищении громадных сумм, получаемых от рыбных промыслов, и о других беспорядках в астраханском епархиальном управлении, но теперь никто из духовенства не смеет жаловаться на своего архиепископа, так как он на всех наводит страх, открыто похваляясь, что имеет в Синоде сильных покровителей и потому может делать все, что угодно⁶¹⁰.

Обер-прокурор Яковлев предложил полученные письма и прошения на рассмотрение св. Синода⁶¹¹, но, когда Синод постановил произвести расследование дела на месте, а в Астрахани началось судебное следствие, Варваций и священник Иванов официально написали архиепископу Платону, что никаких жалоб и доносов они никому не посылали и совершенно не знают, кто написал их⁶¹²; подобные же показания, подтвержденные установленной присягой, были даны ими и в астраханском губернском правлении. Астраханский преосвященный воспользовался новыми показаниями своих обвинителей и сообщил их первенствующему синодальному члену, митрополиту Амвросию⁶¹³.

Настойчивое, хотя иногда и безрезультатное, стремление Яковлева усилить фактическое влияние прокуратуры на ход дел в духовном ведомстве побуждало его озаботиться и организацией более действительного и совершенного государственного надзора за состоянием епархиального церковного управления. Убедившись, что секретари духовных консисторий, обязанные следить за законностью распоряжений епархиального начальства, не могут успешно выполнять своего назначения, так как находятся в сильной зависимости от местных архиереев, Яковлев решился осуществить на практике старый проект об учреждении специальных органов прокуратуры для наблюдения за епархиальным управлением и с этой целью представил государю доклад о необходимости назначения в духовные консистории, кроме секретарей, особых прокуроров, непосредственно подчиненных синодальному обер-прокурору и совершенно свободных от всякого влияния со стороны духовенства. Доклад был одобрен и утвержден императором Александром, но митрополит Амвросий, через посредство Трощинского, успел убедить государя, что осуществление обер-прокурорского проекта, поставив архиереев в явную зависимость от светских чиновников, вредно отзовется на интересах церкви, так как неизбежно подорвет авторитет и унизит достоинство высшей иерархии⁶¹⁴.

Потерпев неудачу со своим проектом учреждения епархиальных прокуроров, Яковлев нашел необходимым

ослабить или даже совершенно уничтожить зависимость секретарей духовных консисторий от местных архиереев и тем самым превратить их в удобное орудие обер-прокурорского влияния на епархиальное управление. Нужно заметить, что, по случаю издания одного императорского указа⁶¹⁵, предоставившего губернским правлениям право определять себе секретарей, синодальные члены и епархиальные архиереи рассчитывали на возможность применения подобного распоряжения и к назначению консисторских секретарей самими архиереями⁶¹⁶. «Мы было по указу надеялись, что нас не поставят хуже губернаторов»⁶¹⁷, писал Амвросию московский митрополит Платон по поводу предоставления губернским правлениям права избрать собственных секретарей.

Понятно, что обер-прокурор, желавший иметь в лице секретарей духовных консисторий зависевших от него органов правительственного надзора за епархиальной жизнью, менее всего мог согласиться с подобным толкованием императорского распоряжения. Представив государю доклад о неудобствах применения к церковному управлению указа, данного губернским учреждениям, Яковлев получил благоприятное для себя разъяснение недоразумения и объявил св. Синоду от имени верховной власти, что позволение присутственным местам определять собственных секретарей не распространяется на духовные консистории. «Относительно указа от 4 февраля 1803 года, узаконившего самостоятельное определение секретарей всеми присутственными местами», писал обер-прокурор в своем предложении св. Синоду, «я имел счастье докладывать государю, могут ли по этому указу епархиальные архиереи сами себе определять секретарей, причем подносил на Высочайшее рассмотрение именные указы предшествовавших годов, служащие основанием к определению в штатные места по духовной команде. И Его Величество повелел мне объявить св. Синоду, что упомянутый указ на епархиальные консистории не распространяется и определение секретарей в консистории остается на прежнем основании»⁶¹⁸.

«Приметно очень», писал Амвросию по случаю предложения Яковлева московский митрополит Платон⁶¹⁹, «что желается (обер-прокурору), подчинив во всем секретарей, подчинить себе чрез них и консистории и правление все».

Восставая против учреждения нежелательного для прокуратуры порядка назначения секретарей в духовные консистории, Яковлев обнаружил даже стремление оказывать известное влияние и на порядок избрания самих епархиальных архиереев. Признавая незаконным и вредным для интересов церкви практиковавшийся Синодом способ избрания кандидатов на освобождавшиеся архиерейские кафедры, обер-прокурор в своем докладе, представленном государю 14 июня 1803 года⁶²⁰, проектировал установить определенный и неизменный порядок производства в епископы самых старших и наиболее достойных духовных лиц, утверждая, что синодальные члены не придают должного значения старшинству кандидатов на архиерейские кафедры и нередко, под предлогом особенного уважения к известным будто бы им способностям и достоинствам некоторых духовных лиц, позволяют себе значительный произвол в выборе кандидатов на епископские вакансии. Но император Александр нашел уже неудобным согласиться с представлением обер-прокурора, и доклад Яковлева остался без утверждения⁶²¹.

Постоянные столкновения прокуратуры с синодальными членами, создававшие самые ненормальные отношения между Яковлевым и св. Синодом, обуславливаясь властолюбивыми стремлениями обер-прокурора, в то же время находились и в известной зависимости от резкого различия во взглядах Яковлева и синодальных членов по очень многим и наиболее существенным вопросам церковного управления. Подобное различие во взглядах прокуратуры и св. Синода на нужды и потребности церковной жизни проявилось в довольно резкой форме даже тогда, когда Яковлевым был возбужден вопрос об издании в русском переводе всего св. Писания и напечатании Духовного Регламента русским, гражданским шрифтом. Узнав, что Духовный Регламент сделался библиографической редкостью, Яковлев предложил св. Синоду озаботиться новым

изданием Регламента и притом напечатать его не церковно-славянским, а русским, гражданским шрифтом⁶²². Но, несмотря на то, что Регламент уже несколько раз издавался в прежнее время по распоряжению самого св. Синода, однажды даже разрешившего напечатать его и на русском языке⁶²³, предложение обер-прокурора было отвергнуто синодальными членами, и Яковлев обратился к другому средству для осуществления своего намерения. Таким средством, чрезвычайно часто практиковавшимся обер-прокурором, являлись всеподданнейшие доклады государю, нередко доставлявшие возможность Яковлеву делать высшему церковному учреждению различные предложения, обоснованные на высочайшей воле и не оставлявшие места никаким рассуждениям синодальных членов. И в данном случае, встретив со стороны св. Синода полнейшее несочувствие своему предложению, обер-прокурор, через Новосильцева, представил государю доклад о необходимости нового издания Регламента и получил высочайшее одобрение своему желанию, что еще более восстановило против него синодальных членов⁶²⁴.

Мысль о новом издании Духовного Регламента, по словам «Записок» Яковлева⁶²⁵, вызвала в нем другую, еще более важную мысль – напечатать в русском переводе все Св. Писание. Император Александр ничего не имел против перевода Библии на русский язык и, по поводу обер-прокурорского доклада, заметил, что, если Синод найдет возможным сочувственно отнестись к намерению Яковлева, то в он не окажет препятствия задуманному делу. Но когда обер-прокурор вошел в сношения с митрополитом Амвросием по вопросу о переводе Библии на русский язык, то встретил со стороны первенствующего синодального члена решительное несочувствие своим взглядам и принужден был отказаться от приведения в исполнение своего намерения.

Противодействие синодальных членов намерениям прокуратуры и постоянно практиковавшийся Яковлевым способ влияния на церковное управление посредством личных докладов государю, создавшие самые ненормальные

отношения между обер-прокурором и наиболее влиятельными членами Синода, сделали, наконец, совершенно невозможной дальнейшую совместную работу по управлению духовным ведомством обер-прокурора Яковлева и наличного персонала высшего церковного учреждения. Многочисленные недоброжелатели Яковлева, по свидетельству его «Записок», не доверяя которым, в данном случае, мы не имеем никаких серьезных оснований, не ограничились одними обвинениями энергичного обер-прокурора в незаконных властолюбивых стремлениях и различных действиях, оскорбительных для членов Синода, но даже начали распространять слухи о намерениях обер-прокурора, крайне опасных для православной церкви. Утверждали, что Яковлев желает упразднить монастыри и уничтожить монашество. Митрополит Амвросий в особом письме обратил внимание государя на подобные слухи, довольно широко распространявшиеся среди простого народа, но император Александр не придавал большого значения письму митрополита, так как не поверил не действительности странных намерений обер-прокурора, ни опасности народного недовольства, на которое указывал Амвросий, как на неизбежное последствие начавшихся толков⁶²⁶.

Тогда среди членов св. Синода начались частные обсуждения вопроса о мерах борьбы с неудобным обер-прокурором, и в скором времени было решено обратиться к государю с жалобой на Яковлева и с просьбой заменить его другим лицом. Государь не нашел возможным удовлетворить желание синодальных членов, так как их жалоба, составленная в общих выражениях, не подтверждалась никакими фактическими данными, и приказал объявить им, чтобы они формально, от имени св. Синода, представили на рассмотрение верховной власти свое прошение, с точным указанием действительно противозаконных поступков обер-прокурора. Синод формально обвинил Яковлева в самовольном назначении и увольнении секретарей канцелярии и одной епархиальной консистории, в запрещении записывать в журнал приказания синодальных членов и незаконном пользовании синодальными служащими, нередко работавшими в обер-

прокурорской канцелярии. Хотя Яковлев, и нашел средства оправдаться в возводимых на него обвинениях, но император Александр, под влиянием постоянных несогласий и споров, возникавших на заседаниях св. Синода между обер-прокурором и наличным персоналом высшего церковного учреждения, пришел к убеждению в неспособности Яковлева успешно выполнять обер-прокурорские обязанности. «Яковлев», говорил государь, по словам Голицина⁶²⁷, «не совсем хорош... Духовенство совершенно им недовольно; жалобы на него беспрестанные, и мне кажется, что он неспособен быть на месте синодального обер-прокурора».

Почувствовав непрочность своего положения и узнав о намерении государя дать Синоду нового обер-прокурора, Яковлев поспешил подать прошение об увольнении от занимаемой должности, и 7 октября 1803 года пр. Сенату был дан именной императорский указ о «всемилодивейшем увольнении просителя от должности обер-прокурора св. Синода, с производением получаемого им жалованья, впредь до назначения к другому месту». 21 октября св. Синод выслушал сенатское ведение о состоявшемся высочайшем распоряжении и освободился, наконец, от беспокойного и властолюбивого обер-прокурора⁶²⁸. Но победа, одержанная высшим церковным учреждением над представителем прокуратуры, обнаруживавшим стремления присвоить себе министерские полномочия в духовном ведомстве, оказалась очень сомнительной, так как император Александр, вынужденный обстоятельствами дать Синоду нового обер-прокурора, в то же время удалил в епархию одного из наиболее влиятельных синодальных членов, архиепископа ярославского Павла, а митрополиту Амвросию сделал, по выражению Яковлева, «соразмерное его поступкам поучение»⁶²⁹.

Глава II. Кн. Голицын. Учреждение министерства духовных дел

С увольнением из св. Синода обер-прокурора Яковлева, обнаруживавшего явные стремления придать обер-прокурорской власти новый характер, сообразный с государственными административными реформами Александровского правительства, но не успевшего в своих намерениях вследствие нетактичности и отсутствия необходимой близости к верховной власти, император Александр признал уже необходимым назначить в высшее церковное учреждение такого обер-прокурора, который бы мог беспрепятственно применить к церковному управлению новые правительственные идеи, выразившиеся в учреждении министерств вместо старых Петровских коллегий.

Именным императорским указом, данным Сенату 21 октября 1803 года, преемником Яковлева по должности обер-прокурора св. Синода был назначен князь Александр Николаевич Голицын⁶³⁰.

Для нас имеют важное значение те соображения, какими руководился император Александр при выборе нового представителя прокуратуры в синодальном ведомстве. Нужно иметь в виду, что князь Голицын, по его собственным словам⁶³¹, был не только совершенно не подготовлен к исправлению порученной ему должности, но, по своим убеждениям и образу жизни, менее всего отвечал и тем запросам, какие казалось уместным предъявить к обер-прокурору высшего церковного учреждения. «Какой я обер-прокурор», думал он про себя⁶³², «ведь я ничему не верю». – «Разве вам неизвестно», говорил Голицын государю⁶³³, «что, приняв назначаемую вами обязанность, я решительно ставлю себя в ложное отношение сперва к вам, потом к службе, да и к самой публике. Вам не безызвестен образ моих мыслей о религии, и вот, служа здесь, я буду прямо уже стоять наперекор совести и вопреки моим убеждениям».

Но у государя существовали свои особые соображения, побудившие его, при назначении в св. Синод нового представителя государственной власти, остановиться именно на Голицыне, как человеку, очень близком к нему и, в силу подобной близости, имевшем возможность, без больших усилий и соблазнительной борьбы с синодальными членами, придать прокуратуре то громадное и важное значение в области церковного управления, к какому так настойчиво и упорно, но неудачно стремился Яковлев. «Я бы очень желал», говорил Голицыну император Александр⁶³⁴, «чтобы ты занял место обер-прокурора в Синоде;... мне бы хотелось, чтобы преданный мне и мой, так сказать, человек занимал эту важную должность. Я никогда не допускал к себе Яковлева, никогда с ним вместе не работал, а ты будешь иметь дело непосредственно со мной, потому что вместе с тем я назначу тебя и моим статс-секретарем».

И действительно, Александр не ошибся в своих расчетах, и назначение кн. Голицына представителем государственных интересов в церковном управлении дало возможность верховной власти фактически поставить прокуратуру в желательные для нее отношения к св. Синоду. Правда, в первое время Голицын должен был чувствовать себя очень странно в новом положении синодального обер-прокурора, так мало гармонировавшем с его взглядами и убеждениями; по словам самого Голицына⁶³⁵, он принужден был притворяться и сдерживать себя, чтобы казаться степенным и солидным при слушании некоторых дел, рассматривавшихся в св. Синоде, а в своей частной жизни нередко позволял себе открытое проявление свободомыслия, выражавшееся иногда в кощунстве и богохульстве⁶³⁶. По-видимому, при наличии таких неблагоприятных условий, синодальная прокуратура, в лице вновь назначенного кн. Голицына, не могла приобрести большего значения в сфере церковного управления, и члены Синода имели некоторые основания надеяться, что молодой обер-прокурор, известный своим светским образом жизни, не будет относиться с должным вниманием к многочисленным и сложным делам духовного ведомства и окажется неспособным

подчинить своему влиянию высшее церковное учреждение⁶³⁷. Но синодальные члены сильно ошиблись в своих предположениях, так как из Голицына выработался очень деятельный и трудолюбивый обер-прокурор; уже в первые дни после вступления в новую должность он принуждал себя относиться к выполнению возложенных на него обязанностей «с языческой добросовестностью»⁶³⁸, с течением же времени, когда, под влиянием новых условий служебной деятельности. в его взглядах и убеждениях произошла резкая перемена, Голицын получил и нравственную возможность добросовестно исполнять обер-прокурорские обязанности.

Синод в скором времени должен был убедиться, что его надежды на бездеятельность нового обер-прокурора и легкую возможность, при таких благоприятных условиях, чувствовать себя фактически свободным от стеснительного контроля прокуратуры далеко не оправдываются действительностью. Напротив, действительность постоянно давала чувствовать синодальным членам сильное влияние прокуратуры на самые разнообразные отрасли церковного управления. Синод не мог не видеть, что Голицын преследовал в своей деятельности те же самые цели, какие имел в виду его ближайший предшественник – Яковлев, и только пользовался несколько иными средствами для достижения своих целей. А между тем, несмотря на явные стремления прокуратуры подчинить церковную жизнь сильному влиянию представителя государственных интересов в синодальном ведомстве, высшее церковное учреждение не решалось оказывать никакого противодействия развитию обер-прокурорской власти и, без всякой борьбы, позволило Голицыну сосредоточить в своих руках главное заведование всеми важнейшими делами духовного ведомства. Такое отношение св. Синода к новому обер-прокурору, без больших усилий успевшему осуществить на практике то, к чему так долго и настойчиво, но безуспешно стремились его предшественники, обуславливалось, однако же, не какими-либо выдающимися административными способностями Голицына, а новыми правительственными взглядами на положение обер-прокурора в синодальном

ведомстве и особенной близостью к государю наличного представителя прокуратуры. «Царский наперсник», как называли в то время Голицына, бывший ближайшим другом детства самого государя и сумевший всю жизнь сохранять к себе привязанность и расположение Александра, получил вместе с должностью обер-прокурора и звание статс-секретаря, встал в непосредственные отношения к верховной власти и, пользуясь ее неограниченным доверием, по необходимости заставил членов Синода примириться с утратой прежнего влияния на церковное управление. Новгородский и петербургский митрополит Амвросий, энергично боровшийся при Яковлеве против неблагоприятных для Синода стремлений прокуратуры, должен был вести себя совершенно иначе по отношению к Голицыну, постоянно сообразоваться с желаниями прокуратуры и даже искать ее покровительства, так как государь, под влиянием разоблачения значительных беспорядков в церковном управлении, сделанного уволенным обер-прокурором Яковлевым, изменил свои отношения к первенствующему синодальному члену. В свою очередь, и другие члены св. Синода, зная о близости Голицына к государю, не решались оказывать никакого противодействия усиливавшемуся влиянию прокуратуры на церковное управление.

Император Александр, замечает Яковлев в цитированных «Записках»⁶³⁹, назначив обер-прокурором своего любимца, приказал ему установить в Синоде порядок, отвечавший интересам государственной власти, и Голицын, благодаря неограниченному доверию и постоянной поддержке государя, беспрепятственно выполнил данное ему поручение, так что при нем совершенно прекратились всякие недоразумения и столкновения прокуратуры с синодальными членами, «все утихло и дух монарха водворился в Синоде».

И нужно заметить, что для достижения таких важных результатов Голицын не употреблял никаких крутых и решительных мер по отношению к лицам, стоявшим во главе управления духовным ведомством, хотя большинство из них еще так недавно открыто восставало против стремлений

прокуратуры, вполне разделявшихся и самим Голицыным. Напротив, новый обер-прокурор держал себя очень тактично по отношению к синодальным членам и епархиальным архиереям и, по вступлении в должность, нашел необходимым разослать всем епархиальным преосвященным самые любезные извещения. «Приняв на себя звание обер-прокурора», писал Голицын московскому митрополиту Платону от 31 октября 1803 года, «в приятный долг себе поставляю рекомендоваться в Вашу благосклонность и Архипастырское благословение». Такие же письма были посланы и всем епархиальным преосвященным⁶⁴⁰. – Представляя государю, по установившемуся порядку, всеподданнейший рапорт о своем вступлении в должность, вместе с ведомостями о числе нерешенных Синодом дел⁶⁴¹ и количестве денежных сумм, находившихся в распоряжении высшего церковного учреждения, Голицын, между прочим, писал, что из типографского капитала, по словесному приказанию уволенного обер-прокурора Яковлева, было употреблено на синодальную шлюпку 204 рубля 73½ коп., да вся сумма в 987 рублей 58 коп., определенная на питомцев, обучавшихся в семинарии умершего новороссийского архиепископа Амвросия, по словесному же приказанию Яковлева, оказалась истраченной на поправку той же синодальной шлюпки⁶⁴². В данном случае для нас имеет важное значение то обстоятельство, что новый обер-прокурор, очевидно, рассматривал подобные распоряжения своего предшественника, находившего возможным нарушать установившийся порядок в распределении денежных средств на нужды духовного ведомства, как незаконные проявления обер-прокурорской власти и, следовательно, косвенным образом признавал неприкосновенность юридических прав св. Синода, фактически нарушенных Яковлевым.

Но, несмотря на вполне корректное, по-видимому, отношение Голицына к высшему духовенству и св. Синоду, члены высшего церковного учреждения, в скором же времени после назначения преемника Яковлеву, должны были подчиниться сильному влиянию прокуратуры и убедиться, что исключительная близость к государю нового обер-прокурора

действует подавляющим образом на их самостоятельность и фактически лишает их возможности руководиться своими собственными соображениями при обсуждении и решении многих вопросов церковно-общественной жизни.

Получив назначение на должность обер-прокурора св. Синода, Голицын обратил свое внимание на внешнее и внутреннее состояние синодальной канцелярии и, найдя необходимым принять решительные меры для приведения ее в надлежащий, благоустроенный вид, начал свободно распоряжаться синодальной канцелярией. «При вступлении моем в обер-прокурорскую должность», писал Голицын в своем предложении св. Синоду от 3 июня 1804 года, «нашел я, что повытки и канцелярские служители, в св. Синоде находящиеся, не имеют для письмоводства ни порядочных столов, ни стульев, а которые и есть, то иные совсем изломаны, другие же связаны веревками». Невозможность произвести необходимые улучшения из ассигнованных на канцелярию сумм заставила Голицыва обратиться к Синоду с предложением определить на производство столярных работ в своей канцелярии 441 рублей 50 коп. из средств, отпущенных на исправление синодальных ветхостей, так как на такую именно сумму состоялись уже торги, по личному распоряжению обер-прокурора. Синод исполнил предложение Голицына⁶⁴³.

Не менее неудовлетворительным было призвано новым обер-прокурором и внутреннее состояние синодальной канцелярии, неблагоприятно отзывавшееся на успешном ходе дел, находившихся в ведении св. Синода. В своем ордере, данном 24 июля 1804 года обер-секретарям синодальной канцелярии, Голицын писал, что секретари и прочие чиновники, находящиеся в канцелярии св. Синода, а по их примеру и многие из канцелярских служителей, приходят к должностям своим весьма поздно, другие же и совсем не являются, отчего происходит крайняя медленность в делопроизводстве, а иногда даже случаются и продолжительные остановки в ведении различных дел. В видах прекращения таких нежелательных беспорядков, Голицын и предписал обер-секретарям объявить всему чиновничьему персоналу синодальной канцелярии, что,

если и после сделанного замечания обер-прокурор увидит прежнее непозволительное отношение служащих к своим обязанностям, то будет строго наказывать виновных не только за самовольное нехождение в канцелярию, но даже и за поздний приход на службу⁶⁴⁴.

Ближайшее знакомство с состоянием синодальной канцелярии легко убедило Голицына, что порядки, существовавшие в ней при прежних обер-прокурорах, не обеспечивали еще прокуратуре невозможности злоупотреблений различными документами, поступавшими на рассмотрение св. Синода, так как, в случае утраты какой-либо входящей бумаги, не всегда было возможно отыскать виновного, почему Голицын и нашел нужным ввести в Синоде более сложный порядок приема входящих бумаг, практиковавшийся уже в пр. Сенате. 17 мая 1807 года обер-прокурор предписал синодальной канцелярии, чтобы все входящие бумаги были представляемы дежурными чиновниками обер-секретарям, которым вменялось в обязанность, распечатав полученные документы и, смотря по содержанию, назначив или приобщить их к делу, или принять к сведению, или же передать к докладу, отдавать их снова дежурным чиновникам; последние же, по предписанию Голицына, должны были вручать просмотренные обер-секретарями бумаги регистратору, обязанному, в свою очередь, выставлять на документах год, месяц, число и номер, вносить содержание их в общий входящий журнал и, составив за каждое число записку о полученных бумагах, представлять их, не позже следующего дня, самому обер-прокурору, а затем – раздавать по принадлежности секретарям, но не иначе, как под особые расписки в их получении⁶⁴⁵.

Не удовлетворяясь результатами, достигнутыми обер-прокурорами предшествовавшего времени, употреблявшими разнообразные меры для упорядочения деятельности синодальной канцелярии, и принимая живое участие в создании благоприятных условий, обеспечивавших прокуратуре более желательное и совершенное состояние делопроизводства в центральном церковном учреждении, Голицын не оставлял без

внимательного обер-прокурорского надзора и деятельности областных, епархиальных органов церковного управления.

Несмотря на то, что синодальная прокуратура, стремившаяся подчинить своему влиянию секретарей духовных консисторий, не раз уже вменяла им в неперменную обязанность доставлять точные сведения о делах, решенных и нерешенных местными консисториями, Голицын, в первые годы своей службы, не получал установленных донесений от значительного числа консисторских секретарей. Представляя государю доклад о состоянии церковного управления, обер-прокурор обратил его внимание на нежелательное отношение некоторых секретарей к своим служебным обязанностям и получил возможность, от имени верховной власти, предложить св. Синоду принять решительные меры для устранения подобных явлений на будущее время. «Из донесений моих о числе дел, по консисториям в 1804 году решенных и оставленных в нерешении», писал Голицын в своем предложении св. Синоду от 7 февраля 1806 года⁶⁴⁶, «государь усмотрел, что секретари консисторий: киевской, новгородской, московской, петербургской, ярославской и псковской не доставляли обер-прокурору таких сведений, и приказал предписать преосвященным тех епархий объявить секретарям консисторий о неперменной присылке установленных сведений».

Внимательное отношение к донесениям консисторских секретарей нередко побуждало Голицына принимать и разнообразные меры, направленные к упорядочению консисторского делопроизводства, и обер-прокурор, строго следивший за количеством дел, остававшихся нерешенными в епархиальных органах церковного управления, иногда даже не останавливался перед такими крутыми и решительными мерами, как увольнение от службы недостаточно энергичных секретарей тех духовных консисторий, в которых накоплялось значительное количество нерешенных дел. Представляя императору ежегодные отчеты о состоянии духовного ведомства, обер-прокурор обыкновенно обращал внимание государя на бездеятельных секретарей епархиальных

консисторий и, на основании высочайшей воли, предлагал Синоду сделать то или иное распоряжение, признанное необходимым для прекращения нежелательных явлений в области церковного управления известных епархий. «При всеподданнейшем моем рапорте о делах св. Синода за 1810 год», писал, например, Голицын в своем предложении Синоду от 17 января 1811 года⁶⁴⁷, «я представил ведомости о числе дел, по духовным консисториям решенных и остающихся в нерешении; государь, усмотрев, что по волынской консистории из 3,120 дел решено в течение года только 1,554 и, следовательно, осталась в нерешении целая половина, повелел отрешить от должности секретаря консистории». Полученное повеление обер-прокурор и предложил св. Синоду для надлежащего исполнения.

Пользуясь донесениями секретарей духовных консисторий для наблюдений за состоянием местного церковного управления, прокуратура, в лице кн. Голицына, вменила в обязанность и самим епархиальным преосвященным делать немедленные сообщения обер-прокурорской власти обо всех незаконных происшествиях, имевших место в различных церквях их епархий. По случаю одного всеподданнейшего доклада о дерзком поступке в церкви вышневолоцкого помещика Головачева, Голицын предложил св. Синоду, согласно с распоряжением государя, подтвердить на будущее время всем епархиальным архиереям и настоятелям ставропигиальных монастырей, чтобы они о всевозможных бесчинствах, случавшихся в их церквях, немедленно же доносили обер-прокурору, для представления государю особых докладов, установленных указом от 21 сентября 1804 года⁶⁴⁸.

Впрочем, говоря об узаконенной св. Синодом, по предложению Голицына, обязанности епархиальных преосвященных немедленно доставлять прокуратуре точные сведения о разнообразных церковных происшествиях, выходивших из пределов приличия и оскорблявших святость мест христианского богослужения, необходимо заметить, что и теперь, в период наибольшего развития обер-прокурорской власти, Голицын иногда узнавал о подобных случаях не от

епархиальных архиереев, а от частных лиц, фигурировавших в самых происшествиях. – 3 декабря 1812 года Голицын получил от дворянина Ивана Лаптева жалобу на «нестерпимую грубость», оказанную ему, «без всякой явной причины, господином Михайловским протопопом». Во время совершения литургии, при чтении Евангелия, когда Лаптев «со всем смирением, прислонясь к стенке», стоял в церкви, «протопоп», жаловался обиженный, «встав в алтаре на свое место и обернувшись к другому священнику, с улыбкой презрения и киванием головы» сказал так громко, что было слышно даже на далеком расстоянии: «посмотри, как скот стоит»⁶⁴⁹. – 8 января 1814 года обер-прокурор обратился к полтавскому епископу Анатолию с запросом о достоверности частного сообщения, полученного об одном бесчинстве, имевшем место в полтавской епархии. По словам Голицына, помещики золотоношского уезда, подпоручик Иван Петцевич писал ему в своем прошении, что хотя он, Петцевич, и подавал жалобу в полтавскую консисторию на служащего в золотоношском духовном правлении коллежского секретаря Игната Холодного, позволившего себе в соборной Успенской церкви, во время вечернего богослужения, нанести «обиду – боем до окривовавления» его сыну, губернскому регистратору Михаилу, но не получил от консистории никакого удовлетворения; между тем, несмотря на строгое предписание, обязывавшее епархиальных преосвященных уведомлять о подобных происшествиях местную полицию и синодального обер-прокурора, Голицын не имел от епископа Анатолия никаких сведений о печальном факте, обнаруженном прошением Петцевича, почему обер-прокурор, поставив на вид полтавскому архиерею его незаконное отношение к своим служебным обязанностям, просил епископа Анатолия донести, верно ли сообщение Петцевича⁶⁵⁰?

Но подобные факты произвольного уклонения епархиальных органов церковного управления от исполнения требований прокуратуры, даже и в начале изучаемого нами периода наибольшего развития обер-прокурорской власти, были уже только единичными, исключительными явлениями, и

епархиальные архиереи действительно доносили Голицыну о всех соблазнительных происшествиях, случавшихся в различных церквях их епархий⁶⁵¹.

Обязательные донесения секретарей духовных консисторий и сообщения епархиальных преосвященных, вместе с материалами синодальной канцелярии, имевшими отношение к деятельности лиц, стоявших во главе местного церковного управления, доставляя прокуратуре возможность всегда следить за положением дел в различных епархиях, в то же время создавали благоприятные условия и для фактического подчинения епархиальных архиереев непосредственному влиянию обер-прокурорской власти. При том громадном значении, каким, благодаря особенной близости к государю, пользовался Голицын в высшем церковном учреждении, такое подчинение епархиальных архиереев непосредственному влиянию синодального обер-прокурора, внимательно следившего за состоянием областного церковного управления, было вполне естественным явлением, и мы видим, что Голицын нередко обращался к различным преосвященным с частными, неофициальными письмами, имевшими специальное назначение оказать известное давление на волю того или другого архиерея и заставить его сообразоваться в своих распоряжениях с желаниями обер-прокурора.

Но интересно, что и теперь, при сильно окрепшем влиянии прокуратуры на дела церковного управления, побуждавшем епархиальных архиереев, в значительном большинстве случаев, считать обязательными для себя разнообразные поручения Голицына, некоторые преосвященные, несмотря на ясно выраженные желания обер-прокурора по поводу каких-либо частных вопросов местного епархиального управления, находили еще возможным проявлять в своих действиях и распоряжениях известную долю самостоятельности и независимости. – 12 ноября 1812 года Голицын обратился к Амвросию, митрополиту новгородскому и петербургскому, с просьбой переместить рекомендованного ему священника морского госпиталя, Василия Яковлева, в более богатый приход, на праздную священническую вакансию к Успенской

церкви, находившейся на Сенной площади. Несмотря на такое сильное ходатайство, Амвросий, однако, не перевел Яковлева в более доходный приход. «Извиняюсь, сиятельнейший князь», написал он обер-прокурору, «что я не мог исполнить воли Вашей о перемещении священника Яковлева», так как о. Василий может и должен быть доволен своим жребием и не имеет права на место при приходской Успенской церкви⁶⁵². – 13 января 1813 года Голицын, по просьбе д. с. с. Рибопьера⁶⁵³, письменно сообщил смоленскому епископу Иринею о своем желании видеть достойным образом награжденным одного из сельских приходских священников вяземского уезда, Алексея Глебова, оказавшего самоотверженный подвиг во время нашествия французских войск на русскую землю⁶⁵⁴. В ответ на письмо Голицына Ириней донес обер-прокурору, что хотя священника Глебова за похвальный поступок и следовало бы наградить отличием, но, так как Глебов не принадлежит к числу лиц, получивших надлежащее образование, и по послужным спискам не одобряется благочинным, то он, преосвященный, находит справедливым, на первый раз, ограничиться только предоставлением рекомендуемому священнику права ношения набедренника. «Впрочем», прибавил епископ Ириней⁶⁵⁵, «такое мое мнение представляю особенному Вашего Сиятельства благорассмотрению». – Граф Самойлов и лично, и письменно⁶⁵⁶ просил Голицына «предписать орловскому архиерею перевести из его села священника Мину», успевшего вызвать своими корыстолюбивыми поступками не только неуважение, но даже отвращение прихожан; Самойлов заявлял претензию, что орловский епископ Досифей, к которому он уже обращался с жалобой на корыстолюбивого священника, не уважил его просьбы и заявил ему, что без суда обвиняемый не может быть наказан, и что, если крестьяне, действительно, недовольны своим священником, то должны сами принести на него жалобу епархиальному начальству⁶⁵⁷. 11 ноября 1813 года Голицын сообщил епископу Досифею о просьбе графа Самойлова, но орловский преосвященный, и после получения обер-прокурорского сообщения, нисколько не изменил прежних отношений к жалобе влиятельного помещика на своего

приходского священника. Досифей сообщил обер-прокурору, что он и прежде ничего не имел против законного суда над обвиняемым священником, а только указывал графу на невозможность исполнения его просьбы без расследования жалобы и законного суждения о поступках подсудимого, и теперь подтвердил духовному правлению поспешить скорейшим решением дела и, по получении его отзыва, если только обвиняемый будет признан виновным, не замедлит подвергнуть священника надлежащему взысканию. Между тем, 10 января 1814 года Самойлов уведомил Голицына, что орловский архиерей «не помыслил и по сие время никакого не только удовлетворения, но даже и малейшего исследования сделать»⁶⁵⁸. – 29 июня 1814 года Голицын, по просьбам различных лиц, писал епископу дмитровскому Августину, чтобы он принял участие в положении семейства умиравшего протоиерея Харитоновской церкви и определил бы на его место зятя протопopa, дьякона Шереметевской больницы, Константина, «что», заметил обер-прокурор в своем письме к Августину⁶⁵⁹, «послужит новым знаком вашего внимания к просьбам моим». Но даже и последнее замечание Голицына не оказало ожидаемого влияния на архиерея, и Августин сообщил обер-прокурору, что Харитоновский протоиерей, действительно перенесший тяжелую болезнь, теперь уже получил облегчение, и что, по доносу благочинного, поведение протоиерея является крайне подозрительным и требующим исследования и рассмотрения, так как он, уклоняясь, по болезненному состоянию, от совершения богослужения, в то же время постоянно присутствует при постройке своего дома и исправляет приходские требы⁶⁶⁰.

Необходимо, однако, заметить, что подобных фактов непредупредительного отношения епархиальных архиереев к желаниям прокуратуры встречается очень не много в документах синодального архива, относящихся к рассматриваемому времени. Напротив, в значительном большинстве случаев, епархиальные преосвященные, зная о громадном влиянии Голицына на членов св. Синода, а через них и на все церковное управление, не могли не чувствовать

себя вынужденными сообразоваться в своих действиях с указаниями обер-прокурора. Несомненно, что они должны были дорожить расположением такого сильного и влиятельного лица, каким был Голицына, и не только не подвергать себя опасностям утраты подобного расположения, но даже употреблять разнообразные меры, чтобы постоянно поддерживать и усиливать его. И мы, действительно, видим, что некоторые из епархиальных архиереев пользовались разнообразными средствами, чтобы заслужить внимание и благосклонность синодального обер-прокурора. «Во всегдашней памяти содержа благодеяния Вашего Сиятельства и побуждаясь оными», писал, например, Голицыну епископ слободско-украинский и харьковский от 3 января 1814 года⁶⁶¹, «усерднейше Ваше Сиятельство, особливейше моего благодетеля и покровителя, с сим новым годом поздравляю... и усерднейше подношу икону Св. Троицы... в доказательство моего истинного высокопочитания и преданности».

Такой характер отношений епархиальных архиереев в синодальному обер-прокурору, без сомнения, обуславливался тем, что Голицын, пользуясь исключительной близостью к государю, приобрел громадное значение в высшем церковном учреждении и дал возможность прокуратуре поставить в значительную фактическую зависимость от себя награждение архиереев орденами, перемещение епископов с худших кафедр на лучшие и даже назначение их в члены св. Синода.

Награждение преосвященных различными орденами и получение ими высочайших рескриптов от государя обыкновенно совершалось при ближайшем участии и обязательном посредничестве Голицына, который нередко и объявлял св. Синоду о назначениях подобных наград, как о состоявшихся фактах⁶⁶². Вместе с тем, в лице Голицына, прокуратура получила возможность оказывать сильное влияние на повышение архиереев по занимаемым ими кафедрам и на вызов тех или других епархиальных преосвященных для присутствия в св. Синоде, что уже ставило в известную зависимость от обер-прокурорской власти самый наличный состав высшего церковного учреждения.

13 июля 1805 года Голицын сообщил св. Синоду, далеко не безразличное для интересов прокуратуры, распоряжение государя, вносившее некоторые изменения в существовавший до того времени порядок назначения епархиальных архиереев для присутствия в св. Синоде. Объявив, что государь, желая непосредственно ознакомиться с иерархами русской церкви, нашел целесообразным поочередно вызывать преосвященных в Петербург и здесь поручать им присутствовать на заседаниях Синода, до получения особого высочайшего указа об обратном возвращении в свои епархии, обер-прокурор указал, от имени верховной власти, и определенное лицо, предназначенное для вызова в С.-Петербург.

Едва-ли следует доказывать, что вызов различных епархиальных архиереев для присутствия в св. Синоде и их удаление в епархии, поставленные в зависимость от непосредственных распоряжений государя, руководствовавшегося в подобных случаях указаниями Голицына, создавали в высшей степени благоприятные условия для развития и усиления обер-прокурорской власти, так как позволяли синодальному обер-прокурору оказывать громадное влияние на самый состав наличных членов высшего органа церковного управления и устранять из него всех неудобных лиц, способных обнаружить нежелательное отношение к стремлениям прокуратуры⁶⁶³.

Как ни значительны были, отмеченные нами, изменения, внесенные Голицыным в фактическое положение синодального обер-прокурора, однако же они далеко еще не исчерпывали собой всех перемен, происшедших в изучаемый период в самом характере деятельности представителей государственной власти в церковном управлении. Мы видели, что почти все обер-прокуроры XVIII века, стремясь к усилению своего влияния на духовное ведомство, заботились главным образом только о том, чтобы различные органы церковного управления не имели возможности нарушать существовавшие в то время законы, и преследовали в своей деятельности преимущественно государственные интересы, нередко даже понимаемые ими в довольно одностороннем смысле, не допускавшем и мысли о

возможности одновременных и совместных работ в пользу государства и самого духовного ведомства, как одной из составных частей того же государства. Исполняя обязанности «ока государя» и контролируя деятельность св. Синода, представители синодальной прокуратуры XVIII столетия заботились собственно не столько об интересах того ведомства, в котором они служили, сколько о том, чтобы сложная система церковного управления, обоснованная на началах, солидарных с интересами государства, не отступала от них и в действительной жизни.

Но со времени вступления на престол императора Александра, когда новое правительство «заблагорассудило разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной их связи между собой, и для благоуспешнейшего течения поручить оные ведению министров»⁶⁶⁴, и когда государь обнаружил намерение распространить свои широкие преобразовательные планы и на духовное ведомство, должны были произойти значительные перемены в отношениях синодального обер-прокурора к нуждам и потребностям церковной жизни. Стремления нового правительства произвести различные реформы в области церковной жизни были далеко уже не похожи на прежние традиционные стремления государственной власти, обыкновенно преследовавшей при преобразованиях церковного управления свои собственные цели и приносившей в жертву им интересы церкви, и несомненно обуславливались искренним желанием Александра ввести действительные улучшения в положение русского духовенства, как сословия, имевшего законные права на внимание государства к своим специальным нуждам. При таких же изменившихся условиях, синодальный обер-прокурор, поставленный правительством в новое положение, в значительной степени приравнивавшее его к министрам различных ведомств, по необходимости должен был не только отстаивать государственные интересы в церковном управлении, но и входить в специальные интересы самого духовного ведомства, принимая живое и деятельное участие в

подготовлении желательных реформ, имевших в виду внесение известных улучшений в жизнь духовного сословия.

И мы, действительно, видим, что, со времени назначения Голицына на пост синодального обер-прокурора, в значительной степени изменился самый характер деятельности представителей государственной власти в церковном управлении. Достигнув, благодаря известным нам благоприятным условиям, цели, намеченной Александровским правительством, и подчинив своему сильному влиянию св. Синод, Голицын фактически поставил прокуратуру в новое положение, заставлявшее ее считать прямой обязанностью обер-прокурора не только наблюдение за деятельностью различных органов церковной администрации, но и заботы об удовлетворении вновь возникавших потребностей духовного ведомства, так как верховная власть, занятая проектами обширных государственных реформ, не желая оставлять без необходимых преобразований и церковной жизни, поручила практическое осуществление намеченных преобразований своему официальному представителю в синодальном управлении. Следует, однако, заметить, что, входя в специальные интересы духовенства и принимая на себя инициативу в изыскании средств, необходимых для улучшения разнообразных сторон церковной жизни, обер-прокурор придерживался правительственных взглядов на нужды и потребности синодального ведомства, а не смотрел на них с точки зрения, солидарной со взглядами самих членов св. Синода.

Стремление Александровского правительства к распространению просвещения посредством открытия всевозможного рода учебных заведений поставило на очередь вопрос об умножении и улучшении духовных училищ, признанных неспособными удовлетворительно выполнять свое назначение. Без сомнения, возбужденный правительством вопрос близко затрагивал интересы церкви и духовенства, и от его разумного решения должно было получить значительную пользу не только государство, но и само духовное ведомство. Между тем, не смотря на такой характер затронутого вопроса, в

его предварительной разработке и окончательном решении принимал самое деятельное и живое участие не св. Синод, как высший орган церковного управления, а синодальный обер-прокурор, как «стряпчий о делах государственных», бывший одновременно и представителем интересов самого духовного ведомства.

В первый же год своей обер-прокурорской службы Голицын приступил к работам по приведению в исполнение правительственного проекта о преобразовании духовных училищ, воспользовавшись для этой цели лучшими силами из среды духовенства; он поручил составить подробный и обстоятельный план желательных улучшений в постановке духовно-учебного дела одному из наиболее образованных духовных лиц того времени, архимандриту Евгению (Болховитинову)⁶⁶⁵, а затем – передал выработанный им план на рассмотрение вызванного в св. Синод, по инициативе самого же обер-прокурора, могилевского архиепископа Анастасия, предложив ему не только написать критические замечания на проект Евгения, но и составить свой собственный план преобразования духовных училищ⁶⁶⁶.

Преобразовательные планы Александровского правительства, касавшиеся церковного ведомства, затрагивали не один только вопрос об улучшении духовных училищ, но и выдвигали на очередь другой, не менее важный вопрос об изыскании средств к материальному обеспечению как предположенных к открытию учебных заведений, так и самого приходского духовенства. Архиепископ Анастасий, составляя, по поручению обер-прокурора, свой проект преобразования духовных училищ, указал и обильный источник для их содержания в предоставлении духовному ведомству исключительного права продажи церковных свеч, но ни он, ни Евгений Болховитинов не могли оказать Голицыну никаких существенных услуг в обсуждении вопроса о материальном обеспечении приходского духовенства.

В данном случае необходимо еще было предварительно собрать подробные и, по возможности, точные фактические данные о современном положении духовенства в материальном

отношении, так как, только располагая подобными указаниями, и можно было выработать предположения, отвечавшие требованиям действительной жизни. Правда, вопрос о материальном обеспечении церковных причтов был поднят еще в последней четверти XVIII столетия, когда началось уже и собирание статистических данных о числе членов причтов и размерах получаемых им доходов, но, как видно, первые подготовительные работы не дали удовлетворительных результатов, и правительство не располагало необходимыми данными для практического решения возбужденного вопроса, признавая такие статистические данные необходимым условием целесообразных и успешных работ в деле практического осуществления намерений правительства, обер-прокурор 29 августа 1806 года вменил в непереносимую обязанность всем епархиальным преосвященным сообщить ему в самом непродолжительном времени необходимые сведения о числе и материальном обеспечении церквей и приходского духовенства. «По соизволению Его Императорского Величества», писал Голицын епархиальным архиереям⁶⁶⁷, «прошу Ваше Преосвященство употребить всю возможность к незамедлительному доставлению мне сведений о числе церквей, материальном обеспечении их и духовенства и о планах академий, семинарий и училищ».

И нужно заметить, что обер-прокурор настойчиво требовал от преосвященных аккуратного исполнения данного им поручения, внимательно относился к сообщаемым ими сведениям и, в случае недостаточной полноты полученных данных, обращался к архиереям с новыми запросами. – «В присланных сведениях», писал Голицын черниговскому архиепископу Михаилу⁶⁶⁸, «вы не обозначили, сколько стоит содержание на казенном коште каждого воспитанника местной семинарии, а так как при соображениях об устройстве училищ и материальном обеспечении духовенства необходимо иметь хотя бы примерные сведения по этому вопросу, то прошу сообщить мне указанные данные». С такими же требованиями, осложненными еще просьбой сообщить точные сведения о стоимости содержания своекоштных воспитанников семинарии,

обер-прокурор обращался к псковскому⁶⁶⁹, нижегородскому⁶⁷⁰, костромскому⁶⁷¹ и полтавскому⁶⁷² епархиальным преосвященным.

Полученные сведения, необходимые для успешной разработки затронутых правительством вопросов, вместе с планами преобразования духовных училищ, составленными по поручению Голицына, были представлены обер-прокурором на усмотрение верховной власти. Но, представив государю проекты Евгения Болховитинова и архиепископа Анастасия, Голицын, под влиянием Сперанского, которому они были переданы императором Александром⁶⁷³, подал всеподданнейший доклад о необходимости учреждения особого, специального комитета для предварительного детального обсуждения задуманных преобразований наиболее опытными и знающими людьми из среды духовенства и из числа лиц, занимающих высшие государственные должности. 29 ноября 1807 года обер-прокурорский доклад получил высочайшее утверждение, и вновь организованный комитет, руководимый Сперанским и Голицыным, рассмотрев представленные проекты реформирования духовных училищ и улучшения содержания церковных причтов, выработал окончательный план обширных преобразований в сфере духовного ведомства.

26 июня 1808 года Голицын представил на высочайшее утверждение обширный доклад комитета об организации духовно-учебных заведений и содержании приходского духовенства, и в тот же день на имя св. Синода был дан именной императорский указ, предписывавший привести в исполнение все предположения комитета и учреждавший особую комиссию духовных училищ для высшего заведования всеми духовно-учебными заведениями⁶⁷⁴.

Мы не будем следить за деятельностью синодального обер-прокурора, вошедшего в состав членов вновь организованной комиссии, так как в исторической литературе существует специальный труд, посвященный комиссии духовных училищ⁶⁷⁵ и в достаточной степени выясняющий фактическое влияние Голицына на ход дел в новом духовно-правительственном учреждении⁶⁷⁶. Для нас важен самый факт учреждения особой

комиссии, получившей возможность оказывать громадное влияние на церковную жизнь, – факт, совершившийся без всякого участия в его подготовке со стороны св. Синода, как высшего органа церковного управления.

Приняв на себя главное руководство предварительной разработкой возбужденного правительством вопроса о преобразованиях в духовном ведомстве, синодальный обер-прокурор почти совершенно устранил св. Синод от непосредственного вмешательства в обсуждение предположенных реформ; правда, он пользовался для достижения намеченных правительством целей и содействием некоторых синодальных членов, назначенных в комитет 1807 года, но само высшее церковное учреждение, не принимавшее никакого активного участия в образовании комитета, должно было относиться совершенно пассивно и к происходившим в нем работам, несмотря на то, что они самым ближайшим образом затрагивали существенные интересы духовного ведомства. После же высочайшего утверждения представленного обер-прокурором комитетского доклада, св. Синод был поставлен в необходимость отнестись, как к совершившемуся факту, и к учреждению, по инициативе Сперанского и Голицына, комиссии духовных училищ, со всеми ее обширными правами и полномочиями в сфере церковного управления.

Всматриваясь в новый характер деятельности синодальной прокуратуры, не только следившей за соблюдением государственных интересов в церковном управлении, но и выполнявшей обязанности представителя интересов самого духовенства, не трудно убедиться, что Голицын, благодаря известным нам благоприятным условиям, успел фактически поставить себя в положение главноуправляющего синодальным ведомством, хотя официально и пользовался таким званием лишь по отношению к духовным делам одних иностранных исповеданий. Прокуратура, как представительница государственных интересов в церковном управлении, после долгой и упорной борьбы с неблагоприятными для себя стремлениями членов высшего учреждения духовного

ведомства, получила, наконец, возможность фактически обеспечить государственной власти громадное влияние на св. Синод и самое широкое участие во всех проявлениях церковной жизни. Подчинив же своему влиянию св. Синод, представитель государственной власти в церковном управлении, сделавшийся, в лице Голицына, фактическим главноуправляющим синодального ведомства, мог уже, без особенных затруднений, и официально превратиться в министра духовных дел.

Чтобы уяснить себе происхождение крупной реформы в области церковного управления, превратившей синодального обер-прокурора в министра духовного ведомства, необходимо иметь в виду как несомненную связь, существовавшую между отношениями правительства к институту прокуратуры в св. Синоде и пр. Сенате, так и своеобразные религиозные убеждения императора Александра. Мы знаем, что преобразователь России, создавший институт государственной прокуратуры, поставил синодального обер-прокурора в положение, почти совершенно тождественное с положением сенатского генерал-прокурора. Поставленные правительством в одинаковые отношения к высшим учреждениям, обер-прокуроры св. Синода и генерал-прокуроры Сената, и в дальнейшей истории своего существования, нередко вызывали со стороны верховной власти одинаковые меры и аналогичные распоряжения, направленные к введению жевательных изменений в характер их служебной деятельности.

Императрица Екатерина II, крайне недовольная современным ей состоянием Сената, сосредоточивавшего в своих руках обширную власть, не вполне отвечавшую ее взглядам на значение монарха в общей системе государственного управления, признала, необходимым в значительной степени ослабить силу пр. Сената. Для достижения подобной цели Екатерина и стремилась стеснить до возможных пределов законодательную инициативу высшего государственного учреждения и выделить из него административную власть. Разделив Сенат на несколько департаментов и сконцентрировав в первом из них все важнейшие административные дела, императрица поручила

первый и самый главный сенатский департамент непосредственному надзору и руководству генерал-прокурора, как ближайшего доверенного верховной власти. А так как Екатерина, в большинстве случаев, избегала непосредственных сношений с Сенатом, устраняла его от активного участия в различных правительственных мероприятиях и обыкновенно имела дело с генерал-прокурором, поручая его заботам практическое разрешение важнейших государственным вопросам и объявляя через него высочайшие указы пр. Сенату, то неудивительно, что с течением времени все главные административные дела фактически перешли в ведение и распоряжение представителя верховной власти, состоявшего генерал-прокурором первого сенатского департамента.

По справедливому замечанию проф. Градовского, автора специального исследования о высшей администрации России XVIII века, неизбежным результатом изменившихся отношений императорской власти к пр. Сенату явилось то, что его генерал-прокурор стал уже представлять собой не один из составных элементов высшего государственного учреждения, с которым был тесно связан, а «постепенно выделявшийся элемент личного управления, основанный на новом, министерском начале»⁶⁷⁷. Сохраняя прежнее значение официального блюстителя законов и, вместе с тем, выполняя, при посредстве первого сенатского департамента, обязанности главного органа верховной власти в области финансового и внутреннего управления, генерал-прокурор соединил в своем лице права и обязанности, официально не существовавших еще в то время, министров юстиции, финансов и внутренних дел. Но после отставки генерал-прокурора Вяземского, соединявшего под своим управлением несколько ведомств, Екатерина нашла более целесообразным распределить его сложные и разнообразные служебные обязанности между различными лицами. Император Александр, продолжавший дело Екатерины, учреждением министерств 1802 года⁶⁷⁸ окончательно и притом формальным, официальным образом сообщил власти генерал-прокурора министерский характер, передав часть его прежних

прав и обязанностей особым министрам внутренних дел и финансов, а его самого превратив в министра юстиции⁶⁷⁹.

Стремление правительства к изменению взаимных отношений представителей двух различных начал, соединенных преобразователем России в высшем государственном учреждении, – стремление, направленное к постепенному выделению из Сената генерал-прокурорской власти и сообщению ей министерского характера, не могло не отразиться известным образом и на положении синодального обер-прокурора, так как он был поставлен самим правительством. В такие же отношения к св. Синоду, какие существовали между генерал-прокурором и пр. Сенатом.

В области церковной жизни подобное стремление правительства делается наиболее заметным со времени официального учреждения министерств, когда верховная власть назначила на пост синодального обер-прокурора лицо, находившееся в исключительно близких отношениях в ней и пользовавшееся особенным доверием государя. Определив обер-прокурором св. Синода свое доверенное лицо, император Александр фактически создал для него такие же отношения к высшему церковному учреждению, в какие, под влиянием известной нам правительственной политики Екатерины II, был поставлен к Сенату генерал-прокурор, постепенно выделявшийся из Сената, как самостоятельный личный орган государственного управления.

Мы видели, что Александр не только сделал обер-прокурора Голицына обязательным посредником в своих сношениях со св. Синодом, но и поручил ему, независимо от высшего церковного учреждения, озаботиться предварительной теоретической разработкой и практическим разрешением наиболее важных церковно-общественных вопросов того времени. Устранение Синода от посредственного участия в обсуждении и проведении в церковную жизнь планов и проектов правительства и предоставление Голицыну немаловажного права производить желательные преобразования в духовном ведомстве не через св. Синод, а через посредство особых комитетов и специальных комиссий, выделяли обер-прокурора

из высшего церковного учреждения, с которым он был тесно и неразрывно связан по идее организатора обер-прокурорского института, и, в связи с другими благоприятными условиями, сообщали его деятельности новый, министерский характер.

Обширные преобразования Александровского правительства, выразившиеся в учреждении стройной системы министерств, оказали довольно сильное влияние на положение прокуратуры в духовном ведомстве, повели за собой и официальное превращение синодального обер-прокурора в министра духовных дел. 19 ноября 1817 года на имя пр. Сената был дан императорский указ, заключавший в себе высочайшее повеление «обер-прокурору св. Синода и главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий, тайному советнику, кн. Голицыну быть министром духовных дел и народного просвещения»⁶⁸⁰, а 24 числа того же месяца последовал и высочайший манифест⁶⁸¹, подробно и точно определявший отношения нового министра к высшему церковному учреждению.

Несомненно, что крупная реформа в области церковного управления, выразившаяся в учреждении министерства духовных дел, находясь в известной зависимости от общегосударственных преобразований правительства, в то же время стояла в самой тесной связи и со своеобразными религиозными взглядами и убеждениями императора Александра, не видевшего ничего противного канонам православной церкви в подчинении св. Синода светскому министру духовных дел.

Как известно, император Александр I не получил религиозного воспитания в духе православной церкви, что, однако же, не помешало ему сделаться впоследствии религиозным человеком, искренно сожалевающим, что его воспитатели не были верующими христианами. Но характер той религиозности, которая под влиянием обстоятельств, пережитых государем, овладела душой Александра, далеко не гармонировал с характером православного христианского учения. В исторической литературе уже было отмечено, что император Александр, подобно многим своим современникам,

также лишенным религиозного воспитания, но чувствовавшим потребность религии, «выработал себе собственную своеобразную религию без определенных догматических убеждений, универсальную религию сердца, одинаково мирившуюся со всеми вероисповеданиями и ни к одному из них не принадлежавшую, близкую более к протестантскому мистицизму, чем к православию»⁶⁸².

Потрясающие события великой отечественной войны и войны за освобождение Европы от владычества Наполеона произвели сильнейшее впечатление на восприимчивую душу императора Александра и вызвали в нем мистически-религиозное настроение. Новое настроение освободителя Европы встретило самые благоприятные условия для своего дальнейшего развития и в тех последствиях, какие произвела борьба с Наполеоном в жизни большей части современных Александру европейских правительств и высших общественных классов, где также прежние либеральные воззрения и религиозное неверие заменились самым строгим консерватизмом и сильным религиозным мистицизмом. Продолжительное пребывание императора в пределах западной Европы и частые сношения с различными представителями мистицизма, стремившимися выработать универсальную религию сердца, в значительной степени способствовали тому, что и религиозные взгляды и убеждения самого Александра приняли своеобразный характер, далекий от учения православной церкви. Он выработал себе убеждение, что истинное, идеальное христианство не проявилось во всей своей полноте ни в одном из существующих христианских вероисповеданий, и что православие, также как и все другие христианские исповедания, включает в себе только долю истины. Не удовлетворяясь учением православной церкви, русский государь стремился найти религиозную истину в каком-то отвлеченном христианстве без церкви и догматов, в котором без особенных препятствий могли бы объединиться представители различных христианских вероисповеданий, как братья во Христе, исповедующие одну универсальную евангельскую религию.

Религиозное настроение Александра в связи с его своеобразными воззрениями на истинное, идеальное христианство оказало громадное влияние на настроение высшего русского общества и еще заметнее отразилось на взглядах многих лиц, заведовавших различными отраслями государственного управления. В рядах государственных деятелей, окружавших Александра, появились личности, вполне усвоившие новые религиозные воззрения императора и стремившиеся вместе с ним к проведению в русскую жизнь своеобразно понимаемых ими евангельских принципов и водворению царства Божия на земле. Организовалось известное Библейское общество, состоявшее из светских сановников и духовных лиц различных вероисповеданий и совершенно устранившее св. Синод от такого важного церковного дела, каким являлся предпринятый им перевод Св. Писания на разные языки. Библейское общество, членом которого состоял сам государь, открыто выставляло себя не принадлежащим ни к какой церкви и, считая себя выше всех частных церквей, стремилось к тому, чтобы «небесный союз веры и любви» объединил всех христиан в одно великое христианское семейство, «когда будет одна божественная христианская религия во всех различного образования христианских исповеданиях».

При таких отношениях императора Александра к господствующей православной церкви и ее учению должно было последовать не только объединение административного управления делами различных христианских вероисповеданий, но и организация подобного управления на общегосударственных началах, не оставлявших места нежелательной для правительства самостоятельности св. Синода в заведовании религиозной жизнью русского православного народа. И действительно, главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий, состоявший в то же время обер-прокурором св. Синода, был назначен государем на вновь учрежденный пост министра духовных дел, получившего право заведовать делами всех существовавших в России исповеданий. А так как религиозные дела, порученные

ведению министра духовных дел, должны были, по мысли благочестивого императора, тесно соприкасаться с народным просвещением, которое он стремился обосновать на началах христианского благочестия, то вместе с министерством духовных дел было соединено и министерство народного просвещения.

«Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения», писал Александр I в своем манифесте об учреждении нового министерства, «признали Мы полезным соединить дела по министерству народного просвещения с делами всех исповеданий в состав одного Управления, под названием министерства духовных дел и народного просвещения. Само собой разумеется, что к оному присовокупятся и дела св. пр. Синода, с тем, чтобы министр духовных дел и народного просвещения находился по делам сим в таком к Синоду отношении, в каковом состоит министр юстиции к пр. Сенату, кроме однако дел судных». Вновь учрежденное двойное министерство должно было заведовать «духовными делами» всех существовавших в России вероисповеданий и управлять делом народного просвещения⁶⁸³. Первый департамент нового министерства, названный департаментом духовных дел, подразделялся, по предметам своих занятий, на четыре отделения; первое из них вело дела греко-российского исповедания, второе – римско-католического, греко-униатского и армянского вероисповеданий, третье – всех протестантских исповеданий, а четвертое заведовало делами еврейской, магометанской и прочих нехристианских вер⁶⁸⁴. В свою очередь, первое отделение состояло из двух столов, из которых в одном собирались мемории св. пр. Синода, писались доклады государю императору «по части» св. Синода и комиссии духовных училищ, составлялись годовые отчеты по св. Синоду и комиссии духовных училищ, велась переписка, «по препоручениям св. Синода и комиссии духовных училищ», с министрами и другими лицами, заведующими отдельными частями управления, производились сношения с обер-прокурором св. Синода и прокурорами синодальных контор⁶⁸⁵. Во втором столе

производились дела по высочайшим повелениям: 1) об определении и увольнении членов св. Синода, 2) о вызове епархиальных архиереев для временного присутствия в св. Синоде, 3) о придворном духовенстве – по представлениям св. Синода, 4) об определении и увольнении присутствующих в синодальных конторах – по представлению министра, 5) об определении и увольнении обер-прокурора св. Синода и правителя дел комиссии духовных училищ, 6) об определении и увольнении прокуроров в синодальных конторах – по представлению начальства, 7) о награждении духовных лиц знаками монаршей милости, 8) о наградах светских лиц, служащих в духовном ведомстве и, наконец, сюда же были переданы дела 9) о происшествиях в церквях, 10) о происшествиях особенной важности в епархиях, 11) составление списков чинов по духовному ведомству и 12) «дела особенной тайне подлежащие»⁶⁸⁶.

Стоявший во главе управления новым обширным министерством, министр духовных дел и народного просвещения, как мы видели из высочайшего манифеста, был поставлен верховной властью в такие же отношения к св. Синоду, в каких находился министр юстиции к пр. Сенату. Правительство возложило на него высшее заведование всеми делами духовного ведомства. Министр должен был следить за деятельностью высшего церковного учреждения, безотлагательно получая от синодального обер-прокурора надлежащие мемории по делам, заслушанным в св. Синоде⁶⁸⁷, или же лично присутствуя на его заседаниях⁶⁸⁸; если, по каким-либо соображениям, он находил неудобным то или другое постановление св. Синода, то имел право высказать собственное мнение по возбужденному вопросу и побудить Синод вновь пересмотреть известное дело, совместно с высказываемыми замечаниями министра⁶⁸⁹. Давая св. Синоду разнообразные предложения или лично от себя, или через посредство синодального обер-прокурора⁶⁹⁰, министр духовных дел и народного просвещения представлял верховной власти доклады св. Синода по всем делам церковного управления⁶⁹¹, передавал Синоду всевозможные высочайшие повеления⁶⁹²,

вел «по духовной части» всякого рода сношения с различными министрами⁶⁹³ и подносил государю годовые отчеты о делах св. Синода и подчиненных ему учреждений⁶⁹⁴; в то же время он получал право приводить в исполнение высочайшие повеления об определении и увольнении членов св. Синода и о вызове епархиальных архиереев для временного присутствия в Синоде, определять и увольнять собственной властью главных светских чиновников синодального ведомства, заведовать награждением духовных лиц, по представлениям начальства, и принимать ближайшее участие в наблюдении за состоянием епархиальной церковной жизни⁶⁹⁵.

Образование министерства духовных дел. как высшей правительственной инстанции, обнимавшей все отрасли церковного управления и даже приравнивавшей самый Синод к второстепенным учреждениям, заведовавшим религиозной жизнью последователей различных неправославных и нехристианских вероисповеданий, существовавших в России, по-видимому, должно было окончательно подчинить церковь государству и, превратив духовное ведомство в одну из составных частей сложного государственного организма, отнять у представителей церкви всякую возможность руководиться в управлении синодальным ведомством не взглядами правительства, а действительными нуждами и потребностями церковной жизни.

Но крайнее унижение св. Синода, явившееся результатом учреждения министерства духовных дел, – унижение, оказавшееся, вследствие характера деятельности Голицына, далеко небезопасным для интересов самого православия, не могло не вызывать сильного, хотя и затаенного недовольства произведенной реформой в среде высшей церковной иерархии. Уже самое учреждение министерства духовных дел казалось ревнителям православия крайним унижением господствующей церкви и незаконным нарушением ее неотъемлемых прав на самостоятельность управления и исключительно привилегированное положение в ряду других религиозных обществ, существовавших в православном государстве. Принцип самой широкой веротерпимости в полной

равноправности всех исповеданий, проведенный в учреждении нового министерства, не только поставил господствующую веру на ряду с различными инославными христианскими вероисповеданиями, но и приравнял ее к нехристианским религиям; св. Синод был подчинен министру духовных дел и находился к нему в совершенно таких же отношениях, как и различные учреждения, заведовавшие делами инославных и нехристианских исповеданий. Такое унижение господствующей веры и церкви возбуждало ропот и негодование в среде православного духовенства. Увлечение же Голицына мистицизмом, начавшее угрожать серьезными опасностями православной церкви, побудило, наконец, наиболее видных представителей униженной иерархии решиться и на открытое выражение своего недовольства правительственной деятельностью нового министра, что, в свою очередь, повело за собой уничтожение самого министерства духовных дел.

Кн. П. С. Мещерский

Официально поставленный императором Александром в положение министра духовных дел, представитель государственной власти в церковном управлении, сосредоточив в своих руках высшее заведование всеми важнейшими делами синодального ведомства, должен был уклониться от ближайшего и непосредственного участия в деятельности св. Синода, так как правительство нашло необходимым определить в высшее церковное учреждение особого обер-прокурора, подчиненного новому министру. По представлению Голицына, в самом непродолжительном времени после учреждения министерства духовных дел, св. Синод и получил такого обер-прокурора, поставленного уже в зависимость не от самого государя, а от одного из его министров.

24 ноября 1817 года пр. Сенату был дан именной императорский указ, повелевавший «д. с. с. князю Мещерскому быть обер-прокурором св. пр. Синода с жалованием, по сему месту положенным»⁶⁹⁶. 5 декабря Синод выслушал сенатское ведение об учреждении министерства духовных дел⁶⁹⁷ и назначении Мещерского синодальным обер-прокурором⁶⁹⁸, а 13 февраля 1818 года Петр Сергеевич Мещерский вступил в отправление своих служебных обязанностей. «Имею честь донести Вашему Сиятельству», писал он Голицыну от 18 февраля 1818 года⁶⁹⁹, «что 13 февраля сего года вступил я в отправление своей должности обер-прокурора св. Синода, о чем донесено от меня лично и и. д. Вашего Сиятельства, т. с. Козодавлеву».

Хотя в лице кн. Мещерского св. Синод и получил нового обер-прокурора, но, так как последний, с учреждением министерства духовных дел, утратил свое важнейшее право непосредственных сношений с верховной властью и был поставлен в подчиненные отношения к Голицыну, то действительным представителем государственной власти в синодальном ведомстве остался по-прежнему тот же Голицын, как окончательно выделившийся из Синода государственный

орган церковного управления. В специальном наказе⁷⁰⁰, разъяснявшем права министра духовных дел и обязанности синодального обер-прокурора, само правительство определило их взаимные отношения тем, что приравняло первого из них к генерал-прокурору, а второго – к обер-прокурору пр. Сената⁷⁰¹, и, таким образом, признало министра единственным органом своего влияния на управление духовным ведомством, так как сенатские обер-прокуроры не имели самостоятельного значения и находились в полном распоряжении генерал-прокурора.

Правда, при учреждении министерства духовных дел правительство нашло нужным подтвердить права и обязанности синодального обер-прокурора, основанные на известной инструкции 1722 года⁷⁰², а отчасти даже и выработанные предшествовавшей практикой⁷⁰³, сильно развившей обер-прокурорскую власть, но, вместе с тем, оно поставило его в совершенно подчиненные отношения к министру и превратило обер-прокурора из своего ближайшего и непосредственного представителя в области церковного управления в простого уполномоченного министра духовных дел.

Синодальный обер-прокурор был обязан представлять министру мемории о всех делах, рассматривавшихся в св. Синоде⁷⁰⁴, и если, получив мемории, министр находил нужным высказать свой собственный взгляд по поводу какого-либо вопроса, уже решенного Синодом, то на обер-прокурора возлагалась обязанность предложить высшему церковному учреждению принять во внимание министерское мнение и вновь пересмотреть свое решение⁷⁰⁵. – В случаях разногласия во взглядах и мнениях синодальных членов потому или другому вопросу, обер-прокурор должен был немедленно представить министру подлинные протоколы Синода, вместе со своим заключением⁷⁰⁶, министр же духовных дел располагал правом или непосредственно от себя, или через того же обер-прокурора дать Синоду надлежащее предложение⁷⁰⁷. – Наиболее важные права и обязанности обер-прокурора, выражавшиеся в непосредственных сношениях с верховной властью во делах св. Синода, сделались исключительной привилегией одного только министра духовных дел⁷⁰⁸, совершенно устранившего

синодального обер-прокурора и от сношений с министрами, стоявшими во главе управления различными светскими ведомствами⁷⁰⁹.

Нельзя не видеть, что, хотя с учреждением министерства духовных дел и сохранил свое существование институт синодальной прокуратуры, но действительным представителем государственной власти в церковном управлении являлся уже теперь не обер-прокурор, а новый министр. И действительно, во все время функционирования министерства духовных дел, обер-прокурор Мещерский не имел возможности самостоятельно оказывать какое бы то ни было влияние на церковное управление и был поставлен в необходимость ограничивать свою деятельность одним только выполнением разнообразных поручений Голицына.

Голицын довольно часто передавал свои распоряжения по духовному ведомству через посредство синодального обер-прокурора, и, в таких случаях, Мещерский обыкновенно делал соответствующие предложения св. Синоду, пользовался находившимися в его распоряжении средствами для приведения в исполнение министерских поручений и представлял Голицыну установленные рапорты о практических результатах тех мер, какие принималась им для осуществления желаний министра духовных дел. – 13 февраля 1818 года временно исправлявший должность министра духовных дел, т. с. Козодавлев, сообщил обер-прокурору Мещерскому, что он, на основании высочайшего распоряжения, объявленного Голицыным, назначил надворного советника Радица для производства судебного следствия по делу о злоупотреблениях свечными церковными доходами, имевших место, по показаниям священника Луки Лесницкого, в г. Лебедине. Сообщив, что все распоряжения об отравлении упомянутого чиновника на место судебного следствия уже сделаны им, Козодавлев поручил Мещерскому довести факт назначения следователя в г. Лебедина до сведения св. Синода⁷¹⁰. Обер-прокурор исполнил поручение и. д. министра духовных дел⁷¹¹ и представил Голицыну доклад о своем отношении к предписанию Козодавлева⁷¹². – 20 октября 1818 года Голицын,

получивший донесение на священника Лесницкого от его епархиального архиерея, сильно вооруженного против виновника неприятного судебного следствия о злоупотреблениях свечными доходами, писал Мещерскому: «слободско-украинский епископ Павел сообщил мне о разных якобы противозаконных поступках лебединского священника Луки Лесницкого, по доносу которого было произведено следствие относительно злоупотреблений свечными доходами в соборной Успенской церкви. Я предоставляю Вам предложить сообщения на рассмотрение св. Синода»⁷¹³. Мещерский исполнил поручение министра⁷¹⁴ и рапортовал Голицыну, что Синод предписал слободскому преосвященному дать законное движение делу о повенчании священником Лесницким чужих прихожан, постановив отложить суждение об остальных поступках обвиняемого священника до окончательного решения возбужденного им дела о злоупотреблениях свечными суммами⁷¹⁵. Министр не удовлетворился таким постановлением и поручил обер-прокурору побудить Синод озаботиться скорейшим окончанием дела, обратившего на себя внимание самого государя⁷¹⁶. – Донос Луки Лесницкого, как видно из документов синодального архива, не только восстановил против него местное епархиальное начальство, но даже отразился чувствительным образом и на положении его ближайших родственников, служивших в той же епархии. 16 марта 1819 года Голицын писал Мещерскому, что священник слободско-украинской епархии Василий Лесницкий, прислав две жалобы на притеснения местного епархиального начальства, прибыл, наконец, в Петербург и здесь лично подал ему новое прошение; убедившись, что прошение Василия Лесницкого имело тесную связь с доносом его брата Луки, министр отослал полученные жалобы к синодальному обер-прокурору и поручил Мещерскому предложить их на рассмотрение св. Синода⁷¹⁷. В свою очередь, и Лука Лесницкий самовольно явился в Царское Село и там лично подал государю жалобу на притеснения епархиального начальства. Государь, выслушав доклад Голицына о положении, в каком находилось в то время еще нерешенное дело жаловавшегося священника, приказал освободить Лесницкого

от обязанности возвращения в епархию и выразил желание, чтобы его дело не было предложено на рассмотрение св. Синода в отсутствие петербургского митрополита Михаила, что министр и поручил привести в исполнение обер-прокурору Мещерскому⁷¹⁸. – Стремление синодальной прокуратуры поставить в непосредственную зависимость от себя секретарей духовных консисторий оказало известное влияние на характер их отношений к местным епархиальным архиереям, так что некоторые из консисторских секретарей, смотря на себя, как на представителей обер-прокурорской власти в епархиальном управлении, начали уже руководиться подобной точкой зрения и в своих отношениях к местным преосвященным. Учреждение министерства духовных дел, еще более усилившее значение государственной власти в общей системе церковного управления, также оказало свой долю влияния на фактические отношения некоторых секретарей духовных консисторий к епархиальным архиереям. – 29 апреля 1818 года орловский епископ Иона обратился к Голицыну с жалобой на секретаря местной консистории, Прутковского, совершенно вышедшего из границ должных отношений к своему архиерею. «Сколько ни желательно было мне победить благим злое», писал Голицыну преосвященный Иона⁷¹⁹, «но все противостоит моим намерениям, и я должен прибегнуть к помощи Вашего Сиятельства. Все мои многочисленные указания и предписания не исполняются, и в канцелярии консистории дела находятся в непозволительном беспорядке. Такая беспорядочность в делах поддерживается и распространяется самой консисторией и особенно ее секретарем, который, злоупотребляя именем Вашего Сиятельства, выдает себя вторым равновластным начальником⁷²⁰, а потому и производит в консистории и в целой епархии зловредное разделение, со всеми его нежелательными последствиями, и, совершенно выйдя из повиновения, вопреки всем вразумлениям и увещеваниям, исполняет только те мои определения и резолюции, которые согласны с его видами и пристрастиями». Получив жалобу орловского епископа, с просьбой удалить из его епархии секретаря Прутковского, министр духовных дел сообщил Мещерскому, что, не имея

намерения оставлять Прутковского при настоящей должности, он поручает синодальному обер-прокурору предложить секретарям духовных консисторий, не пожелает ли кто либо из них поменяться местами с орловским секретарем⁷²¹.

Передавая обер-прокурору самые разнообразные поручения по синодальному ведомству и требуя от него точного исполнения своих предписаний, министр духовных дел иногда привлекал Мещерского и к разработке проектов новых законоположений по управлению церковным ведомством, но, и в подобных случаях, обер-прокурор не имел возможности действовать самостоятельно, а должен был только выполнять поручения своего министра. – 13 апреля 1819 года Голицын, сообщив обер-прокурору, что, по случаю предстоявших в Государственном Совете рассуждений об увеличении штатных окладов канцелярии пр. Сената, государь высказался в пользу уравнивания с сенатской канцелярией и канцелярии св. Синода, предписал Мещерскому выработать проект нового штата для канцелярий св. Синода и московской синодальной конторы. Вместе с тем, министр духовных дел дал Мещерскому и другое, очень важное поручение – представить свои соображения по вопросу о том, в каких размерах можно увеличить жалование, получаемое самими членами Синода и его московской конторы⁷²².

Обер-прокурор исполнил предписание Голицына и 18 апреля 1819 года представил на его усмотрение свой проект новых штатов высшего церковного учреждения; автор проекта предполагал назначить всем членам Синода из архиереев, сообразно с жалованием сенаторов, по 4,000 рублей в год, а из архимандритов, на основании штата 1763 года, по 3,000 рублей. Но так как архимандриты в то время не присутствовали в св. Синоде, то Мещерский признавал законным обратить их оклады в жалование царскому духовнику и обер-священнику, хотя, по тому же штату 1763 года, протоиереям и полагалось жалования на одну треть менее вознаграждения, получаемого архимандритами. Необходимость назначения архимандритских окладов царскому духовнику и обер-священнику обер-прокурор мотивировал тем, что труды архимандритов и протоиереев, как

синодальных членов, совершенно одинаковы, и протоиереи даже более нуждаются в средствах, чем архимандриты, так как, обремененные семействами, они не имеют таких пособий, какие получают последние от своих монастырей. Составляя требуемый министром план новых штатов св. Синода и его канцелярии, Мещерский не забыл и о материальном обеспечении синодального обер-прокурора, назначив ему в своем проекте, сообразно с сенатским штатом, вместо прежних 2,000 рублей в год, 4,000 рублей жалования и 2,000 рублей столовых денег⁷²³. Голицын внес выработанный обер-прокурором проект на обсуждение общего собрания Государственного Совета, признавшего его сообразным с высочайше подтвержденным штатом Сената, и 9 июля 1819 года государь утвердил представленные министром духовных дел штаты св. Синода⁷²⁴.

По-видимому, приведенный факт говорит и о некоторой самостоятельности обер-прокурора в разработке довольно важных вопросов синодального управления, но в действительности, и в данном случае, Мещерский только выполнил поручение министра духовных дел, так как при составлении своего проекта должен был строго сообразоваться с новым штатом пр. Сената, присланным Голицыным в качестве обязательного руководства в предстоявшей ему работе.

Не всегда, однако же, синодальный обер-прокурор имел возможность оказывать известное влияние на церковное управление даже и в положении уполномоченного министра духовных дел, обязанного выполнять его разнообразные предписания, так как Голицын нередко совершенно устранял Мещерского от всякого посредничества в своих сношениях со св. Синодом и лично от себя давал различные предложения высшему церковному учреждению. – 17 июня 1818 года св. Синод, выслушав предложения Голицына от 9-го июня, постановил предписать всем епархиальным архиереям и настоятелям ставропигиальных монастырей, чтобы они обязательно доносили о каждом происшествии, случавшемся в их церквях, непосредственно самому министру духовных дел. Напомнив Синоду об именном императорском указе от 21

сентября 1804 года, обязавшем духовное начальство принимать меры к установлению в церквях должного благочиния и о важных происшествиях доводить до сведения государя, Голицын указал в своем предложении, что впоследствии, во исполнение высочайшей воли, было предписано всем епархиальным преосвященным, по поводу каждого бесчиния и происшествия в церквях, немедленно относиться к нему, министру, состоявшему еще в то время в должности синодального обер-прокурора. Но, со времени учреждения министерства духовных дел, некоторые архиереи сообщали Голицыну подобные сведения, а другие по-прежнему относились с ними к синодальному обер-прокурору, что и побудило Голицына предложить св. Синоду вменить в обязанность епархиальным начальствам доносить о происшествиях в церквях непосредственно самому министру духовных дел⁷²⁵. – Когда, по поводу министерских докладов о непристойных происшествиях, в которых нередко фигурировали священно-церковно-служители, являвшиеся в церкви в непозволительном, нетрезвом виде, государь заметил, что опозорившие себя духовные лица не могли, конечно, вдруг прийти до такого нравственного падения, а постепенно приводились к нему нетрезвой жизнью, почему благочинным и следовало бы своевременно доносить о них епархиальному начальству, то Голицын предложил св. Синоду принять указанные им меры для предупреждения подобных явлений на будущее время. Министр духовных дел признал необходимым вновь подтвердить прежнее предписание, чтобы епархиальные архиереи, наблюдая величайшую осторожность в выборе благочинных, обращали особое внимание на священнослужителей, преданных безобразному пороку пьянства, и всеми мерами старались бы об искоренении подобного порока в среде приходского духовенства, предавая суду и лишая духовного сана не исправляющихся священно-церковно-служителей. Синод исполнил предложение Голицына и постановил разослать по епархиям соответствующие указы⁷²⁶. – Во время проезда государя через архангельскую губернию, благочинный онежского уезда Гавриил Львов, вопреки

предписанию начальства, отлучался из Дениславского прихода, оставив там одного местного священника Варфоломеева, а последний, находясь в нетрезвом состоянии, отказался, будто бы по болезни, от служения литургии, хотя присутствовать на ней и выразил желание сам император Александр. Получив известие о неприятном происшествии, Голицын обратился к архангельскому преосвященному с запросом о мерах наказания виновных и, узнав, что Львов лишен должности благочинного и переведен из богатого в бедный приход, а священник Варфоломеев перемещен в бедный приход и послан на полгода в монастырь, с запрещением священнослужения во время монастырского заключения, нашел наказание виновных чрезвычайно слабым и недостаточным для удержания их от предосудительной жизни; кроме того, он признал такую меру наказания несправедливой и вредной для прихожан, так как последние, без всякой вины с своей стороны, были поставлены в необходимость иметь у себя порочных священников. Сообщив св. Синоду свой взгляд на наказание провинившихся священнослужителей, министр духовных дел предложил ему внимательно отнестись к распоряжению архангельского епископа, и Синод, вытребовав предварительно самые подробные сведения о происшествии, также признал наказания, наложенные епархиальным архиереем на виновных священников, не соответствовавшими важности их проступков и постановил лишить священства как Львова, так и Варфоломеева и определить их на причетнические места⁷²⁷.

Несмотря на громадное влияние, какое имел возможность оказывать на церковное управление министр духовных дел через подчиненного ему синодального обер-прокурора или же путем непосредственных предложений св. Синоду, высшее духовенство, по всей вероятности, должно было бы по необходимости окончательно примириться с установившимися отношениями представителя государственной власти к церковной жизни, так как Голицын пользовался безусловным доверием и расположением императора Александра. Но увлечение министра духовных дел господствовавшим в то время мистицизмом, – увлечение, постепенно усиливавшееся и

начавшее принимать характер и направление, нежелательные для интересов церкви, дало возможность наиболее усердным и смелым ревнителям православия из среды духовенства, в значительной степени, подорвать безграничное доверие государя к могущественному Голицыну⁷²⁸, а затем, при содействии временщика Аракчеева, добиться и совершенного увольнения Голицына от должности министра духовных дел.

15 мая 1824 года пр. Сенату был дан именной императорский указ, решивший судьбу министерства духовных дел. «Снисходя на прошение министра духовных дел и народного просвещения, д. т. с. кн. Голицына», писал в своем указе император Александр⁷²⁹, «всемиловитейше увольняем его от управления сими двумя министерствами, оставляя его главноуправляющим над почтовым департаментом». Назначенному на место Голицына, новому министру народного просвещения, адмиралу Шишкову, тем же императорским указом, было поручено главное управление духовными делами иностранных исповеданий на основании манифеста 25 июля 1810 года, но ведомство православного исповедания, с увольнением Голицына, уже не перешло в ведение нового министра, а было поставлено в то же положение, в какое оно находилось до учреждения министерства духовных дел. «Назначив особого министра народного просвещения», писал государь в своем указе св. Синоду от 15 мая 1824 года⁷³⁰, «повелеваем: делам св. пр. Синода... иметь то же течение, в каком они находились до учреждения министерства 24 октября 1817 года».

Хотя именной императорский указ от 15 мая 1824 года и восстановил прежний порядок управления синодальным ведомством, имевший место до 24 октября 1817 года, но непродолжительно существовавшее министерство духовных дел оказало, однако же, настолько сильное влияние на фактическое положение представителя государственной власти в св. Синоде, что, после увольнения Голицына, значительная часть его министерских прав и преимуществ была перенесена на синодального обер-прокурора.

Необходимо заметить, что несмотря на уничтожение министерства, правительство сохранило первое отделение департамента духовных дел, где сосредоточивались все синодальные дела, поступавшие на усмотрение и распоряжение министра, и высочайшим указом, данным 15 мая 1824 года на имя комитета министров, поручило его ведению обер-прокурора св. Синода⁷³¹. «Что касается до первого отделения бывшего департамента духовных дел», писал Мещерскому гр. Аракчеев по поводу происшедших перемен в управлении синодальным ведомством⁷³², «то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы оное оставалось в настоящем его положении под именем отделения духовных дел греко-российского исповедания при обер-прокуроре св. Синода, а определения, увольнения и награды чиновников отделения производимы были на правилах общего министерств учреждения». А так как в 1 отделении департамента духовных дел сосредоточивалась вся министерская деятельность Голицына по отношению к синодальному ведомству⁷³³, то и передача отделения в ведение обер-прокурора фактически ставила Мещерского почти в такие же отношения к св. Синоду, в каких находился к нему министр духовных дел.

Сохранив главное отделение министерского департамента и передав его в распоряжение синодального обер-прокурора, правительство наделило Мещерского и наиболее важным министерским правом – правом непосредственных сношений с верховной властью по делам своего ведомства. – 17 июня 1824 года гр. Аракчеев сообщил Мещерскому очень важное распоряжение государя, касавшееся сношений синодального обер-прокурора с верховной властью по делам высшего церковного учреждения. «Его Величество», писал Аракчеев, «повелел мне объявить вам Высочайшую волю, чтобы вы дела св. Синода, подлежащие Высочайшему разрешению и рассмотрению, присылали всегда к Его Императорскому Величеству в запечатанных конвертах со следующей надписью: «Его Императорскому Величеству – от обер-прокурора св. Синода – дела св. Синода – в собственные руки»⁷³⁴.

Установленный государем определенный порядок сношений синодального обер-прокурора с верховной властью сохранил свое существование и при преемнике Александра, императоре Николае I; представляя новому императору свой первый всеподданнейший доклад по делам св. Синода, обер-прокурор Мещерский нашел нужным указать в нем на различные способы представлений государю синодальных докладов, существовавшие при Александре Павловиче, и, упомянув о последнем высочайшем распоряжении, объявленном гр. Аракчеевым, пожелал узнать, какого порядка, по мнению государя, следует придерживаться ему на будущее время в своих сношениях с верховной властью? «Сохраним тот же последний порядок», написал император Николай в своей резолюции на обер-прокурорском докладе⁷³⁵.

Со вступлением на престол императора Николая I, взгляды правительства на положение св. Синода и его обер-прокуроров в области церковного управления, – взгляды, составлявшие главную основу, почву, на которой создавался и вырабатывался характер отношений представителей прокуратуры к высшему церковному учреждению, не сделались более благоприятными для интересов св. Синода. Воспитанный в духе суровой военной дисциплины и называвший всю систему государственного управления характерным военным термином команды, император Николай, торжественно провозгласивший самодержавие одним из основных принципов своей внутренней и внешней политики, стремился подчинить все отрасли государственной, общественной и духовной жизни русского народа тяжелой опеке сильной и крепкой правительственной власти, не оставлявшей должного места свободным проявлениям общественной и индивидуальной самодеятельности. Результатом подобных стремлений государя, всего выше ценившего внешний порядок в управлении и желавшего видеть в каждом органе правительственной власти сильное и властное начальство, стоящее на высоте своего положения, явилось крайнее развитие всемогущей бюрократии, подчинившей себе все стороны государственной и народной жизни. По словам довольно удачной характеристики

дореформенного строя государственного управления, принадлежащей известному публицисту Каткову, бюрократия во время царствования Николая составляла «все во всем»; характеризуя, между прочим, положение церкви и церковного управления в Николаевское тридцатилетие, он находил даже возможным утверждать, что в то время не существовало церковного управления, а вместо него была бюрократия. Конечно, мы не можем согласиться с подобным мнением и не будем отрицать существования церковного управления в Николаевское царствование только потому, что в то время все сферы государственной, общественной и духовной жизни русского народа должны были испытывать на себе тяжелую опеку всесильной бюрократии, но, во всяком случае, приведенное замечание заключает в себе ту верную мысль, что непомерное развитие бюрократической системы не осталось без значительного влияния и на церковное управление.

Передача в ведение синодального обер-прокурора первого отделения департамента духовных дел, с простым переименованием его в «отделение духовных дел греко-российского исповедания при обер-прокуроре св. Синода», и предоставление ему права непосредственных сношений с верховной властью по делам высшего церковного учреждения, ставили Мещерского в условия, чрезвычайно благоприятные для дальнейшего развития влияния прокуратуры на синодальное управление, и фактически создавали для него положение, уже в значительной степени приближавшееся к положению бывшего министра духовных дел, кн. Голицына.

И нужно заметить, что даже само правительство нередко официально, хотя и не прямо, а косвенным образом, приравнивало права и обязанности синодального обер-прокурора к полномочиям министров различных ведомств и возлагало на Мещерского разнообразные поручения, позволявшие ему проводить некоторые правительственные мероприятия в жизнь духовного ведомства без всякого содействия св. Синода. – 21 августа 1827 года обер-прокурор предложил св. Синоду, для сведения и надлежащего исполнения, копию с выписки из журнала комитета министров,

где была изложена воля государя, чтобы министры наблюдали за исполнением императорских распоряжений и требовали своевременных донесений об их выполнении от всех лиц и учреждений, получавших высочайшие повеления⁷³⁶. – 25 ноября 1827 года статс-секретарь Муравьев сообщил обер-прокурору Мещерскому, что в некоторых из представленных министрами ведомостей не обозначено, через кого были объявлены известным учреждениям различные высочайшие указы, и рекомендовал ему обязательно доставлять подобные сведения⁷³⁷. Очевидно, что в данных случаях правительство не выделяло синодального обер-прокурора из числа главноуправляющих отдельными ведомствами и приравнивало его полномочия к правам и обязанностям министров.

В мае 1826 года, через статс-секретаря Муравьева, обер-прокурору Мещерскому было объявлено высочайшее повеление о составлении новых штатов по духовному ведомству, вследствие чего 11 декабря того же года Мещерский представил государю свой первый проект требуемых штатов. Но так как в скором времени, через комитет министров, последовало распоряжение верховной власти, чтобы штаты различных ведомств были составлены сообразно с новым положением о канцелярских служителях, то представленный государю проект был возвращен Мещерскому для необходимой переработки, и 3 декабря 1827 года император получил от обер-прокурора переработанный план общих штатов, как по главным центральным учреждениям духовного ведомства, так и по различным местам епархиального управления. Выпиской из журналов комитета министров от 28 декабря 1828 года и 5 января 1829 года Мещерский был поставлен в известность, что, по высочайшему повелению, новые штаты в самом непродолжительном времени должны быть внесены министрами в Государственный Совет⁷³⁸. – Нельзя не видеть, что, в данном случае, правительство не только приравнивало синодального обер-прокурора к министрам других ведомств, но и пользовалось им, как самостоятельным органом государственной власти в церковном управлении, для

проведения желательных преобразований в жизнь духовного ведомства без ближайшего участия св. Синода.

Интересно однако, что и теперь, когда обер-прокурор, как фактический преемник значительной части прав и полномочий министра духовных дел, получил возможность подчинить своему сильному влиянию всю систему церковного управления, в св. Синоде могли еще иногда иметь место и старые явления, обуславливавшиеся стремлениями синодальных членов руководиться при решении дел собственными соображениями, а не взглядами прокуратуры. – В своем всеподданнейшем докладе от 13 апреля 1829 года Мещерский писал, что по делу, возбужденному «просьбой генерал-адъютанта Клейнмихеля о дозволении ему вступить в брак с двоюродной сестрой его бывшей жены», синодальные члены высказали различные мнения и, несмотря на все настойчивые предложения обер-прокурора, не пришли к единогласному решению. Докладывая государю о разногласии членов св. Синода по вопросу, возбужденному прошением Клейнмихеля, Мещерский заявил, что он, со своей стороны, считает совершенно правильным мнение митрополитов новгородского и московского и епископа курского, признавших невозможным удовлетворение рассмотренной просьбы генерал-адъютанта. Император Николай Павлович остался чрезвычайно недоволен недостаточно энергичными действиями представителя государственной власти по отношению к высшему церковному учреждению и решительно заявил в своей резолюции, что обер-прокурор обязан употребить все находящиеся в его распоряжении средства, чтобы побудить Синод придти к определенному и законному решению затронутого вопроса. «В догматах веры разногласия быть не может и не должно», написал государь на всеподданнейшем докладе синодального обер-прокурора⁷³⁹, «посему подобного представления принять не могу от высшего духовного места в государстве. Вам, как блюстителю законов, должно вразумить членам Синода⁷⁴⁰ и, когда положится общее единогласное мнение, основанное не на умствованиях и толкованиях, а на точном смысле догматов, тогда мне оно представлять. Сим делом заняться немедленно,

ибо впредь строго вам запрещаю входить с подобным докладом, который совершенно выходит из всякого приличия». Высочайшая резолюция была предложена на обсуждение полного собрания синодальных членов, и хотя св. Синод постановил признать невозможным удовлетворение просьбы Клейнмихеля, однако же один из его членов, протопресвитер Криницкий, отказался подписать синодальный протокол, потребовав несколько дней для размышления⁷⁴¹.

Не менее интереса представляет для нас и другое обстоятельство, являющееся своего рода пережитком, отголоском прежних обычных взаимных отношений верховной власти и членов высшего церковного учреждения; мы разумеем частные, единичные случаи непосредственных сношений с государем петербургского митрополита Серафима, однажды получившего возможность оправдать в глазах императора законность синодального постановления, представленного в обер-прокурорском докладе неудобным и не вполне справедливым распоряжением, а в другой раз объявившего св. Синоду высочайшую волю о перемещении архиереев.

В своем всеподданнейшем докладе от 10 декабря 1827 года обер-прокурор Мещерский сообщил государю, что городской секретарь Повалошвейковский испрашивает высочайшей милости – утвердить его брак с дочерью помещика Евфросиньей Ваулиной, так как Синод, расторгнув данный брак, по причине родства незаконных супругов, поставил в самое несчастное положение пятерых детей, прижитых от неосмотрительно совершенного брака. Николай Павлович, под влиянием Мещерского, по-видимому, нашел возможным удовлетворить просьбу Повалошвейковского и написал на обер-прокурорском докладе: «брак расторгать, когда он дозволен был духовным начальством, я не признаю ни справедливым, ни удобным»⁷⁴². Но синодальные члены, обсуждая высочайшую резолюцию, признали необходимым, для оправдания законности своего постановления, представить государю точную и обстоятельную справку о деле городского секретаря и поручили исполнение общего решения митрополиту Серафиму. 20 декабря 1827 года Серафим представил от себя

непосредственно самому императору подробную записку обо всех обстоятельствах дела Поваловской и стремился доказать в ней, что постановление Синода, расторгнувшего брак, было вполне законно, так как духовное начальство разрешило совершение брака под условием соблюдения установленных предосторожностей, что, однако же, вследствие ложных показаний жениха и свидетелей, не предупредило заключения незаконного брачного союза. Донесение митрополита Серафима совершенно изменило, вызванный обер-прокурорским докладом, взгляд государя на постановление св. Синода, и даже повело за собой строгое замечание императора по адресу самого Мещерского. «Если бы в записке, мне представленной», написал Николай Павлович на донесении Серафима⁷⁴³, «дело было столь же ясно изложено, как здесь, то я бы не остановился согласиться со мнением св. Синода, – впредь г. обер-прокурору быть осмотрительнее в отправлении своей должности, и когда бывает в недоумении, спрашивать моего разрешения».

Как ни прочно установился уже в рассматриваемое время строго определенный порядок сношений верховной власти с высшим органом церковного управления через посредство синодального обер-прокурора, однако и при кн. Мещерском имели еще место единичные случаи объявления св. Синоду высочайших указов самими же членами высшего церковного учреждения. «Митрополит Серафим», писал, например, Мещерский в своем всеподданнейшем докладе от 16 апреля 1828 года⁷⁴⁴, «объявил св. Синоду Высочайшую волю о переводе пермского епископа Дионисия в другую епархию и о назначении на место его другого архиерея с большей твердостью».

Но необходимо заметить, что такого рода факты из области отношений св. Синода к своему обер-прокурору и к самой верховной власти теперь, при кн. Мещерском, представляли собой крайне редкие, исключительные явления, почти совершенно не парализовавшие возмущающего влияния прокуратуры на церковное управление.

Развитие обер-прокурорской власти, соединявшееся с осложнением обязанностей прокуратуры, побудило Мещерского восстановить временно существовавшую при Екатерине и должность специального чиновника за обер-прокурорским столом, но в скором времени, несмотря на самую усердную деятельность своего нового помощника, Мещерский пришел к убеждению в крайней недостаточности той помощи, какую мог оказать ему единственный чиновник, определенный за обер-прокурорский стол, и 5 июля 1830 года представил государю доклад о необходимости назначения в непосредственное распоряжение синодального обер-прокурора второго специального чиновника. Указав государю на трудность и сложность обер-прокурорских обязанностей, Мещерский писал в своем докладе от 5 июля 1830 года, что, изыскивая всевозможные средства к более успешному выполнению возложенных на него служебных обязанностей, он пришел к убеждению в необходимости иметь в своем распоряжении еще второго помощника, в лице товарища особого чиновника за обер-прокурорским столом. Законность своего желания он обосновывал на том, что в пр. Сенате не только при каждом департаменте, но и при каждом отделении департаментов полагалось по два штатных чиновника за обер-прокурорским столом; «между тем», писал Мещерский, «при разнообразии и множестве занятий Синода, его обер-прокурор,... действующий со времени Петра Великого по одной инструкции с генерал-прокурором, наблюдающий за всеми духовными присутственными местами в государстве и поставленный в отношения к высочайшей власти совершенно отличные от сенатских обер-прокуроров, гораздо больше имеет нужды в способных помощниках еще и потому, что духовное управление необходимо требует особой предварительной подготовки от лиц, участвующих в нем»⁷⁴⁵.

По-видимому, ничего не могло быть естественнее стремления Мещерского к увеличению наличного чиновничьего персонала, находившегося в непосредственном распоряжении синодального обер-прокурора, так как сильно осложнившиеся обязанности представителя государственной власти в

церковном управлении теперь уже не могли успешно выполняться без соответствующих изменений в организации или самой прокуратуры, или же высшего, центрального учреждения духовного ведомства. Но доклад Мещерского не встретил никакого сочувствия со стороны государя, заметавшего в своей резолюции, что «должно уменьшать, а не прибавлять число чиновников»⁷⁴⁶, и прокуратура должна была взыскать другие средства, чтобы иметь возможность легче и удобнее выполнять свои многосложные обязанности. Такие средства и были найдены ею в образовании новых, не существовавших ранее при св. Синоде, центральных учреждений, заведовавших различными отраслями церковного управления и непосредственно подчиненных синодальному обер-прокурору. Значительные изменения в организации центрального церковного управления, окончательно упрочившие новое положение представителя государственной власти в духовном ведомстве, последовали, однако же, не при самом Мещерском, принужденном в последние годы своей синодальной службы, по семейным обстоятельствам, довольно часто уклоняться от непосредственного заведования обер-прокурорскими делами⁷⁴⁷, а при его ближайших преемниках.

Увольнение Мещерского от должности синодального обер-прокурора состоялось 2 апреля 1833 года, 10 же апреля св. Синод выслушал сенатское ведение о совершившемся факте. «Обер-прокурора св. Синода, т. с. кн. Мещерского», писалось в именном императорском указе, данном Сенату 2 апреля 1833 года, «согласно принесенной Нам просьбе, Всемилостивейше увольняя от сей должности, повелеваем присутствовать ему в пр. Сенате,... с сохранением... тех окладов, какие он получал по званию обер-прокурора св. Синода из государственного казначейства»⁷⁴⁸.

Глава III. С. Д. Нечаев

Одновременно с увольнением Мещерского от синодальной службы последовало и высочайшее назначение обер-прокурором св. Синода д. с. с. Степана Дмитриевича Нечаева. 10 апреля 1833 года св. Синоду был сообщен именной императорский указ о назначении нового представителя государственной власти в высшее церковное учреждение, – указ, данный пр. Сенату 2 апреля того же года. «Члену комиссии духовных училищ, состоящему за обер-прокурорским столом в св. Синоде, д. с. с. Нечаеву», писал в своем указе император Николай⁷⁴⁹, «повелеваем быть обер-прокурором св. Синода, на том самом основании, как был предместник его, т. с. кн. Мещерский, с производством... всех окладов, кои штатом присвоены званию обер-прокурора св. Синода».

Нечаев вступил в отправление обер-прокурорских обязанностей уже в достаточной степени подготовленным к своей новой службе, так как, состоя с 1 декабря 1828 года чиновником за обер-прокурорским столом в св. Синоде, он имел возможность, во время частых и иногда довольно продолжительных отлучек Мещерского из Петербурга, несколько раз официально исполнять обязанности синодального обер-прокурора⁷⁵⁰ и успел приобрести довольно значительное влияние на церковное управление⁷⁵¹. Располагая достаточной опытностью в исполнении специальных обязанностей представителя государственной власти в высшем церковном учреждении и умело пользуясь преимуществами своего положения, созданными предшествовавшей историей прокуратуры, Нечаев, не смотря на кратковременное пребывание в должности синодального обер-прокурора, успел оказать довольно важные услуги интересам обер-прокурорской власти и в значительной степени усилил ее влияние на разнообразные стороны церковной жизни.

Предшественники Нечаева, окончательно закрепившие за прокуратурой исключительное право непосредственных сношений с верховной властью по делам духовного ведомства,

поставили синодального обер-прокурора в такое положение, что он иногда имел возможность составлять различные императорские рескрипты и указы и, за высочайшею подписью, отсылать их по принадлежности. Представив. в первые же дни своей обер-прокурорской службы, один из таких рескриптов на утверждение государя и получив его обратно с надлежащей высочайшей подписью для доставления по принадлежности, Нечаев заявил в своем всеподданнейшем докладе от 8 апреля 1833 года, что порядок, соблюдающийся в аналогичных случаях по другим ведомствам, и самое приличие требуют рассылки подобных указов и рескриптов за именной императорской печатью. «Такой печати», писал обер-прокурор⁷⁵², «не было исходатайствованно моим предшественником, кн. Мещерским. Я считаю обязанностью, как для настоящего случая, так и для могущих быть впредь рассылок именных указов и рескриптов духовным и светским лицам,... испрашивать у Вашего Величества повеления снабдить меня императорской печатью из Кабинета». Желание Нечаева было удовлетворено, и синодальный обер-прокурор получил в свое распоряжение императорскую печать⁷⁵³.

Еще при кв. Мещерском, когда, во время его отсутствия, Нечаев исполнял обер-прокурорские обязанности, им был представлен на усмотрение государя доклад о недостатке канцелярских чиновников в столичных учреждениях синодального ведомства и о предположениях, сделанных по данному вопросу в св. Синоде. Хотя император Николай, как мы видели, и заметил на одном из обер-прокурорских докладов Мещерского, что «должно уменьшать, а не прибавлять число чиновников», но представление Нечаева не встретило принципиального несочувствия верховной власти, и государь не отвергнул самой необходимости увеличения штатов. Сделавшись обер-прокурором св. Синода, Нечаев 17 июня 1833 года вновь подал государю доклад об увеличении штатов, где, между прочим, проектировалось назначить обер-прокурору 8,000 рублей годового жалования, и успел достигнуть довольно благоприятных результатов, получив приказание передать проект министру финансов⁷⁵⁴. ,М. Ф.», написал император

Николай на докладе Нечаева⁷⁵⁵, «с тем, что ежели не найдет в сем затруднения, внесено было в будущую смету». – 24 февраля 1834 года обер-прокурор доложил государю, что министр финансов не нашел никаких препятствий к удовлетворению нужд церковного управления и сообщил ему, что требуемая новыми штатами добавочная сумма внесена в смету расходов по духовному ведомству на 1834 год⁷⁵⁶.

Изменение штатов синодального ведомства, устранявшее недостаток чиновничьего персонала в центральных церковных учреждениях, по мнению Нечаева, было еще далеко недостаточно для полного упорядочения деятельности церковных учреждений с их канцеляриями и могло повести за собой желательную быстроту и точность канцелярского делопроизводства только под условием самого ближайшего и строгого надзора прокуратуры за служебными занятиями всего чиновничьего персонала. Желание облегчить прокуратуре возможность такого надзора за деятельностью многочисленных чиновников, служивших в различных учреждениях духовного ведомства, и побудило Нечаева обратиться к государю с интересным проектом устройства казенной квартиры для синодального обер-прокурора в самом здании св. Синода.

Из трех канцелярий, состоящих под непосредственным начальством синодального обер-прокурора, писал Нечаев в своем всеподданнейшем докладе от 1 июля 1833 года⁷⁵⁷, каждая, по важности и количеству занятий, а также и по числу чиновников, может быть сравнена с министерскими департаментами. Множество дел, поступающих в св. Синод, их крайнее разнообразие, строго соблюдаемый коллегиальный порядок в производстве дел, вызывающий двойной или тройной труд для канцелярий, при весьма ограниченных окладах, по словам обер-прокурора, с давних времен лишали канцелярии духовного ведомства всякой возможности иметь у себя хороших и опытных чиновников, так как бедности содержания соответствовали и личные качества чиновничьего персонала, за которым необходим строжайший и самый близкий надзор главного начальства. «А для сего», писал Нечаев, «весьма было бы полезно дать обер-прокурору совокупное помещение с

присутствием и канцелярией Синода, так как временные посещения его, как бы часты они ни были, не могут внушить той точности и осторожности в действиях чиновников», какие необходимы в интересах духовного ведомства. В том же синодальном здании обер-прокурор проектировал поместить и отделение духовных дел греко-российского исповедания. Хотя проект Нечаева и потерпел неудачу, так как государь признал неудобным устройство частной квартиры в здании св. Синода, но самое стремление прокуратуры сделать фактически возможным для себя постоянный надзор за деятельностью всех трех своеобразных департаментов духовного ведомства, т. е. синодальной канцелярии, отделения духовных дел греко-российского исповедания и комиссии духовных училищ, встретило сочувствие верховной власти. «Согласен», написал император на докладе Нечаева, «кроме квартиры для обер-прокурора, ибо сие вовсе неудобно в таковом здании»⁷⁵⁸.

В ряду разнообразных мероприятий, предпринимавшихся Нечаевым для упорядочения деятельности центральных учреждений духовного ведомства и, в то же время, оказывавших известные услуги усилению обер-прокурорского влияния на церковное управление, наиболее важное значение имела организация на новых началах системы контролирования подчиненных св. Синоду мест и лиц в распоряжении денежными суммами духовного ведомства.

Положением комитета министров, высочайше утвержденным 5 сентября 1833 года, министерство финансов было устранено «от рассмотрения и разрешения обстоятельств и вопросов, открывавшихся в казенных палатах по отчетности не подведомственных ему учреждений», и обязанности контроля были возложены «на прочие министерства и управления, по подчиненности мест и лиц, безо всякого изъятия из этого правила»⁷⁵⁹. Общее правительственное распоряжение доставило Нечаеву достаточные основания поставить в непосредственную зависимость от синодального обер-прокурора контролирование финансовых распоряжений всех учреждений и лиц, подчиненных высшему органу церковного управления, и мнениями Государственного Совета, высочайше

одобренными 20⁷⁶⁰ и 29⁷⁶¹ декабря 1833 года, были введены в действие новые правила отчетности по ведомству св. Синода и организован при отделении духовных дел особый контроль, как самостоятельное учреждение, подчиненное не самому св. Синоду, а его обер-прокурору. Высший орган церковного управления должен был примириться с совершившимся фактом и, когда Нечаев предложил на его рассмотрение состоявшееся уже правительственное распоряжение об учреждении контроля при отделении духовных дел, определил «предоставить синодальному обер-прокурору разрешение обстоятельств и вопросов, могущих открыться в казенных палатах по отчетности мест и лиц, подлежащих ведомству св. Синода»⁷⁶².

С учреждением особого контроля, переданного в непосредственное заведование прокуратуры, Нечаев получил возможность в значительной степени усилить наблюдение государственной власти над одной из важнейших сторон церковного управления и распространить на некоторые отрасли церковного и монастырского хозяйства более строгие правила отчетности. – Высочайше утвержденные правила 29 декабря 1833 года, писал обер-прокурор в своем предложении св. Синоду от 27 марта 1835 года⁷⁶³. сделали обязательной для мест и лиц синодального ведомства такую отчетность, от которой многие из них были свободны до 1834 года. А так как, по мнению Нечаева, точное исполнение новых обязанностей, особенно относительно некоторых монастырей и церквей, было возможно в первое время только под условием внимательного наблюдения и даже руководства со стороны ближайшего начальства деятельностью подчиненных ему учреждений и лиц, то обер-прокурор и предложил св. Синоду предписать всем епархиальным архиереям, чтобы они смотрели на доставление в определенные места, к назначенному сроку, установленных отчетов для ревизии, как на одну из важнейших обязанностей духовенства, и обращали бы особенное внимание на состояние отчетности в своих епархиях, принимая надлежащие меры к немедленному исправлению замечаемых упущений в денежных отчетах различных учреждений и должностных лиц духовного ведомства. Синод исполнил обер-прокурорское предложение и

разослал по епархиям соответствующие указы⁷⁶⁴, хотя, в данном случае, взгляды и стремления Нечаева далеко не гармонировали с воззрениями самого высшего церковного учреждения и всего менее отвечали его собственным интересам.

Как в действительности относились представители церкви к разнообразным мерам, предпринимавшимся прокуратурой для введения более строгой отчетности в многочисленных суммах, находившихся в распоряжении духовного ведомства, можно отчасти видеть из некоторых писем московского митрополита Филарета к обер-прокурору Нечаеву. «Позвольте сказать», спрашивал Нечаева Филарет в своем письме от 31 декабря 1834 года⁷⁶⁵, «какая нужда касаться привилегий, дарованных Высочайшим доверием местному начальству? Что сбережет ваш контроль от 24 рублей иеромонашеского жалования? Что за охота контролю привлекать к себе работу бесполезную? Признаюсь, по моему мнению, не обещает добра и то, что вы добиваетесь до сведений о всех кружечных копейках по монастырям⁷⁶⁶... Духовенство иностранных исповеданий не преследуется так в своем хозяйстве, хотя и поместьями владеет». – «Спросим благодетельное правительство», читаем в другом письме Филарета к тому же синодальному обер-прокурору⁷⁶⁷, «желает ли оно, чтобы господствующее исповедание имело менее прав и привилегий, нежели прочие?» – Без сомнения, нет, уверенно отвечает Филарет и, основываясь на подобной уверенности, позволяет себе доказывать Нечаеву, что не следует вновь распространять строгих правил отчетности на некоторые отрасли церковного и монастырского хозяйства, а должно оставить прежде существовавшие порядки⁷⁶⁸.

Интересно, что московский митрополит, высказывая в своих письмах к обер-прокурору взгляды представителей церкви на изменения, внесенные прокуратурой в систему правительственного надзора за церковным хозяйством, должен был защищать себя от обвинений Нечаева в стремлениях, свойственных римско-католическому духовенству. «Позвольте мне не принять на свой счет», писал он⁷⁶⁹, «примера католических учреждений и их системы отдельности, скрытности

и властолюбия. Думаю, что в российском духовенстве никогда не было подобной системы». Очевидно, что Нечаев признал необходимым в значительной степени усилить правительственный контроль над денежными суммами, находившимися в распоряжении различных учреждений синодального ведомства, и поставить его в непосредственную зависимость от обер-прокурорской власти именно потому, что считал духовенство далеко несвободным от вполне естественных стремлений руководиться в ведении церковного хозяйства одними специальными интересами своего ведомства.

Высочайше утвержденными правилами отчетности по ведомству св. Синода были установлены три способа проверки законности хозяйственных распоряжений различных учреждений духовного ведомства: 1) ежемесячное свидетельство на местах действия, 2) ревизия книг и отчетов в казенных палатах и 3) проверка книг и отчетов в контроле отделения духовных дел⁷⁷⁰. В силу новых правил, происходило и ежемесячное свидетельство денежных сумм, хранившихся в синодальном казначействе. Но так как местная ежемесячная ревизия производилась самим же учреждением, а в данном случае всеми членами св. Синода, то Нечаев нашел нужным ввести, в интересах прокуратуры, некоторые изменения и в способ ежемесячных свидетельствований синодальной казны. «Из опыта усматривается», писал обер-прокурор в своем всеподданнейшем докладе, «что обязанность частых ревизий исполняется членами Синода с немалыми затруднениями, как по многосложности разных сумм и капиталов, так и потому, что старшие члены отягощены другими важными обязанностями». Основываясь на показаниях опыта и ссылаясь на пример сенатских казначейских ревизий, производившихся обер-прокурорами и другими чиновниками, Нечаев и просил государя освободить полное присутствие св. Синода от ежемесячных свидетельствований денежных сумм и возложить ревизионные обязанности на чиновника за обер-прокурорским столом и двоих младших синодальных членов⁷⁷¹.

Учреждением особого контроля при отделении духовных дел и введением более строгой денежной отчетности по

церковному ведомству Нечаев не мог, конечно, вызвать к себе особенного расположения духовенства. Нерасположение духовенства к синодальному обер-прокурору должно было увеличиваться еще более и вследствие того, что Нечаев не ограничился только введением в действие стеснительных правил контролирования церковного хозяйства, но и не стеснялся принимать строгие меры к уничтожению замечаемых им разнообразных нравственных недостатков в жизни духовного сословия.

«С давнего времени», писал Нечаев в одном из первых докладов государю, «на синодальном обер-прокуроре лежит обязанность доносить Его Величеству о бесчинных поступках, случающихся в церквях, или при богослужении». Следуя примеру своего предшественника, и обер-прокурор Нечаев 3 июня 1833 года «с болезненным сердцем» представил императору Николаю извлечение из донесений о поступках духовных лиц, «равно оскорбительных и для чувства религиозного, и для общепринятого приличия». Хотя каждый из предосудительных поступков духовных лиц вызывал законное судебное расследование дела, и обер-прокурор нередко предписывал секретарям епархиальных консисторий обращать самое строжайшее внимание на ход подобных дел, однако Нечаев находил невозможным ограничиваться одними частными мерами наказания провинившихся священнослужителей, а признавал более целесообразным совершенно освободить духовное сословие от неблагонадежных элементов. А так как, по мнению обер-прокурора, после строгого разбора духовенства, произведенного в 1831 году по приказанию государя и обратившего в военную службу тысячи причетников, замеченных в предосудительных поступках, такие неблагонадежные элементы встречались главным образом среди дьяконов, то Нечаев и представил на усмотрение верховной власти доклад о необходимости побудить св. Синод предписать епархиальным архиереям строго пересмотреть формулярные списки дьяконов и оказавшихся подозрительными сделать дьячками или же совсем исключить из духовного звания. «Справедливо», заметил на обер-прокурорском докладе

император Николай, «но нельзя не отнести всех сих случаев к послаблению начальства и к небрежному посвящению без должного удостоверения в достоинстве»⁷⁷².

Когда св. Синод, под влиянием предложения Нечаева, действительно предписал епархиальным архиереям строго разобраться в наличном составе приходских дьяконов, один из епархиальных преосвященных, нижегородский епископ Амвросий, без всякого следствия, подверг высшей мере наказания, т. е. исключению из духовного звания, многих из дьяконов, даже совершенно не замешанных ни в каком предосудительном деле. Синод нашел действия нижегородского архиерея несправедливыми и отменил некоторые из его распоряжений. Но преосвященный Амвросий, позволив себе неуместные суждения и выражения о синодальном постановлении, прислал в Синод формальные обвинения наказанных им дьяконов. Обер-прокурор признал необходимым «вразумить» провинившегося архиерея и представил государю доклад о переводе Амвросия из нижегородской в другую, худшую епархию. «Откровенно осмеливаюсь довести Вашему Величеству», писал Нечаев 5 января 1835 года⁷⁷³, «что в действиях епископа Амвросия я нахожу много произвольного и довольно неосновательного; постигаю также неловкость его положения в той епархии, где немалое число его распоряжений не только не было одобрено Синодом, но и было отменено», почему и считаю полезным, в видах вразумления нижегородского преосвященного, перевести его, с некоторым понижением, в другую епархию. «Перевесть», написал государь на обер-прокурорском докладе, «быв в Нижнем, я сам заметил, что он не охотник исполнять волю начальства; его надо иметь под строгим надзором»⁷⁷⁴.

Высочайшая резолюция побудила Нечаева учредить за епископом Амвросием, перемещенным в пензенскую епархию, строгий секретный надзор со стороны местного гражданского и жандармского начальства. В своем всеподданнейшем докладе от 19 января 1835 года обер-прокурор заявил, что, независимо от распоряжений Синода, касавшихся положения Амвросия на новой кафедре, он, со своей стороны, находит нужным секретно

сообщить местному гражданскому губернатору причину перевода преосвященного Амвросия и просить губернатора наблюдать за деятельностью архиерея и, если до него дойдут достоверные слухи о неправильных распоряжениях епископа, присылать свои замечания синодальному обер-прокурору. В том же докладе Нечаев сообщил государю и о своем намерении просить гр. Бенкендорфа «учинить над Амвросием особый бдительный надзор местного жандармского начальства», но с тем, чтобы наблюдение над архиереем оставалось секретным и не вызывало никакой огласки в епархии⁷⁷⁵.

На основании некоторых данных можно думать, что Нечаеву удалось осуществить свое оригинальное намерение – учредить секретный жандармский надзор за епархиальным церковным управлением – не только в одной пензенской епархии, по отношению к провинившемуся епископу Амвросию, но и в других епархиях, имевших архиереев, никогда и ни в чем предосудительном не замеченных. По крайней мере, по словам Исмаилова, служившего в то время синодальным секретарем и оставившего после себя «Воспоминания»⁷⁷⁶, «вдруг ни с того, ни с сего появились жандармские доносы на архиереев и членов св. Синода. Доносы оказывались большею частью ложными; архиереи и члены оправдывались, сколько могли, но Синод сильно беспокоился и подозревал, что в доносах участвует сам обер-прокурор, задавшийся целью унижить духовное правительство»⁷⁷⁷.

В числе синодальных членов, пострадавших от секретного жандармского надзора, оказался и один из наиболее влиятельных архиереев – московский митрополит Филарет. Когда обер-прокурору был передан поступивший на Филарета жандармский донос, с высочайшим повелением предложить его на рассмотрение св. Синода, обвиненный митрополит, по совету Нечаева, составил объяснительную записку, где не только оправдывал свои распоряжения, подавшие повод к доносу, но и позволил себе высказать мнение, что «данное жандармской команде право доносить со слухов и без всякой ответственности за ложные сообщения стесняет свободу администрации и, как похожее на слово и дело, лишает

подданных спокойствия». Обер-прокурор представил оправдание и мнение Филарета на усмотрение государя, чем еще более повредил влиятельному синодальному члену, так как Николай Павлович увидел в смелой критике высочайшего распоряжения непозволительное отношение к воле верховной власти и сильно разгневался на митрополита⁷⁷⁸.

Частые доносы на епархиальных архиереев и синодальных членов, далеко небезопасные даже для таких иерархов, каким был московский митрополит Филарет, не могли не оказать своей доли влияния на фактические отношения Нечаева к высшему церковному учреждению, так как св. Синод считал весьма вероятным, что тайный надзор и жандармские доносы в значительной степени обязаны своим происхождением самому обер-прокурору.

Уже и в первые годы своей обер-прокурорской службы Нечаев имел возможность действовать довольно решительным образом по отношению к членам св. Синода, побуждая их поступать сообразно с указаниями прокуратуры или же передавая высшему органу церковного управления, для надлежащего исполнения, различные распоряжения верховной власти, представлявшие собой ничто иное, как утвержденные государем личные доклады обер-прокурора, составленные им без всякого участия св. Синода. – Когда, по поводу одного из обер-прокурорских докладов об освободившейся в Полоцке архиерейской кафедре, государь высказал замечание об излишней медленности в представлении кандидатов на открывшуюся вакансию, Нечаев написал в своем всеподданнейшем докладе от 23 апреля 1833 года, что он завтра же пригласит членов Синода к экстраординарному заседанию в доме комиссии духовных училищ и употребит, со своей стороны, все находящиеся в его распоряжении средства, чтобы полный доклад св. Синода по делу о кандидатах на полоцкую архиерейскую кафедру был представлен государю на следующий же день⁷⁷⁹. – Представляя на усмотрение верховной власти синодальное постановление о пожизненном монастырском заключении священника г. Великих Лук, Моревского, Нечаев написал в своем докладе от 24 марта 1834

года, что, по его мнению, не следует подвергать виновного такому наказанию, а будет справедливее и для самого монастыря выгоднее назначить подначальному известный термин и затем оставить его на свободе заштатным, или ныне же, если Моревский действительно безнадёжен, лишить его священства. Так как доклад обер-прокурора, испрашивающего высочайшее разрешение вновь предложить дело великолуцкого священника на рассмотрение св. Синода, встретил сочувственное отношение к себе со стороны государя, то Синод принужден был поступить сообразно с желанием и взглядами Нечаева⁷⁸⁰.

Но если и в первое время обер-прокурорской службы Нечаев имел возможность подчинять своей воле высшее церковное учреждение, то теперь, после печального инцидента с наиболее влиятельным синодальным членом, он, по словам автора цитированных «Воспоминаний», начал действовать еще более решительно. «Пошатнув опору Синода», замечает Исмаилов в своих «Воспоминаниях»⁷⁸¹, «обер-прокурор стал действовать решительнее; он изменял резолюции и определения св. Синода, употребляя то настойчивость, то разные хитрости», и не стеснялся обнаруживать явные стремления «ограничить архиерейскую власть и дать больше силы консисториям». Правда, автор цитируемых «Воспоминаний», сильно не симпатизирующий прокуратуре, сообщая ценные сведения о современном ему положении дел в св. Синоде, не обнаруживает вполне беспристрастного, объективного отношения к деятельности синодальных обер-прокуроров, но самые факты, передаваемые Исмаиловым, не находятся в противоречии с архивными документальными данными; субъективизм автора, в данном случае, сказывается только в своеобразной окраске некоторых проявлений самовластия прокуратуры.

И действительно, влияние Нечаева на церковное управление в последнее время его синодальной службы сделалось уже настолько значительным⁷⁸², что фактически лишило Синод почти всякой возможности проявлять необходимую самостоятельность и независимость в решении

многих церковных вопросов. Интересно, однако, что обер-прокурор далеко еще не чувствовал себя вполне удовлетворенным достигнутыми результатами, позволявшими ему придавать желательное направление правительственной деятельности св. Синода, и начал проектировать выделение некоторых дел из ведения Синода и передачу их в непосредственное распоряжение прокуратуры.

Нечаеву, как представителю государственной власти в церковном управлении, пришлось принимать самое деятельное участие в правительственном руководстве происходившим в то время усиленным сближением западно-русских униатов с православной церковью. В 1834 году государь приказал синодальному обер-прокурору войти в сношение с министром внутренних дел и, вместе с ним, выработать для руководства деятельностью архиереев и генерал-губернаторов западного края секретную инструкцию об обращении униатов. Министр внутренних дел Блудов сообщил Нечаеву свою основную мысль, что не следует спешить делом присоединения униатов и вести его путем непосредственного воздействия на народные массы, а должно постепенно склонять к воссоединению с православной церковью униатское духовенство и уже через него подготавливать прихожан к обращению в православие. Взгляды министра внутренних дел обер-прокурор сообщил новгородскому и московскому митрополитам и, при их участии, составил инструкцию для епархиальных архиереев западного края. «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопредельны с разномыслящими в вере и уклонившимися от православия», как назвал Нечаев свою инструкцию, хотя в главных чертах и были согласны с мнением гр. Блудова, но, в то же время, «не стесняли и приличной православному духовенству ревности в приобретении верных чад церкви». – Докладывая государю о составлении инструкции и практическом применении ее мыслей к обращению униатов, обер-прокурор представил Николаю Павловичу и любопытный проект устранения св. Синода от заведования религиозными делами западно-русского униатского населения. «Не полезнее ли будет, при нынешних обстоятельствах», писал Нечаев 9

февраля 1835 года⁷⁸³, «прежде совершенного подчинения униат вашему Синоду, поручить дела их синодальному обер-прокурору? Этот чиновник, докладывающий верховной власти о важнейших делах господствующей церкви, несущий ответственность за правильность действий высшего церковного начальства и имеющий право останавливать исполнение его определений, тем удобнее может быть докладчиком и по делам унии, что Голицын, еще в бытность обер-прокурором св. Синода, управлял вместе и департаментом всех иностранных исповеданий». При такой постановке управления, по его мнению, дела униатские, без сомнения, выиграли бы очень многое, так как явилась бы возможность согласовать распоряжения различных ведомств в направлении к одной цели, и народное мнение, не видя в обращении униатов прямого или явного участия Синода, осталось бы в покое.

Вместе с проектом реорганизация существовавшей системы униатского управления, обер-прокурор представил на усмотрение верховной власти аналогичный проект об устранении св. Синода и от заведования делами раскольников. «Может быть», писал он в том же секретном докладе от 9 февраля 1835 года⁷⁸⁴, «обращение раскольников пошло бы с большим успехом, если бы заведование ими вверено было тому лицу, на обязанность которого исключительно возложено сохранение целостности и достоинства православной церкви в отношении к гражданским и иноверным ведомствам». Проекты Нечаева, по-видимому, не встретили несочувственного отношения со стороны государя, и император Николай приказал обер-прокурору ознакомить с ними министра внутренних дел и в особой записке, представить его замечания на высочайшее усмотрение, для окончательного решения возбужденного вопроса. Но Нечаев не успел осуществить на практике свои предположения о передаче униатских и раскольнических дел в непосредственное заведование прокуратуры, так как, вызывавшиеся семейными обстоятельствами, довольно продолжительные отлучки Нечаева из Петербурга позволили его многочисленным недоброжелателям в скором же времени

подготовить совершенно неожиданный перевод синодального обер-прокурора в один из департаментов пр. Сената.

Подробный рассказ о ближайших обстоятельствах, вызвавших отставку Нечаева, сообщается в известных «Воспоминаниях» Исмаилова. По словам автора «Воспоминаний», обер-прокурор, незадолго до своего последнего увольнения в продолжительный отпуск, представлял на высочайшее рассмотрение и утверждение синодский доклад о кандидатах на освободившиеся архиерейские кафедры, причем в своей записке, приложенной к докладу, выставил наиболее достойными кандидатами совершенно не тех лиц, каких имел в виду св. Синод. Государь утвердил доклад по записке обер-прокурора, и, когда синодальные члены позволили себе спросить Нечаева, почему не последовало высочайшего утверждения намеченных ими кандидатов, между обеими сторонами произошли довольно неприятные объяснения, будто бы даже вызвавшие угрозы обер-прокурора по адресу синодальных членов. «Я докажу этим калугерам, что такое обер-прокурор», – в сильном раздражении сказал Нечаев канцелярским чиновникам, присутствовавшим при происшедших объяснениях⁷⁸⁵.

Но в скором времени необходимость ехать в Крым к умиравшей жене заставила Нечаева обратиться к государю с просьбой об отпуске, и 24 февраля 1836 года св. Синоду был дан именной императорский указ об увольнении обер-прокурора в 4-месячный отпуск⁷⁸⁶. Продолжительное отсутствие Нечаева позволило сильно не любившим его⁷⁸⁷ синодальным членам, при содействии чиновника за обер-прокурорским столом, Муравьева, решиться на смелый шаг, чтобы избавиться от неудобного представителя государственной власти в церковном управлении. Исмаилов сообщает в своих «Воспоминаниях»⁷⁸⁸, что Муравьев, большой почитатель монашеского духовенства, успел убедить членов Синода воспользоваться благоприятно сложившимися обстоятельствами, чтобы не только обезопасить себя от опасных последствий столкновения с властным обер-прокурором, но и совершенно устранить Нечаева от управления духовным ведомством. От имени

высшего церковного учреждения был составлен всеподданнейший доклад, где св. Синод просил государя дать Нечаеву, как человеку обширных государственных способностей, другое, более высокое назначение, а обер-прокурором назначить товарища министра народного просвещения, графа Пратасова, известного своим усердием к православной церкви. Первенствующий синодальный член, петербургский митрополит Серафим, после долгих колебаний, осмелился вручить составленный доклад непосредственно самому государю. Николай Павлович, хотя и отнесся не совсем благосклонно к неожиданной просьбе Синода, но нашел возможным удовлетворить ее и 25 июня 1836 года дал на имя Сената высочайший указ о назначении Нечаева в пр. Сенат, с пожалованием в тайные советники и оставлением членом комиссии духовных училищ⁷⁸⁹.

Гр. Н. А. Пратасов

В тот же день, 25 июня⁷⁹⁰ 1836 года, последовало и высочайшее назначение синодальными обер-прокурором, рекомендованного самим св. Синодом, графа Николая Александровича Пратасова⁷⁹¹, с 24 февраля 1836 года уже временно исполнявшего обязанности представителя государственной власти в церковном управлении⁷⁹².

Назначение на пост синодального обер-прокурора гр. Пратасова, успевшего заслужить расположение иерархии «своею ревностью к церкви, изданием соборных правил и другими действиями в пользу православия»⁷⁹³, было встречено в духовном мире с большой радостью и наилучшими ожиданиями. Многие епархиальные архиереи и другие видные лица из монашеского духовенства поспешили письменно засвидетельствовать перед ним свою величайшую радость по случаю совершившегося события. – Московский митрополит Филарет, приветствуя нового обер-прокурора, писал ему, что посылает свое поздравление «не просто по обычаю, но с полным участием, удовольствием и благими надеждами, которые естественно возникли из опыта временного служения» Пратасова в св. Синоде⁷⁹⁴. – Архиепископ олонекский в специально-поздравительном письме заявлял свое удовольствие по поводу всемилостивейшего пожалования Пратасова «в сан ходатая между церковью и престолом монарха»⁷⁹⁵. – Не могло быть лучшего выбора и назначения», писал Пратасову виленский архимандрит Платон⁷⁹⁶; «чего торжествующая в России православная церковь не может ожидать от Вашей проницательности, Вашего благоразумия, Вашей неутомимой деятельности и пламенной ревности к общественным пользам!» – «Я», уверял Пратасова воронежский архиепископ Антоний⁷⁹⁷, «до такой степени обрадован известием об утверждении Вашего Сиятельства обер-прокурором св. Синода, что и теперь, когда обращаюсь к Вам, не могу не воскликнуть: слава Богу! слава Богу, сиятельнейший граф, что он внял молитвенному желанию рабов своих, которые

достойно и праведно благословляют временное нахождение Ваше в должности обер-прокурора, ознаменовавшееся многими благими для церкви действиями. Слава Богу, что промыслительная десница Его вверила попечение о благе церкви мужу по сердцу Своему» ...

Но радость духовенства по случаю замены нелюбимого обер-прокурора новым «ходатаем между церковью и престолом монарха» оказалась очень преждевременной, и высшее церковное учреждение, избавившись от Нечаева, нисколько не освободилось от самых стремлений прокуратуры, неблагоприятных для интересов св. Синода, напротив, Пратасов, получив утверждение в должности синодального обер-прокурора, стал усердно следовать той же политике в отношении к св. Синоду, какой придерживался и его предшественник – Нечаев, а так как он отличался еще большей энергией и настойчивостью, то в скором времени и успел довести до конца начатую Нечаевым организацию при св. Синоде новых учреждений, заведовавших различными отраслями церковного управления под непосредственным наблюдением и руководством обер-прокурора.

Сильное осложнение обер-прокурорских обязанностей заставило Пратасова, в первое же время синодальной службы, почувствовать настоятельную нужду в учреждении особой канцелярии, имевшей своим специальным назначением выполнение многочисленных и сложных обязанностей прокуратуры. 1 августа 1836 года гр. Пратасов представил государю обширный всеподданнейший доклад, где обстоятельно выяснил как крайнее разнообразие постепенно осложнявшихся обязанностей синодального обер-прокурора, так и совершенную недостаточность тех средств, какими он мог располагать для успешного и добросовестного отправления своей службы⁷⁹⁸. – По словам всеподданнейшего доклада, различные обязанности, возложенные на представителя государственной власти в церковном управлении при самом учреждении этой должности, с течением времени, по мере распространения круга действий Синода и его ведомства, увеличились в чрезвычайно сильной степени. Особенно

значительное влияние оказали на осложнение и расширение обязанностей прокуратуры учреждение комиссии духовных училищ, в виде особого духовного департамента с обширными средствами и довольно сложной деятельностью, упразднение бывшего министерства духовных дел, передавшее обер-прокурору многие обязанности, лежавшие на министре, подчинение обер-прокурорской власти главного контроля по духовному ведомству и, наконец, вошедшее в практику, представление верховной власти годовых отчетов по всему управлению. А между тем, для выполнения таких разнообразных и трудных обязанностей обер-прокурор имел в своем распоряжении одно отделение бывшего департамента духовных дел, перешедшее в его ведение после уничтожения министерства, и самую незначительную канцелярию при делах св. Синода, состоявшую из одного чиновника с единственным канцелярским служителем.

Результатом крайней недостаточности средств, необходимых прокуратуре для выполнения многочисленных и разнообразных обязанностей в сфере церковного управления, по словам Пратасова, являлось то, что 1) не все дела могли быть рассматриваемы с должным вниманием, подробным обсуждением, и законной поспешностью, 2) не представлялось возможности своевременно поверять доставлявшиеся из епархий сведения, тогда как в будущем имеется в виду «привести еще в большую известность различные предметы, входящие в состав духовного ведомства, как собственно по церковному управлению, так и по экономической части», и, наконец, 3) не было способов ввести должную отчетность в делопроизводстве и постоянно наблюдать за ходом дел по канцеляриям средних и низших присутственных мест синодального ведомства. Для устранения всех указанных неудобств, Пратасов и проектировал, упразднив, не удовлетворявшую своему назначению, прежнюю обер-прокурорскую канцелярию, существовавшую при делах св. Синода, учредить особую канцелярию при самом синодальном обер-прокуроре, состоявшую, по выработанному им штату, из директора, двоих секретарей, такого же числа секретарских

помощников, журналиста, эзекутора и 8 канцелярских служителей.

Обер-прокурорский доклад был утвержден государем, и Пратасов, встретив сочувственное отношение верховной власти к своему проекту устройства отдельной от св. Синода обер-прокурорской канцелярии, получил возможность, с известной уверенностью, приступить и к практическому осуществлению наиболее важного стремления прокуратуры, выразившегося еще при Нечаеве в образовании при св. Синоде новых учреждений, заведовавших различными отраслями церковного управления под непосредственным наблюдением и руководством синодального обер-прокурора.

Прежде всего Пратасов нашел нужным ввести задуманные преобразования в хозяйственную, экономическую отрасль церковного управления, всегда пользовавшуюся особенным вниманием прокуратуры, для чего и представил государю доклад о необходимости образования при св. Синоде нового учреждения – хозяйственного комитета. Пратасов проектировал выделить из ведения св. Синода все экономические, хозяйственные дела и сосредоточить их в новом специальном учреждении, хотя и существующем при том же Синоде, но уже непосредственно подчиненном самому синодальному обер-прокурору. «Чтобы впредь управление хозяйственностью частью... и распоряжение... суммами, чрез св. Синод переходящими, производилось со всевозможной экономией и при строгой отчетности», писал обер прокурор в своем всеподданнейшем докладе от 10 октября 1836 года⁷⁹⁹, «я полагаю необходимо-нужным учредить для того из старших чиновников ведомства, под непосредственным моим наблюдением, хозяйственный комитет».

Высочайшая резолюция, одоббившая взгляды Пратасова⁸⁰⁰, позволила ему в непродолжительном времени (14 ноября 1836 года) «представить на утверждение государя и свой проект положения о новом комитете, составленный применительно к такому же учреждению, существовавшему в пр. Сенате. Членами проектировавшегося комитета предполагалось назначить чиновника за обер-прокурорским

столом, директора обер-прокурорской канцелярии, юрис-консульта и правителя дел комиссии духовных училищ, т. е. чиновников, непосредственно подчиненных синодальному обер-прокурору. И несмотря на такой характер обер-прокурорского проекта, имевшего своею несомненной целью устранение высшего церковного учреждения от непосредственного заведования хозяйственными делами духовного ведомства, св. Синод не только не мог обнаружить никакого недовольства предполагавшейся реформой, но даже принужден был официально признать ее вполне целесообразной и предоставить Пратасову право ходатайствовать о высочайшем утверждении выработанного проекта⁸⁰¹.

По словам обер-прокурора Пратасова⁸⁰², учреждением хозяйственного комитета, последовавшим 14 ноября 1836 года, была вполне достигнута намеченная цель – облегчить Синод, дать ему возможность внимательнее заниматься своими специальными делами и, в то же время, сообщить самому синодальному хозяйству надлежащую правильность и подчинить его строгой отчетности.

Постепенно суживая круг дел, подлежавших непосредственному распоряжению св. Синода, прокуратура. в лице Пратасова, получила возможность еще более усилить свой контроль и над самой деятельностью высшего органа церковного управления. Мы видели, что еще кн. Мещерский обращался к государю со всеподданнейшем докладом о необходимости усиления обер-прокурорского надзора за ходом дел в синодальном ведомстве, но не сумел убедить императора Николая Павловича в действительной необходимости проектированного им назначения второго чиновника за обер-прокурорский стол. Гр. Пратасов возобновил ходатайство Мещерского и 31 октября 1836 года представил государю доклад, где, указывая на пример пр. Сената и на множество дел у одного чиновника за обер-прокурорским столом, писал, что необходимо определить в св. Синод еще одного нового чиновника, «который бы, под непосредственным наблюдением обер-прокурора, преимущественно занимался течением дел по синодальной канцелярии», так как он считает долгом своего

звания употребить все усилия, чтобы установить, наконец, в канцелярии св. Синода образцовый порядок, «соответствующий важности места и существу распоряжений, чрез нее проходящих». Одновременно с докладом, обер-прокурор не только представил кандидата на место второго чиновника, но и поднес к высочайшему подписанию проект самого указа св. Синода о предполагаемом назначении. Государь удовлетворил желание Пратасова, и синодальная канцелярия получила нового начальника, непосредственно подчиненного обер-прокурорской власти⁸⁰³.

Образованием специальной обер-прокурорской канцелярии, учреждением при св. Синоде особого хозяйственного комитета, состоявшего исключительно из одних чиновников, непосредственно подчиненных обер-прокурору, и назначением в синодальную канцелярию фактического директора, в лице нового чиновника за обер-прокурорским столом, были уже оказаны очень значительные услуги стремлениям прокуратуры подчинить своему влиянию всю систему церковного управления. Но Пратасов не удовлетворился первыми опытами преобразовательной деятельности и в скором времени успел окончательно завершить, в интересах прокуратуры, процесс постепенного реформирования высшей церковной администрации.

22 февраля 1839 года обер прокурор обратился к верховной власти с обширным всеподданнейшим докладом, имевшим в виду убедить государя в необходимости задуманных преобразований по главному управлению духовного ведомства. Указав на совершенную обособленность православного ведомства, имевшего свою собственную администрацию, свой суд и полицию, свой систему обучения, свои специальные источники доходов и особый контроль, Пратасов писал в представленном докладе⁸⁰⁴, что все указанные отрасли церковного управления, несмотря на множество предшествовавших благодетельных постановлений правительства, требовали и еще долго будут требовать усиленных мер к их улучшению. Самая многочисленная часть православного духовенства, по его словам, пребывает еще в

невежестве и грубости нравов; отсутствие достаточных средств содержания по необходимости вынуждает духовенство злоупотреблять получаемыми доходами, а между тем, надзор за ним не имеет еще надлежащей организации; самое епархиальное управление, и особенно делопроизводство, до последнего времени не были введены в общие, однообразные формы; правильная отчетность в суммах только еще начинает прививаться к духовному ведомству; источники церковных доходов требуют особого внимания правительства для их усиления; вся учебная часть нуждается в совершенном преобразовании; духовный суд и даже самые догматы церкви вызывают необходимость издания разнообразных книг. И все это, писал Пратасов, требует зрелых соображений и неусыпного надзора со стороны главного духовного управления и может быть осуществлено в действительной жизни только при упрощенном устройстве различных специальных учреждений, составляющих центральное управление церковного ведомства, и при самом правильном распределении между ними различных отраслей администрации.

Между тем, при своем вступлении в должность синодального обер-прокурора Пратасов встретил очень значительные недостатки в организации и взаимных отношениях высших учреждений духовного ведомства. Сложное делопроизводство главного церковного управления распределялось в то время между св. Синодом, комиссией духовных училищ, отделением духовных дел православного исповедания и контролем духовных дел; с передачей же в распоряжение обер-прокурора всех церковных дел западно-русского униатского населения, последовавшей 1 января 1837 года⁸⁰⁵, появилось еще особое отделение духовных дел греко-униатского исповедания⁸⁰⁶.

Свои преобразования в области центральной церковной администрации обер-прокурор начал с наиболее важного учреждения – св. Синода. «Первое внимание мое», писал он⁸⁰⁷, «обращено было на делопроизводство в Синоде, где к концу каждого года, при всех прежних мерах, оставались всегда сотни нерешенных дел, где малейшие хозяйственные подробности

отвлекали внимание и обер-прокурора и самих членов от прямых и важнейших занятий'». Для внесения желательных улучшений в систему центрального церковного управления, Пратасов, как нам уже известно, подчинил делопроизводство синодальной канцелярии непосредственному надзору одного из чиновников за обер-прокурорским столом, учредил при св. Синоде специальный хозяйственный комитет, принявший на себя обязанности заведования церковным имуществом под главным наблюдением прокуратуры, присоединил к нему контроль духовных дел⁸⁰⁸ и образовал особую, самостоятельную канцелярию обер-прокурора, послужившую общему связью для всех канцелярий синодального ведомства. Результатом произведенных преобразований, по словам автора всеподданнейшего доклада, явилось то, что «в синодальной канцелярии не только к концу года не было ни одного нерешенного дела, но и вообще дела в каждое время получили быстрое течение, а усиленное наблюдение за... делопроизводством со стороны канцелярии обер-прокурора принесло настолько значительную пользу, что, между прочим, число одних дел, производившихся по высочайшим повелениям, уменьшилось по всему духовному ведомству на целую треть».

Как ни значительны были, по взгляду обер-прокурора, результаты произведенных им преобразований, однако же они нисколько не затрагивали одной из очень важных сторон церковной жизни и не вносили в нее никаких улучшений. Мы имеем в виду организацию управления учебными заведениями синодального ведомства, находившимися в ведении особой комиссии духовных училищ. А между тем, комиссия духовных училищ, по мнению Пратасова, далеко неудовлетворительно выполняла возложенные на нее обязанности, и именно в силу значительных недостатков своей организации. – Комиссия, по его словам⁸⁰⁹, хотя и представляла из себя отдельное от Синода духовно-гражданское учреждение, но состояла из тех же лиц, которые присутствовали и в св. Синоде. Поручение разнообразных и сложных обязанностей по двум различным учреждениям одним и тем же лицам, обремененным еще

управлением собственными епархиям, не могло не отражаться самым неблагоприятным образом на успехе важного специального дела, порученного ведению комиссии духовных училищ и требовавшего исключительного внимания ее членов. Кроме того, и сама комиссия, состоявшая из членов, обремененных различными посторонними обязанностями, принуждена была иметь дело со множеством разнородных, особенно хозяйственных, экономических предметов, что, в свою очередь, также неблагоприятно отражалось на успехах деятельности комиссии, по необходимости отвлекая ее от главных занятий по образованию духовного юношества. От многочисленных недостатков организации комиссии не менее сильно страдало и ее обширное хозяйство, так как экономические дела нуждались «в быстроте исполнения», по выражению Пратасова, «несовместимой с коллегиальным порядком, требующим согласия членов и ежедневного подписывания определений». Наконец, и контроль по духовно-учебным суммам находился в комиссии в таком неудовлетворительном состоянии, что в течение 20 лет накопилось необревисованных отчетов на громадную сумму в 50 миллионов рублей.

Констатирование многочисленных недостатков в правительственной деятельности комиссии духовных училищ сопровождалось в обер-прокурорском докладе и указанием определенных мер, способных, по мнению Пратасова, дать более правильную и желательную постановку духовно-учебному управлению. Такими мерами, способными внести значительное упрощение в высшее заведование духовно-учебными делами и поставить его в более благоприятные условия, обер-прокурор признавал упразднение комиссии духовных училищ, и передачу всех ее учебных и хозяйственных дел в ведение нового учреждения, организованного при св. Синоде по типу уже ранее открытого Пратасовым хозяйственного комитета. В то же время обязанности контроля духовно-учебных сумм он проектировал возложить на хозяйственный комитет, предполагая преобразовать его в хозяйственное управление при св. Синоде,

в соответствие с новым учреждением, названным духовно-учебным управлением.

При проектируемом, значительно упрощенном, устройстве главного управления духовного ведомства, писал Пратасов в заключение своего обширного всеподданнейшего доклада, коллегиальный порядок, приносящий существенную пользу при обсуждении важных вопросов, не будет многосложностью своих форм стеснять движение многочисленных дел, большей частью требующих скорого исполнения, так как в двух, вновь организованных при Синоде, учреждениях все дела получают, под главным начальством обер-прокурора, течение быстрое, соответствующее другим отраслям государственного управления.

Доклад обер-прокурора о необходимости существенных преобразований в устройстве главного управления духовного ведомства был одобрен государем, и 1 марта 1839 года Пратасов получил позволение поднести на высочайшее утверждение составленные им проекты: 1) указа св. Синоду об упразднении комиссии духовных училищ, 2) положения о духовно-учебном управлении при св. Синоде, 3) положения о хозяйственном управлении при св. Синоде и 4) указа пр. Сенату о соединении отделений духовных дел православного и греко-униатского исповеданий с канцелярией синодального обер-прокурора. Одновременно с указами и положениями были представлены на утверждение государя и проекты новых штатов: 1) канцелярии св. Синода, 2) духовно-учебного управления, 3) хозяйственного управления и 4) канцелярия обер-прокурора⁸¹⁰.

Верховная власть утвердила представленные Пратасовым проекты указов, положений и новых штатов и тем самым не только окончательно упрочила за прокуратурой преобладающее влияние на всю систему церковного управления, но и создала для синодального обер-прокурора положение фактического министра духовного ведомства, так как реформа 1 марта 1839 года сосредоточила действительное заведование всеми делами синодального ведомства в четырех вновь организованных или значительно преобразованных центральных учреждениях, хотя и

существовавших при св. Синоде, но уже находившихся «под главным начальством обер-прокурора».

И сам Пратасов приравнивал подчиненные ему главные центральные церковные учреждения к департаментам министерств и стремился поставить их директоров в совершенно одинаковое положение с управляющими министерскими департаментами. Сообщая государю о блестящих результатах произведенной реформы высшего управления духовного ведомства, обер-прокурор писал в своем всеподданнейшем докладе от 16 декабря 1839 года, что теперь, когда его ожидания блистательно оправдались на деле по всем четырем центральным учреждениям, из которых каждое, по числу состоящих в нем отделений и чиновников, соответствует департаментам министерств, справедливость требует сравнивать не только служебное положение, но и оклады жалования директоров преобразованных мест главного духовного управления с вознаграждением, получаемым директорами министерских департаментов⁸¹¹.

Также смотрели на смысл и значение обер-прокурорских реформ и современники Пратасова, близко знакомые с системой синодального управления. Служивший в то время секретарем при св. Синоде, Исмаилов замечает в своих интересных «Воспоминаниях», что Пратасов, преобразовавший все духовное правительство в России, «из обер-прокурорства сделал настоящее министерство»⁸¹². На первый раз, пишет он⁸¹³, обер-прокурор уничтожил комиссию духовных училищ, где заседали члены св. Синода, и создал духовно-учебное управление, под дирекцией своего чиновника, в форме министерского департамента, а для заведования финансовыми делами образовал второй департамент – хозяйственное управление. Так как министры имели собственные канцелярии, то он переименовал в свой канцелярию отделение духовных дел православного исповедания и, наконец, учредил должность директора синодальной канцелярии, вследствие чего и последняя канцелярия, составлявшая как бы одно целое со св. Синодом, отделилась от него и превратилась в особый департамент.

Не трудно представить, как должно было отразиться введение новых порядков в управление православной церковью и духовенством назначении прокуратуры в синодальном ведомстве и положении св. Синода, как высшего церковного учреждения. Пратасов, «облегчивший бремя правления Синода» распределением разнообразных дел духовного ведомства между организованными им своеобразными департаментами, непосредственно подчиненными обер-прокурорской власти, приобрел преобладающее влияние на весь ход церковной жизни и всю систему духовного управления, а св. Синод поставил в такое положение, что он принужден был окончательно примириться с утратой своего прежнего значения и необходимостью во всем подчиняться влиянию представителя государственной власти в церковном управлении.

По словам Исмаилова, если кто из синодальных членов решался возвышать голос в защиту своих прав или рассуждать несогласно со взглядами обер-прокурора, то неизбежно должен был считаться с серьезной опасностью или быть устраненным от присутствия в Синоде, или даже оказаться переведенным в худшую епархию, «без суда и апелляции»; если же кто из канцелярских чиновников осмеливался, в случаях каких-либо недоразумений между прокуратурой и св. Синодом, действовать не против Синода, а в его интересах, как нередко бывало прежде, то такого смельчака или совершенно увольняли со службы, или лишали всяких прав на повышение. «Страх и трепет объяли всех», замечает автор цитируемых «Воспоминаний» по поводу отношений Пратасова к подчиненному ему обер-прокурорскому надзору духовному ведомству⁸¹⁴. «Завелись секретные дела, исследования под рукой; появились между чиновниками доносчики», и ничто не оставалось неизвестным обер-прокурору. Секретарям консисторий было предоставлено право контроля над своим епархиальным начальством и вменено в обязанность доносить обер-прокурору обо всем, что происходило в епархиях. «Словом», заключает Исмаилов свой характеристику Пратасовского режима в сфере церковного управления⁸¹⁵, «ни

одно средство не было упущено... к воцарению над духовными аристократического владычества».

Если верить интересным выпискам, сделанным автором довольно тенденциозной статьи «Синодальные персоны»⁸¹⁶ из неизданных ежедневных записей его родственника, жившего в изучаемое время⁸¹⁷, то сами члены св. Синода говорили, что «Пратасов забрал их в руки по-военному, сразу...и сонмом архиерейским как эскадроном на ученьи командовал», поставив членов высшего церковного учреждения в такое положение, «что (они) просто голоса поднимать не смели»⁸¹⁸. По словам цитируемых записей, первенствующий синодальный член, петербургский митрополит Серафим, вспоминая незадолго до своей смерти об обстоятельствах, при каких произошло назначение Пратасова обер-прокурором св. Синода, говорил: «послали тогда меня... просить вам царя, я сделал по желанию – выпросил его вам, и вот семь лет смотрю, как он всех задирает. Дух из всех повышиб... Вы просили его себе в цари и стяжайте в терпении вашем души ваши»⁸¹⁹. – Не менее интереса представляют в рассматриваемом отношении и слова самого Пратасова, с какими он нашел нужным обратиться к архимандриту Никодиму, вызванному в Петербург для работ по составлению новых программ духовно-учебных заведений. «Мы вас позвали на работу», сказал Никодиму обер-прокурор, избравший его, без ведома св. Синода, орудием проведения в практическую жизнь своих собственных взглядов на цели и задачи образования духовного юношества. «Прошу знать меня и еще никого». Мы вас успокоим, дадим все. Не бойтесь никого, ниже ваших архиереев. Я ваш заступник. Храните в тайне все, что будет поручено вам»⁸²⁰.

Справедливость, однако же, требует заметить, что, как ни велико было значение Пратасова в сфере церковной жизни и как ни сильна была фактическая зависимость духовенства от прокуратуры, все же и при нем в среде высшей иерархии находились отдельные личности, решавшиеся, в некоторых случаях, не изменять своим убеждениям в угоду взглядам и желаниям всесильного обер-прокурора.

Когда, по инициативе Пратасова, начался пересмотр учебных программ в духовных академиях и семинариях, ректор петербургской академии Афанасий, составив, в виде учебного руководства для семинарий, герменевтику, отвечавшую взглядам и убеждениям синодального обер-прокурора, представил ее в св. Синод. В своей герменевтике Афанасий восставал против еврейского текста Библии, настаивал на канонизации перевода LXX и признавал недостаточность Св. Писания для уразумения истин христианской веры, что вполне гармонировало со взглядами самого Пратасова, почему последний и признавал в высшей степени желательным ввести сочинение Афанасия в духовные семинарии, в качестве обязательного учебного руководства. А так как для исполнения обер-прокурорского желания требовалось соблюдение известных формальностей, то Пратасов обратился к одному из синодальных членов, киевскому митрополиту, с просьбой дать необходимый отзыв о достоинствах герменевтики. Но киевский митрополит, осведомленный о содержании представленной рукописи и прекрасно понимавший, какого отзыва желает от него обер-прокурор, уклонился от рецензирования труда Афанасия, несмотря на самые настойчивые просьбы Пратасова. Московский же митрополит Филарет, хотя и не уклонился от исполнения обер-прокурорского предложения, но в своем отзыве о герменевтике Афанасия высказал мысли, совершенно не согласные с воззрениями Пратасова, решительно заявив, что рассмотренная рукопись, в настоящем ее виде, не может быть с пользой употребляема в духовно-учебных заведениях⁸²¹.

С такого же рода фактом знакомит нас и всеподданнейший доклад Пратасова от 21 февраля 1839 года. В представленном государю докладе обер-прокурор сообщал, что св. Синод, несмотря на предложение прокуратуры, не пришел к единогласному решению возбужденного в нем вопроса о правах священно-служителей, слагающих с себя духовный сан, и в то время, как большая часть синодальных членов решительно высказалась за ограничение прав слагающих с себя духовный сан, заявив, что никогда и ни под каким видом не следует позволять таким лицам жить в пределах своей губернии и в

столице, один из членов Синода, царский духовник Музовский, подал особое мнение, не согласное со взглядами остального наличного персонала высшего церковного учреждения. «После предложения моего приступить к согласному заключению», писал Пратасов⁸²², «как духовник Музовский, так и прочие члены остались при своих мнениях».

Но, не говоря уже о том, что подобные проявления известной, хотя и довольно слабой, самостоятельности членов св. Синода в отношении к требованиям и желаниям прокуратуры имели место только в редких и исключительных случаях, они нисколько не отнимали у Пратасова самой возможности проводить в церковную жизнь ту или другую, намеченную им, меру, так как обер-прокурор располагал могущественным средством влияния на синодальное управление – правом непосредственных докладов верховной власти. Располагая же таким важным правом и пользуясь большим доверием государя, который, по его собственным словам, уважал синодального обер-прокурора, как «достойного и верного слугу», Пратасов, в подобных случаях, легко мог вызвать своим всеподданнейшим докладом, согласное с воззрениями прокуратуры, высочайшее разрешение затронутого вопроса.

И мы видим, что обер-прокурор, действительно, так и поступил при представлении государю установленного доклада об упомянутом случае разногласия синодальных членов. Доводя до сведения императора различные мнения, заявленные в заседании св. Синода по вопросу «о слагающих с себя духовный сан», Пратасов нашел нужным высказать и свой собственный взгляд на затронутый вопрос. «Поставляю долгом с моей стороны присовокупить, писал он⁸²³, что в последнее время случаи сложения духовного сана стали чаще, и внимательное рассмотрение производящихся о них дел побуждает считать одной из важных причин соблазнительных переходов из духовного в светское сословие легкость и удобство поступления в другое, более выгодное и менее ответственное звание, почему и рассуждения большинства синодальных членов представляются совершенно

правильными. Взгляды большей части синодальных членов, по словам автора всеподданнейшего доклада, не могут быть признаны несправедливыми и по отношению к белому духовенству, как утверждал царский духовник Музовский, так как в проекте законоположения предполагалось поставить священников, добровольно слагающих с себя сан, в более удобные жизненные условия, чем бывших монахов, и, сохранив за ними все права по рождению и воспитанию, дозволить им поступление на гражданскую службу. Впрочем, заметил обер-прокурор, по вниманию к особым исключительным обстоятельствам, способным хотя несколько извинять добровольное сложение сана священнослужителями из среды белого духовенства, можно было бы дозволить бывшим священникам и дьяконам, зарекомендовавшим себя безукоризненным поведением в продолжение 7 лет, иметь пребывание и в столице.

Рассуждения Пратасова о необходимости ограничить права добровольно слагающих с себя духовный сан оказали известную долго влияния на государя, и Николай Павлович в обширной резолюции на обер-прокурорский доклад решительно высказался против мнения своего духовника Музовского. «Полагаю», написал император Николай⁸²⁴, «что звание священническое столь важно, что... должно затруднить добровольное оно сложение. Не отвергая, что быть могут случаи, которые сложение делают иногда необходимым, полагаю однако, что никак нельзя допускать, чтоб лицо, носившее сие высокое звание, могло непосредственно посвящаться иному служению, какое бы ни было, без явного соблазна и как бы в доказательство, что мирские обязанности сильнее духовных. Потому, сколь мне ни прискорбно не разделять мнения моего отца духовного, полагаю нужным постановить впредь: 1) дьяконам, добровольно с себя слагающим сие звание, воспретить вступать в какой бы ни было род государственной службы ранее 6 лет, 2) а священникам ранее 10 лет, – возвращаясь каждому в первобытное свое состояние и не пользуясь впредь никакими иными выгодами, кроме состоянием сим присвоенными».

Непосредственные доклады государю, позволявшие синодальному обер-прокурору представлять на рассмотрение верховной власти все вопросы церковной жизни в своем собственном, субъективном освещении, имели громадное значение в руках Пратасова, пользовавшегося полным доверием и уважением Николая Павловича. Они давали возможность прокуратуре убеждать верховную власть в необходимости именно тех мер по разнообразным отраслям синодального управления, какие признавались желательными не высшим церковным учреждением, а самим обер-прокурором, и почти всегда позволяли получать высочайшие резолюции, не оставлявшие уже никакого места самостоятельности Синода и побуждавшие его или беспрекословно мириться с совершившимся фактом, или же оказывать содействие проведению в практическую жизнь взглядов и убеждений прокуратуры.

Пратасов широко пользовался преимуществами своего положения и, всегда действуя от имени верховной власти, одобрявшей его многочисленные всеподданнейшие доклады и тем самым обязывавшей Синод руководиться высказанными в докладах взглядами обер-прокурора. не только оказывал сильное влияние на различные стороны церковной жизни, но и фактически сосредотачивал в своих руках все действительное управление духовным ведомством, оставляя на долю высшего церковного учреждения деятельность подчиненного административного органа, поставленного в необходимость во всем сообразоваться с указаниями прокуратуры.

Наиболее типичный пример такого положения, занятого в сфере церковного управления св. Синодом и его обер-прокурором, дает нам предпринятое, по инициативе Пратасова, преобразование духовно-учебных, заведений и стремление правительства того времени утвердить все воспитание духовного юношества на новых началах. И в данной области, как и во всех других отраслях церковного управления, св. Синод был поставлен в необходимость проводить в практическую жизнь не собственные взгляды на цели и задачи духовного образования, а обер-прокурорские идеи, так как Пратасов,

посредством установленных докладов, предварительно ознакомил с ними самого государя и обыкновенно успевал вызывать сочувствие к своим взглядам и высочайшее одобрение задуманных преобразований.

«Еще милосердный Господь хранит православный русский народ от горьких следствий свободомыслия», писал Пратасов в секретной всеподданнейшей докладной записке от 14 ноября 1842 года⁸²⁵, «еще преданность к отеческой вере жива в сердцах его; но тем заботливее должны быть блюстители веры и тем тщательнее должны извлекать всю пользу из уроков прошедшего для охранения начал, на коих зиждется религиозное воспитание юношества, особенно духовного». – «К сожалению», утверждал обер-прокурор, «не можем скрывать от себя, что и у нас сии начала нарушены». По его словам, еще за 100 лет на нашу православную русскую почву было брошено семя протестантского учения, и если оно до настоящего времени не успело привести здесь тех же плодов, какие уже дало за границей, то исключительно только потому, что воспитанники духовных училищ, поступая в служители алтаря и встречая в обрядах, правилах и чиноположениях церкви, а равным образом в умах и обычаях православных прихожан, совершенно новые понятия, не похожие на те, какими они питывались в своих духовно-учебных заведениях, по необходимости оставляли учение школы... Но семя брошено: оно растет, и растет не так медленно, как кажется с первого взгляда. Современные идеи германских богословов проникли и в наши учебные заведения; они находят почитателей в среде русского духовенства и, что особенно прискорбно, между лицами наиболее образованными, могущими иметь влияние на других.

Первым сеятелем чуждых нам понятий на ниве образования духовного юношества Пратасов признавал Феофана Прокоповича. По словам его докладной записки, Феофан, угождая временщику Бирону и сильной партии иноверцев, не сумел избрать золотой середины между противоположными крайностями двух главных вероисповеданий Западной Европы. С одной стороны, он увлекся ненавистью к властолюбивым

притязаниям папизма, а с другой – заразился протестантским свободомыслием в делах веры, вследствие чего, поражая папистов, в то же время наносил вред и своей церкви. Он совершенно забыл, что восточная церковь, чуждаясь нововведений церкви западной, стоит, однако, на одном основании с ней и не может сойти с него, не утратив общения с древней вселенской церковью. А между тем, принятые им начала легли в основу всех богословских учебников, употреблявшихся в школах духовного ведомства, результатом чего и было то, что «воспитание русского духовного юношества во многих отношениях стояло на основании произвольном, неправославном, общем с разнородными протестантскими сектами». К сожалению, писал обер-прокурор, преобладавшая у нас в прошлом столетии мысль, будто бы ни в одном предмете своего образования мы не можем обойтись без подражания европейским ученым, поддерживала вредное направление. Уставом духовных училищ даже предписывалось держаться по каждой науке на одной линии с последними открытиями и успехами⁸²⁶ и объяснять св. Писание не по переводу 70 толковников, а по оригинальному, т. е. еврейскому тексту. Самое существование отдельной от св. Синода власти для управления духовно-учебными заведениями парализовало стремления ревностных иерархов восстановить богословское учение в прежнем духе церкви, «без примеси чуждых ей мудрований».

В то время, как русское духовенство получало в своих школах такое нежелательное образование, библейские общества предлагали народу чтение книг св. Писания, без святоотеческих объяснений, и тем самым предоставляли каждому читателю полнейшую свободу понимать Библию по собственному разумению. Одновременно с тем, печатались и даже рассылались по духовному ведомству переводы иностранных сочинений феофического и мистического содержания, приводившие в сознание читателей совершенно неправославные идеи о христианской церкви, что и повело за собой развитие различных раскольнических учений и возникновение опасных мнимо-пророческих сект среди образованного русского общества. Зло, по мнению Пратасова,

достигло крайнего предела, так что более уже не могло быть терпимо, без явного соблазна для народа, и правительство увидело себя вынужденным принять решительные меры против прилива к нам чуждых идей. Вреднейшие из мистических книг были запрещены; печатание духовно-нравственных сочинений подчинено духовной цензуре, получившей особый устав; российские библейские общества закрыты; перевод на русский язык ветхозаветных книг св. Писания остановлен; действия раскольнических сект подвергнуты строжайшему наблюдению. С 1836 года предприняты самые деятельные меры и к совершенному преобразованию воспитания духовного юношества; по высочайшему повелению, изданы в свет коренные уставы вселенской церкви, как основание канонического права, не имевшего места в программах духовно-учебных заведений прежнего времени; сделаны главными руководствами в преподавании догматического богословия «Изложение православной веры», написанное восточными патриархами, и «Православное исповедание веры», составленное Петром Могилой; в академиях и семинариях введено учение об отцах церкви и распространено на все три отделения преподавание специальных богословских наук; возобновлено издание книги Стефана Яворского «Камень веры» и, наконец, пространный катехизис московского митрополита Филарета, совершенно переработанный автором, согласно со строгими требованиями древнего православия, введен в повсеместное употребление, в качестве школьного руководства по закону Божию.

«Но для того», писал обер-прокурор, «чтобы истинное древнее вероучение проникло во все отрасли богословского преподавания и принесло благословенные плоды, нужно еще много усилий, твердости и постоянства в неуклонном направлении духовного образования к спасительной цели». Для достижения намеченной «спасительной» цели, Пратасов и признавал необходимым вменить в непрременную обязанность всем преподавателям духовно-учебных заведений руководиться в своей педологической деятельности следующими началами. Во 1-х, утверждал он, никогда не следует забывать, что Св.

Писание не изъясняет само себя, а может быть правильно понимаемо только в отеческом, соборном и церковном учении; во 2-х, так как еврейский текст Библии, в некоторых местах, отличается от греческого текста 70 толковников, которым пользовались апостолы и св. отцы, то объяснения Св. Писания должно приспособлять к греческому тексту; в 3-х, надлежит остерегаться воспитанников от ученых, «мертвящих душу», злоупотреблений Св. Писанием, позволяющих смотреть на него, как на предмет исторических, филологических и философских исследований; в 4-х, в средних духовно-учебных заведениях, готовящих юношество в сельские священники, не должно поднимать бесполезных и даже опасных неологических вопросов о вере, известных нам только по иностранным сочинениям. «Доброе неведение» – говорит Златоуст – «лучше худого знания». В 5-х, необходимо изгнать из преподавания догматического богословия усиленный систематизм, придающий духовным наукам вид наук светских, и, наконец, при изучении нравственного богословия следует с надлежащей силой и полнотой раскрывать изложенные в «Православном исповедании» церковные заповеди и вообще употреблять все усилия, чтобы учение Христово падало на сердца воспитанников и оплодотворялось в жизни.

Пратасов успел убедить государя в безусловной необходимости строго руководиться высказанными взглядами в деле обучения духовного юношества и получил высочайшее одобрение намеченным преобразованиям в постановке преподавания различных богословских наук. «Совершенно одобряю взгляд сей на положение наших духовных дел», написал Николай Павлович на докладной записке обер-прокурора⁸²⁷; «следует продолжать осторожно исправлять то, что еще осталось прежнего неправильного; это долг наш». Едва ли нужно доказывать, что высочайшая резолюция, вполне одобрявшая воззрения обер-прокурора, не оставляла уже никакого места самостоятельности св. Синода в отношении к разнообразным вопросам духовно-учебного управления и предоставляла в распоряжение Пратасова достаточные,

законные основания придавать желательное направление деятельности высшего церковного учреждения.

Члены св. Синода, под влиянием сильно окрепшей власти прокуратуры, были поставлены в необходимость во всем сообразоваться со взглядами и желаниями Пратасова, так как неуместное проявление самостоятельности сопровождалось обыкновенно крайне неприятными последствиями даже для самых выдающихся иерархов, осмеливавшихся действовать не вполне согласно с видами своего обер-прокурора. – Когда началось расследование известного дела, вызванного доносом о появлении литографированного перевода Библии, московский митрополит Филарет позволил себе высказать мнение, что полезно было бы составить и издать русский перевод Св. Писания от лица св. Синода. Мы уже знаем, как мало гармонировала подобная мысль, высказанная митрополитом Филаретом, со своеобразными убеждениями обер-прокурора, и Пратасов, желая вызвать высочайшее неодобрение намерениям наиболее влиятельного синодального члена, предварительно предложил его мнение на рассмотрение петербургского митрополита Серафима, не присутствовавшего в то время в св. Синоде по болезненному состоянию⁸²⁸, а затем, получив от него заявление, что предложения Филарета не только излишни, но даже опасны, и что никому и ни под каким предлогом не следует дозволять переводить священный текст Библии на русский язык⁸²⁹, доложил обо всем государю. Николай Павлович вполне одобрил мнение митрополита Серафима, бывшее, вместе с тем, взглядом самого обер-прокурора, и приказал усилить меры к сохранению неприкосновенности священного библейского текста и произвести строгое расследование дела о самовольном переводе св. Писания. Расследование данного дела, как известно, и позволило Пратасову совершенно устранить от присутствия в высшем церковном учреждении не совсем удобных для прокуратуры синодальных членов, способных еще оказывать слабые признаки известной самостоятельности в обсуждении некоторых церковных вопросов. По высочайшему повелению, состоявшемуся под влиянием обер-прокурора, в 1842 году, перед началом летнего

вакационного времени, наиболее видные и авторитетные иерархи, московский и киевский митрополиты, оказавшиеся косвенным образом замешанными в разбиравшемся деле, были уволены в свои епархии, и уволены с тем, чтобы уже более никогда не быть вызванными в св. Синод.

Нельзя не заметить, что, отстраняя от непосредственного участия в высшем церковном управлении наиболее видных и влиятельных иерархов русской церкви, Пратасов руководился не интересами самого дела, находившегося в ведении св. Синода, так как они могли только страдать от подобных приемов прокуратуры, а простым желанием поставить Синод в такое положение, чтобы не встречать в нем никаких проявлений самостоятельности и независимости в решении различных церковных вопросов.

С устранением обоих митрополитов Филаретов от присутствия в св. Синоде, Пратасов уже мог считать себя вполне обеспеченным и от самых слабых проявлений нежелательной для прокуратуры самостоятельности членов высшего церковного учреждения, так как судьба даже таких видных и влиятельных иерархов, какими были уволенные в свои епархии митрополиты, с достаточной ясностью показала, насколько развилась и окрепла фактическая зависимость церковной иерархии от обер-прокурорской власти.

И мы, действительно, видим, что, со времени преобразования высшего церковного управления и удаления из наличного состава св. Синода неудобных элементов, Пратасов окончательно завершил процесс постепенного подчинения синодального управления влиянию обер-прокурорской власти и, пользуясь неизменным расположением и безусловным доверием императора Николая, удержал за прокуратурой приобретенное значение до самого конца своей жизни.

15 января 1855 года Пратасов обратился в государю с просьбой разрешить ему, по случаю болезни, временно передать обер-прокурорские обязанности тайному советнику Карасевскому⁸³⁰, а на следующий день Карасевский уже представил Николаю Павловичу всеподданнейший доклад о неожиданной смерти обер-прокурора. «Долгом считаю с

глубокой скорбью донести Вашему Императорскому Величеству», писал он 16 января 1855 года, «что обер-прокурор св. Синода, генерал-адъютант, гр. Пратасов, по кратковременной болезни, сего 16 января, в два с половиной часа утра, волей Божией, переселился от сей временной жизни в вечную». «Искренне и душевно скорблю», заявил император Николай по случаю доклада Карасевского о смерти Пратасова? на что ссылка?, – «скорблю о потере этого достойного и верного слуги, которого столь давно знал и уважал».

Заключение

Мы проследили историю отношений обер-прокуроров к св. Синоду со времени учреждения института синодальной прокуратуры до пятидесятих годов XIX столетия, когда окончательно завершился интересующий нас исторический период развития влияния обер-прокурорской власти на церковное управление. В предисловии к предлагаемому исследованию нами было сделано замечание, что принципиальное решение вопроса о взаимных отношениях государства и церкви постепенно подготавливалось еще в московской Руси, и, после реформ великого преобразователя, правительству оставалось только выработать те формы, в которые должно было облечься участие государства при церковном управлении. Далекий от мысли считать церковь, существующую в пределах государства, вполне самостоятельным духовным организмом, находящимся вне всякой зависимости от верховной власти, Петр I, смотревший на церковное управление с государственной точки зрения, признал необходимым организовать его на новых началах, гарантировавших правительству желательный характер деятельности высшей церковной власти. Стоявший во главе русской церкви патриарх, как самостоятельный и в достаточной степени независимый орган церковного управления, не мог доставить Петру подобных гарантий и был заменен им высшим церковным учреждением, организованным по типу уже существовавших государственных учреждений, заведовавших отдельными отраслями управления. И хотя новое учреждение должно было руководиться в своей деятельности духовным Регламентом, составленным под несомненным влиянием верховной власти, и было обязано признавать «своим крайним судьей самого всероссийского монарха», но преобразователь находил невозможным оставлять и его правительственную деятельность без всякого надзора со стороны государственной власти.

Русская церковь, в лице высшей иерархии и различных церковных учреждений, располагала обширными экономическими и юридическими правами, и правительство было сильно заинтересовано, чтобы вновь учрежденный св. Синод, наделенный важными правами, далеко выходящими за пределы специально-церковной сферы, был лишен возможности пользоваться ими в ущерб интересам государства. Для достижения подобной цели реформатор и назначил в св. Синод постоянный правительственный орган, обязанный наблюдать, чтобы стремления представителей церкви не приходили в столкновения с стремлениями государства и не нарушали бы его интересов.

Учредив специальную государственную должность синодального обер-прокурора, Петровское правительство было, однако же, далеко от мысли стеснить свободу и самостоятельность св. Синода и в управлении внутренней жизнью церкви; преследуя довольно узкие, практические цели, оно не обнаруживало нежелательных и незаконных с канонической точки зрения стремлений влиять, через своих обер-прокуроров, на св. Синод, не только в установлении самых основ церковной жизни, в определении учения и канонов церкви, в учреждении разнообразных церковных обрядов, но и в назначении высших правителей церкви и различных должностных лиц, в заведовании духовным образованием и церковным судом. Вся эта область внутреннего церковного управления, как видно из указа императрицы Екатерины I от 15 июля 1726 года, должна была находиться, по мысли Петра, в распоряжении самих представителей церкви, и обер-прокурорская власть обязывалась лишь наблюдать за тем, чтобы св. Синод «управлял духовными делами всероссийской церкви по Регламенту», одобренному и утвержденному самим государем.

Но, предоставляя св. Синоду относительную свободу в заведовании специально-церковными или «духовными» делами, как они назывались в официальных документах того времени, правительство признавало уже неудобным предоставить высшему церковному учреждению такую же свободу и в

управлении обширным кругом дел, близко затрагивавших материальные, экономические интересы государства. Здесь, в этой обширной сфере полу-церковных и полу-государственных дел преобразователь находил необходимым поставить св. Синод в такое положение, которое бы вполне обеспечивало государству желательный характер управления экономическими и некоторыми другими делами синодального ведомства. Очевидно признавая недостаточным одно учреждение обер-прокурорской власти, наделенной важным правом не позволять св. Синоду приводить в исполнение различные постановления, в каком-либо отношении нарушавшие государственные интересы, и делать ему разнообразные предложения, Петр, по словам Екатерининского указа, намеревался устранить св. Синод от ближайшего и непосредственного заведования не «духовными» делами церковного ведомства и поручить их ведению светских лиц.

Екатерина I, осуществляя намерения и планы преобразователя, сосредоточила управление всеми наиболее интересными для государства делами духовного ведомства во втором апартаменте реорганизованного Синода, составив его исключительно из одних светских лиц и отведя среди них первое место представителю синодальной прокуратуры. Назначение обер-прокурора первенствующим членом второго апартамента, в скором времени переименованного в коллегия экономии, указало круг главнейших дел и важнейших обязанностей синодальной прокуратуры и в значительной степени определило самый характер практической деятельности первых обер-прокуроров. И действительно, документальные данные, имеющие отношение к деятельности синодальной прокуратуры в царствование преобразователя и его ближайших преемников, говорят, что обер-прокуроры, наблюдая за распоряжениями и постановлениями св. Синода, касавшимися различных отраслей церковного управления, обращали главное и преимущественное внимание на находившиеся в ведении Синода экономические дела, близко затрагивавшие материальные интересы государства. Но и в этой последней отрасли синодального управления, всего более озабочивавшей

правительство, явно стремившееся поставить ее в ближайшую зависимость от себя, первые обер-прокуроры не пользовались значительным влиянием на ход текущих дел, и высшее церковное учреждение могло довольно легко и свободно не только не исполнить разнообразных предложений прокуратуры, если находило их не отвечающими интересам церкви и церковного ведомства, а даже иногда не придавать значения и формальным протестам обер-прокурорской власти против своих постановлений и распоряжений.

Со вступлением на престол императрицы Елизаветы и назначением Шаховского на пост синодального обер-прокурора, прокуратура начинает довольно широко пользоваться предоставленными ей правами и полномочиями и, внимательно наблюдая за разнообразной правительственной деятельностью св. Синода, делает ему настойчивые предложения, протестует против его постановлений и обнаруживает несомненное стремление оказывать известное влияние не только на решение дел, связанных с заведованием церковными имениями, но и на другие отрасли синодального управления. Выходя далеко за пределы простого контролирования деятельности св. Синода, затрагивавшей экономические интересы государства, обер-прокуроры стремятся ввести в сферу своего влияния и такие стороны синодального управления, как производство церковного суда, организация системы духовного образования будущих пастырей церкви и религиозного просвещения прихожан, устройство церковного благочиния, и заявляют настойчивое желание подчинить своему ближайшему надзору местное, епархиальное управление.

С переходом же верховной власти в руки Екатерины II, усвоившей себе либеральные философские взгляды на религию и церковь, у синодальной прокуратуры являются покушения оказывать известное влияние на св. Синод даже в вопросах чисто религиозного характера, побуждая его производить, в духе времени, различные изменения в церковных канонах и обрядах⁸³¹. Но стремлениям прокуратуры довольно широко пользоваться не совсем точно определенными правами, данными ей известной инструкцией 1722 года, и даже иногда

выходить за пределы предоставленных полномочий и теперь еще далеко не соответствовало действительное, фактическое влияние обер-прокуроров на разнообразные отрасли церковного управления, находившиеся в ведении св. Синода. Члены высшего церковного учреждения, хотя иногда и должны были считаться с протестами прокуратуры против некоторых из своих постановлений, преимущественно экономического характера, но в то же время находили в своем распоряжении достаточно средств, чтобы довольно успешно парализовать нежелательное влияние обер-прокуроров на различные стороны синодального управления. Св. Синод обнаруживал несомненное стремление заведовать церковным управлением, в пределах предоставленных ему прав, более или менее самостоятельно и, по возможности, независимо от обер-прокурорского влияния, почему обыкновенно уклонялся от исполнения неудобных предложений прокуратуры, проводил некоторые меры по духовному ведомству, оставляя в совершенном неведении относительно их представителя обер-прокурорской власти⁸³², не всегда придавал обязательное значение формальным протестам обер-прокуроров против своих постановлений и нередко обращался к верховной власти с ходатайствами об устранении от должности слишком ревностных защитников государственных интересов, проявлявших настойчивое желание расширить сферу своего влияния на синодальное управление в ущерб интересам высшего церковного учреждения.

Крупные государственные преобразования, ознаменовавшие собой начало XIX столетия, не прошли бесследно и для системы церковного управления, и уже первый синодальный обер-прокурор Александровского времени, под влиянием правительственных реформ, заменивших старые, отжившие свой век, Петровские коллегии новым учреждением министерств, обнаружил явное стремление присвоить себе некоторые министерские полномочия и несколько приравнять свое положение в духовном ведомстве к положению министров, поставленных во главе других ведомств. И действительно, он успел присвоить себе чисто министерское право делать вполне самостоятельно и совершенно независимо от св. Синода

всеподданнейшие доклады о различных нуждах духовного ведомства и, получая высочайшее одобрение своим планам, предлагать их к обязательному исполнению высшему церковному учреждению. Правда, нетактичность первого Александровского обер-прокурора и отсутствие близости и расположения к нему со стороны государя дозволили синодальным членам в скором времени освободиться от тяжелого и неудобного обер-прокурора, но, с увольнением Яковлева, новые правительственные взгляды на положение св. Синода и его обер-прокуроров в области церковного управления, – взгляды, составлявшие главную основу, на которой создавался и вырабатывался характер отношений представителей прокуратуры в высшему церковному учреждению, не сделались более благоприятными для интересов св. Синода. Напротив, неудачные результаты деятельности Яковлева побудили императора Александра назначить синодальным обер-прокурором «своего человека», пользовавшегося исключительной близостью к государю и, в силу особенной близости к верховной власти, сумевшего без больших затруднений применить новые правительственные идеи к церковному управлению и фактически создать себе положение главноуправляющего духовным ведомством.

Новое положение обер-прокурора доставило возможность Александровскому правительству и официально провести министерский принцип в сферу церковного управления, подчистив св. Синод новоучрежденному министру духовных дел. С уничтожением непопулярного министерства, значительная доля прав и полномочий бывшего министра духовных дел перешла к синодальной прокуратуре, которая, организовав при св. Синоде новые учреждения, заведовавшие различными отраслями церковного управления под непосредственным наблюдением и руководством обер-прокуроров, и поставив в фактическую зависимость от себя самые изменения в наличном составе синодальных членов, приобрела в Николаевскую эпоху сильнейшее влияние на русское церковное управление.

Примечания

¹ - 1899 г., кн. IX.

² - См. мой статью: «Характер преобразовательной деятельности Петра I». Исторический Вестник, 1895 г., т. LXI.

³ - Полное Собрание Законов. Том VI, №3,718.

⁴ - Там же, ч. I, п. 7.

⁵ - По поводу названия патриаршего управления русской церковью правлением единоличным – названия, встречающегося в официальном историческом документе (П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. Т. I, стр. 4.), необходимо заметить, что терминология, употребляющаяся в Духовном Регламенте для определения характера церковного управления в дореформенное время, страдает значительной неточностью и далеко не соответствует исторической действительности. В церковно-исторической и канонической литературе можно считать общепринятым и установившимся мнение, что церковное управление, и при существовании патриархов, является не единоличным, не монархическим, а соборным, т.к. патриархи избираются и получают свое освящение от соборов, при многих патриархах обыкновенно существуют постоянные Синоды, важнейшие дела отдаются ими на решение и суд соборов и, наконец, они сами подлежат суду тех же соборов. В таком же положении находилось и управление русской церковью в период патриаршества. И наша русская церковь, при всероссийских патриархах, была церковью не монархической, а соборной, т.к. и у нас созывались соборы для решения важнейших церковных дел и даже самый властный первосвященитель русской церкви – патриарх Никон, не отрицал своей подсудности законно составленному собору.

⁶ - П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. Т. I, №1, ч. I п. 7.

⁷ - Там же.

⁸ - Там же, п.п. 4 и 5.

⁹ - Там же, п. 5. Последняя фраза, напечатанная курсивом, находится только в подлинном рукописном экземпляре

Духовного Регламента.

¹⁰ - Там же, ч. III, п. 13.

¹¹ - Там же, ч. III, п. 1.

¹² - Стр. 108.

¹³ - П. С. З. т. V №3,205.

¹⁴ - «О Сенате в царствование Петра Великого», стр. 158.

¹⁵ - П. С. З. т. V №2,957.

¹⁶ - П. С. З. т. VI №3,519.

¹⁷ - П. С. З. т. VI, №3,721.

¹⁸ - П. С. З. т. VI №3,978.

¹⁹ - П. С. З. т. VI №3,979.

²⁰ - Там же, п. 5.

²¹ - Там же, п. 1.

²² - Там же, п. 11.

²³ - Там же, п. 2.

²⁴ - Там же, п. 11.

²⁵ - Там же, п. 10.

²⁶ - Там же, п. 9.

²⁷ - П. С. З. т. VI №3,877, п. 4 и 5.

²⁸ - П. С. З. т. VI №3,718

²⁹ - Там же, стр. 314. «Повелеваем всем верным подданным Нашим», читаем в манифесте, «имети» духовную коллегия «за важное и сильное Правительство и у него крайния дел духовным управы, решения и вершения просить, и судом его определенным довольствоваться и указов его слушать во всем... против прочих коллегий».

³⁰ - Там же, стр. 316. «Таковые различные коллегии», разъясняется в Регламенте, «по различию дел и нужд Государственных, Державнейший Царь Всероссийский, Петр Первый премудре на пользу отечества державы Своея устави в лето 1718».

³¹ - П. С. П. и Р. т. I, №3. Внутренний быт русского государства. Кн.2, стр.233.

³² - П. С. З. т. VI №3,734.

³³ - Внутренний быт русского государства. Кн.2, стр.227 – 398.

³⁴ - Там же, стр. 253.

³⁵ - Там же, стр. 252 – 253.

³⁶ - Там же, стр. 232.

³⁷ - Называя св. Синод, в некоторых местах своего исследования, высшим государственным учреждением, мы не хотим тем самым сказать, что организованная Петром духовная коллегия, поставленная во главе управления русской церковью, не имела характера церковного учреждения. Мы знаем, что и в высочайшем указе об открытии духовной коллегии, и в самом Регламенте новый орган управления русскою церковью характеризовался, как законно, канонически организованное высшее церковное учреждение. «Устанавливаем Духовную Коллегию», писал Петр в своем указе от 25 января 1721 года (П. С. П. и Р. т. 1, №1, стр. 2), «то есть Духовное Соборное Правительство, которое, по следующему зде Регламенте, имеет всякие духовные дела во Всероссийской Церкви управлять». Знаем, что «Духовное Соборное Правительство» заменило собой древнее патриаршее управление не по произвольному распоряжению одной светской власти, но «по соизволению и приговору священного собора», как написано на заглавном листе подлинного рукописного Регламента, хранящегося в присутствии св. Синода. Не забываем, наконец, и того, что преобразователь, реформируя управление русской церковью, обращался к восточным патриархам и получил от них добровольное согласие на признание законности произведенной реформы, т. к. патриархи называли св. Синод своим братом во Христе, имеющим власть «творити и совершати, елика четыре апостольские, святейшие, патриаршие престоли». Но, признавая св. Синод высшим церковным учреждением, правительство, в то же время, смотрело на него и со своей специальной, государственной точки зрения и, с этой точки зрения, относилось к нему, как к учреждению государственному.

³⁸ - Внутренний быт рус. государства. Кн. 2, стр. 234.

³⁹ - П. С. З. т. VI №3,718. «Должна же есть коллегия сия и новыми впредь правилами дополнять Регламент свой, яковых правил востребуют разные разных дел случаи».

⁴⁰ - Там же. «Однакож делать сие должна Коллегия Духовная не без Нашего соизволения».

⁴¹ - Внутренний быт рус. государства. Кн. 2, стр. 236.

⁴² - Там же, стр.238.

⁴³ - П. С. З. т. VI, №3,854. «Когда Сенатскими приговоры», докладывал Синод, «бывают какие генерально о всех определения, в чем и Синодская команда заключается, тогда можно, видится, прежде заключения, во время обычного о таких определениях рассуждения, и Синод уведомлять, и с общего согласия такие определения заключать, чтоб было к лучшему общей пользы усмотрению». Рассмотрев синодальный доклад, Петр написал в своей резолюции: «Какое дело позовет о новом каком определении генеральном, то не должно ни в Синоде, ни в Сенате без подписания Нашей руки чинить; а буде во отлучении Нашем такое дело случится, а обождать до прибытия Нашего будет невозможно, то Синоду согласиться с Сенатом, и подписать, и потом публиковать». Пункт 5-й.

⁴⁴ - Правда, в действительности наиболее видные синодальные члены: Феодосий Яновский и Феофан Прокопович пользовались значительным доверием Петра, но это обстоятельство, конечно, не могло повлиять на характер его отношений к самому учреждению, т. к. существование в св. Синоде подобных членов было простой случайностью, нисколько не зависевшей от той или другой организации высшего церковного управления.

⁴⁵ - Полное Собрание Постановлений и Распоряжений по вед. пр. исп. т. I, №1, стр. 3.

⁴⁶ - П. С. З. т. VI, №4,001. «В Синод», писал в своем указе Петр, «выбрать из офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление Синодского дела знать, и быть ему Обер-Прокурором и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции Генерал-Прокурора».

⁴⁷ - Полное Собр. Постан. и Распор. по вед. прав. исп. т. II, №705.

⁴⁸ - П. С. З. т. VI, №4,036.

⁴⁹ - Петровский. «О Сенате в царствование Петра В.», стр. 171.

⁵⁰ - П. С. П. и Р. т. II, №680, п. 7.

⁵¹ - Там же, №705.

⁵² - Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правит. Синода. Том II, часть 1, №734.

⁵³ - Там же, стр. 1122 – 1123.

⁵⁴ - При тех довольно близких отношениях, какие существовали в рассматриваемое время между некоторыми синодальными членами и сенаторами, более чем вероятно, что св. Синод, и до получения копии с обер-прокурорской инструкции, имел уже неофициальные сведения о правах и обязанностях своего обер-прокурора.

⁵⁵ - П. С. З. т. VI, №4,036, п. 11. В данном пункте государь, от имени которого была составлена Сенатом рассматриваемая нами инструкция, называет синодального обер-прокурора своим «ОКОМ».

⁵⁶ - Там же, п. 9. «Обер-прокурор ничьему суду не подлежит, кроме Нашего», читаем в 9-м пункте обер-прокурорской инструкции.

⁵⁷ - Там же, п. 1.

⁵⁸ - Там же, п. 1.

⁵⁹ - Там же, п. 2. Обер-прокурор, читаем здесь, «должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал. А ежели что увидит противное сему, тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно, с полным изъяснением, в чем они, или некоторые из них, не так делают, как надлежит, дабы исправили».

⁶⁰ - Там же, п.п. 3 и 4. Упоминаемым в 4-м пункте фискалам, существовавшим в области государственного управления, в духовном ведомстве соответствовали инквизиторы.

⁶¹ - Там же, п. 5.

⁶² - Кедров. Духовный Регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. – Милюков. Очерки по истории русской культуры. Т. II.

⁶³ - Там же, п. 11.

⁶⁴ - При дворе московских государей стряпчие принадлежали к нижним придворным чинам; их служебная деятельность состояла в том, что они разносили кушанья за царским столом, разливали напитки, подавали царю всевозможные вещи, одевали и раздевали его, в качестве спальников. Число стряпчих было настолько велико, что их назначали не только на разнообразные службы при особе царя, но и отправляли для выполнения различных служебных обязанностей в царские деревни.

⁶⁵ - Если обер-прокурор, по словам 2-го пункта инструкции, заметит, что Синод в чем-либо уклоняется от своей обязанности «поступать праведно и нелицемерно», то «должен в тот час протестовать и... дело остановить». Хотя данный пункт инструкции и уполномочивал обер-прокурора останавливать приведение в исполнение постановлений Синода только при том условии, если они являлись не согласными с требованиями законов, но едва ли можно отрицать, что в действительности, на практике, признание тех или других мнений св. Синода не отвечавшими требованиям законов предоставлялось той же инструкцией личному усмотрению самого обер-прокурора, так как, в данном случае, инструкция имела в виду такие факты, когда синодальные члены находили возможным считать вполне законными свои постановления, вызывавшие протестацию прокуратуры.

⁶⁶ - П. С. П. Р. т. II, №680, п. 2.

⁶⁷ - Там же.

⁶⁸ - Там же, п. 9. «Ежели» обер-прокурор «во отлучении Нашем явится в тяжкой и времени не терпящей вине, яко измене; то Синод может арестовать и разыскивать, а дело приказать иному кому; однакож никакой пытки, экзекуции, или наказания не чинить».

⁶⁹ - Хотя обер-прокурорская инструкция и не была подписана императором. но тем не менее, мы имеем законное право утверждать, что в ней выражена высочайшая воля о правах и обязанностях синодального обер-прокурора, так как покровительствующий Сенат, составивший обер-прокурорскую инструкцию, по распоряжению самого Петра, пользовался, во время отсутствия государя, всеми прерогативами верховной власти.

⁷⁰ - Высшая администрация России XVIII столетия, стр. 114.

⁷¹ - Там же, стр.127.

⁷² - П. С. П. и Р. т. II, №680, п. 1.

⁷³ - Там же, п. п. 1 и 2.

⁷⁴ - Там же, п. 1.

⁷⁵ - Там же, п. 2. – О весьма нужных делах, решаемых Синодом, по мнению прокуратуры, не согласно с требованиями законов, обер-прокурор – писалось в инструкции от имени государя – должен «немедленно донести Нам, а о прочих в бытность Нашу в Синоде или помесечно, или понедельно, как указ иметь будет».

⁷⁶ - Там же.

⁷⁷ - П. С. 3. т. VI, №3,712.

⁷⁸ - Описание докум. И дел арх. св. Синода. Т. I, №151.

⁷⁹ - Там же, стр. 138.

⁸⁰ - Там же, стр. 136.

⁸¹ - Там же, п.п. 1 и 2.

⁸² - Там же , п. 3.

⁸³ - Там же , п. 4.

⁸⁴ - Там же , п. 5.

⁸⁵ - Там же, стр. 137.

⁸⁶ - Считаю необходимым оговориться, что, употребляя в различных местах своего исследования разнообразные выражения, которые, по-видимому, то очень суживают понятие об обер-прокурорской власти, то возвышают ее значение, мы лишь отменяем ту или другую сторону в положении и деятельности прокуратуры (смотря по ходу речи), а не

допускаем какие-либо противоречия и разногласия в ее определении.

⁸⁷ - 1 февраля 1723 года.

⁸⁸ - 10 октября 1722 года.

⁸⁹ - Описание докум. и дел арх. св. Синода. Т. II, ч. II, №1,048.

⁹⁰ - 11 марта 1723 года.

⁹¹ - 26 октября 1723 года.

⁹² - Резолюция: «вышеупомянутых денег на Феофане архиепископе новгородском взыскивать не велите» была получена Синодом 3 ноября 1723 года, т. е. в такое время, когда уже Болтин был заменен новым обер-прокурором, Баскаковым. (Описание док. и дел арх. св. Син. т. II, ч. II, №1,048, стр. 334).

⁹³ - Описание док. и дел арх. св. Син. т. IV, №501.

⁹⁴ - П. С. З. т. VI, №4,036, п. 5.

⁹⁵ - Описание док. и дел арх. св. Син. т. IV, №50, стр. 55.

⁹⁶ - Там же, стр. 56 – 57.

⁹⁷ - Там же, №94.

⁹⁸ - Описание док. и дел арх. св. Син. т. III, №536, стр. 561 – 562.

⁹⁹ - Там же, стр. 566.

¹⁰⁰ - Там же.

¹⁰¹ - Необходимо заметить, что Болтин, ссылаясь на 4-й пункт данной ему инструкции, в действительности цитирует 5-й пункт известного нам обер-прокурорского наказа. Чем объясняется такое различие – решить с положительной достоверностью невозможно, так как подлинная инструкция, данная первому обер-прокурору, не сохранилась. Трудно допустить, чтобы в подлинном наказе, выданном Болтину из пр. Сената, оказался опущенным какой-либо пункт известной нам печатной обер-прокурорской инструкции, вследствие чего 5-й § мог бы занять в подлиннике место 4-го пункта. Скорее возможно предположить здесь случайную опisku или же, всего вероятнее, не совсем одинаковое размещение пунктов в подлинной и печатной инструкции.

- ¹⁰² - Там же, стр. 564.
- ¹⁰³ - Описание док. и дел арх. св. Син. т. III, №585.
- ¹⁰⁴ - Даже назначение в московскую синодальную канцелярию ближайшего подчиненного обер-прокурора, прокурора монастырского приказа, Раевского, которого Болтин называл своим «оком», находившимся под его командой (Опис. док. и дел арх. св. Син. т. III, №536, стр. 563 – 564), состоялось по определению св. Синода, хотя и было вызвано предложением самого обер-прокурора. (П. С. П. и Р. т. III №1128).
- ¹⁰⁵ - Полное Собрание Пост. и Расп. по вед. пр. исп. Т. IV, №1,428.
- ¹⁰⁶ - Там же ,т. V, №1,518.
- ¹⁰⁷ - Конечно, в данном случае, связь св. Синода с верховной властью через посредство синодального обер-прокурора называется нами желательной для государства исключительно только с точки зрения Петра.
- ¹⁰⁸ - П. С. З. т. VI, №4,036, п. 2.
- ¹⁰⁹ - Там же.
- ¹¹⁰ - Там же, п. 10.
- ¹¹¹ - Опис. докум. и дел арх. св. Синода. т. I, №151.
- ¹¹² - Там же, стр. 137.
- ¹¹³ - Полное Собрание Пост. и Расп. по вед. пр. исп. Т. IV, №1,267.
- ¹¹⁴ - Там же, №1,280.
- ¹¹⁵ - Опис. докум. и дел арх. св. Синода. т. III, №125, стр. 156.
- ¹¹⁶ - Там же, т. III, №№ 76, 155, 374, 449, 457, 458, 521, 523, 535, 541 и др.
- ¹¹⁷ - Там же, т. IV, №№1, 208, 288, 546.
- ¹¹⁸ - Там же, т. III, №№ 60, 61, 62, 469; т. IV, № 188.
- ¹¹⁹ - Там же, т. III, №№ 180, 434; т. IV, № 68.
- ¹²⁰ - Там же, т. II, ч. II, №№ 887 и 1,031.
- ¹²¹ - Опис. докум. и дел арх. св. Синода. т. III, №548.

- 122 - Полное Собрание Постанов. и Расп. по вед. пр. испов. т. IV, №1,160.
- 123 - Там же, стр.7.
- 124 - Там же, т. IV, №1,376.
- 125 - Там же, стр. 222.
- 126 - Там же, т. V, №1,479.
- 127 - Чистович. Феофан Прокопович и его время. Изд. Академии Наук, стр. 145.
- 128 - Опис. докум. и дел арх. св. Синода. т. V, №91.
- 129 - Русский. Архив. 1864 г. №2. «Подлинное дело Новгородского архиепископа Феодосия», стр. 121–172.
- 130 - П. С. П. и Р. т. II, №680, п. 11.
- 131 - Русский. Архив. 1864 г. №2, стр. 149.
- 132 - Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей... Ч. V, стр. 386.
- 133 - П. С. З. т. VII, №4,717.
- 134 - В исторической литературе краткие сведения о судьбе осужденного обер-прокурора встречаются у Соловьева. (История Россия. Т. XVIII, стр. 326).
- 135 - Сборник имп. р. ист. общ. т. 63-й, стр. 188, 480 и 508.
- 136 - Описание докум. и дел арх. св. Синода. т. VI, №22.
- 137 - Собрание Пост. и Расп. по вед. пр. исп. т. V, №1,546.
- 138 - П. С. П. и Р. т. IV, №1,278.
- 139 - Там же, №1,279.
- 140 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VI, №285.
- 141 - П. С. П. и Р. По вед. пр. исп. т. IV, №1,316.
- 142 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VI, №285, стр. 282.
- 143 - Там же, №327.
- 144 - Там же. Приложения, IX, стр. XLV-XLIX.
- 145 - Там же, стр. XLIX-LVI.
- 146 - Там же, №336.
- 147 - П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. т. IV, №1,560.
- 148 - Там же, №1,573.

- 149 - Сборник импер. русского историч. общества. Т. 63, стр. 677 – 678.
- 150 - П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. т. VI, №1,981.
- 151 - Сборник импер. р. ист. общ. Т. 56, стр. 107.
- 152 - Там же, т. 63, стр. 477 – 478.
- 153 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VI, №16 стр. 28 – 29.
- 154 - Обер-прокурору Баскакову Синод определил выдавать годового жалования 1,058 р. 10 коп. (Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VII, №140.)
- 155 - Архив св. Синода. Дело 1730 г. 16 мая, №14.
- 156 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VIII, №717 стр. 677 – 680.
- 157 - П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. т. V, №1,690, стр. 226.
- 158 - Там же, стр. 227 – 228.
- 159 - Там же, стр. 228.
- 160 - П. С. П. и Р. т. II, №680, п. 1.
- 161 - Там же.
- 162 - П. С. П. и Р. т. V, №690, стр. 227 – 228.
- 163 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. III, №536 стр. 564.
- 164 - Полное Собр. Пост. и Расп. по вед. прав. исп. т. V, №1,575.
- 165 - Там же, стр. 111.
- 166 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VIII, №621.
- 167 - Там же, т. VI, №172.
- 168 - Там же, т. VIII, №332.
- 169 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VII, №175.
- 170 - Там же.
- 171 - Там же, т. VIII, №402.
- 172 - Там же, №481.
- 173 - Там же, №607.
- 174 - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VII, №262.

- ¹⁷⁵ - Через Тайный Совет и отдельных влиятельных личностей.
- ¹⁷⁶ - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. V, №137. – П. С. П. и Р. т. V, №1,575.
- ¹⁷⁷ - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. VIII, №371, стр. 359 – 360.
- ¹⁷⁸ - П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. т. V, №1,690, стр. 228.
- ¹⁷⁹ - См. исследование Петровского «О Сенате в царствование Петра Великого», стр. 184, примечание.
- ¹⁸⁰ - П. С. П. и Р. т. V, №1,819.
- ¹⁸¹ - Там же.
- ¹⁸² - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. V, №136.
- ¹⁸³ - П. С. П. и Р. т. IV, №1,279.
- ¹⁸⁴ - Там же, №1,278.
- ¹⁸⁵ - Описание док. и дел арх. св. Синода. т. V, №136.
- ¹⁸⁶ - П. С. П. и Р. т. V, №1,819.
- ¹⁸⁷ - Там же.
- ¹⁸⁸ - Сборник имп. рус. ист. общ. т. 55, стр. 384, №220.
- ¹⁸⁹ - Там же, стр. 479.
- ¹⁹⁰ - П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. т. V, №1,824. Описание док. и дел арх. св. Син., т. VI, №212.
- ¹⁹¹ - Следует заметить, что в Описании документов и дел, хранящихся в архиве св. Синода (Т. V, №137, стр. 247), делается указание на одно сенатское ведение, присланное в Синод 23 марта 1727 года, в котором сообщалось, что будто бы 25 июля 1726 года Раевский был назначен обер-прокурором св. Синода. Но мы не решаемся доверять этому единственному, не совсем надежному, источнику и скорее склонны допустить здесь простую опisku в названии новой должности Раевского («обер-прокурором» вместо «прокурором»), т. к. тот же Сенат в своем ведении, посланном в Синод 27 июля 1726 года, официально сообщил о высочайшем назначении Раевского «прокурором» в св. Синод (П. С. П. и Р. т. V, № 1,824), а многочисленные документы не оставляют места никакому сомнению, что, и после назначения Раевского в св. Синод на прокурорскую

должность, синодальным обер-прокурором по-прежнему оставался Баскаков, состоявший в то же время и членом-президентом вновь организованного второго апартамента.

- 192 - П. С. П. и Р. т. V, №1,824, примеч.
- 193 - Сборник рус. истор. общ. т. 55, стр. 457, №258.
- 194 - П. С. З. т. VII, №4,925.
- 195 - П. С. П. и Р. т. V – Описание док. и дел арх. св. Син. т. VI, №292, стр. 514.
- 196 - П. С. П. и Р. т. V, №1,843.
- 197 - Там же, №1,899.
- 198 - Описание док. и дел арх. св. Син. т. VIII, №605.
- 199 - Опис. док. и дел арх. св. Син. т. VII, №50.
- 200 - Там же, т. VIII, №230.
- 201 - Там же, №717.
- 202 - П. С. З. т. VIII, №5,575.
- 203 - П. С. П. и Р. т. VII, №2,317.
- 204 - П. С. З. т. VIII, №5,575.
- 205 - П. С. П. и Р. т. VII, №2,363.
- 206 - П. С. П. и Р. т. VII, №2,363, стр. 140 – 141.
- 207 - Там же, т. II, №680, п. 2.
- 208 - Внутренний быт рус. государства, кн. 2, стр. 255.
- 209 - Архив св. Синода. Дело 1730 г. (20 марта), №105.
- 210 - Там же.
- 211 - Там же, стр. 419.
- 212 - П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. т. V, №1,824.
- 213 - П. С. З. т. VIII, №5,625.
- 214 - Там же, №5,510.
- 215 - Соловьев, История России, т. XIX, стр. 272.
- 216 - П. С. З. т. VIII, №5,625.
- 217 - Там же, №5,871.
- 218 - Внутренний быт рус. государства, кн. 2, стр. 43.
- 219 - Там же, стр. 42.
- 220 - Там же, стр. 43.

- 221 - Там же, стр. 278.
- 222 - Там же, стр. 44.
- 223 - Там же, стр. 279.
- 224 - Там же, стр. 44.
- 225 - П. С. З. т. XI, №8,480.
- 226 - Записки кн. Петр. Шаховского. Изд. «Русской Старины», стр. 36.
- 227 - Архив св. Синода. Дело 1742 г. (янв. 4), №4.
- 228 - П. С. З. т. VI, №3,718, стр. 315.
- 229 - Записки кн. Шаховского, стр. 37.
- 230 - Там же.
- 231 - Там же, стр. 39.
- 232 - Там же, стр. 40. Канцелярия обер-прокурора св. Синода. Дело 1742 г. (янв. 4) №1.
- 233 - Записки кн. Шаховского, стр. 50.
- 234 - Записки кн. Я. П. Шаховского. Изд. «Русской старины», стр. XXII.
- 235 - 2-издание, кн. V, стр. 1174.
- 236 - Записки Шаховского, стр. 49 и 52.
- 237 - А. Радищев. Жизнь кн. Я. П. Шаховского, стр. 77 – 79. Иванов. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции, стр. 28.
- 238 - Записки кн. Шаховского, стр. 67.
- 239 - Там же, стр. 40.
- 240 - В своих «Записках» Шаховский замечает, что при получении от генерал-прокурора копии с обер-прокурорской инструкции он «впервые» узнал о ее происхождении и содержании. Стр. 39–40.
- 241 - Шаховский был некоторое время сенатом. Записки Шаховского, стр. 27.
- 242 - Там же, стр. 38.
- 243 - Там же, стр. 37.
- 244 - Там же, стр. 38.
- 245 - Там же.

²⁴⁶ - Там же, стр. 39.

²⁴⁷ - Трудно допустить, чтобы члены св. Синода, воспользовавшись временным прекращением существования института прокуратуры, позволили себе намеренно уничтожить и самые документы об учреждении обер-прокурорской власти, наделенной стеснительными для них правами и полномочиями. Подобное предположение является тем более невероятным, что намеренное уничтожение указов и обер-прокурорской инструкции, не могло бы сопровождаться и желательными практическими результатами, так как не сделало бы невозможным восстановление содержания уничтоженных документов, составлявшихся, как известно, не в св. Синоде, а в пр. Сенате. Остается признать правдоподобным объяснение, данное Шаховскому синодальным обер-секретарем, сославшись на пожары и крайне беспорядочное состояние местного архива, как на действительные причины исчезновения многих документов.

²⁴⁸ - Получив от генерал-прокурора копию с инструкции синодального обер-прокурора, замечает Шаховский в своих Записках, «я впервые узнал, что инструкция первому обер-прокурору, в Синоде определенному, сочинена и утверждена в пр. Сенате в присутствии Государя Императора Петра Великого» (стр. 39 - 40). Но нам уже известно, что в действительности инструкция, данная Болтину, была составлена и утверждена в пр. Сенате в отсутствие государя, так как Петр находился в то время далеко за пределами Петербурга. Конечно, на основании замечания Шаховского, что полученная им инструкция представляла собой копию обер-прокурорского заказа, сочиненного и утвержденного в Сенате в присутствии самого государя, было бы довольно странно предполагать, что и действительно генерал-прокурор Трубецкой снабдил синодального обер-прокурора какой-то особой, неизвестной нам инструкцией, а не той же самой, которая дана была в руководство Болтину. Скорее и естественнее допустить здесь простую неточность в Записках Шаховского, составленных автором через много лет после описанных событий. Подобных неточностей встречается немало в автобиографическом труде

Шаховского; так, например, в нем сообщается, что коллегия экономии была упразднена императрицей «в бытность ее величества в Москве в 1745 году» (стр. 50), тогда как на самом деле этот важный для Синода и прокуратуры правительственный акт имел место 15 июля 1744 года.

²⁴⁹ - Записки Шаховского, стр. 40 –41.

²⁵⁰ - Там же, стр. 41.

²⁵¹ - Там же, стр. 49 – 50.

²⁵² - «Особливо наблюдал», замечает о себе Шаховский, «чтоб учтиво поступать, говорить и писать о делах, охраняясь, чтоб не быть несправедливо досадителем». Записки кн. Шаховского, стр. 50.

²⁵³ - 13 мая 1742 года.

²⁵⁴ - Канцелярия обер-прокурора св. Синода. Дело 1742 года. №8, стр. 1 – 2.

²⁵⁵ - Там же, стр. 3. Цитированные предложения обер-прокурора напечатаны в «Приложениях» к «Запискам» Шаховского, стр. 262 – 263.

²⁵⁶ - 31 мая 1742 года.

²⁵⁷ - П. С. 3. т. XI, №8,559.

²⁵⁸ - Канцелярия обер-прокурора св. Синода. Дело 1742 года. №8, стр. 7. Записки Шаховского. Прилож. Стр. 264 – 265, IV.

²⁵⁹ - Записки Шаховского. Прилож. Стр. 263 – 264, III.

²⁶⁰ - Там же, стр. 265, V.

²⁶¹ - Там же, стр. 267, VIII.

²⁶² - Там же, стр. 271 – 272, XVI.

²⁶³ - Там же, стр. 269 – 270, XII.

²⁶⁴ - 29 марта 1742 года.

²⁶⁵ - Канцелярия обер-прокурора св. Синода. Дело 1742 года. №3.

²⁶⁶ - 27 августа 1741 года.

²⁶⁷ - Канцелярия обер-прокурора св. Синода. Дело 1742 года. №8, стр. 11. Записки Шаховского. Прилож., стр. 265–266, VI.

- 268 - 15 июля 1745 года.
- 269 - Записки кн. Шаховского. Прилож., стр. 209 – 210, №1.
- 270 - Там же.
- 271 - Там же.
- 272 - П. С. З. т. X, №7,558.
- 273 - 26 июля 1741 года.
- 274 - Барсов. синодальные учреждения прежнего времени, стр. 210.
- 275 - Там же, стр. 202, примечание, стр. 214 – 215.
- 276 - Записки кн. Шаховского, стр. 50.
- 277 - Там же, стр. 51.
- 278 - Там же.
- 279 - П. С. З. т. XII, №8,993.
- 280 - Записки кн. Шаховского, стр. 52.
- 281 - Там же, приложения, стр. 272 – 275, XVIII.
- 282 - Записки кн. Шаховского, стр. 53.
- 283 - Там же.
- 284 - Там же.
- 285 - Там же.
- 286 - Там же, стр. 54.
- 287 - «При логических и риторических к своей выгоде доказательствах, синодальные члены», замечает Шаховский в своих Записках (стр. 55), «крепко устремились, чтобы решение» (о получении жалования) «своими способными дорогами, через своих друзей у ее императорского величества с жалобами на меня, якобы несправедливо им препятствующего, в действо пользу свою произвести».
- 288 - Записки кн. Шаховского, стр. 56.
- 289 - «Хотя они (т. е. члены Синода)», пишет Шаховский (стр. 56), «чрез разные случаи получать то свое жалованье многократно домогались», но... «я всегда того наблюдая более ста тысяч рублей таких, кои бы без моего препятствия легко получить могли, в казне удержать усчастливился».
- 290 - Записки кн. Шаховского, стр. 57.

²⁹¹ - «Неинако заключал я», замечает Шаховский в своих Записках (стр. 57), «что то происходит по коварным препонам моих ненавистников, и я... довольно видел опытов, что первый тогда фаворит, граф Алексей Григорьевич Разумовский св. Синода членам особливо благосклонен был и неотрицательно по их домогательствам и прошениям всевозможные у ее величества предстательства и заступления употреблял».

²⁹² - Записки кн. Шаховского, стр. 58. Едва-ли в ссылке императрицы на свою забывчивость можно видеть указание на действительную и единственную причину продолжительного, фактического лишения обер-прокурора законного, заслуженного жалования; по крайней мере, «Записки Шаховского» позволяют догадываться, что здесь имели место не столько забывчивость Елизаветы, сколько внушения некоторых лиц, восстанавливавших ее против синодального обер-прокурора.

²⁹³ - Записки кн. Шаховского, стр. 60.

²⁹⁴ - Записки кн. Шаховского, стр. 62.

²⁹⁵ - Там же, стр. 56.

²⁹⁶ - Там же, стр. 66.

²⁹⁷ - Там же, стр. 67.

²⁹⁸ - Там же.

²⁹⁹ - Там же, стр. 68.

³⁰⁰ - Канцелярия обер-прокурора св. Синода. Дело 1746 г. №79, стр.10. – Записки Шаховского, прилож. Стр. 294–295, XLVI.

³⁰¹ - Канцелярия обер-прокурора св. Синода. Дело 1746 г. №79.

³⁰² - Записки Шаховского, прилож. Стр. 308 – 309, LVIII.

³⁰³ - Соловьев. История России. Изд. 2-е. Кн. V. Стр. 704.

³⁰⁴ - П. С. П. и Р. т. I, №348 (321).

³⁰⁵ - Инквизиторы избирались из монашествующего духовенства.

³⁰⁶ - П. С. П. и Р. т. I, №348, стр. 403, п. 1.

³⁰⁷ - Там же, п. 2.

³⁰⁸ - Там же, п. п. 8 – 18.

³⁰⁹ - Нужно заметить, что, по-видимому, существуют и положительные данные, подтверждающие действительность узаконенного надзора обер-прокурорской власти за деятельностью инквизиторов. «Они», писал обер-прокурор прокурору монастырского приказа (П. С. П. и Р. т. I, №57.), «над приказным протоинквизитором и инквизиторами, в небытность мою, иметь команду во всем, а которые явятся подозрительны, вам, исследовав, писать ко мне». К сожалению, документ, заключающий в себе приведенную резолюцию обер-прокурора, очевидно, датирован неверно, так как помечен 1-м числом месяца апреля 1721 года, когда еще не существовало самой должности синодального обер-прокурора, что и побуждает некоторых исследователей приписывать цитированную резолюцию не синодальному, а сенатскому обер-прокурору. Но подобное предположение нисколько не уничтожает отмеченной хронологической несообразности, так как 1-го апреля 1721 года институт прокуратуры еще не был введен и в пр. Сенате. Остается предположить, что возбуждающий недоразумения документ, как заключающий в себе докладные пункты прокурора монастырского приказа, называвшегося «оком» синодального обер-прокурора, содержит в себе и резолюции, принадлежащие тому же обер-прокурору, только, по каким-то неизвестным причинам, ошибочно датирован 1721 годом и даже помещен в П. С. З., а равным образом и в П. С. П. и Р. по вед. пр. исп. ранее определения св. Синода об учреждении самого института инквизиторов.

³¹⁰ - П. С. П. и Р. т. I, №348, п. 4.

³¹¹ - Там же, т. V, №1,526.

³¹² - Там же, №1,937.

³¹³ - Следует заметить, что 3-й пункт известной нам обер-прокурорской инструкции, на котором Шаховский обосновывал свое предложение, касается отношений синодального обер-прокурора не к инквизиторам, а к прокурорам, об инквизиторах же или, вернее, о фискалах говорится в 4 и 7 пунктах инструкции. Нам уже приходилось отмечать такое же несоответствие между нумерацией печатной инструкции и ссылкой Болтина на один из пунктов обер-прокурорского наказа

и высказать более или менее вероятное предположение, способное объяснить происхождение подобного различия. По всей вероятности, и копия с обер-прокурорской инструкции, полученная Шаховским от сенатского генерал-прокурора, имела нумерацию пунктов, несколько отличную от той, какая существует в печатной инструкции. Если мы предположим, что 3-й 4-й пункты печатной инструкции были соединены вместе и составляли один пункт в инструкциях, находившихся в распоряжении Болтина и Шаховского, то устраним все недоразумения, возникающие при сличении инструкций, так как тогда Болтин, доказывая обязанность московской синодальной канцелярии быть «послушной» обер-прокурору, действительно должен был сослаться на 4-й пункт данной ему инструкции, а Шаховский, говоря о своих правах наблюдать за инквизиторами, должен был цитировать 3-й пункт обер-прокурорского наказа. Предполагать же, что Шаховский получил от генерал-прокурора Трубецкого наказ, отличный от известной нам обер-прокурорской инструкции, мы не имеем никакого права. Правда, в своем предложении Шаховский писал, что 3-м пунктом наказа ему предписывается наблюдать за всеми протоинквизиторами и инквизиторами, между тем как в печатной инструкции нет никаких и упоминаний об инквизиторах, но нужно заметить, что в данном случае Шаховский не сделал буквальной выдержки из своей инструкции, а нам уже известно, как следует понимать пункт обер-прокурорского наказа, трактующий о фискалах, которым в духовном ведомстве соответствовали инквизиторы.

³¹⁴ - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1745 г. №65, стр. 6–8. – Записки Шаховского, прилож., стр. 280 – 281, XXVIII.

³¹⁵ - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1747 г. №101. – Записки Шаховского, прилож., стр. 296 – 297, XLVIII.

³¹⁶ - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1747 г. №101.

³¹⁷ - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1745 г. №65, стр. 6. – Записки Шаховского, прилож., стр. 279 – 280, XXVII.

³¹⁸ - Архив св. Синода. Дело 1746 г. №121.

³¹⁹ - Там же, стр.31. Обер-прокурорское предложение напечатано в «Приложениях» к «Запискам Шаховского»,

стр.293, XLIII.

320 - Архив св. Синода. Дело 1746 г. №121, стр. 33.

321 - Там же, стр. 34 – 41.

322 - Там же, стр. 44.

323 - Там же, стр. 87 – 92.

324 - Записки Шаховского, прилож., стр. 293 – 294, XLIV.

325 - Соловьев. История России. Изд. 2-е, кн. V, стр. 264–265, 327, 400–401.

326 - Записки Шаховского, прилож., стр. 282 – 283, XXXI.

327 - Там же.

328 - Там же, стр. 295 – 296. XLVII.

329 - Там же, стр. 296.

330 - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1748 г. №107.

331 - 20 июня 1748 года.

332 - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1748 г. №107.

333 - Записки Шаховского, прилож., стр. 212 – 213, IV.

334 - Там же, стр. 303 – 305, LIV.

335 - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1749 г. №122, стр.

15.

336 - Записки Шаховского, прилож., стр. 304 – 305, LIV.

337 - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1748 г. №104.

338 - Там же.

339 - 27 февраля 1749 года (там же).

340 - Записки Шаховского, прилож., стр. 302 – 303, LIII.

341 - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1749 г. №131.

342 - Там же.

343 - Предложение Шаховского напечатано в «Приложениях» к его «Запискам», стр. 283 – 284, XXXII.

344 - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1748 г. №108.

345 - Заявление Синода было не совсем точное. «В 1726 году», писал Феофан Прокопович в своей «Записке о жаловании членам св. Синода», (Русский Архив. 1870 г., стр. 1,953–1,956.) «прислан был от Верховного Совета, под именем...

Императрицы Екатерины Алексеевны, указ, дабы синодальные

члены показали порознь и собственно всяк, что кто из мест своих к житию своему получает. И тогда мы все письменные о том подавали ведомости.»

³⁴⁶ - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1748 г. №108, стр. 4.

³⁴⁷ - Записки Шаховского, прилож., стр. 211 – 212, III.

³⁴⁸ - Там же, стр. 213 – 215, V.

³⁴⁹ - Канцелярия обер-прок. св. Син. Дело 1748 г. №108.

³⁵⁰ - Там же, стр. 8 – 9.

³⁵¹ - Там же, стр. 16.

³⁵² - Там же, стр. 17 – 18.

³⁵³ - Необходимо заметить, что Шаховский, являясь блюстителем законности, иногда даже приходил в столкновение с членами св. Синода и в тех случаях, когда интересы государства вполне совпадали с интересами высшего церковного учреждения, но какие-либо внешние, посторонние причины побуждали Синод действовать несогласно со своими собственными взглядами и желаниями. Мы имеем в виду образ действий синодального обер-прокурора в известном деле об афонском архимандрите Анатолии Мелесе. (Русский Архив. 1870 г., стр. 689–743.—Записки Шаховского, стр. 68–73). Появившийся в С.-Петербурге в 1751 году, афонский архимандрит своими незаконными поступками вызвал против себя сильное неудовольствие св. Синода и, привлеченный к допросу, был задержан в синодальной канцелярии до времени определения заслуженного им наказания. Между тем, существовавшие у Анатолия влиятельные покровители успели убедить императрицу в невинности арестованного монаха, и Елизавета, через своего духовника, «с великим гневом» приказала Синоду немедленно освободить архимандрита. Синодальные члены тотчас же распорядились исполнить приказание государыни, но обер-прокурор не позволил им привести в исполнение вынужденное распоряжение об освобождении правильно задержанного архимандрита, сославшись на то, что они обязаны «не только чрез других словесно объявляемые указы, но и точно письменно, за

собственноручным ее величества подписанием, с не принадлежащей стороны, под видом справедливости в питомство пристрастий обманно исходатайствованные не прежде, как о настоящих по тому сомнительствах с ее величеством изъяснясь, в действо производить». Правда, под влиянием настоятельных просьб синодальных членов, сильно боявшихся навлечь на себя гнев императрицы за неисполнение ее приказаний, Шаховский освободил арестованного Анатолия, но при этом обязал его подпиской непременно исполнить все требования, предъявленные к нему св. Синодом, и, при первом же представившемся случае, успел убедить государыню в действительной виновности архимандрита и безусловной законности вполне заслуженного им наказания.

³⁵⁴ - П. С. З. т. XIII, №10,028.

³⁵⁵ - Там же, №№ 9,591, 10,050, 10,150 и др. Канцелярия обер-прокурора св. Син. Дело 1748 г. №108 и др.

³⁵⁶ - Записки Шаховского, стр. 56.

³⁵⁷ - Там же, стр. 215 – 216, VI.

³⁵⁸ - Архив св. Синода. Сенатск. веден. 1753 г. №164, стр.

25.

³⁵⁹ - Записки Шаховского, стр. 73.

³⁶⁰ - Архив св. Синода. Дело 1754 г. (января. 12) №5.

³⁶¹ - Архив св. Синода. Дело 1754 г. №6, стр. 1.

³⁶² - Там же, стр. 7.

³⁶³ - Там же, стр. 8.

³⁶⁴ - Там же, стр. 10 – 27.

³⁶⁵ - П. С. З. т. XIV, №10,216.

³⁶⁶ - Архив канцелярии об.-пр. св. Синода. Дела секретные, №143.

³⁶⁷ - Там же, № 10,355.

³⁶⁸ - Там же, № 10,588.

³⁶⁹ - Там же, № 10,614.

³⁷⁰ - Нужно заметить, что распространение незаконного обычая венчать несовершеннолетних мальчиков на взрослых девицах, во многих местах, обуславливалось зависимостью

духовенства от своих влиятельных прихожан. Соловьев.

История России. Изд. 2-е, кн. V, стр. 616.

371 - П. С. З. т. XIV, №10,676.

372 - Архив св. Синода. Дело 1757 г. (17 марта) №3, стр. 1.

373 - Там же, стр. 2 – 11.

374 - Там же, стр. 1.

375 - Там же, стр. 17 – 21.

376 - Архив св. Синода. Дело 1757 г. №3, стр. 23 – 24.

377 - Архив св. Синода. Дело 1758 г. (12 янв.) №2, стр. 2 – 3.

378 - Там же, стр. 7.

379 - П. С. П. т. XV, №10,988.

380 - Там же, стр. 375 – 376.

381 - Там же, №10,923.

382 - Соловьев. История России. Изд. 2-е, кн. V, т. XXVI, стр. 1,180.

383 - Канцелярия обер-прокурора св. Син. Дело 1760 г. №437, стр. 1.

384 - П. С. З. т. XV, №№10,935 и 11,332.

385 - П. С. З. т. XI, №8,480.

386 - Соловьев. История России. Изд. 2-е, кн. V, стр. 169.

387 - А. Васильчиков. Семейство Разумовских. Т. I, стр. 19.

388 - Там же, стр. 20.

389 - Там же, стр. 39.

390 - Русская Старина. 1872 г. Т. VI, стр. 567 – 568. Данный указ не вошел в Полное Собрание Законов, так как Синод, воспользовавшись смертью Петра III и открытым осуждением всех его действий со стороны Екатерининского правительства, не только не исполнил императорское распоряжение «сей указ для всенародного известия напечатать и к настольным указам присовокупить», но и нашел возможным уничтожить самые следы неприятного правительственного постановления.

391 - «О недвижимых имуществвах духовенства в России». Чтения в импер. общ. и др. росс. 1861 г., стр. 523.

392 - П. С. З. т. XIV, №10,765.

- 393 - П. С. З. т. XV, №11,481.
394 - П. С. З. т. XIV, №11,643.
395 - П. С. З. т. XVI, №11,716.
396 - Там же, п. 14, стр. 123.
397 - Сборник р. ист. общ. Т. X, стр. 37.
398 - Чтения в импер. общ. ист. и др. росс. 1862 г., кн. 2, стр. 187 – 188.
399 - История Екатерины II. Том II, стр. 247.
400 - Там же, стр. 248.
401 - Архив св. Синода. Дело 1763 г. (июня 18) №15.
402 - Сочинения Фонвизина. Изд. Ефремова. 1866 г., стр. 537. – Записки А. Т. Болотова, т. IV, стр. 542. – Соловьев. История России. Изд. 2, кн. 6, стр. 257.
403 - Архив св. Синода. Дело 1763 г. (июня 18) №15. – Дело 1764 г. (сен. 6) №7.
404 - Архив св. Синода. Дело 1763 г. (авг. 19) №16, стр. 1. – Сборник р. ист. общ. Т. VII, стр. 316.
405 - Архив св. Синода. Дело 1763 г. №16, стр. 2 – 3. – Сборник р. ист. общ. Т. VII, стр. 317 – 318.
406 - Архив св. Синода. Дело 1764 г. (январ. 29) №6.
407 - Русский Архив. 1870 г., стр. 750, II.
408 - Там же, стр. 751 – 752, III.
409 - Там же, стр. 757 – 758, III.
410 - Там же, стр. 758 – 759, VI.
411 - Там же, стр. 763, VII.
412 - Там же, стр. 745 – 750, I.
413 - Соловьев. История России. Изд. 2-е, кн. 6, стр. 257 – 258.
414 - Русский Архив. 1870 г., стр. 766, IX.
415 - П. С. З. т. XVI, №12,060.
416 - Соловьев. История России. Изд. 2-е, кн. 6, стр. 301.
417 - П. С. З. т. XVI, №11,746.
418 - Там же , №12,279.
419 - Там же, т. XVII, №12,789.

- 420 - Русский Архив. 1870 г., стр. 752 – 757.
- 421 - Чтения в импер. общ. ист. и др. росс. 1871 г. кн. 3, отд. V, стр. 114.
- 422 - Там же, стр. 115 – 121.
- 423 - Там же, пункт 1.
- 424 - Там же, п. 2.
- 425 - Там же, п. 3.
- 426 - Там же, п. 4.
- 427 - Там же, п. 5.
- 428 - Там же, п. 6.
- 429 - Там же, п. 7.
- 430 - Там же, п. 8.
- 431 - Там же, п. 9.
- 432 - Там же, п. 10.
- 433 - Там же, п. 11.
- 434 - Там же, п. 12.
- 435 - Там же, п. 14.
- 436 - Там же, п. 15.
- 437 - Там же, п. 17.
- 438 - Там же, п. 18.
- 439 - Христианское Чтение. 1876 г. ч. 2. «Наказ и пункты депутату от св. Синода в Екатерин. Комиссию о сочин. проекта нов. Уложения». Стр. 227.
- 440 - Наказ синодальному депутату в первый раз появился в печати на страницах Христианского Чтения (1876 г. ч. 2, стр. 241 – 265), затем он снова был опубликован в Сборнике р. ист. общества (Т. 43, стр. 42 – 62).
- 441 - Христианское Чтение. 1876 г. ч. 2, стр. 227.
- 442 - Чтения в импер. общ. ист. и др. росс. 1871 г. кн. III, отд. V, стр. 114.
- 443 - См. мою статью: «Отношение современников и истории к Наказу и Большой Комиссии Екатерины II». Наблюдатель, 1895., октябрь.
- 444 - Сборник импер. р. ист. общ. Т. 43, стр. II.

⁴⁴⁵ - Там же, стр. II – III.

⁴⁴⁶ - Архив св. Синода. Дело 1768 г. (окт. 28) №3. К сожалению, документы синодального архива не сообщают никаких сведений ни о причине увольнения Мелиссино, но об обстоятельствах, при каких произошла отставка либерального обер-прокурора.

⁴⁴⁷ - Архив св. Синода. Дело 1768 г. №3.

⁴⁴⁸ - Там же.

⁴⁴⁹ - Православный Собеседник 1875 г. ч. I. «Чтения...» проф. П. В. Знаменского, стр. 412 – 413. – Чтения в общ. люб. д. просв. 1874 г. «Отношение госуд. Власти к церкви и дух... в царст. Екатерины II».

⁴⁵⁰ - Сочинения Фонвизина. Изд. 1866 г. стр. 550.

⁴⁵¹ - «Не подражайте Чебышеву», говорил обер-прокурору Яковлеву, по словам его Записок (Русский Вестник. 1868 г., т. 74 стр. 468 – 469), епископ ярославский Павел, «мы проклинаяем его».

⁴⁵² - Сушков. Записки о жизни... Филарета, митрополита Московского, стр. 223.

⁴⁵³ - Русский Архив. 1870 г. стр. 736 – 738.

⁴⁵⁴ - Там же, стр. 767, X.

⁴⁵⁵ - Там же, стр. 739 – 743. Интересно, в данном случае, сопоставить отношение Чебышева к Делу Анатолия Мелеса с совершенно противоположным отношением к тому же самому делу обер-прокурора Шаховского. Последний, как известно, (см. 208 – 209 стр.) несмотря на строгое приказание императрицы немедленно освободить законно арестованного архимандрита, не позволил св. Синоду привести в исполнение вынужденное постановление об освобождении правильно задержанного Анатолия и и даже успел убедить государыню в безусловной законности вполне заслуженного им наказания. Чебышев же, хотя по своему официальному положению также обязан был «накрепко» смотреть за точным исполнением законов в церковном управлении, «дабы Синод свою должность... по Регламентам и указам отправлял», но в своих отношениях к делу Анатолия Мелеса руководился единственным

побуждением – исполнить волю императрицы и, как кажется, мало интересовался тем, что вынужденное исполнение подобного желания заставит Синод несколько уклониться от обязанности всегда руководиться и своей деятельностью строго определенными церковными законами.

⁴⁵⁶ - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. Дело 1772 г. (апр. 2), №545.

⁴⁵⁷ - Чебышев, первоначально назначенный в св. Синод исправляющим должность обер-прокурора, 17 февраля 1770 года был утвержден в должности синодального обер-прокурора «за прилежное и рачительное исполнение» своих служебных обязанностей. Архив св. Синода. Дело 1770 г. (мар. 5) 4, стр. №1.

⁴⁵⁸ - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. Дело 1772 г. №545, стр. 1 – 2.

⁴⁵⁹ - Там же, стр. 3.

⁴⁶⁰ - Там же, стр. 4.

⁴⁶¹ - Архив св. Синода. Дело 1771 г. (30 нояб.) №122. 5 томов с приложениями.

⁴⁶² - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. Дело 1772 г. (22 июня) №546, стр. 1 – 3.

⁴⁶³ - Православный Собеседник 1875 г. т. 3-й, стр. 405 – 406.

⁴⁶⁴ - Русская Старина. 1871 г., т. III.

⁴⁶⁵ - Там же, стр. 151.

⁴⁶⁶ - Там же, стр. 5– 7.

⁴⁶⁷ - Там же, стр. 9.

⁴⁶⁸ - Там же, стр. 15.

⁴⁶⁹ - Там же, стр. 25.

⁴⁷⁰ - П. С. 3. т. XIX, №13,639.

⁴⁷¹ - Архив св. Синода. Дело 1774 г. (мая 4) №5, стр.1.

⁴⁷² - Там же, стр. 7 – 8.

⁴⁷³ - Там же, стр. 11.

⁴⁷⁴ - Там же, стр. 13.

⁴⁷⁵ - Архив св. Синода. Дело 1774 г. (мая 13) №6.

- 476 - Архив св. Синода. Дело 1775 г. (авг. 4) №1.
- 477 - Русский Вестник. 1868 г., т. LXXIV, стр. 468 – 469.
- 478 - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. Дело 1781 г. (2 июня) №617.
- 479 - Там же.
- 480 - П. С. З. т. XX, №14,773.
- 481 - Русский Архив. 1870 г. стр. 767.
- 482 - Там же, стр. 768.
- 483 - П. С. З. т. XX, №14,366.
- 484 - Там же, т. XXII, №16,173.
- 485 - П. С. З. т. XX, №14,468.
- 486 - Там же, т. XXII, №16,352.
- 487 - Архив св. Синода. Дело 1781 г. (января. 11) №476, стр. 1.
- 488 - Архив св. Синода. Дело 1781 г. №476.
- 489 - По словам московского митрополита Филарета (Сушков. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московского, стр. 223), когда открылась растрата казенных денег, Чебышев с отчаяния кинулся в воду... да вспыл и, обсушась, побрел по членам Синода с повинной.
- 490 - Русский Вестник. 1868 г. т. LXXVI. «Из прошлого», стр. 471.
- 491 - Там же, стр.469.
- 492 - Архив св. Синода. Сенатск. веден. 1786 г. №280, стр. 59.
- 493 - Там же.
- 494 - П. С. З. т. XXIII, №16,752.
- 495 - П. С. З. т. XXIII, №16,752.
- 496 - Там же, №17,096.
- 497 - Там же.
- 498 - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. Дело 1788 г. (сентяб. 29) №953.
- 499 - Правосл. Обзор. 1869 г. кн. V. Письма Платона, стр. 16.
- 500 - Там же и кн. VI, стр. 17.

- 501 - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. Дело 1788 г. №953.
- 502 - Архив св. Синода. Дело 1790 г. (июль 8) №2.
- 503 - Архив св. Синода. Дело 1791 г. (июль 31) №1.
- 504 - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. Дело №1,195.
- 505 - Там же, №1,329.
- 506 - Там же, №1,195. «В канцелярии св. Синода, также в архиве и типографии», писал обыкновенно в своих рапортах синодальный экзекутор, «состояло все благополучно, господа секретари и прочие канцелярские служители при должностях своих, а унтер-офицеры, солдаты и сторожа в содержании караулов и прочего находились исправно».
- 507 - Канцелярия обер-прокур. св. Синода. №1,195.
- 508 - Там же, №1,381.
- 509 - Архив св. Синода. Копии с Высочайших указов 1787 – 1793 гг., стр. 168, №23.
- 510 - Там же. Копии Высоч. указов 1794 – 1797 гг., стр. 19, №28.
- 511 - Архив св. Синода. Копии с Высочайших указов 1787 – 1793 гг., стр. 138.
- 512 - Там же.
- 513 - Там же. Копии с Выс. Указ. 1794 – 1797 гг., стр. 18, №27.
- 514 - Архив св. Синода. Копии с Высочайших указов 1794 – 1797 гг., стр. 61 – 62, №23.
- 515 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №1,585.
- 516 - Архив св. Синода. Дело 1791 г. (25 мар.) №99, стр. 1 – 4.
- 517 - Там же, стр. 5 – 10.
- 518 - Архив св. Синода. Дело 1797 г. (апр. 24) №610, стр. 1.
- 519 - Там же, стр. 3.
- 520 - Там же, стр. 3 – 4.
- 521 - Там же, стр. 30 – 34.
- 522 - Там же, стр. 60 – 65.

- 523 - Архив св. Синода. См. «Копии с Высочайших указов» за время царствования Павла.
- 524 - П. С. З. т. XXIV, №17,960.
- 525 - Архив св. Синода. Копии Высоч. указов 1794 – 1797 гг., стр. 112.
- 526 - Там же, стр. 113.
- 527 - Там же, стр. 114 и др. Копии Высоч. указов 1898 г., стр. 49 – 51, 86 – 89, 91 – 92 и др.
- 528 - Архив св. Синода. Дело 1797 г. (июль 17) №158, стр. 2 – 3.
- 529 - Там же, стр. 1.
- 530 - Там же, стр. 5.
- 531 - Там же, стр. 7 – 8.
- 532 - Там же, стр. 9 – 18.
- 533 - Там же, стр. 29 – 30.
- 534 - Там же, стр. 33.
- 535 - Там же, стр. 92 – 93.
- 536 - Там же, стр. 91.
- 537 - Архив св. Синода. Дело 1800 г. №119, стр. 4 – 14.
- 538 - Там же, №392.
- 539 - Архив св. Синода. Дело 1800 г. №480.
- 540 - Архив св. Синода. Сенатские ведения 1797 г., стр. 486.
- 541 - Там же.
- 542 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №1,605, стр. 1.
- 543 - Там же, стр. 2.
- 544 - Там же, стр. 3.
- 545 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №1,629, стр. 1.
- 546 - Там же, стр. 2 – 338.
- 547 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №1,625, стр. 1.
- 548 - Там же, стр. 104 – 105, 13.
- 549 - Там же, стр. 172, 6.
- 550 - Там же, стр. 100, 5.
- 551 - Там же, стр. 404 – 405, 3.

⁵⁵² - 20 февраля 1798 года обер-прокурор предложил св. Синоду обратить должное внимание на довольно частые самовольные отлучки священно-церковно-служителей, являвшихся в Петербург, без всякого письменного вида, с жалобами на своих епархиальных архиереев. Желая положить конец таким незаконным отлучкам духовных лиц из своих епархий, Хованский и находил уместным сделать соответствующее предписание всем епархиальным преосвященным. Св. Синод, далеко неблагоприятно относившийся к жалобам духовенства на свое начальство, сочувственно принял обер-прокурорское предложение и постановил предписать всем епархиальным архиереям объявить духовенству, чтобы священно-церковно-служители, не отлучаясь самовольно в Петербург для подачи различных жалоб и прошений, обязательно брали бы от местных преосвященных паспорта для подобных поездок или же, в случае невозможности запастись законным паспортом, посылали бы свои жалобы по почте, угрожая, в противном случае, поступать с ослушниками состоявшегося распоряжения, как с беглыми, и отсылать их в военную службу (П. С. З. т. XXV, №18,391).

⁵⁵³ - Канцелярия об.-прок. св. Син. №1,625, стр. 180,7.

⁵⁵⁴ - Там же, стр. 242 – 243.

⁵⁵⁵ - Там же, стр. 253, 1.

⁵⁵⁶ - Русский Вестник. 1868 г., т. 74, стр. 461.

⁵⁵⁷ - Там же.

⁵⁵⁸ - «Амвросий с сидевшими тогда в Синоде Павлом Ярославским и Иринеем Псковским», читаем в «Записках» Яковлева (стр. 461) «не смели открыто восстать против кн. Хованского, но написали записку, окольными путями дошедшую до Кутайсова, а через него до государя. В ней говорилось, что кн. Хованский стесняет духовное управление, и что от него православию угрожает большая опасность. Нашлись люди, раздувшие искру, брошенную интригой». К сожалению, за отсутствием документальных данных о ближайших причинах, вызвавших освобождение св. Синода от неудобного обер-

прокурора, мы можем говорить об увольнении Хованского исключительно только на основании «Записок» Яковлева, сообщающих очень неопределенные сведения о содержании жалобы синодальных членов и, нужно заметить, не всегда свободных от небеспристрастного отношения к описываемым им лицам.

- 559 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №4,661, стр. 20 и др.
- 560 - Там же, стр. 12, 15, 17, 21, 22 и др.
- 561 - Там же, стр. 5 и др.
- 562 - Там же, стр. 9, 14, 17 – 22 и др.
- 563 - Там же, стр. 6 – 8, 10 –13, 15 – 16 и др.
- 564 - Там же, стр. 25 – 26, 30 – 35.
- 565 - Архив св. Синода. Дело 1799 г. (июнь 5) №4.
- 566 - Архив св. Синода. Дело 1799 г. (июнь 8) №6, стр. 1.
- 567 - Там же, стр. 4.
- 568 - Там же, стр. 5.
- 569 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №1,937.
- 570 - Русский Вестник. 1868 г., т. 74, стр. 465.
- 571 - Архив св. Синода. Копии Высоч. Повелен. за 1801 и 1802 гг.
- 572 - Архив св. Синода. Дело 1802 г. №1,021.
- 573 - Там же.
- 574 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №1,785.
- 575 - Там же, №5,661.
- 576 - Архив св. Синода. Дело 1802 г. №197, стр. 1.
- 577 - Там же, стр. 13.
- 578 - Архив св. Синода. Дело 1802 г. №387, стр. 71.
- 579 - Архив св. Синода. Дело 1801 г. №253, стр. 1.
- 580 - Там же, стр. 15.
- 581 - Архив св. Синода. Дело 1802 г. №107, стр. 1.
- 582 - Там же, стр. 25.
- 583 - Там же, стр. 24.
- 584 - Архив св. Синода. Дело 1801 г. №945.
- 585 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. №30.

- 586 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. №18.
- 587 - П. С. З. т. XXVI, №19,979.
- 588 - Богданочич. История царствования Александра I. Т. I, прилож., стр. 38 – 91.
- 589 - Там же, стр. 38.
- 590 - Русский Архив. 1871 г., стр. 1408.
- 591 - Сборник рус. историч. общ. Т. III, стр. 35, п. п. 2 и 3.
- 592 - Извлечения из заседаний неофиц. комитета, стр. 73.
- 593 - См. цитированную статью Русского Вестника за 1868 г. Т. 74, стр. 438 – 513.
- 594 - Чистович. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине XIX столетия.
- 595 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. №79, стр. 58.
- 596 - Русский Вестник. 1868 г., т. 74, стр. 468.
- 597 - Там же, стр. 468–469. –Хотя император, после получения докладной записки Яковлева, и прислал золотой ключ обер-прокурору, который говорил синодальным членам, что он «всегда будет принадлежать своему государю и всегда, во всех делах, будет охранять его интересы», но, когда новопожалованный камергер явился во дворец для принесения благодарности, Александр, улыбаясь, сказал ему: «потихе, потихе!»
- 598 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. №79, стр. 91.
- 599 - Там же, стр. 58.
- 600 - Русский Вестник. 1868 г., т. 74, стр. 469 – 470.
- 601 - Там же, стр. 475. – Чистович. Руководящие деятели..., стр. 15 – 16.
- 602 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 470 – 471. – Чистович. Руководящие деят..., стр. 8 – 9.
- 603 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №2,409, стр. 1.
- 604 - Там же, стр. 2.
- 605 - Там же, стр. 4.
- 606 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 471. – Чистович. Руководящие деят..., стр. 8.

- 607 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. (окт. 2) №638, стр. 2 – 5.
- 608 - Там же, стр. 6 – 7.
- 609 - Там же, стр. 9 – 12.
- 610 - Там же, стр. 13 – 14.
- 611 - Там же, стр. 1.
- 612 - Там же, стр. 27, 29.
- 613 - Там же, стр. 25 – 26, 28.
- 614 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 472.
- 615 - П. С. 3. т. XXVII, №20,608, п. 7.
- 616 - «Губернским правлениям», читаем в указе т 4 февраля 1803 года, «дается право определять в секретарские... должности, как собственно к себе, так и в подчиненные места. Сие распространяется и на все присутственные места в государстве». Там же.
- 617 - Православное Обозрение. 1869 г. сент., стр. 61.
- 618 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. №79, стр. 74.
- 619 - Православное Обозрение. 1869 г. сент., стр. 62.
- 620 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №2,385.
- 621 - Чистович. Руководящие деят..., стр. 9 – 10.
- 622 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 472.
- 623 - Чистович. Руководящие деят..., стр. 7.
- 624 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 474.
- 625 - Там же.
- 626 - Там же, стр. 471.
- 627 - Русская Старина. 1884 г., т. XLI, стр. 125.
- 628 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. №686.
- 629 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 477.
- 630 - Архив св. Синода. Дело 1803 г. (окт. 23) №695.
- 631 - Русская Старина. 1884 г., т. 41. Рассказы Голицына... стр. 126 – 129.
- 632 - Там же, стр. 126.
- 633 - Там же.
- 634 - Там же, стр. 125 – 126.

- 635 - Там же, стр. 127.
- 636 - Там же, стр. 128.
- 637 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 477.
- 638 - Русская Старина. 1884 г., т. 41, стр. 129.
- 639 - Русский Вестник, 1868 г., т. 74, стр. 478.
- 640 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №5,663, стр. 90 – 91.
- 641 - Там же, стр. 87 – 88.
- 642 - Там же, стр. 89.
- 643 - Архив св. Синода. Дело 1802 г. №859, стр. 29 – 31.
- 644 - Архив св. Синода. Дело 1804 г. №974.
- 645 - Архив св. Синода. Дело 1806 г. №264, стр. 11 – 13.
- 646 - Архив св. Синода. Дело 1806 г. №113.
- 647 - Архив св. Синода. Дело 1811 г. №66.
- 648 - Архив св. Синода. Копии Высоч. Указ. 1808 – 1810 гг., стр. 134 – 135, №78.
- 649 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №5,048/г.
- 650 - Архив св. Синода. Дело 1814 г. №28, стр. 1 – 2.
- 651 - Архив св. Синода. Дело 1814 г. №28; 1815 г. №114 и др.
- 652 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №4,903/б.
- 653 - Там же, №4,903/г, стр. 1.
- 654 - Там же, стр. 2.
- 655 - Там же, стр. 3.
- 656 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №5,050/а, стр. 1.
- 657 - Там же, стр. 2 – 3.
- 658 - Там же, 4 и след. стр.
- 659 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №4,916/в, стр. 1.
- 660 - Там же, стр. 2.
- 661 - Канцелярия об.-прок. св. Син. 1814 г. (3 янв.) №156.
- 662 - Архив св. Синода. Дело 1810 г. №979.
- 663 - Считаем излишним приводить здесь самые факты вызова государем, по докладам Голицына, различных епархиальных архиереев для присутствия в св. Синоде, а также и аналогичные случаи удаления в епархии некоторых

синодальных членов, так как в литературе уже были отмечены подобные факты. (Барсов. Св. Синод в его прошлом, стр. 320 – 326).

- 664 - П. С. З. т. XXVII, №20,406.
- 665 - Русский Вестник. 1868 г., т. 74, стр. 485.
- 666 - Там же, стр. 486.
- 667 - Архив св. Синода. Дело 1806 г. №670, стр. 1.
- 668 - Там же, стр. 45.
- 669 - Там же, стр. 46.
- 670 - Там же, стр. 65.
- 671 - Там же, стр. 66.
- 672 - Там же, стр. 67.
- 673 - Русский вестник. 1868 г., т. 74, стр. 489.
- 674 - П. С. З. т. XXX, №23,122.
- 675 - Чистович. Комиссия Духовных Училищ. Руководящие деятели дух. просвещения в России... .
- 676 - Там же, стр. 22 – 172.
- 677 - Градовский. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры, стр. 208.
- 678 - П. С. З. т. XXVII, №20,406.
- 679 - Там же, статья III.
- 680 - Архив св. Синода. Дело 1817 г. №1,096.
- 681 - П. С. З. т. XXXIV, №27,106.
- 682 - Проф. Знаменский. Чтения из истории р. церкви за время царст. Александра I, стр. 3.
- 683 - П. С. З. т. XXXIV, №27,106.
- 684 - Там же, ч. I, гл. I, §1.
- 685 - Там же, §9.
- 686 - Там же, §10.
- 687 - Там же, ч. II, отд. I, §112.
- 688 - Там же, §121.
- 689 - Там же, §113.
- 690 - Там же, §115.

- 691 - Там же, §116.
- 692 - Там же, §117.
- 693 - Там же, §118.
- 694 - Там же, §119.
- 695 - Там же, стр. 816, §10.
- 696 - Архив св. Синода. Дело 1817 г. №1,092.
- 697 - Там же. Дело 1817 г. №1,096.
- 698 - Там же. Дело 1817 г. №1,092.
- 699 - Там же. Дело 1818 г. № 59.
- 700 - П. С. З. т. XXXIV, №27,106, часть II, гл. I и III.
- 701 - Там же, §111 и 159.
- 702 - Там же, §§158, 162, 163 и 164.
- 703 - Там же, §165.
- 704 - Там же, §161.
- 705 - Там же, §113.
- 706 - Там же, §114 и 160.
- 707 - Там же, §115.
- 708 - Там же, §§116, 117 и 119.
- 709 - Там же, §118.
- 710 - Архив св. Синода. Дело 1818 г. №163, стр. 1.
- 711 - Там же, стр. 2.
- 712 - Там же, стр. 8.
- 713 - Там же, стр. 9.
- 714 - Там же, стр. 10.
- 715 - Там же, стр. 11.
- 716 - Там же, стр. 17.
- 717 - Там же, стр. 22.
- 718 - Там же, стр. 41.
- 719 - Архив св. Синода. Дело 1818 г. №523, стр. 2 – 3.
- 720 - Курсив наш.
- 721 - Архив св. Синода. Дело 1818 г. №523, стр. 1.
- 722 - Архив св. Синода. Дело 1819 г. №348, стр. 1.

⁷²³ - Там же, стр. 17 и след. – Архив Государственного Совета. Т. IV, ч. II, стр. 937 – 940.

⁷²⁴ - Архив св. Синода. Дело 1819 г. №654.

⁷²⁵ - Архив св. Синода. Дело 1818 г. №503, – П. С. З. т. XXXV, №27,418.

⁷²⁶ - Архив св. Синода. Дело 1820 г. №524.

⁷²⁷ - Архив св. Синода. Дело 1820 г. №672.

⁷²⁸ - См. цитированное соч. Чистовича. Стр. 153 – 238.

⁷²⁹ - Архив св. Синода. Дело 1824 г. №466.

⁷³⁰ - П. С. З. т. XXXIX, №29,914.

⁷³¹ - Там же, №29,914, стр. 491.

⁷³² - Там же, стр. 492.

⁷³³ - П. С. З. т. XXXIV, №27,106, §9 и 10.

⁷³⁴ - Архив св. Синода. Дело 1824 г. №660.

⁷³⁵ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. «Высочайшие указы и повеления», 1822, 1824 – 1826 гг.

⁷³⁶ - Канцелярия об.-прок. св. Син. Дело 1827 г. (16 авг.) №1, стр. 3.

⁷³⁷ - Там же, стр. 17.

⁷³⁸ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. «Высочайшие указы и повеления», 1829 г. Доклад Мещерского от 26 янв. 1829 г.

⁷³⁹ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. «Высочайшие указы и повеления», 1829 г. Доклад об.-прок. от 10 дек. 1827 г.

⁷⁴⁰ - Курсив наш.

⁷⁴¹ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. «Высочайшие указы и повеления», 1829 г. Доклад Мещерского от 20 апр. 1829 г.

⁷⁴² - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. «Высочайшие указы и повеления», 1827 г. Доклад об.-прок. от 13 апр. 1829 г.

⁷⁴³ - Там же. Донесение митроп. Серафима от 20 дек. 1827 г.

⁷⁴⁴ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. «Высочайшие указы и повеления», 1828 г.

- 745 - Там же. Высоч. повеления 1830 г., стр. 198 – 200.
- 746 - Там же.
- 747 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №13,382. Архив канцелярии об.-прок. св. Син. Высоч. повел. 1832 г., 2-я полов., стр. 1,090 и 1,188.
- 748 - Архив св. Синода. Дело 1833 г. №330.
- 749 - Архив св. Синода. Дело 1833 г. №329.
- 750 - Канцелярия об.-прок. св. Син. №13,382. Архив канцел... Высоч. повел. 1832 г., 2-я полов., стр. 1090 и 1188 и др.
- 751 - Переписка Филарета митр. московского с С. Д. Нечаевым, стр. 1 – 110.
- 752 - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. Высоч. повел. 1833 г., 1-я полов., стр. 237 – 238.
- 753 - Там же.
- 754 - Там же, стр. 489 – 491.
- 755 - Там же.
- 756 - Там же. Высоч. повел. 1833 г., 2-я полов., стр. 177 – 179.
- 757 - Там же, стр. 542 – 546.
- 758 - Там же.
- 759 - Архив св. Синода. Дело 1833 г. №998, стр. 2.
- 760 - 2-е П. С. 3. т. VIII, отд. I, №6,657.
- 761 - Там же, №6,681.
- 762 - Архив св. Синода. Дело 1833 г. №998, стр. 24.
- 763 - Архив св. Синода. Дело 1835 г. №451.
- 764 - Там же.
- 765 - Переписка Филарета митр. московского с Нечаевым, стр. 189.
- 766 - Курсив наш.
- 767 - Переписка Филарета митр. московского с Нечаевым, стр. 196.
- 768 - Там же.
- 769 - Там же, стр. 192.
- 770 - 2-е П. С. 3. т. VIII, отделен. I, №6681, §37.

⁷⁷¹ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. Высоч. повел. 1836 г., 1-я полов., стр. 3 – 5.

⁷⁷² - Там же. Высоч. повел. 1833 г., 1-я полов., стр. 433 – 447.

⁷⁷³ - Там же. Высоч. повел. 1835 г., 1-я полов., стр. 9 – 14.

⁷⁷⁴ - Там же.

⁷⁷⁵ - Там же, стр. 64 – 67.

⁷⁷⁶ - Странник. 1882 г., кн. IX, стр. 73 – 88. 1883 г., кн. 1 – 3.

⁷⁷⁷ - Там же. 1882 г., кн IX, стр. 77.

⁷⁷⁸ - Там же, стр. 78.

⁷⁷⁹ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. Высоч. повел. 1833 г., 1-я полов., стр. 267 – 268.

⁷⁸⁰ - Там же. Высоч. повел. 1834 г., 1-я полов., стр. 263 – 266.

⁷⁸¹ - Странник. 1882 г., кн. IX, стр. 78.

⁷⁸² - 28 марта 1834 года Государственная канцелярия уведомила Нечаева о состоявшемся величайшем повелении, чтобы синодальный обер-прокурор, по делам духовного ведомства, был приглашаем для объяснений в департаменты Государственного Совета, а 13 апреля того же года Комитет министров сообщил Нечаеву о новом высочайшем повелении, чтобы обер-прокурор св. Синода, по делам духовного ведомства, был приглашаем для объяснений и в Комитет министров. (Канцелярия об.-прок. св. Син. №17,924, стр. 1 и 3).

⁷⁸³ - Архив канцелярии об.-прок. св. Син. Высоч. повел. 1835 г., 1-я полов., стр. 153 – 162.

⁷⁸⁴ - Там же.

⁷⁸⁵ - Странник. 1882 г., кн. IX, стр. 79.

⁷⁸⁶ - Архив св. Синода. Дело 1836 г. №692. – Канцелярия об.-прок. св. Син. №21,676.

⁷⁸⁷ - Письма митр. моск. Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 37.

⁷⁸⁸ - Странник. 1882 г., кн. IX, стр. 79 – 81.

⁷⁸⁹ - Архив св. Синода. Дело 1836 г. №744.

⁷⁹⁰ - Время назначения гр. Пратасова обер-прокурором св. Синода у Чистовича («Руковод. деят...» стр. 315 и 330) и Барсова («св. Синод...» стр. 351) ошибочно определяется 25 числом месяца июля 1836 года.

⁷⁹¹ - Канцелярия об.-пр. св. Син. №6,118. Хотя в некоторых официальных документах фамилия преемника Нечаева и писалась иногда через букву «о» (Протасов), но сам синодальный обер-прокурор всегда и везде подписывался: «Пратасов».

⁷⁹² - Архив св. Синода. Дело 1836 г. №692. – Канцелярия об.-прок. св. Син. №21,676.

⁷⁹³ - Письма митр. моск. Филарета к А. Н. М... .

⁷⁹⁴ - Канцелярия об.-прок. св. Син. №6,105, стр. 3.

⁷⁹⁵ - Там же, стр. 8.

⁷⁹⁶ - Там же, стр. 9.

⁷⁹⁷ - Там же, стр. 13.

⁷⁹⁸ - Архив канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1836 г., 2-я пол. стр. 495–500. Считаю уместным заметить, что цитируемый доклад Пратасова был уже почти буквально, с самыми незначительными изменениями в орфографии, опубликован в печати. (Барсов. Св. Синод в его прошлом, стр. 351–354).

⁷⁹⁹ - Архив канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1836 г., 2-я пол. Стр. 579 – 582.

⁸⁰⁰ - Там же.

⁸⁰¹ - Там же, стр. 624 – 635.

⁸⁰² - Извлечение из отчета об.-прок. св. Синода за 1837 г., стр. 97.

⁸⁰³ - Архив канц. об.-пр. св. Син. Высоч. повел. 1836 г., 2-я пол. Стр. 607 – 608.

⁸⁰⁴ - Архив канц. об.-пр. св. Син. Всеподанейшие доклады об.-прок. за 1839 г. №27. Цитируемый доклад был напечатан в соч. Чистовича «Руковод. деятели"... , стр. 329 – 334.

⁸⁰⁵ - 2-е П. С. З. т. XII, отделен. I, №9,825.

⁸⁰⁶ - Там же, №9,873.

807 - Архив канц. об.-пр. св. Син. Всеподанейшие доклады об-прок. за 1839 г. №27.

808 - Присоединение контроля отделения духовных дел православного исповедания к хозяйственному комитету при св. Синоде последовало 20 января 1838 года. 2-е П. С. 3. т. XIII, отделен. I, №10,912.

809 - Архив канц. об.-пр. св. Син. Всеподанейшие доклады об-прок. за 1839 г. №27.

810 - Там же. Всеподдан. докл. За 1839 г. №38.

811 - Там же, №223.

812 - Странник. 1882 г., кн. IX, стр. 81.

813 - Там же, стр. 82.

814 - Там же, стр. 83.

815 - Там же.

816 - Исторический Вестник. 1882 г. кн. XI, стр. 373 – 409.

817 - Там же, стр. 398.

818 - Там же, стр. 399.

819 - Там же, стр. 400.

820 - Чистович. Руководящие деятели... , стр. 321 –322.

821 - Там же, стр. 338 – 339.

822 - Архив канц. об.-пр. св. Син. Всеподанейшие доклады об-прок. за 1839 г. №28.

823 - Там же.

824 - Там же.

825 - Архив канц. об.-пр. св. Син. Дела секретные, №8.

826 - Устав Духовн. Училищ 1814 г. §122-й.

827 - Архив канц. об.-пр. св. Син. Дела секретные, №8.

828 - Русский Архив. 1878 г., ч. III, стр. 522.

829 - Там же, стр. 524.

830 - Там же, стр. 8.

831 - Имеем в виду известные «пункты» обер-прокурора Мелиссино.

832 - Указ императрицы Елизаветы от 8 октября 1755 года.